

Наталья Руней

ДЫХАНИЕ

ОСЕНЬ

Annotation

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что ей не стоит перебивать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подругами и выходить замуж за первого встречного миллионера...

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что не стоит перебивать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подругами и выходить замуж за первого встречного миллионера.

Ну и пожалуй, не стоит приезжать в большой город, надеясь, что его бездонная пасть не позарится на твой суповой набор. В расход идут и толстые, и просто пухлые и непозволительно тощие самонадеянные глупышки вроде меня. Аппетит у монстра-мегаполиса огромный, вкус непритязательный, а звук, с которым он выплевывает блюдо, переваренное механическим брюхом — раскатистый. До глубинки, в которую не тянет возвращаться, точно волна дойдет, а потом носи за плечами не только торбу с разрушенными надеждами, но и плащ из пересудов, хвост из сплетен и вуаль из домыслов.

Малопривлекательное зрелище, особенно, если плащ постоянно удлиняется, хвост растет, вуаль густеет, а ты "делаешь лицо" и целуешь смачно на глазах у провинциальной толпы охранника своего мужа-миллионера. Почти бывшего мужа, но даже после грядущего раздела имущества, все еще миллионера. Будь моя воля, я бы оставила его только в оранжевых трусах-боксерах, на улице, в мороз. Как он меня. Ну почти. Я более жалостлива. Мой муж убил в моем чреве ни в чем неповинного ребенка, вырвал у меня клочок волос, пока тащил по бесконечным коридорам своего особняка и бросил за воротами, голой, абсолютно, истекающей и харкающей кровью.

Он желал моей смерти, а я снова не оправдала его надежд. И мой красивый, непозволительно богатый муж смирился и пошел на мировую. Он смирился. А я? Печалька, но я очень мстительна. Провинциальный комплекс, пожалуй.

Боюсь, что снова не оправдаю его надежд.

И даже если проиграю ему, что ж...

Один раз я уже умирала под дождливое дыхание осени.

Он смотрит на меня тоскливо, как приبلудный пес, и я, повинувшись инстинктам, прикасаюсь к его лицу. Однодневная щетина приятно колет мою ладонь, и я машинально думаю, какие ощущения возникнут, когда его лицо окажется между моих ног. Приятно? Не очень? Щекотно? Или никак?

С Макаром мы любовники два или три месяца, — надо уточнить у него, — а нормального секса еще не было. Был его секс со мной, спящей. Были мои оргазмы с ним, во сне. А как будет в сознании, с моего согласия, по моей инициативе? Я не знаю и немного трушу, что не рискну. Он не догадывается о моих терзаниях и не знает, подпущу ли к себе вообще?

Но это случится.

Сегодня.

Возможно, прямо сейчас.

— Как тебе? — словно почувствовав, Макар делает шаг в сторону. — Это на первое время, потом найду что-нибудь лучше.

Шанс отступить: удерживать силой не станет, по крайней мере, пока я не сплю. Но я не привыкла пятиться, и бегло осмотрев зал с королевским диваном по центру, снова перевожу взгляд на Макара, снова рукой прикасаюсь к его щеке. Он вздрагивает, а я откровенно дрожу.

— Лучше не надо, — отмахиваюсь. — Пока сойдет, а после куплю себе дом.

Прячет взгляд. Да, он знает, в моем доме его не будет. Пока он мне нужен, моим планам, амбициям, моей мести и моему телу, но это пока.

— Голодна?

— Нет, еще не проснулась.

— Чай?

— Нет, не чай.

— Кофе?

— Да, хочу.

Усмешка в зеленых глазах. Макар уходит на кухню, а я смотрю из окна на пустынный в такую рань город, вижу в стекле бледное отражение, и не верю, что это я. Жива. Строю планы, как переспать с мужчиной, вместо того, чтобы лежать по тихому в могиле, гнить, разлагаться, как хотел этого муж. Представляю, как его перекосило, когда узнал, что я выкарабкалась, и как безутешно выли бомондовские сводни, подсылающие к нему в постель своих заграничных дочек. Скольких успел отыметь, пока я валялась в реанимации практически в статусе трупа?

Мой первый любовник.

Но, как оказалось, не лучший.

— Идешь? — Голос Макара и запах кофе манят на кухню.

Не люблю красный цвет, режет глаза, но здесь мне почему-то уютно: шкафчики, холодильник, барная стойка, выдвижной маленький стол матово-однотонны. Макар смотрится хозяином, я — его гостьей, возможно, потому, что я бледная, а он в тон? Красный свитер под горло, черные брюки, глаза с лопнувшими сосудами. Нелегко ему было разрываться между мной и работой, но сегодня у него выходной; у меня — целый день вне

больничных стен.

Праздник.

— Шампанское есть? — поддаюсь порыву.

Чашка с кофе стынет под взглядом Макара, я растягиваю губы в улыбке. Мойка. Два шага к холодильнику, два бокала, всплеск... Ощущение, будто в иллюзорном мире, а вокруг киносъёмка. В главной роли я? Или он? И когда кульминационная сцена?

— За тебя, — предлагает тост.

— За нас, — поправляю и сбиваю его растерянность: — Нам многое предстоит сделать вместе.

Его бокал отправляется в мойку, следом за чашкой, нетронутым.

— Не связывайся с ним, он тебе не по силам.

Не связываться с ним? Поздно. Раньше, если бы кто-то предупредил меня раньше, до свадьбы, а лучше до того, как я познакомилась с Яром...

Почти полгода прошло, а такое ощущение, что вчера, и я стою перед ним и его приятелем, усмехаюсь нагло от избытка вкусных коктейлей, и предлагаю:

— Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба?

В голове приятно шумит от выпитого, негромкой клубной музыки, адреналина и цепкого взгляда темных глаз. В кабинке бара такие высокие спинки, что посетителям не видно ни меня, ни тех, что заключили пари. Собственно, о пари никто, кроме меня и подруги не знает. Мы просто оказались за соседним столиком, у меня просто хороший слух, а эти двое мужчин просто ожесточенно спорили. Один из них считал, что мало шансов встретить девственницу старше шестнадцати, почти нереально, если ей восемнадцать и не бывает таких, которым бы перевалило за двадцать. Тем более, если девушка с высшим образованием, потому что институт — кузница шлюх.

Второй, посмеиваясь, сказал, что если бы встретил такую, что и не малолетка, и с высшим образованием, и девственница — невзирая на внешность найденыша, затащил ее в загс.

— Не верю, что ты согласишься жениться, — усомнился первый, и я, слыша их диалог, мысленно согласилась.

— Почему нет? Другой вопрос, что таких не бывает.

— Ну да, а если бы...

— Хоть сейчас.

— И тебя не заденет, что ей нужны только твои деньги?

— Тебе тоже нужны мои деньги, и что? С тобой я даже не сплю.

Лариса слышала мой смешок и теперь от нее невозможно отвертеться. Пересказываю мужской разговор, она сбегает под предлогом проветриться в дамской комнате. Дефилирует, осматривается у барной стойки, возвращается с бесплатными коктейлями лично от бармена и новостями.

— Тот, что спиной к тебе, очень хорош. Светлые волосы, глаз не видно — только что выразительные. Не фронт, но такой весь из себя... при деньгах, в общем. Второй темноволосый, худой, намного красивей. Какой из них хотел на девственнице жениться? Он?

Ее глаза недовольно сужаются, имитируя ревность, и я едва сдерживаю смех. Я придумываю сказки и записываю в тетрадь, Лариса придумывает и живет ими в реальности.

— Тот, что спиной ко мне, — успокаиваю ее взбунтовавшие чувства.

— Фух, — она принимается за коктейль. Допивает, еще раз прохаживается в дамскую комнату, возвращается с таким загадочным видом, что в пору спастись. — А знаешь...

Жаль оставлять коктейль, но лучше сбежать до того, как Лариса втянет меня в очередную авантюру. Она мастер по неприятностям, а у меня еще гудят ноги от кросса на каблуках по бульжной мостовой и в ушах до сих пор звон разбитой витрины и ментовских сирен. Вчера был внезапный протест против буржуев, потому что приличному человеку никогда не собрать на такую шубу, а что будет сегодня, мне знать не хочется.

— Нет, постой! Это же шедеврально! — Лариса хватает меня за руку. — Злата, только представь! Ты! Замужем! За богачом!

Представляю. Не впечатляет.

— И ты в шубе! — тянет с восхищением подруга, ее глаза загораются, будто она уже видит меня в мехах, и как я по-царски сбрасываю их и передариваю ей. Впечатляет еще меньше.

— Пока.

Лариса догоняет меня почти у выхода.

— Злата! — трясет за плечи, по глазам вижу, не верит, что ухожу. — Тебе что, совсем наплевать на деньги?! Такой шанс, дуура! Два мужика навеселе, всерьез поспорили, такие словами на ветер не бросаются, раз сказал, что женится, значит, женится, а ты...

— Предложи им себя!

— А что я предложу им вместо твоей девственности?!

Она почти кричит мне в ухо, но я счастлива, что если и оглохну, то в одиночестве. Не хотелось бы разделить эту участь с другими посетителями бара. Что они подумают, узнав, что я девственница? Правильно, что со мной что-то не так. Лариса не отвяжется, а мне надоело торчать у всех на виду, в дверях. Кажется, все прислушиваются к маленькой тайне, которую громко шепчет подруга.

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты перестала быть душой! — Отпускает мою руку, кивает в сторону, где сидят те двое. — Спорим, что это не развод? Ты ведь не веришь, да? Спорим, что они говорили всерьез?

— Да, не верю, но какой мне смысл спорить?

— А главный приз — свадьба с богачом тебя не прельщает? Ах, да, ты же не веришь... Хорошо. Если все это развод, и они дадут тебе от ворот поворот, ты три месяца не платишь за квартиру. Ну как?

Серьезная экономия и весомый аргумент. Квартплата съедает большую часть заработка, несмотря на то, что Лариса берет с меня по-Божески. За три месяца я могла бы собрать на пальто, но вслух этого не говорю, не хочется в очередной раз услышать, что я дура, и думаю о пальто, когда могу выти замуж и ходить в шубе.

— Думаешь, я не подойду?

— Думаю, что ты провинциальная и закомплексованная клуша.

— Как и ты! — вспыхиваю и под насмешливым взглядом подруги марширую к столику двух разболтавшихся незнакомцев. Злюсь на них, на себя, на бамбуковые заросли, за которыми их не видно. А если это правда, и один из них согласится на мне жениться?

Спотыкаюсь, чудом не падаю, слышу смешок Ларисы, — идет следом, — но не оглядываюсь. Три месяца без квартплаты... Три месяца без квартплаты... Моя новая

мантра...

Мужчины при моем появлении замолкают. Перевожу взгляд на того, что с пшеничными волосами: хорош, черт! Волна жара, идущая от него, бьет по коленным чашечкам. Хватаюсь за стол, копирую Ларискину наглую улыбку и выдавливаю из пересохшего горла... хрип. Глоток из чужого бокала, решаюсь и, боясь, что взбунтуются коктейли и только что опробованный коньяк, выпаливаю на одном дыхании:

— Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба?

Лариса притихла за соседним столиком. Мужчины смотрят на меня как на сумасшедшую и молчат, а я повторяю мысленно свою мантру: три месяца без квартплаты, три месяца без квартплаты...

— Расцениваю как отказ, — облегченно улыбаюсь, машу разочарованной подруге рукой и иду к выходу. Июньский ночной ветер успокаивает разгоряченную кожу. Не верится, что я смогла устоять на ногах после бреда, который несла и после взгляда этого незнакомца.

Приваливаюсь к стенке бара, у входа.

Пшеничные волосы и темные глаза — как-то неправильно... Прикоснись он ко мне — я бы упала в обморок. И что говорить о свадьбе?

Смеюсь.

Хорошо, что он отказал мне. И вдруг слышу вкрадчивый мужской голос, совсем рядом, у левого уха:

— И куда так спешить? Мой врач и загсы не работают за полночь.

Нервная дрожь проходит, мне становится интересно, как далеко готов зайти незнакомец? Как далеко готова зайти я? Если не врет и согласен жениться, согласна ли я? Повернув голову, встречаюсь с ним взглядом, и тут же ускользаю прочь, к пшеничным волосам, которые при фонарном свете кажутся почти каштановыми, к расстегнутому вороту синей рубахи, к закатанным рукавам и длинным пальцам, которые медленно тянутся к моим локонам. Накручивают спиралью, отпускают. Вспыхиваю, когда взгляды встречаются снова и радуюсь, что он не заметит моего смущения.

Его пальцы исследуют мое лицо, спускаются к шее — мой пульс замирает и ускоряется в бешеной гонке. Губы его складываются в довольную улыбку, наверное, ему нравится то, что он видит. Не то, чтобы мне было важно, просто... почему-то приятно. Впервые мне хочется нравиться мужчине, впервые мне его хочется.

Удержать, взять, отдаться...

Не внешность, вернее, не только внешность притягивает, как магнитом. Есть что-то магнетическое в нем самом. Пульсирующая сила, аура власти, богатства. Не деньги — нет, что мне с его денег? Он на меня их не тратит. А именно притяжение человека, который их себе подчиняет. Я раньше не встречала таких — в глубинке, где я выросла, таких не бывает. А, может, он один такой. Я не знаю. Не хочу знать. Он здесь, рядом, прикасается ко мне, и я тоже к нему прикасаюсь.

Хочу...

Наваждение...

Исследую его лицо нервными пальцами, он ласкает ладонью мое. Его больше интересуют мои глаза, меня — его губы. Обвожу пальцем по контуру, неожиданно проскальзываю в жаркую влажность и льну к нему, отодвигаюсь от прохладных камней стенки.

Улыбка незнакомца становится шире, одно быстрое движение и я снова чувствую за спиной прохладу, а перед собой жар. Мой палец отпускают на волю, а губы берут в плен, и я подаюсь вперед, делая выбор в сторону жара. Руки самовольно запутываются в пшеничных волосах, дыхание сбивается, иногда вырываясь с предательским стоном. Я хочу его. Здесь. Сейчас. Все равно...

Но он отстраняется. Смотрит дико, будто хочет того же, что я, или... ударить. Не понимаю его, а хочу не меньше, чем секунду назад. Но не могу просить, не могу унижаться. Дыхание восстанавливается, мысли и взор, несмотря на коктейли, избавляются от мутного наваждения. Моя рука соскальзывает с его плеча — свободен, иди, не держу тебя.

— Решил проверить на совместимость? — услышав голос за спиной незнакомца, понимаю, почему он оборвал поцелуй. Отворачиваюсь, чтобы его приятель не видел моих глаз, губ; хочу сбежать, но сильные руки прижимают к себе.

— Это уже не твое дело.

— Ну да, конечно, но по ходу, тебе досталась горячая цыпочка на ночь благодаря мне.

Рука незнакомца поглаживает мою напряженную спину, и я притворяюсь, что словесный укус не жалит. К тому же, я хочу эту ночь с ним.

— Тебе пора, — тон моего незнакомца невозмутим.

— Намек ясен, пока!

— Отвези ее подругу, куда она попросит.

— А... она?

Обжигающий взгляд, многозначительная улыбка.

— Ее отвезу я.

— Да, шеф! — шутливо бросает второй незнакомец, слышу его шаги, слышу голос Ларисы, их дружный смех, звук отъезжающей со стоянки машины. Лариса на каблуках, хорошо, что ее подвезут — почему-то думаю о пустяках, о подруге, а не о том, что осталась один на один с незнакомцем и чем закончится эта ночь. Я ужасно боюсь: того, что случится и того, что мужчина, которого я хочу, скажет, что шутка окончена.

Он берет меня за руку и ведет к вишневой машине. Дверь со стороны водителя открывается, крепко сложенный молодой человек поспешно распахивает дверь для задних сидений. В салоне пахнет сандаловым деревом и грейпфрутом — мой любимый аромат, делаю глубокий вдох, еще один и смущенно смотрю на мужчину рядом. Склоняю к нему голову, вдох... Краснею, как школьница, так и есть — это его запах.

Широкая ладонь не позволяет мне отклониться, и я покорно прижимаюсь лицом к синей рубашке, и дышу, дышу, не могу надышаться. Повернув чуть голову, замечаю случайный взгляд водителя — он видит, как я липну к его хозяину, наверняка, видел, как липла к нему у бара, и стыд заливаает щеки. Я еду с мужчиной, имени которого не знаю, к нему домой — но не уверена точно; зато я и все остальные четко знают, зачем.

— Тебе холодно?

Он убирает руку, но я все равно не поднимаю голову, так и сижу, уткнувшись носом ему в грудь.

— Нет, — говорю, — наоборот.

— Макар, в машине жарко.

— Да, шеф.

Наверное, он понизил температуру кондиционера — или как там это называется в иномарках? — и я едва сдерживаю смешок. Мне жарко не потому, что лето, не из-за

температуры в машине, мне жарко из-за... из-за... эм...

— Как тебя зовут?

— Я думал, ты спросишь после свадьбы.

Он не улыбается, но я вижу смешинки в его глазах. Все еще не могу определить их четкий цвет — не карие, не черные, похоже на синеву наступающей ночи. Впервые вижу такой оттенок — наверное, виной освещение.

— Ярослав.

— Яр, — произношу я, мне нравится его имя. Я думаю, он спросит мое, но он молчит. всматривается в мои глаза и молчит, а смешинки так и кружатся в наблюдающей ночи.

— Больше ничего обо мне не хочешь узнать?

— Что, например?

— Кто я? Чем занимаюсь? Сколько зарабатываю?

Он продолжает шутить насчет свадьбы, я притворяюсь, что верю, но одно дело строить из себя наивняк и другое — полную дурочку.

— На тебе брюки от Армани, рубашка Стефано Риччи, перстень с массивным камнем — черный бриллиант? Нет? В камнях и часах не разбираюсь, но камни в часах похожи на те, что в перстне. От тебя за версту несет богатством и властью. Логично предположить, что ты зарабатываешь достаточно.

— И логично предположить, что ты отметила все это до того, как сделала мне предложение.

В его словах нет вопроса, нет осуждения, я не обязана перед ним оправдываться, даже если и так. Чувствую, что лучше смолчать, но есть такой неизлечимый изъян, как язык без костей, поэтому я говорю в лоб.

— Увы, через бамбуковую стену кабинки в баре слышно великолепно, но видно отвратно. Да и во время поцелуя я видела все как в тумане. Но в машине ты близко, думаешь о своем, твои губы не одурманивают, а я, извини, не слепая.

Ехать куда-либо расхотелось. Вот так, несколько слов и притяжения как не бывало, врут, утверждая, что женщина любит ушами. Лучше, когда мужчина молчит, да и самой лучше помалкивать. Смотрю в окно на пробегающий наперегонки с фонарями асфальт, жду, когда Яр прикажет остановить машину.

Попросить высадить меня на ближайшей трамвайной остановке? Перебьется, да и трамваи уже, наверное, не ходят.

Подсчитываю мысленно, сколько у меня денег и подскакиваю с криком:

— Моя сумочка!

Игнорируя все признаки близящейся истерики, Яр делает звонок по мобильному.

— Стас, где сумочка девушки?.. Не той, которую ты повез домой, — быстрый взгляд в мою сторону. — Да, той, что со мной... Понятно... — И уже мне: — Сумку взяла твоя подруга, все нормально.

Как сказать, я почему-то так не считаю. С сожалением смотрю, как проносимся мимо пустующей остановки трамвая. Попрошусь выйти из принципа — выйду, а вот дойду ли до дома? Туфли говорят "нет", гордость — "куда денешься?", я трусливо выбираю нейтралитет и говорю:

— Отвези меня домой, пожалуйста.

— Уверена?

— Да.

— Хорошо, — соглашается легко, отдает распоряжение водителю, но смотрит при этом как-то странно. Машина резко сворачивает вправо, я облегченно выдыхаю, благодарю себя за храбрость, закрываю глаза и... видимо, засыпаю.

На руках у Яра тепло, уютно, надежно, совсем не хочется просыпаться и уходить. Малодушно позволяю себе понежиться еще минутку и говорю, снова закрыв глаза:

— Второй этаж.

Тихий смешок. Не бросил, несет — странно. Прижимаюсь к нему — запах сандала с грейпфрутом. Почти мурлыча, вдыхаю, мне позволительна некая вольность, я почти сплю. Поворот, щелчок (парадное?), еще поворот, коридор. Шагов не слышно, но в ушах у меня начинает стучать. Какой поворот?! Какой коридор?! Где пролет и лестница?!

Открываю глаза и чувствую под спиной мягкий диван одновременно. Торшер вспыхивает от хлопка ладоней. Незнакомая комната, незнакомый дом, насмешливое лицо наблюдающего за моей реакцией мужчины с пшеничными волосами.

— Где я?

— Я хотел отвезти тебя в одну из своих квартир, но ты попросила домой. Помнишь?

Я хотела домой к себе, то есть, в квартиру Ларисы, в комнату, которую я у нее арендую....

— Ты не сказала адрес, а единственный дом, адрес которого я точно знаю — мой.

Логично, справедливо, вот только...

Какое-то время мы молча рассматриваем друг друга, но мой взгляд то и дело соскальзывает к его губам. Какая разница, в конце концов, что он не спросил мое имя? Его имя тоже сотрется из памяти, а ночь на двоих останется.

— Нет.

Качает головой, будто прочел мои мысли. Но мне все равно. Я хочу его, как никого другого, хочу узнать вкус не только манящих губ. Но только успеваю подняться и сделать шаг, слышу повторное:

— Нет.

Не веря, смотрю, как поворачивается спиной, идет к двери... На пороге останавливается.

— Тебе принесут постельное и во что переодеться.

Оборачивается. Я все еще надеюсь, что он останется.

— В доме есть слуги, охранники, — изучающий взгляд. — Моя комната на втором этаже, на первом, рядом с твоей — комната для охраны. Она никогда не пустует.

Не понимаю, зачем он мне это рассказывает, я не планирую взламывать сейф.

— Все охранники крепкого телосложения, повариха и горничные находят их привлекательными... Если захочешь уйти, они не станут тебя удерживать.

Понимаю его еще меньше, но киваю.

— Если ты не лгала насчет девственности... Словом, ты можешь уйти, охрана не станет тебя удерживать. Можешь избавиться от девственности за эту ночь и тебя не стану удерживать я. Или можешь лечь спать, а завтра, после осмотра моего врача, если твои слова подтвердятся, мы поженимся.

Он переступает порог.

— Увидимся? — вопрос, не уверен, что застанет, когда проснется.

Уходит, не оглядываясь. А я опускаюсь на ковер, у открытой двери, смотрю в пустой коридор, и думаю, чего я хочу больше? Догнать его, ударить, расплакаться или выйти за него

замуж?

Напротив останавливаются чьи-то ноги, в ступоре рассматриваю рыжие ботинки.

— Что с вами?

С неохотой перевожу взгляд от ботинок к лицу — тот самый водитель. Смотрит с сочувствием, в голосе тревога, но мне чудится, что он здесь по приказу Яра, чтобы лишить меня девственности. Подтягиваюсь и хлопаю дверь перед его носом. Быстро щелкаю замком, приваливаюсь к двери.

— У вас все хорошо? — не унимается.

Молчу, дрожу от страха и нервов и думаю, скорей бы рассвет, скорей бы начали ходить трамваи, чтобы сбежать в привычную безопасность. Но это все напускное, морок. Красной вспышкой пронзает явь: никуда не уйду без объятий и поцелуев Яра!

Прислушиваюсь — тихо за дверь. Выжидаю минуту, чтобы наверняка, открываю дверь и выскальзываю в коридор. Приглушенные голоса, шаги в штабе охраны. Как воришка крадусь мимо, потом озаряет: дом, наверняка, наштигован камерами! Останавливаюсь, выпрямляю спину, нос кверху. Прогуливаюсь, да, навверх, да, в комнату их хозяина. Видят — и что? Их это не касается!

Только если насчет меня оставлены четкие инструкции...

Жду, что выбегут, скрутят руки, крикнут: "Назад! Не велено!", как в боевиках, но никто не выходит, руки свободны, и ноги мои несут на второй этаж. Первая дверь? Вторая? Прохожу мимо, тянет почему-то к третьей. Мне кажется, я улавливаю нотки сандала.

Открываю дверь, взгляд упирается в мужскую спину на фоне окна в пол. Полумрак, как в средневековье вместо освещения канделябры и свечи. Прикрываю за собой дверь. Иду по ковровину белоснежного цвета.

Наверняка слышал, что кто-то вошел, слышал, но не оборачивается.

Молчит.

Делаю шаг к нему, второй, третий, утыкаюсь лицом в напряженную спину, вдыхаю так волнующий меня запах.

— Ты что-то хотела?

Сколько прошло времени в полном молчании? Час? Два? Или минута? Мне хорошо с ним, говорить совершенно не хочется, объяснять очевидное тянет еще меньше.

— Да, — говорю я, — хотела.

И снова молчим.

— Что? — наконец, спрашивает.

Мои руки лианами оплетают его торс, одна спускается вниз, вторая ползет к твердой груди. Он все еще ждет ответа? Или уже догадался? Я думаю, он знал его еще до моего прихода, а сейчас, как и в баре, играет.

А я джокер и делаю, что хочу, поэтому обхожу его, становлюсь напротив, смело встречаю предупреждение ночи и, потянув пальцами за пшеничные волосы, выдыхаю в губы:

— Тебя.

Поцелуй обрушивается тропическим штормом. Мысли подхватывает и уносит прочь ветер, тело бьет дрожь, на губах пирует огонь, а в душе разрывается дождь. Одна ночь... Второй у нас с ним не будет...

Все равно!

Без разницы!

Я возьму даже это!

Прижимаюсь телом к его, но мне мало. Жар... Расстегиваю пуговицы рубашки дрожащими пальцами, затуманенным взором смотрю в потемневшие страстью глаза. Хочет что-то сказать, но я закрываю рот поцелуем. Не сейчас, сожаления, если будут — позже, пусть позже, когда я уйду. Утром. А пока только ночь.

Моя ночь.

Руки Яра опускаются ниже моей талии, мнут, подхватывают. Наконец-то я ближе к нему: таю, как мороженое под солнечными лучами. Исчезаю...

Он удерживает меня левой рукой, пока снимает рубашку с запястья. Теперь правой. Прижимает спиной к стеклу, замирает, только дышит тяжело в шею, а я совсем задыхаюсь.

— Ты уверена?

— Да.

— Ты лгала насчет девственности?

— Нет.

— Скажи сейчас, все равно ведь узнаю.

— Да.

— Да, лгала? — переспрашивает и отрывает лицо от моей шеи.

— Да, хочу, — уточняю. — И да, я девственница.

Запутываюсь пальцами в его волосах, и больше не отпускаю. Губы, глаза, подбородок и скулы... целую ключицы, облизываю кадык. Чуть солоноватый грейпфрут, более насыщенный запах сандала...

Легкий укус зубами...

— Кошка, — усмехается Яр.

Мурлычу ему в ухо, ногтями легонько царапаю плечи, и мир летит вверх тормашками. Моя футболка ползет к шее, отлетает в сторону, под спиной теплый ворс ковролина. Прогибаюсь под жадными пальцами, тянусь за ними, когда ускользает, недовольно ворчу, когда заставляет лежать смирно.

Приказывает ждать. Жду. Приказывает молчать. Молчу, пока руки его не освобождают меня от джинсов, бюстгалтера, трусиков и пока губы его не начинают сладкую пытку. Приказывал молчать, но стон вырывается самовольно.

— Непослушная. — В наказание раскрывает мои ноги еще больше и стон мой смешивается с хрипом от нового поцелуя.

— Яр...

Не слышит.

— Яр, пожалуйста...

Тяну за пшеничные волосы, пытаюсь поднять его лицо.

— Не сейчас, я немного занят.

Приподнимаю бедра под натиском его рук, языка, и кричу, рассыпаясь на тысячи пазлов.

— Яр...

— Еще не все, — усмехается.

И повторяет танец языка с моей плотью.

Нет сил стонать, нет сил извиваться, нет сил чувствовать, но я снова вижу кружащие надо мной звезды, тянусь к ним, взлетаю и... падаю истощенной от стонов и чувственной вспышки.

— Не могу, — попытка перекатиться на бок, свернуться калачиком, уснуть.

— Можешь.

И снова я на спине, открыта перед жаждущим взглядом.

— Нет...

Улыбается, и я думаю машинально: вот кто из семейства кошачьих.

— Можешь, — располагается между моих бедер. — Все только начинается.

Начинается? А как же шквал, буря, космическая станция, что были до этого?

— Готова?

Качаю головой. Смех, от которого я улыбаюсь. Могу уйти, могу сказать нет. Могу, но не хочу этого делать. Уйти не поздно и завтра.

Киваю и тут же чувствую толчок внутрь себя и слышу негромкий крик. Свой крик. Больно так, что невольно сжимаюсь. Нет звезд, нет радужных вспышек, нет ничего прекрасного. Врали! Все, кто говорил, что секс в удовольствие — врали! Смотрю в лицо Яра — я хотела его, очень, но сейчас едва сдерживаюсь, чтобы не столкнуть. Мои пальцы отпускают его волосы, и теперь безвольно лежат вдоль приносящего боль тела, а я подсчитываю количество ударов и сколько еще до окончания. Хотелось бы меньше, слышала, кому-то достаточно дюжины фрикций, но Яр явно себя не жалеет.

— Не плачь.

Теплые пальцы ласкают мое лицо, в голосе сожаление, и я понимаю, что действительно плачу, и мне тоже жаль. Жаль, что даже с мужчиной, которого я так хотела, мне не понравилось. Сколько же? Сколько еще? Длинный толчок...

Замирает со стоном. Перекатывается на бок, прижимает меня к себе.

— Не плачь, — просит, стирая слезинки пальцем.

Киваю, и продолжаю отчаянно плакать. Чуть успокаиваюсь, уже не больно — так, несколько неприятно, саднит и все. Пережила, не сломалась.

— Все нормально, — успокаиваю, успокаиваюсь сама. И вдруг голову простреливает чудовищная мысль. Выворачиваюсь из объятий, чуть отодвигаюсь и... так и есть! Смотрю на темное пятно, впитавшееся ковролин цвета чистого снега. Красное на белом.

Красное...

Меня подташнивает, но я сдерживаюсь, чтобы не испачкать ковролин еще больше.

— Глупая, — ладонь Яра тянет меня обратно к себе. Так стыдно, что я с удовольствием прячу пылающее лицо на его груди. Прижимаюсь и замираю, чтобы не создавать новые пятна. А Яр, улыбаясь, ласково повторяет: — Глупая кошка.

Я расслабляюсь и закрываю глаза. Мурлычу под нежными прикосновениями или мне это снится. И вода, и необъятная ванна с пузырьками, щекочущими кожу, и махровое полотенце, впитывающее влагу, и кровать с шелковыми алыми простынями — тоже снятся.

И мужчина, что ложится рядом и гипнотизирует взглядом. Все сон. Мой сон. И мужчина мой. На одну ночь.

Устраиваю голову у него на груди и под мерное дыхание и поглаживание моей спины, во сне засыпаю.

С рассветом память услужливо подсовывает вчерашнюю бесстыдную сцену, и я в цветных картинках вижу себя, Яра, свет свечей и белый ворс с пятном крови. Не открывая глаз, знаю, что мой любовник лежит рядом, точнее, я рядом с ним, а еще точнее — у него под мышкой. Делаю глубокий вдох, удивительно, он не пахнет, разве что едва улавливаются нотки сандала. Раньше я думала, что после секса мужчина воняет как после долгой пробежки. Впрочем, раньше я думала, что секс приятен, а приятно мне было до того, как от ласк мы перешли непосредственно к делу.

Второй раз больно не будет, я знаю, и что не все женщины испытывают оргазм — знаю тоже. И что открыть глаза и встретиться взглядом с тем, кто был в тебе ночью, все равно придется — не сомневаюсь. Но тяну время. Стыд заливаает щеки.

Я думаю о втором разе?!

— Вспоминаешь прошлую ночь или строишь планы на следующую? — насмешливый голос Яра оплетает меня, как и его руки, нежностью.

Теперь я точно ни за что не открою глаза, буду лежать так весь день, если понадобится. А когда он выйдет из комнаты, сотру пятно с ковролина, позвоню Ларисе, чтобы заплатила за такси и сбегу.

— Скоро придет мой врач, — говорит Яр, и я наконец распахиваю глаза. Какой врач?! Девственности уже нет, и вообще...это же все розыгрыш, несерьезно, и я не хочу за него замуж.

Я выпаливаю все это на одном дыхании. Яр внимательно слушает и смеется. Его смех отзывается в моем теле дрожью предвкушения, и я невольно тянусь к его лицу, губам, груди. Осыпаю поцелуями. Моя рука сползает вниз, вдоль его тела, но Яр убирает ее.

— Позже, — обещает.

Пытаюсь обидеться — не могу, его улыбка топит все напускное.

— Яр, но зачем нужен врач? Не понимаю. Ведь я... — взгляд соскальзывает на белый ворс ковролина. Ничего нет. Ни пятнышка! — Яр...

Быстрый поцелуй, и я вижу его всего — поднимается с кровати, потягивается. Мой взгляд приклеивается к упругим ягодицам, а он оборачивается, улыбаясь, набрасывает на меня алое покрывало, и скрывается в смежной комнате. Слышу всплеск воды, наверное, там ванная. Наверное, сон, в котором меня купал Яр — не сон. Сердце сладко сжимается, я чувствую, как сомнения развеиваются, и я с новой силой хочу его. Хочу ощутить все, что он может мне дать, не только руки, язык...

Но я не уверена, как мне лучше вести себя. Уйти, как и собиралась, пока он в ванной? Попрошаться и уйти? Или... остаться, пока уйти не попросят?

А пока думаю, одеваюсь.

Джинсы слегка натирают чувствительную кожу, морщусь, но не в покрывале же мне сидеть? Ну это если я все-таки останусь... Да и если уйду, тоже ведь не в покрывале! Так что терплю, легкое жжение пройдет. Хорошо, что утром мы не устроили повторение, хотя и жаль: хотелось проверить, хотелось вновь ощутить тяжесть мужского тела.

Выйдя из ванной, Яр обнимает меня сзади за плечи и как вчера, утыкается лицом в шею. Сандал, грейпфрут.

Мужчина, с которым я провела ночь... Впитываю его, как губка, рукой тянусь вверх, к волосам. Интересно, какой их цвет при утреннем освещении? И какого цвета глаза? Оборачиваюсь, и тону в черно-синих облаках под пшеничными сводами. Шелк пропускаю сквозь пальцы, прижимаюсь щекой к темно-синей рубашке.

— Тебе идет этот цвет.

— Знаю, хотя больше люблю красный.

Мы какое-то время молчим, но разговор неизбежен. Яр по-прежнему не знает моего имени, ему это не интересно, но я не могу заставить себя опустить руки, отойти, что-то начать говорить. Не могу на него разозлиться. Кто я? Простая девчонка, которая сама влезла в его постель, можно сказать, подцепила его в баре. Кто он? Состоятельный человек, позволивший мне и себе развлечься.

Утро, адью этой сказке. Я — не Лариса, чтобы пытаться перетягивать ее в реальность.

— Я сделал звонок, — говорит Яр, — врач уже был у ворот моего дома, но пришлось возвращаться. Он очень расстроен.

— Ни дня без работы?

— Влюблен в мою повариху.

— А он в курсе, что она находит твоих охранников привлекательными? — не удерживаюсь от шпильки.

— Он поступил в медицинский с пятого раза. Он очень настойчив.

Яр улыбается, и я машинально улыбаюсь в его рубашку. Какой теперь толк в докторе, пусть даже настойчивом? Мою девственность он все равно не найдет.

— Можешь дать мне мобильный? Я хочу позвонить.

Он достает из заднего кармана телефон, я по памяти набираю Ларисин номер. Долго не берет трубку — соня, но вот, наконец, недовольный и хриплый ор:

— Да?!

— Это я, — торопливо выпаливаю. — Я возьму такси и сейчас выезжаю. Ты сможешь спуститься и выкупить меня? Деньги я отдам.

Телефон возвращается к своему хозяину.

— Лариса, — говорит Яр, не спуская с меня строгого взгляда, — она не приедет сегодня. Никуда выходить не нужно. Добрых снов.

— Я так и думала, — ворчит подруга. — Взаимно.

Взгляд Яра испепеляет, в нем столько намешано, что я не выдерживаю, прячу глаза. Насмотревшись на ковролин, начинаю осмотр комнаты: знакомая кровать поглощает практически все пространство, два торшера по бокам, замысловатая картина на противоположной стене, в углу несколько кремовых пуфиков. Преобладание кровати и красного безусловно.

Поднимаю глаза.

Яр молчит, скрестив на груди руки, словно отгораживаясь, но будто веревками удерживает меня.

— Почему ты сказал Ларисе, что я не приеду? — спрашиваю и вдогонку бросаю второй, не менее важный вопрос: — Откуда ты знаешь, как ее зовут?

Он даже моего имени не спросил, а здесь вдруг... Лариса. Неуютно и холодно в этом июне и в этом доме, и под этим внимательным взглядом... Похоже на ревность, но я не ревную; кто я, чтобы его ревновать? Одна из многих, и то, уходящая.

— Если забыла, ты сегодня выходишь замуж — это ответ на первый вопрос. И почему

ты думаешь, я не знаю, как зовут твою единственную подружку в этом городе, Злата?

А вот этот ответ на второй.

С минуту в шоке смотрю на Яра. Он знает мое имя! Приятное тепло разливается в теле щеки предательски розовеют. Он знает мое имя! Знает!

И тут до меня доходит его первый ответ...

Какая, прости Господи, свадьба?!

Говорю Яру, что все понимаю, пошутили вчера с друзьями — он и я, закончилось все шедеврально, но цирк не люблю с детства, потому что в детстве как раз таки в цирк хотелось, но в нашем городе его не было. Несколько минут вдруг рассказываю про цирк, про то, что люблю хищников, особенно без ума от тигров. Яр выживает незначительную информацию о моем детстве, и слушает так, будто для него это важно. Под его взглядом, под лаской ладони сбиваюсь, начинаю рассказ заново и одумываюсь: чего ради я посвящаю его в свое скудное детство?

Какая ему разница, что в нашем холодильнике никогда не было забитых продуктами полок, а частенько мы и вовсе его отключали за ненадобностью? И что в институт я ходила в одной паре джинсов, сезона зима-лето-осень-весна-все равно других не было, и что, поддавшись Ларискиным уговорам и подойдя к нему с предложением, я вовсе не рвалась замуж, а думала о пальто с мехом енота на вороте, который, скорее всего, не енот, а дворовая кошка.

В глазах Яра мелькает лукавое выражение. То ли удивлен, что из котов делают воротники, то ли намекает мне, что не против услышать, как я мурлычу ему. Смутившись, замолкаю. Запоздало мелькает мысль: что-то я разболталась. Сказала главное, что замуж не собираюсь — и иди себе, нет же, стою, чего-то жду, боюсь пропустить малейшие эмоции на лице моего любовника.

Мой любовник...

Он не расстроен из-за новости с пальто, хотя... с чего бы ему расстраиваться? Больше удивляет, что он не соскальзывает с крючка, как я ему предлагаю.

— Ты говоришь "нет", но твое тело говорит, чтобы я не слушал. — Улыбается заговорщически. — Сделаем так... У тебя есть время подумать, но учти, я не шучу такими вещами. Мне тридцать четыре, я свободен морально и финансово, не против семейных отношений, — подмигивает, — и мне импонирует, что я ни с кем не делил свою женщину.

От последних слов Яра жидким оловом растекаюсь у его ног, а взглядом облизываю лицо, уже без утренней щетины, скулы, темные глаза с пушистыми ресницами, светлые брови, виски с едва заметно пульсирующими венками и рот. Его рот, по которому успела соскучиться. Яр выше меня примерно на голову, и мысленно я поднимаюсь на цыпочки, чтобы запустить пальцы в его пышную шевелюру. Совершенство бардака — я бы так назвала его прическу, но уверена, каждая прядь только притворяется фривольной, а лежит четко по задумке хозяина. Как и защитного цвета брюки имитируют обычность оптового рынка, но цена их для смертных колеблется где-то между заоблачными и нереальными. И медово-желтая рубаша из последней коллекции Кензо, и ботинки горчишно-брезентового цвета... Все продумано, под контролем стиля и моды. И фигура его, наверняка, под контролем правильного питания и спортивного зала, и только глаза сейчас как два сорванца, искушают, искушаются.

Пока я грежу, Яр делает шаг, и его губы насмешливо шепчут мне в ухо:

— Ты можешь уйти, вся такая гордая и неприступная, и думать обо мне и сравнивать с

будущими любовниками. Можешь рискнуть и выйти за меня замуж, и мы попробуем. Не получится — ты получишь компенсацию после развода.

Морщусь. Думать о свадьбе с малознакомым мужчиной, пусть даже от которого сносит крышу — безумство. А думать о разводе еще до свадьбы — уже проигрыш в отношениях.

— А можешь остаться в моем доме, — продолжает Яр. — В качестве любовницы.

Притворяюсь, что слова меня не задели, но посматриваю на дверь.

— И я буду брать тебя, когда захочу, как захочу и сколько мне захочется.

Мое ухо плавится от его слов, перед глазами пелена, и дверь выглядит как-то размыто.

— Но при втором варианте я заставлю тебя бросить работу в агентстве.

Пелена отступает, но вместо того, чтобы сфокусироваться на двери, спрашиваю:

— А при первом?

— И при первом тоже. Ты все равно не любишь свою работу, а я не хочу, чтобы моя женщина делала то, что не хочет.

Выворачиваюсь из объятий, рядом с Яром совсем не могу думать связно. Мне хочется закрыть ему рот поцелуем, чтобы перестал соблазнять, точнее — чтобы наконец соблазнить его, и не разговорами, а более плотским занятием. Колкий взгляд внимательно за мной наблюдает, и только усилием воли не съезживаюсь. Минуту назад пронзающая насквозь нежность, а сейчас, кажется, ошибусь с ответом, и взгляд пронзит меня.

— Когда тебе нужен ответ?

Яр смотрит на часы.

— До прихода служащего загса час сорок, но я думал, ты захочешь выбрать себе платье. Это в том случае, если придерживаемся варианта номер один. — Усмехается. — Итак, что выбираешь? Меня? Или меня и деньги?

Могу притвориться недотепой, уйти или остаться, не выяснив отношений. Но так предпочитают делать мужчины. А мне сейчас страшно, душно, но такое ощущение, что за спиной растут крылья и я все смогу, даже выдержать этот странный разговор с Яром. И если решусь... нет, все еще в это не верю, и тяну время, собирая мечущиеся в лихорадке мысли.

— Если я правильно поняла, я в любом случае получаю тебя и деньги.

Яр взрывается смехом. Не тихим, как утром, а громким, раскатистым, довольным. Его руки собственнически тянутся ко мне.

— Видишь, как хорошо ты меня понимаешь.

Я не понимаю его. Совсем. Но больше всего не понимаю, зачем ему я. А он становится вдруг серьезным, приподнимает пальцами мой подбородок и спрашивает недоверчиво:

— Хочешь сказать, что переспала со мной просто так? Ни на что не рассчитывая? Не собираясь выйти, как я наобещал, замуж?

Застываю камнем в его руках.

Рассчитывала...

Наобещал...

Яр пытается удержать, но я отчаянно вырываюсь.

— Дурак! — смахиваю поспешные слезы: — Я переспала с тобой за пальто! Три месяца без квартплаты! Понял?!

Три месяца без квартплаты... Три месяца без квартплаты...

Но мантра не успокаивает, мечусь белкой по комнате, что-то ищу, что-то пытаюсь одеть. Откидываю в сторону мужской галстук, и к двери. Рывок — перехват, спиной прижимаюсь к сильному телу.

— Пусти! — изворачиваюсь ужом.

Молчит. Держит. Обжигает глубоким дыханием ухо.

— Пусти!

— Это неправильный выбор, Злата, и ты это знаешь.

Не хочу вступать в диалог, не хочу тайно радоваться, что удерживает, будто я для него что-то значу, не хочу ощущать дрожь от его запаха и прикосновений.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Немного успокаиваюсь, и Яр меня отпускает, но становится между мной и дверью. Руки скрещены, глаза излишне серьезны и такие темные, что в них практически не остается синего.

— Неужели ты думала, я пушу совсем незнакомого человека в дом?

— Навел справки?

— Какое странное определение, — усмехается. — Но да, наверное, можно и так сказать.

— До того, как мы переспали или после?

Его ухмылка трансформируется в притягательную улыбку, и я понять не могу, как все еще держусь, что-то спрашиваю, а не бросаюсь на него, как кот после валерьянки.

— В машине, пока ты спала.

Нет, я, конечно, понимаю, что деньги и все такое, но чтобы так быстро?!

— Твоя подруга очень словоохотлива.

Она болтлива — да, и знает меня с первого класса. И я знаю ее слишком хорошо, потому верю, сразу, и переборов легкую горечь, спрашиваю:

— И много ей заплатили?

— Тебе нечего стыдиться прошлого.

Нищее детство, учеба, школьные обиды, шуточки одноклассников над одеждой...

— Знаю, — задираю подбородок к потолку, но почему-то снова утыкаюсь в грудь Яра, и расслабляюсь в его руках. Так тихо в комнате, что я слышу, как отмеряют время его часы. Мне хорошо, уютно, и в крепких объятиях мелькает иллюзия, что я наконец дома, но потакая внутренним страхам, я снова спрашиваю:

— Зачем тебе я? Не верю, что вот так, с первого взгляда...

И слышу смех и искренние, но не те, что ждала, слова:

— Ты помнишь свое предложение?

Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба? — проносится в памяти.

— Вот мой ответ. Ты молода, с высшим образованием, действительно была девственницей, мне нравится, как ты сложена, и я далеко не мальчик, чтобы ждать что-то там с первого взгляда. Кроме интереса, естественно, который ты во мне вызвала.

Это мало похоже на признание, но я почему-то радуюсь.

— Так что? — снова его взгляд на часы.

И вдохнув запах сандала, сломя голову, падаю в пропасть:

— Мы все еще успеваем купить платье?

Но едва слова рассекают воздух, я испуганно замираю.

Замуж?

Я?

Через час?

Пусть даже в свадебном платье?!

Яр целует меня, в глазах — ликование, а я от дурных предчувствий едва не задыхаюсь.

Мне кажется, я сама плету себе паутину, в которой запутаюсь. Яр вызывает водителя, поручает меня ему и стилисту, что ждет у свадебного салона, а я не могу отлепить от ковролина пальцы ног.

— Все в порядке?

— Нет.

Взглядом отсылает водителя, но мне это не помогает. Не могу говорить связно, не могу двинуться с места — опускаюсь на корточки, обхватываю колени, взгляд упирается в присевшего напротив Яра.

— Боишься?

Киваю.

— Меня?

Качаю головой.

— А чего?

И я задумываюсь. Действительно, чего я боюсь? Почему перспектива выйти замуж за состоятельного мужчину меня пугает?

— Ты пьешь? — спрашиваю.

— Да, но я знаю меру.

— И сколько?

Прижимает меня к себе, молчит. Подсчитывает? Вспоминает? Нет, догадывается и просто гладит, как маленького котенка.

— Я тебя не обижу. Обещаю.

Поднимаю голову, всматриваюсь в темные глаза мужчины, чьи объятия так согревают, и думаю: а почему не попробовать? Штамп в паспорте — не решетка.

И вот, с перебежкой через ванную, где наспех привожу себя в порядок, я еду за платьем. В салоне их столько, что можно поселиться на несколько дней и не факт, что все перемеряешь, а у меня только час. Сейчас уже меньше, с учетом дороги. Светлана, стилист, уверяет, что мы все успеем, но я не очень-то верю. Она хорошенькая, светловолосая, уравновешенная, а у меня легкая паника и не нравится абсолютно все.

— Конечно, — соглашается она, — это нам не подходит.

И мы идем дальше, вдоль вешалок и манекенов. Консультанты не чирикают за спиной, не навязывают прошлогодние фасоны, и постепенно я успокаиваюсь. Создается ощущение, что мы только вдвоем, никуда не спешим, ничто нас не гонит.

Белое, белое, нежно-розовое, кремовое... Пышно, свободно, облегающее, броско...

И вдруг мой взгляд упирается в платье небесного цвета, на его лифе и подоле темно-синим переливаются причудливые цветы, которые кажутся волшебными, живыми...

— Примеришь? — предлагает Светлана.

Я и платье скрываемся в примерочной с зеркалами; оно выглядит просто в сравнении с другими, но оно совершенно. Смотрю на свое отражение, и не могу поверить, что это я. Откровенно люблюсь, мне нравится то, что я вижу. Но время торопит, слышу голос стилиста, она говорит, что у нас минут тридцать, и если я хочу примерить другое... и еще она должна сделать мне макияж, и еще обратная дорога, так что...

Выхожу из примерочной под ахи и вздохи сбившихся в стайку консультантов, но мой стилист не подвержена эмоциям, чеканит по-деловому:

— Голубой хорошо смотрится с твоими русыми волосами. Думаю, мы их просто распустим, они длинные и прямые, будто их утюгом вытягивали — будет смотреться стильно. Макияж в духе минимализма — блеск для губ, подводка, чуть пудры. Мм, хороший выбор.

Консультант приносит туфли в тон на невысоком каблуке, но пока примеряю, все думаю о платье. Выбор мой, и оно мне понравилось с первого взгляда, но где-то на подсознании мелькает мысль, а точно ли я его выбрала?

Очень смутная мысль.

Туфли не жмут, и я остаюсь в них, а босоножки кочуют в коробку Prado — такая роскошь вряд ли им снилась.

— Справились, — удовлетворенно улыбается Светлана.

Здесь же, в салоне, вдохновившись глотком кофе, она усаживает меня на мягкий пуф, просит закрыть глаза и минут пятнадцать колдует с кисточками, после чего зеркало показывает мне меня, но не просто меня, а знающую цену себе и не знающую счета деньгам, красавицу.

Мне кажется, мои глаза настолько выразительны, и серый цвет сейчас ближе к голубому, что уводит придиричивый взгляд от груди второго размера и выпирающих ключиц. Впрочем, Яр ничего не говорил о гостях, а его моя грудь и ключицы устраивали.

— Ну как? — интересуется стилист, складывая в толстую сумку принадлежности.

— Восхитительно! — говорю честно, и зарабатываю задумчивый взгляд.

— Да, — говорит она, выйдя из оторопи, — орхидеи на лифе как раз под цвет глаз Ярослава Владимировича.

Всего одна фраза, небрежная и не колкая, но снова мелькает мысль, что я никакого платья не выбрала, что все было продумано заранее, а я просто сыграла отведенную мне роль. Знать бы какую. Настроение улетучивается, и вот зеркало показывает не меня, а кого-то похожего, в голубом с синим платье, но с рассеянным взглядом и огорченной морщинкой между бровями. Больше нет и следа той, уверенной в себе и жизни, красавицы.

— Вы могли привезти платье в дом Ярослава Владимировича, — я стараюсь, чтобы в голосе не отразилось грусти или раздражения. — Не пришлось бы терять время на знакомство и пробки.

Стилист рассматривает меня, а я — ее пальцы. Обручальное кольцо есть, но в нашей реальности оно почти ничего не значит, а в ее реальности, успешно-багатых, значит, видимо, еще меньше.

С какой легкостью Яр согласился на свадьбу-фарс! Да еще уговаривал! Вот уж повезло посмеяться!

Благодарю ее в пышных выражениях, и пока она задумчиво меня рассматривает, а водитель расплачивается кредитной картой хозяина, выхожу на улицу.

Подышать...

Возвращаться в машину не хочется, но из этого района домой я дойду в лучшем случае утром; к тому же, я в туфлях, а не в любимых кроссовках.

Стилист вручает мне клатч с синей орхидеей из камней Сваровски. Не удивляясь, снова благодарю и прячусь от ее взгляда за тонированными стеклами авто.

— Вы можете отвезти меня домой? Ко мне домой? Пожалуйста, я не дойду пешком.

— Ярослав Владимирович четко дал понять, чтобы я привез вас обратно.

Машина вырывается на проезжую часть, удачно вклинивается в поток.

— А я четко даю понять, что обратно не собираюсь!

Улавливаю спокойный взгляд в зеркале, прежде чем черная перегородка отделяет меня от водителя. Щелчок — двери автоматически заперты, окна ползут вверх, а кондиционер набирает обороты. Но мне душно. Задыхаясь, дергаю ручку...

Мне дурно и страшно. В ушах шумит, а на платье падает первая капля крови...

Когда распаивается дверь с моей стороны, я чувствую поток свежего воздуха и потихоньку возвращаюсь к реальности. Слышу голоса — пока еще не отчетливо, ощущаю кружащее надо мной беспокойство, пытаюсь бойко улыбнуться, и не могу.

— Злата, — зовет мужской голос.

— Я выбрала платье, — говорю этому голосу и теперь у меня, кажется, получается ему улыбнуться. Не хочу, чтобы он злился, даже если не на меня: злость разрушительна. Встряхиваю головой, выныривая из омута прошлого — на платье, наверное, пролилось больше крови, но лучше так, лучше так, это все-таки настоящее...

Оглядываться не хочу. Бессвязные мысли складываются в логическую цепочку, и даже с закрытыми глазами и в полуобморочном состоянии я знаю: мужчина, чье раздражение плещется высокими волнами — Яр; человек, отхвативший удар по энергетике — водитель, а я уже не в машине, а на руках у своего любовника, в свадебном платье, украшенном орхидеями с каплями крови.

Яр замолкает, едва моя ладонь прикасается к его лицу, волны раздражения уходят вниз, нехотя отползая, притаились за темными омутами. Шаг — и сорвешься, шаг — и накроет тебя с головой, шаг — и никто не найдет больше. Сколько шагов уже сделала я? Ночь, утро, день — получается три. Я могла уйти, могла настоять на своем, и сейчас для меня уйти не поздно, но... Я теряюсь в нем, я не вижу себя без него, и мне страшно.

— Я не хотела возвращаться, — признаюсь.

— Я знаю, — говорит Яр, неся меня в дом.

Большой дом, огромный дом, с бесконечными коридорами. Мельком вижу незнакомых людей в гостиной. Раз, два... около десяти, среди брюк и костюмов замечаю два ярких платья.

— Наши гости?

Яр как-то странно смотрит на меня, но кивает. А я только сейчас замечаю, как он красив в темно-синем костюме, в белой рубашке, и как легко он меня несет. Мы проходим с ним дальше, то есть, Яр проходит, а я, получается, проношусь. Витая лестница с коваными перилами, второй этаж, комната, в которой я лишилась девственности. Мой страх отступает, а дыхание выравнивается, переходя из судорожного в глубокое. Яр опускает меня в кресло, заставляет выпить воды с лимоном.

— Как ты?

В его голосе действительно слышится забота.

Как замороженная, смотрю на костюм, поднимаю взгляд к вороту — хорошо, что без галстука, отмечаю, и поднимаюсь к шее, скулам, прикасаюсь мысленно к волосам и... Вдох, и Яр прикрывает глаза, вдох — и чувствую ментальную ласку. Темный взгляд начинает с моей головы, медленно переходит к бровям, на миг застывает на светлых ресницах и стрелой устремляется ниже.

Ниже!

Инстинктивно сдвигаю ноги, но мое тело предательски подается вперед. Не удерживаюсь от еще одного вздоха.

Как я?

На грани или даже за ней, нужен только толчок, а Яр словно не замечает моего состояния.

— Мы опаздываем? — Я хочу, чтобы он сказал "нет", чтобы внушил, что у нас куча времени для прогулок по грани. Сейчас. С ним. Сплетясь пальцами рук и ног.

— Меня волнует не то, что мы можем опаздывать. Будут ждать. Как ты?

Пылаю, горю, тону — все одновременно и сразу. Хочу и боюсь, что заметит. Наверное, у меня легкая форма зависимости, хотя странно: я ведь не влюблена.

— Лучше, — но мой голос глухой, чуть надрывной. — Кхм, спасибо, что беспокоишься, а мое платье...

— Ты можешь переодеться в свои джинсы и майку. Другого, прости, пока нет.

— Если я приведу его в норму, его можно вернуть в магазин?

Яр запрокидывает голову и смеется, а я признаюсь себе: чуточку влюблена, но не в него, а в его смех, улыбку...

Он садится на корточки передо мной, и объяснения кажутся лишними. Он не станет заниматься возвратами: что для него цена одного платья? Трата времени, да и только. И мои подозрения кажутся глупыми: не может быть, чтобы платье висело на вешалке в моем ожидании. Его пошили не за ночь, размер мог не подойти, я могла не согласиться выходить замуж, или у меня могло, как у Ларисы, пылиться в шкафу готовое свадебное платье.

Нет, это просто моя башня страха, у меня есть плохая привычка их строить.

Моя ладонь самовольно тянется к лицу Яра, поднимается от подбородка к вискам, исследует лоб, пропускает сквозь пальцы длинную челку. Я делаю все, что минуту назад с ним прodelывала ментально, но сейчас ощущения четче. Он так близко, что ментоловое дыхание ласкает лицо, а запах одеколона с древесными нотками дразнит ноздри. Глубокий вдох, и я чувствую приглушенный, но все-таки уловимый запах сандала. Мм, выгибаюсь довольно, как кошка, трусь лицом о его лицо — с одной стороны, с другой.

Яр, закрыв глаза, доверчиво склоняет голову на бок, но улыбкой подначивает продолжить. Хорошо, меня уговаривать не придется: мой язык пробегает по его подбородку к ушной раковине, зубы легонько сжимают мочку. Кто сказал, что у мужчин одна эрогенная зона? Так же ввали, как и про феерические оргазмы во время фрикций.

Мой язык ползет к шее Яра.

Стон.

Его или мой? Расстегиваю одну пуговицу рубашки, и язык удлиняет влажную дорожку. Расстегиваю вторую, тяну вниз, и язык пляшет танец без названия от ключицы к ключице. Мои руки вцепляются в его волосы, привлекая к себе. Ближе, ближе... Мой язык пляшет возле его губ, не вторгаясь. Попытался поймать — не вышло. Вздох. Теперь уже точно — его.

Я ликую, я разрываюсь от страсти на части.

Мой любовник. Мой первый, единственный, самый лучший.

Для меня он загадка, он слишком красив и богат для меня и я бежала бы прочь, если бы успела влюбиться. Не чуть-чуть, как сейчас, а серьезно, по-настоящему. Да, бежала бы, потому что боюсь в любом ее проявлении. Но пока мы на равных, с ленивой прохладой в сердцах. Рискну. Может, после, когда рисковать перестану, в моем шкафу тоже будет пылиться белое платье. А пока...

Не сдерживаю стоны разочарования, когда Яр отстраняется. Он идет к двери, говорит с каким-то мужчиной, который пытается меня рассмотреть, а до меня, как до медведя в спячке, только доходит, что кто-то стучал. И вообще вдруг вспоминаю, что носом шла кровь и что я, наверное, испачкала Яра, а сейчас этот мужчина увидит и...

В общем, настроила новую башню, а когда Яр вышел из комнаты, оставив меня, башня так выросла, что грозилась свалиться кому-нибудь на голову.

— Любуешься садом?

Обернувшись, ловлю поцелуй и присматриваюсь: на рубашке и пиджаке крови нет. Уже легче, еще один поцелуй и осталось совсем немного до второго дыхания. Между поцелуями спрашиваю, что скажут его друзья, если я буду в джинсах.

— Вздохнут с сожалением, что не в пеньюаре.

— А по правде?

— По правде? — Его улыбка ужасно заразительна. — Поздравят, подарят подарки, разъедутся по делам, а к вечеру сами переоденутся в джинсы. Думаю, с брачной ночью мы справимся сами. Ну что, ты мне все-таки скажешь, как себя чувствуешь?

А ведь, действительно, я так ему и не ответила. И как он вспомнил? Хотя, он, наверное, и не забывал, ему ведь нужно знать: будет ли на его свадьбе невеста? И если будет, то в чем?

Ну выбора нет: все-таки джинсы и майка. Надеюсь, Яр не медийная персона и снимки не просочатся в прессу, потому что если их увидит моя бабушка...

Вспомнив о ней, вспоминаю, что никому из родных не сказала о свадьбе!

— Пятнадцати минут тебе хватит? — заметив мою активизацию, Яр предлагает принести себя в жертву заскучавшим гостям и служащему загса.

— Я уложусь в пять, но мне нужен твой телефон.

Достает из нагрудного кармана платок в синюю клетку, — надо же, даже платок в тон, — прикладывает мне над губой, убирает обратно в карман. Видимо, запеклась кровь, но как тогда он меня целовал?

— В пять? Интересно.

В момент, когда мобильный переходит в мою ладонь, Яр притягивает меня к себе и впивается в губы. И все сомнения, все напряжение этого дня тают под его натиском.

— Осталось четырнадцать. Все еще много?

Улыбается, видимо, крайне довольный собой, а я вовсе не против. Хочу его. Всего. Хочу сильно, потому что мне кажется, на этот раз у нас все получится... Я смогу...

Прижимаю его к двери — смешок, но сопротивления нет. Расстегиваю пуговицу на его брюках, тяну вниз молнию. Запах сандала усиливается — аха, смешивается с запахом его возбуждения, и вот уже не он — я спиной подпираю дверь, и его рука у меня под платьем. Я дышу поцелуями Яра, живу его ласками, извиваюсь, притягиваю к себе, и совсем чуть-чуть остается до звезд, когда все заканчивается...

Снова не вышло...

Снова...

Теплое дыхание щекочет мне шею, но вместо улыбки накатывает грусть. Странно почему грусть, а не отчаяние.

У меня ничего не вышло, а я, дефективная, еще собираюсь замуж?!

— У нас все получится, — шепчет Яр, вынуждая смотреть в глаза. — Обещаю.

Второе за день обещание, но я почему-то верю.

— Теперь действительно осталось только пять минут. Не задерживайся. Я жду тебя внизу. Жду, слышишь?

Я позволяю себе несколько раз мысленно повторить его последнее слово: "жду" и отбрасываю неудовлетворенность и страхи прочь. У меня почти получилось, за два дня практики это немало, тем более что многие живут без оргазмов всю жизнь. Яр обещал, а телу просто нужно привыкнуть к новым для него ощущениям.

Звонок родным, путаное объяснение, что встретила хорошего парня, и мы с ним решили попробовать. Папина угроза, что он там кому-то попробует. Мои еще более путанные повторные объяснения и отговорки, почему не сказала, что расписываемся. Не стала пугать их историей нашего с Яром знакомства, сказала, что это было как вспышка, и в чем-то не солгала.

Бабушка приняла весть философски, сказала, что в нашем роду отродясь старых дев не было, в общем, одобрила, даже не видя зятя.

Я уложила в четыре минуты, за минуту сменила платье на джинсы, несколько секунд чтобы собрать волосы в хвост, — с распущенными жарко, — и на выход, туда, где ждут. О гостях стараюсь не думать. Я иду не к ним, а к Яру, и замуж выхожу не за них, и мне безразлично, что они обо мне подумают. Но все равно ли их мнение Яру?

К последней ступеньке скисаю, как помидор в горячем рассоле, и неувидителен тихий вопрос жениха:

— Тебе действительно лучше?

Выдавливаю из себя улыбку. В голове дна мысль: вырвать руку из его и бежать! Бежать! Но постепенно с теплом ладони любовника мне передается его уверенность, и я могу дышать спокойно, осматриваться и даже различать лица гостей.

— Лариса! — выкрикиваю восхищенно.

Подруга игриво крутится в коктейльном платье передо мной и знакомым Яра, тем самым, что увез ее из бара на машине. Красивое платье, сшито как на нее, но не из ее гардероба — сомнений нет; сомнения только в том крутится она для меня или для Стаса?

Лукавый блеск в глазах и хрипотца, когда я звонила и просила встретить меня, безошибочно указывают на второй вариант. Когда расстанутся, она выплечется у меня на плече, а пока пусть надеется, пусть верит, что этот окажется подходящим.

Не для нее этот Стас. Чувствую, вижу это, но как рыбка в аквариуме — объяснить не могу.

Лариса салютует бокалом с шампанским и подбородком показывает вправо на Яра. Пока я отвлеклась на подругу, его вниманием завладела тихоголосая брюнетка, и льнет к неме, а грудь четвертого или пятого размера бесстыдно лежит у него на предплечье.

Почему он не отойдет? Почему терпит два килограмма сальных желез и приторно-сладкий запах? Почему что-то шепчет ей, сдвинув брови? Недоволен, но не отходит, а она как змея обвивает его.

Раздражает, и сама женщина-кобра, и ее хриплый смех, и насмешливый взгляд в мою сторону. Мне едва удастся погасить волну раздражения до того, как Яр оборачивается. А что

я? Ничего. Стою, жду, улыбаюсь приветливо и чуть смущенно, как полагается наивным невестам, и совсем никого не ревную.

Яр выныривает из-под груди женщины, берет меня за обе руки и становится напротив. Лысый мужчина в явно маленьком на него костюме становится по правую от него сторону, и пока я в замешательстве смотрю на него и его блокнот, Яр озвучивает мои подозрения:

— Сотрудник загса. — И уже говорит ему: — Приступайте.

Но все не так быстро.

Пыхтение за моей спиной, легкий толчок в пятую точку, мол, подвинься, и с левой стороны оказывается темноволосый насупленный мальчик лет девяти-десяти. Он смотрит с вызовом на Яра, презрительно — на меня, а я смотрю на него в шоке и думаю: это кто... это... это...

— Мой шафер, — снова отвечает на не прозвучавший вопрос, жених. И уже ему: — Ты доволен?

— Не очень, — взгляд мальчика в упор на меня.

И вот я как-то с мальчиком совершенно согласна: одно дело — выйти замуж за незнакомца и совсем другое — за незнакомца с ребенком.

Лариса, как верная подруга, удачно оказывается рядом, потеснив женщину-кобру.

— Справишься, — шепчет она, качнувшись на каблуках, и я понимаю, что в обморок лучше не падать. Наоборот, надо стать так, чтобы если Лариса качнется сильнее, успеть подхватить любительницу шампанского.

Служащий загса начинает торжественную речь. Лариса зевает мне в ухо. Яр улыбается, словно действительно счастлив, а мальчик не оставляет попытки убить меня взглядом. А что я? Пытаюсь не передать зевоту Ларисы дальше, улыбаюсь бесстрашно Яру и отвечаю взаимностью мальчику одновременно.

— Подождите, — прерывает служащего Яр, и тот с готовностью замолкает. Мол, сам устал, спасибо, что дали отдышаться. Вытирает лысину платком — кстати, платок в синюю клетку, — в один поток осушает бокал с шампанским, а меня так поражает платок и его поведение, что я на время забываю о мальчике.

— Задавай сейчас, — Яр ласково прикасается к моему лицу, и повторяет, видя мою растерянность. — Задавай сейчас, лучше все выясним сразу.

И то ли жара, то ли присутствие женщины-кобры, то ли упрямый взгляд мальчика заставляют сморозить глупость. Жених прервал церемонию, видя, что я в сомнениях, дал время все выяснить, а я на полном серьезе спрашиваю: почему у служащего такой же платок, как и у него?

Пока Яр и гости смеются, я успеваю прийти в себя и задать действительно важный вопрос.

— Ты был женат?

— Да.

Больше вопросов нет, все понятно, мальчик — его приданое. У меня и такого нет.

— Продолжайте, — киваю служащему загса.

Он недоволен, что его отрывают от второго бокала, но кряхтит и вновь берет в руки блокнот, считывая с него напутствия молодоженам.

— Нет, постойте, — прерывает невнятную речь Яр.

— Передумал? — улыбаюсь ему.

— Боюсь, что недоговоренности заставят передумать тебя, — возвращает улыбку и

строго смотрит на мальчика. — Представишься или опять все делать мне?

В темных глазах мальчишки мелькает нечто такое, от чего мне становится его жаль. Рука тянется к его темным волосам, но мальчик делает шаг в сторону и ощетиливается еще больше.

— Егор, — цедит сквозь зубы.

— Злата, — почти в том же тоне говорю я и зарабатываю ухмылку.

— Брат, — уже не так зло.

— Невеста, — уже почти мягко.

И мальчик мне улыбается.

— А ты, оказывается, бываешь красивым, — говорю я.

— А ты, оказывается, не всегда истекаешь кровью, — говорит он.

И мы улыбаемся одновременно, а мальчик снова подвигается ко мне ближе.

— Сегодня кто-нибудь женится?!

Возмущение служащего гаснет под нашими взглядами, но подействовал, наверняка, только Яр, а мы так — для массовки. Церемония возобновляется, но я почти не вслушиваюсь в лепет слов, одинаковых для миллионов пар.

Мне кажется, наша пара не такая, как остальные и семейная жизнь у нас будет не такой, как у остальных, банальной, постной, приправленной бытовыми проблемами.

Заикаясь, но служащий дочитал свою речь. Нам позволили поцеловаться, но мы при гостях только соприкоснулись губами и сразу перешли к прослушиванию поздравлений и пожеланий, сбору карточек вместо сервизов и утюгов.

— С тебя шуба за такое знакомство, — вздыхает на прощанье подруга.

Гости тянутся к выходу, и вот мы вдвоем.

В нашей комнате.

Ступаем в новую жизнь по белому ковролину. И я с каким-то пугающим отчаянием вдыхаю сандаловый запах своего мужчины, еще не зная, что в наших отношениях будет такое разнообразие специй, что я буду просить небеса о постном. А самой сладкой из них для нас окажется соль.

Первая брачная ночь... Но по сути для нас с Яром — вторая.

Он давно спит, а я, положив голову и руку ему на грудь, смотрю на свое кольцо, массивное, золотое, с пузатым желтым бриллиантом, подмигивающим лунным светом.

Я замужем. Нет, не так так... Я за мужем. И не нужно быть ясновидящей, чтобы определить, кто в семье из нас главный. Мой муж (странно звучит, непривычно) для власти рожден, он словно соткан из ее властных нитей, а меня пугает ответственность за других. Проще сделать самой, чем поставить задачу, проще взять удар на себя, чем подставить, проще подставиться, чем просить прикрыть.

Я вообще не помню, чтобы кого-то просила, разве что...

— Пожалуйста... пожалуйста, Яр... Не могу больше... еще... пожалуйста...

Сердце ускоряет ритм от воспоминаний, а мне до сих пор не верится, что это я... Нет, то, что противоречиво — на меня похоже, есть во мне двойной знак, хотя и не явный, но чтобы просить...

А память, хитро оскалившись, показывает вырванный из вчерашнего кадр. Мы с Яром одни, в нашей комнате, свадебные тосты остались за дверью, — ступаем по белому ковровину, ступаем, ступаем, пока я вдруг не взлетаю.

— Что ты делаешь? — взвизгиваю от неожиданности на руках Яра.

— Традиция. Забыл сделать это раньше.

— Не забыл, — обвожу пальцем дугу светлых бровей, намекая на свое первое появление в доме.

— Это другое, — отмахивается и вопреки моим ожиданиям, садится в кресло, поворачивает меня так, чтобы я видела сад, и какое-то время мы молча смотрим в распахнутое окно. Меня удивляет, почему мы сидим в доме, если сделать два шага — и вид откроется значительно лучше, но потом вспоминаю об охране, о камерах и понимаю, что ему хочется немного побыть вдвоем.

Откидываю голову ему на плечо, прищурившись, скольжу взглядом по красным цветам, и замечаю, что вон та клумба, правее, похожа на алую простынь в кровати Яра. Оглядываюсь, чтобы сравнить, и попадаю в ловушку насмешливого взгляда.

— Не терпится, мм?

Смутившись, ляпаю первое, что приходит в голову:

— А как называется такое окно в пол?

— Французское.

— А почему в саду цветы только красные?

— Я уже говорил, вспоминай.

Хмурюсь и наконец отвечаю сама себе:

— Потому что ты любишь красный.

Зарабатываю поцелуй-бонус.

— Только красный?

Хмурится как я секунду назад.

— Нет, еще золотой, — накручивает на палец мою прядь, заглядывает в глаза. — И... серый? — Его палец кружит возле моего соска. — И бледно-розовый. — Майка ползет вверх,

а взгляд Яра спускается. — И белый, с кружевами.

Мой слабый протест, что нет цвета "белого с кружевами", заглушается алчущим поцелуем. Он прав, мне не терпится повторить, потому что несмотря ни на что, нравится близость с ним. Нравится прижимать бесстыдно к себе, прижиматься к нему и стонать ему в губы, и впитывать его стон, и прокручивать позже в памяти, вот как сейчас, когда он не видит, как снова горят мои щеки...

Он спит, а мои пальцы рисуют узоры на его груди.

Мое тело еще хранит отблески страсти, что мы разделили. Полет, ощущение легкости, взрыв под натиском его языка... это было прекрасно, великолепно, вот только чувство незавершенности не покидало.

Понравилось, но...

Жаль, что опять было "но".

Он сказал, что неважно, сказал, что продолжим пробовать, но уже завтра, сказал, чтобы я помнила его обещание. Я помню. И конечно не откажусь пробовать, много, часто, как скажет, не могу им насытиться... когда-нибудь... возможно... когда мы станем дедушкой с бабушкой... Но пока мы усердно работаем, чтобы у нас появились дети... Для начала хочу одного, а потом... остановимся, когда скажет Яр.

Успокоенная мерным дыханием, подтягиваюсь чуть вверх, пристраивая голову на плече мужа и падаю в дрему без сновидений. Выныриваю из нее, когда солнце в зените. Первым накатывает осознание, что в постели одна, потом нос улавливает аромат жасминового чая, и не лжет — на журнальном столике стоит расписанная маками чашка, рядом глазурированный сырок.

Откуда Яр знает о моих привычках?

Нахожу ответ рядом с подушкой: "Да, чай жасминовый. Да, сырок ванильный. Не спрашивай, ты знаешь. Мне пора, буду поздно. Макар тебе все покажет. Целую тебя сама выбери куда..."

Чай горячий, словно заварили минуту назад, вкусный, приятно обжигаящий небо. Вот оно, утро замужней женщины, размышляю под расправу с ванильным сырком. Непривычные к гимнастическим нагрузкам мышцы немного ноют, подтверждая, что не приснилось — спала не одна, и уснула не сразу. Бриллиант отбрасывает лимонные блики — да, замужем, не сомневайся. Ванная, которую можно смело сдавать квартирантам, приветливо распахивает двери: мужской шампунь, крем для бритья, мужская бритва — выбирать не приходится, пользуюсь тем, что доступно. Волосы сушу полотенцем, а не феном, мне кажется, они никогда не были такими пушистыми. Лицо немного сушит от недостатка крема, рискую с экспериментом и теперь ментолом пахнут не только мои ноги. Холодит, бодрит, день пережить можно.

Разнежившись, облачаюсь в многострадальные майку и джинсы и взяв с собой назначенного мужем проводника, еду к Ларисе за вещами.

Как-то я не учла, что день и вокруг могут собраться люди, а сумки у меня старенькие, пластмассовые в клетку. Утешает одно: клетка бело-красная, так сказать, в любимой цветовой гамме Яра. Пытаюсь схватить хоть одну, вынести к машине, но водитель опережает.

— Это моя работа, — и смотрит так, будто я его увольняю.

Приходится бездельничать и в дверях квартиры болтать ни о чем с подругой. Ну это я думаю, что ни о чем, а у нее на меня планы.

— Привыкай, — науськивает и подмигивает многозначительно. — Ты теперь из богатых, а они с авоськами не бегают, не солидно.

— Это не авоськи.

— Ты права, это хуже. Купишь кожаные чемоданы и будешь модно путешествовать по заграницам, — мечтательно закатывает цыганские глаза и вдруг пронзает меня решительным взглядом. — Лучше всего путешествовать налегке и с подругой. Мужчина или напьется и пролежит в номере гостиницы или не напьется и тогда и ты пролежишь в номере гостиницы. А с подругой можно знакомиться с архитектурой там, кафешками, меховыми магазинами...

Ну вот, старая песня про шубу...

— Мне пора, — спешу за Макаром и последней клетчатой сумкой.

Лариса снисходительно машет рукой на прощанье, пускает театральную слезу, но я прекрасно знаю, что это временная отсрочка и к вопросу мехов мы еще вернемся, а страдания по одиночеству закончатся спустя минуту после моего отъезда.

Так и есть, обернувшись у машины, вижу ее в окне с телефоном. Машу рукой и прячусь за тонированными стеклами. Так, теперь в агентство недвижимости, написать заявление об увольнении и вуа-ля.

Вуа-ля не выходит.

Директриса уговаривает остаться; видя, что я настроена серьезно, пытается втиснуть меня в рамки путаного законодательства и припугивает двухнедельной отсрочкой. Я не лучший сотрудник, но и не худший, надо — делаю, но если я соглашусь, мы обе ничего не выиграем. Я просижу две недели в офисе, и не факт, что буду не просто сидеть, а работать, к тому же, если на меня надавить, принесу липовое заявление от другой фирмы, мол, ждут меня уже, берегут место, и уйду со скандалом, нервами, но по переводу. А жизнь длинная, шарик круглый. Наконец, директриса смиряется и подписывает заявление, она даже улыбается и толкает длинную напутственную речь, но смотрит не на меня, а на бриллиант.

— А кем твой муж работает?

Так и хочется огрызнуться, но делаю лицо и загадочно улыбаюсь. Думаю, мне положен Оскар, потому что я не играю, я действительно ничего не знаю о своем муже! Ну кроме имени, отчества, фамилии и адреса, по которому он в данный момент проживает. Как в школе говорили: в уме плюсюю один? Я в уме плюсюю икс, потому что помню фразу о нескольких квартирах, на одну из которых он хотел привезти меня.

Для чего ему несколько?

Или правильной задать вопрос: для кого?

Настроение рушится под башней, которую я ловко и главное очень быстро снова сооружаю. Когда выходим из машины, я прошу водителя отнести сумки в мою комнату, но оставляю их не разобранными у порога. Нет сил, нет желания что-либо делать.

На минутку ложусь в кровать, но едва голова соприкасается с подушкой, слышу как приоткрывается дверь и кто-то входит.

— Тебе никто не говорил, что прежде чем лечь спать, нужно снять верхнюю одежду?

А по закону подлости входит тот, кому я в этом доме меньше всего нравлюсь.

Тихие шаги, кровать прогибается у подножья. Я лениво приоткрываю один глаз: мальчик сидит на краешке, того и гляди навернется, а смотрит хозяином.

— Тебе никто не говорил, что прежде чем зайти в чужую комнату, нужно постучать в дверь?

— Это комната моего брата, — сопит ежиком.

— Пусть так, но с недавних пор я здесь тоже сплю.

Глаза Егора так и сверкают темными звездами, а следующая фраза сочтется ехидством:

— Рассчитываешь надолго?

— А ты рассчитываешь, нет?

— Ага, — и счастливо улыбается.

Нет, я за мир во всем мире и дети — цветы в жизни. Наверное. Я только против мира за мой счет и на дух не перевариваю кактусы.

— Родители явно перестарались, когда учили тебя никогда не врать.

— Не лгать, — поправляет машинально, и улыбка его скисает.

Так, что-то связано с его родителями. Надеюсь, они живы и я перестану чувствовать себя без вины виноватой.

— Так и будешь валяться весь день?

— Лежать, — поправляю его и не рвусь отвечать.

Подумав, мальчик принимает поправку, но на своих условиях.

— Так и будешь лежать в верхней одежде на чистой постели весь день?

— Я же сняла обувь, — отмахиваюсь и зарабатываю улыбку. — А ты так и будешь сидеть у меня в ногах, пока я не встану?

— Больно надо, — огрызается и кряхтя, как старичок, встает. — Хочешь экскурсию по дому?

— Мебель рассматривать?

Хихикает, и слишком серьезное лицо сменяется детским. Подвох в чем-то есть, даже не сомневаюсь, но иду следом, хожу терпеливо из комнаты в комнату, но без интереса. Сюда бы Лариску запустить — было бы визгов, восторгов, она бы постаралась отстать от гида и в одной из комнат хоть на несколько дней затеряться. Тем более что гид неразговорчив, сам себе на уме, а комнат великое множество.

Первый этаж осмотрели. И, собственно, что я могу объективно сказать о доме? Белая остроконечная громадина, которой он представляется снаружи, не изменяет себе изнутри. Много светлых тонов, но ничего лишнего, не знаю модерн это или минимализм или это вообще одно и то же. Мне больше всего нравится кухня, хотя я и не любитель готовить, просто уютно там, по-домашнему, и улыбчивая повариха чем-то похожа на мою маму. Ямочками на щеках, наверное, и большими глазами. Во мне просыпается любопытство — какой из себя доктор, которому она нравится? Но видется я с ним не жажду и рада, что избежала прошлой встречи. Когда-нибудь, просто так, за чаем и пирожками...

Второй этаж, как и первый, осматриваем в молчании, хочу вернуться в нашу с Яром комнату и начать разбирать вещи, но иду следом за мальчиком.

— Почему ты не в школе?

— Я обгоняю школьную программу, — поясняет не оборачиваясь. — Таких не любят, поэтому я занимаюсь экстерном и не со школьными учителями. Все задания на сегодня я сделал.

Мне слышится обида, но мальчик равнодушно добавляет:

— На следующий учебный год я все равно уезжаю в Англию. Нет смысла привыкать к кому-нибудь постороннему.

Вот теперь оборачивается и очень внимательно смотрит на меня, прежде чем открыть следующую дверь.

Я ничего не знаю о нем, я даже не знаю, где его родители и как их зовут, и мне стыдно немного, что пыталась воевать с мальчишкой. Чувство вины растет и вот я едва не кусаю локти.

— Входи.

Зрительный контакт обрывается, и локти мне благодарны. Егор смотрит в окно, я — на стол, ноутбук и два противоположных друг другу кресла. Смежная комната с нашей оказывается кабинетом Яра. Шкаф с документацией, на одной из стен огненная картина с апокалипсисом, а мой взгляд приклеивается к песочным часам.

Прохожу вглубь, понимая, что лучше выйти, что вряд ли мое присутствие здесь понравится хозяину, но ничего не могу с собой сделать. Как замороженная, смотрю на песочные часы на полке. Почему они здесь? Как часть интерьера или Яр что-то действительно измеряет ими? Застыли, кажутся мертвыми, но стоит перевернуть колбу...

Маленькая рука протягивается и переворачивает, и я слежу за повеселевшими песчинками. Улавливаю какой-то звук, но не могу оторваться от созерцания. Мне кажется вдруг, что они отмеряют что-то важное, что-то важное именно для меня.

Последняя песчинка падает на своих сотоварищей, а я, оглянувшись, обнаруживаю, что в кабинете одна. Первое, что приходит в голову — ловушка, дверь закрыта и мне придется провести здесь весь день, пока не вернется Яр. Но тут же успокаиваюсь, заметив полосу коридора.

Егор просто ушел? В этом и заключается подвох? Странно, неужели он думает, я не найду дорогу в соседнюю комнату? Оглядываясь напоследок, замечаю, что верхний ящик стола выдвинут. Ну конечно! Он открыл его, а Яр подумает, что это я копалась в его вещах!

Решительно задвигаю ящик.

— Тебе что, не интересно, что я хотел тебе показать?! — Мальчик стоит в дверях и смотрит на меня как на предателя.

— Я буду рада, если ты считаешь нужным показать мне что-нибудь свое, — говорю ему.

Егор не сдается так просто, стоит в дверях — не отпихивать же, смотрит то на меня, то на стол, потом предпринимает еще одну попытку.

— Там рисунки.

Я молчу.

— Красивой девушки.

Я все еще молчу.

— Которая очень нравится моему брату.

Я не знаю, почему все еще молчу.

— Он сохнет по ней уже несколько лет!

Молча отодвигаю мальчика в сторону, и иду в смежную комнату, удивляясь сама себе, что не отодвинула плохиша раньше. Берусь раскладывать свои вещи по полкам, и сажусь на ковролин в раздумьях. А какие полки мои? Могут ли я занимать их?

Я думаю о полках, о своих дешевых вещах, которые дико будут смотреться рядом с дорогими вещами Яра, я думаю о чем угодно, только бы не думать о рисунках неизвестной девушки. Соблазн манит пойти и проверить, есть ли они там, и если есть, посмотреть на ту, по которой сохнет такой мужчина, но... Интуиция советует этого не делать.

Вещи пока оставляю в покое, расставляю баночки с кремами и прочими необходимостями в ванной. Красота какая, и зубной щетке Яра уже не так одиноко.

Переодеваюсь в бриджи и топ, кое-что закидываю в корзину с бельем. Вот выделит муж мою территорию — тогда смело разберу остальное!

Но когда Яр приходит, не успеваю заговорить с ним об этом. Ужин в компании мальчика — и вот одни, как оголодавшие звери, набрасываемся друг на друга, примериваясь, чем бы полакомиться в первую очередь. Меня привлекает в нем все! А у него есть любимые блюда...

— Яр, — интересуюсь гораздо позже, чуть отдышавшись, — а где родители Егора?

— Там же, где и мои, — отшучивается.

— А по правде?

— Не вру, хочешь — перекрещусь?

— Твой брат тебя бы поправил, что правильно говорить "не лгу".

— О, у вас состоялось близкое знакомство, — с интересом переворачивается ко мне.

Он ждет, что я начну рассказывать в подробностях, но я не хочу говорить, что мы были в его кабинете. Вот сейчас я ничего не хочу знать о той девушке, рисунки которой он хранит, поэтому кратко говорю, что ходили по дому.

— И как тебе дом? — глаза лукаво поблескивают, кажется, будто читает мои мысли.

— Большой. Красивый, — добавляю, подумав.

— Похож на дом, о котором ты мечтала для себя?

— Нет, — отвечаю совершенно честно. — Слишком большой.

— И красивый? — Смеется, прижимая меня к себе. — А я похож на мужчину, о котором ты мечтала?

Он становится абсолютно серьезным, а я теряюсь и прячу взгляд у него на груди, и вообще чувствую себя так, будто шаг в сторону, и оступишься, а внизу... никого.

— Я хочу быть не просто твоим первым мужчиной. Я хочу быть твоим мужчиной, Злата. Но если честно, я не знаю, примешь ли ты меня всего.

Меня пугают его слова, кажется, будто кто-то перевернул песочные часы и отмерил нам время, и если мы не успеем...

Прижимаюсь к нему. Вжимаюсь в него. Обхватываю ногами, перекатываясь сверху.

— Мы уже пробовали, — шепчу, спускаясь поцелуями ниже пупка, — ты помещаешься весь, без остатка...

Мы оба знаем, что он имел в виду совершенно другое, а я избежала ответа, но когда я спускаюсь еще ниже, а его ладонь надавливает мне на голову, это перестает иметь хоть какое-то значение.

Мы едины...

Мы отдаемся друг другу и страсти...

Спустя время, удовлетворенный, он рассказал о своих и Егора родителях. Ничего тривиального, так часто бывает в состоятельных семьях: у них своя жизнь, детей обеспечили и оставили. К тому же, Яр давно жил отдельно, а Егор в следующем году уезжает в Англию. Нет, не к родителям, они в Нидерландах, просто в Англии он получит достойное образование и зеленый билет в будущее.

— У тебя тоже такой билет?

— У меня золотая карточка с рождения, — снова отшучивается, как всегда, когда не желает отвечать.

— А Егор хочет ехать?

— А что его здесь держит?

— Ты?

Вздыхает, и я думаю, что промолчит или снова отшутится, но слышу едва различимо и так, будто звук кто-то вырывает силой:

— Я для него такой же чужой, как и остальные.

Ворох вопросов, но не решаюсь задать. Не сейчас. Не все сразу. Утешительно ласкаю грудь мужа и чувствую, как проваливаюсь в сон, и поцелуй чувствую, утешительный, для меня, и так же, как несколько минут назад, слышу сдавленный голос Яра:

— Эта девушка...

Задерживаю дыхание. Сейчас он скажет, что никаких рисунков нет или что все это в прошлом или что его брат — фантазер...

— Забудь.

Я лежу у него под мышкой, стараюсь не выдать себя дыханием и усиленно машу ресницами, несмотря на то, что слез никто не увидит. Но когда горячая капля все-таки сползает, ладонь Яра прикасается к моей щеке, уничтожая предательницу. Жаль, что так же просто я не могу расправиться с ревностью, изъедающей меня острым перцем, и диким желанием увидеть лицо незнакомки.

А что, если завтра...

— В моем кабинете видеокamеры, — вовремя предупреждает Яр.

Но как он догадывается о моих замыслах?!

Лежу, думаю, голова пухнет, ни одной светлой мысли, зато совсем забываю, что собиралась поплакать.

— Все? Добрых снов, — муж переворачивается на бок, я прижимаюсь к его спине и имела я в эту минуту незнакомую девушку с рисунка! Он мой и со мной, а что было и было ли, меня не касается.

— Добрых снов, — желаю абсолютно искренне и засыпаю с улыбкой.

Утром я обнаруживаю жасминовый чай, ванильный сырок, новую записку с поцелуем и пропажу всех своих сумок. Какое-то время, пока пью чай, в ступоре рассматриваю угол, в который их временно определила, но чуда не случается. Их все-таки нет. Теперь я заложник бриджей с топом и немногочисленных вещей, брошенных вчера в корзину.

Что делать?

Не люблю носить одно и то же несколько дней, но утешаюсь хотя бы тем, что по старой привычке постирала свое белье на ночь. Итак, одна из рубашек Яра заменяет мне платье, его ремень — пояс, но все равно это не выход. Преодолев смущение, спускаюсь вниз. Заметив Макара в коридоре, машу рукой, но быстро протискиваюсь на кухню.

— Ой, а у меня сырники готовы, будете? — Повариха радостно всплескивает руками при моем появлении и не дожидаясь ответа, начинает суетиться. На столике появляется тарелка с ароматными сырниками, бадья со сметаной и чашка с зеленым чаем. Чай я беру, мне так легче настроиться на разговор, на сырники только посматриваю — чай с прикуской, как говорит моя бабуля.

— Мне бы, — сообщаю, нахлюпавшись и разомлев до задумчивого состояния, — позвонить мужу.

— А что, — подмигивает повариха, — хорошее дело вы придумали, Злата Юрьевна.

Морщусь, но оставляю как есть — наверное, здесь так принято, хотя повариха и старше меня раза в два, а по отчеству.

— Дело-то, — говорю, — хорошее, но вот номера мужа я не знаю.

И тут мы обе смущаемся и в смущении обмениваемся данными. В больших глазах так и виден вопрос, мол, как же это, уже и ночи вместе, и женаты, а номера телефона не знает. Эх, да я много чего о Яре не знаю, но не жаловаться же?

Поднимаюсь к себе в комнату, набираю номер на своем мобильном, но вызов не жму. А если он занят? А если переговоры или встреча, а тут я с пустяковым вопросом о пропаже хозяйственных сумок?

Стук в дверь прерывает мои сомнения.

— Злата Юрьевна, — даже после приглашения водитель остается на пороге, — Ярослав Владимирович сегодня будет поздно, иностранные партнеры приезжают. Сказал, может, вы захотите проехаться в "Песок", отдохнуть по-женски?

Я чуть не ляпаю: а как это "отдохнуть по-женски", но водитель поясняет:

— "Песок" — это салон Ярослава Владимировича.

И я нахожу предложение заманчивым, тем более что спросить мужа о сумках можно и в приватной обстановке, вечером. Вбиваю его номер в память мобильного, переодеваюсь — ох — в бриджи и топ, и еду с водителем отдыхать как женщина.

А как женщина-друг, приглашаю с собой Ларису. Она взвизгивает, когда я только произношу "Песок", оказывается, это очень модный и дорогой салон, а здесь пригласительный на халяву, будет что рассказать менее удачливым знакомым, в число которых войдет и директриса нашего агентства!

Мы подхватываем Ларису у подъезда, радость ее фонтанируя, передается, кажется, не только мне, но и водителю. Несколько раз я перехватываю тень его улыбки. Небольшой

казус возникает у входа, когда администратор окидывает нас придирчивым взглядом и отворачивается. Лариса смотрит на меня, и мне приходится вздернув подбородок идти в наступление, но меня и администратора спасает появление Макара.

— Это жена Ярослава Владимировича и ее лучшая подруга, — говорит он, а брови администраторши едва не взлетают испуганными птичками.

Вокруг нас суетятся, расточают улыбки и изображают вселенское счастье. Лариса прощает все за массаж стоп, а я про себя дуюсь, хотя стараюсь не подавать вида. Да, я знаю, как выгляжу со стороны: простая девчонка, не обремененная лишними деньгами, и пусть это утопия, хочу, чтобы окружающие принимали меня такой, какая есть. Но если не считать родителей и друзей детства, добровольно принимает меня только Яр, остальным, как администраторше, приходится это делать.

Маски, массажи, маникюр с педикюром утомляют, посматриваю на часы, а они лениво переползают за тройку. До возвращения Яра еще долго и толку спешить в пустой дом? Лариса, пользуясь случаем-безлимиткой, меняет прическу, а мои длинные волосы только моют, обогащают маслами и медовой маской, но стричь не решаются, хотя я и дала согласие.

— Ярославу Владимировичу нравятся длинные волосы, — оправдываясь, говорит девочка-парикмахер и тут же прикусывает язык.

Представляю, откуда у нее такая информация!

— Расслабься, — шепчет Лариса, перегнувшись из своего кресла, — теперь у него ты.

Мне заваривают зеленый чай, безвкусный, не слишком горячий — подозреваю, лично заваривала администраторша, но я его пью. Не могу обидеть человека просто так, все ищу ему оправдания. Вот и сейчас думаю: может, она не умеет заваривать чай, может, на дух его не переносит, а здесь я со своими капризами.

Утомившись сидеть в мягком кресле и окосев от ярких журнальных картинок, подхожу к окну. Июнь играет тополиным пухом, дети объедаются пломбирными рожками, на углу, как в мамином детстве, продают газировку с кружащими осами.

— Я сейчас вернусь, — говорю Ларисе и повинувшись внутреннему порыву, выхожу на улицу. Тепло, можно сказать жарко, и так вовремя эта газировка, что не сдерживаю вдоха удовольствия, когда пью. Сладко, терпко, лимонно-апельсиново, чуть липнут губы, но до чего же вкусно!

— На здоровье, — улыбается продавщица, когда бросаю в урну опустевший стаканчик.

— Спасибо, — благодарю и постояв какое-то время у входа, возвращаюсь в салон.

Лариса крутится передо мной и зеркалами, хвастается и любит новую стрижкой.

— Ты похожа на француженку! — восхищаюсь абсолютно искренне.

— Да ладно! — абсолютно искренне принимает мое восхищение.

Мы выходим из салона под щебетанье администраторши. Так и хочется повернуться и сказать ей, чтобы не волновалась, я ничего не решаю в бизнесе мужа, но Лариса отвлекает вопросом:

— Ты домой?

— А куда?

Уже из окна машины смотрю на расстроенное лицо администраторши, поздно что-то ей говорить, да и ладно: пусть хоть немного простым человеком побудет.

— Подбросите меня в агентство?

— У тебя же отпуск только начался.

— Вот именно, — кивает подруга. — Только начался, еще целых две недели, и кто

потом оценит мою новую стрижку. Давай в агентство, а?

Уловив в зеркале мой взгляд, водитель сворачивает вправо. Мы высаживаем Ларису, но не ждем, я знаю, это надолго, и сегодня день для клиентов и директрисы потеряян. Машина пристраивается в ряд других, плавно едет по моему новому адресу, а на душе как-то нехорошо.

— Вам не понравилось в салоне.

Я редко слышу голос Макара, потому не сразу осознаю, что это он, и что он не спрашивает — утверждает. Но взгляд в зеркале ищет мой. Пожимаю плечами, молчу. Взгляд его полностью отдается дороге.

Как только машина въезжает во двор и ворота медленно возобновляют оборону, ловлю себя на том, что или перепила лимонада или мне дурно. Ухватившись за дверцу, бросаю тревожный взгляд, надеясь, что никто не заметил. Безуспешно надеюсь, потому что водитель смотрит прямо на меня. Расправляю плечи и иду вперед, я всегда так, чем хуже мне — тем плечи ровней, а подбородок выше. В комнате первым делом распахиваю окна: глотнуть воздуха, свежего, настоящего, не хочу мерзнуть под искусственными потоками кондиционера. Поворачиваю ручку и едва не задыхаюсь от едкого запаха.

Ужас, да что это?! Жареный кот на шашлыки у соседей? Подышала называется свежим воздухом!

Я практически закрываю окно, когда визуальный сигнал наконец до меня доходит. Костер. Действительно, костер. Посреди цветущего сада. Именно он ярко плещется рыжими языками, издавая непереносимую вонь, а рядом с ним сидит маленький мальчик. Сидит, улыбается и смотрит на меня. Его не тревожит вонь, не пугает пламя, ему не жаль моих вещей, которыми он подпитывает огонь...

В оцепенении смотрю, как плавится последняя клетчатая сумка; захлопываю окно. Съезживаюсь в кресле, не отрывая взгляда от двери: надо бы запереть, но не могу пошевелиться. Как маятник раскачиваюсь, а встать не могу. Мне почему-то страшно и кажется только сделаю шаг — дверь распахнется и я увижу эти глаза отчаяния, и не смогу сдержаться, ударю. Больно ударю. А детей бить нельзя, они помнят, и даже если хотят, не прощают.

И страхи мои воплощаются. Как всегда. Бояться нельзя, нельзя! Все страхи воплощаются в жизнь. В приоткрытую дверь просовывается улыбчивая рожица, а темные глаза блестят злостью.

— Уйди, — прошу его по-хорошему.

Хлопает дверь, топот шагов по коридору, но вскоре дверь приоткрывается, и мои страхи развеивает равнодушный женский голос.

— Ох, это надо же! Ох, ну и получит же он от Ярослава Владимировича! Ох, вам плохо! Попейте, это чай, как вы любите. Я как только увидела, что натворил этот мальчишка и что вы приехали, сразу и заварила. А Ярославу Владимировичу уже позвонили, вы не волнуйтесь! Он скоро будет. Не мог раньше вырваться, не мог. Ох, и попадет же этому мальчишке! Он неплохой, вы не думайте, он хороший... Ох, пейте, пейте, Злата Юрьевна...

Чай вкусный и я с благодарностью его пью, несмотря на то, что это уже четвертая чашка и ночью я теперь вряд ли усну. Впрочем, я вряд ли усну после того, что увидела: на клумбе, что так похожа на алую простынь, костер, а вместо дров умирающие цветы и мои вещи...

Теперь я понимаю, почему мне стало нехорошо, едва приблизились к дому. Но страшен не костер и нето, что я лишилась своих вещей, меня бросает в дрожь, как вспомню глаза

мальчика: отчаянная ненависть, тоска и бессилие. Слишком знакомый коктейль, чтобы перепутать.

— Где его комната?

Повариха растерянно хлопает глазами и повторяет и повторяет, что мальчик хороший и что Ярослав Владимирович сам с ним разберется, но я все-таки получаю ответ на вопрос. Комната Егора на третьем этаже, куда мы не поднимались — я думала, там чердак. Просторная комната, необъятная комната и совершенно неподходящая для ребенка, пусть даже притворяющегося взрослым. Ни одного плаката, ни одной фотографии, ни одного журнала для мальчиков. Кровать в размерах не уступает нашей, покрывало коричневых расцветок, мрачный, почти черный ковролин на полу, шкаф, стол, диски по иностранному языку и натюрморты на стенах.

— Зачем ты пришла?! — вскидывается зверьком.

Но я иду к нему, сажусь на кровать рядом и спрашиваю:

— Тебе никто не говорил, что прежде чем лечь спать, нужно снять верхнюю одежду?

— Я не сплю! — огрызается и прячет лицо в подушку. Через минуту он оборачивается и бормочет растерянно: — Тебе никто не говорил, что прежде чем зайти в чужую комнату, нужно постучать в дверь?

Ну вот, так-то лучше. Есть контакт. Егор почти улыбается, когда дверь распаивается и в комнату входит Яр. Мне не нужно оборачиваться, чтобы знать это: выдают его запах, его довлеющая надо мной аура, его тихие шаги и мое громкое сердце.

Он останавливается за спиной, кладет руки мне на плечи и сжимает, чуть сильнее, чем приятно, почти больно. Я кладу свои ладони поверх его, и мы оба молчим.

— Я... — голос Егора срывается.

Ни муж, ни я не торопим его.

— Я осознаю, что совершил глупый, детский поступок, не достойный отпрыска семьи Самарских, — на одном дыхании говорит мальчик, но во взгляде что угодно, кроме раскаянья.

— Не в первый раз, — замечает Яр, и глаза мальчика зло сверкают, прежде чем он успевает спрятаться за показным послушанием.

Ого, да у них в отношениях не трещина, а дыра, не хочется, чтобы из-за меня она превратилась в каньон.

— Я все равно не знала, куда разложить все эти вещи.

— Я все равно собирался обновить тебе гардероб, но это не оправдывает Егора, — голос мужа бесстрастен, но плечи мои он сжимает сильнее. — Ты дашь нам несколько минут?

И больше дам, если проблема решится.

Встаю, обнимаю мужа, потому что мне нравится его обнимать и потому, что кажется, мои объятия удержат его от неправильного поступка. Наверное, в моих глазах что-то все-таки отражается, потому что Яр склоняет лицо, якобы поцеловать в ушко, но сам шепчет:

— Я не трону его, обещаю.

И я спускаюсь в нашу комнату и терпеливо жду Яра, но он заглядывает на минутку, поцеловать, сказать, что такое больше не повторится и принести за брата извинения.

— Конечно, не повторится, — соглашаюсь я, — у меня больше не осталось вещей, разве что он захочет выщипать зубную щетку.

Яр расслабляется, видя, что я не затаила обиду.

— Тебе к лицу моя рубашка, — целуя, забрасывает комплиментами. — И мой ремень на

твоей талии... Мм, это наводит меня на определенные мысли...

А меня наводит на определенные мысли подозрение: а как он узнал, что я вышагивала сегодня в его рубашке? Только пришел и сразу к мониторам, просмотреть записи за день? Но тогда это как минимум начальная стадия паранойи...

— Вечером, — со стоном отстраняется, посматривая на часы, и уже у порога бросает фразу, которая вводит меня в ступор сильнее, чем заманчивое обещание: — Больше никто в "Песке" не посмеет так с тобой обращаться.

Администраторше взбучка не повредит, хотя, если уж совсем честно, я понимаю, что простым смертным делать в таком салоне нечего, вот она и расслабилась. А мне расслабление поднадоело: походила по комнате, постояла у окна, глядя на сад — о недавнем происшествии напоминает теперь только лысая клумба и остатки едкого запаха; попыталась навязаться в помощницы поварихе, но в итоге была мягко выпровожена с очередной чашкой чая. Вот так люди и спиваются, взгрустнулось, и я сама не заметила, как снова оказалась у двери Егора.

Ну и зачем меня сюда притянуло? Стучу — тишина, но такая, когда чувствуешь, что за дверью кто-то есть. Вхожу. Мальчик сидит за учебниками, но подозреваю, вряд ли что-то в них видит: взгляд сосредоточенный, но пустой.

— Ты что, в профессора готовишься? — спрашиваю и несмотря на его явное нежелание, подхожу ближе. Мальчик сопит, наверное, продумывает очередную пакость.

— Я буду послом, — выдает высокомерно.

— А, ну да, — соглашаюсь, — послы они как раз обучены разжиганию конфликтов.

— Я знаю польский, английский и немецкий! — вскидывается.

— Ого! Как минимум трем державам стоит опасаться твоего назначения.

Захлопывает с силой книгу, упирается кулачками в стол и дышит драконом.

— Ну вот, — говорю я, — о чем и речь. Вместо того чтобы уладить конфликт, ты ведешься на провокацию.

Открывает книгу, хлопывает. Открывает, хлопывает.

— Ты на улицу выходишь, — спрашиваю, притворяясь слепой, — или у тебя прогулки только по саду?

— У меня не так много свободного времени, чтобы тратить его впустую.

— А барбекю из моих сумок? — невинно интересуюсь.

— Я уже извинился!

— Нет, — поправляю, — извинился твой брат. За тебя. А ты просто сказал, что ведешь себя недостойно семьи Самарских.

— И что, этого недостаточно?!

У меня возникает ощущение, что разговариваю с вредным старичком. Вот и понимает, что не прав, а из упрямства и типа — мне по возрасту можно дурь нести, не сдается. И слова подбирает такие, взрослые, а порывы неосознанные, детские.

— Ты действительно хочешь услышать мое мнение?

Он, видимо, сам удивляется, как звучит его вопрос, если переиначить и кивает скорее машинально.

— Я думаю, — осторожно подбираю слова, — что вести себя надо не так, как от тебя ожидает кто-то. А достойно самого себя. Но это в том случае, если у человека есть представления об обсуждаемом нами вопросе.

Егор склоняет голову и смотрит на меня как на говорящую рыбку. Помахать ему, что ли,

плавником и уплыть за безопасные водоросли?

— Нет, — говорит он сжато.

— Что нет?

— У меня прогулки не только по саду. Я могу гулять, где хочу и когда хочу, если сделал все задания.

— А что ж ты не стараешься? — удивляюсь. — Сделай все и свободен, а то весь бледный от своих книжек.

— А ты своего ребенка тоже будешь подговаривать отлынивать от учебы?

Невероятно, но происходит обмен улыбками. Неплохой мальчик может из него получиться, и может, в будущем станет хорошим посланцем. Если, конечно, он перестанет хвататься за ненависть, как за спасательный круг, если научится плавать сам, без пинка старшего брата.

— Неа, — говорю я, — буду подговаривать его объесться мороженым в ближайшем парке.

Темные глаза лихорадочно блестят.

— И сладкой ватой, — делаю вид, что ничего не замечаю. — Там еще и газировка вкуснющая! Но, конечно, если он сделает все задания...

Открывает книгу, быстро пробегается по строкам, закрывает, и это прогресс в их отношениях: не хлопает! И вот вижу, что хочет пойти, хочет и газировку, и вату, но молчит. И по большому счету, зачем мне все это надо? Проблемный мальчишка, который терпеть меня не может и ярко это продемонстрировал не далее как час назад, а я сижу рядом, соблазняя его прогулкой и пытаюсь установить контакт. Отчасти понятно, почему рыбки так близко к крючкам подплывают. И раз уж я подплыла...

— Ты все сделал на сегодня?

— Да, — говорит поспешно, но недоверчиво.

— А в парк хочешь?

— С тобой?

— Можешь и сам, но вдвоем веселее?

— Не уверен...

— Как знаешь, — быстрым шагом иду к двери. Прости, Яр, что могла, я сделала. Совесть, прощай, я старалась. И да здравствует парк, мороженое и сладкая вата, потому что я-то сидеть в доме в такой погожий денек точно не собираюсь!

— Эмм...

Оборачиваюсь у порога.

Егор нервно сплывает и смотрит, как я играю ручкой двери, мол, мне не терпится — что отвлекаешь?

— Я не уверен, что нам вдвоем с тобой может быть весело, — повторяет, будто я туго соображаю. — Но... я думаю...

— Ну-ну? — подталкиваю.

— Я думаю... мы можем попробовать?..

И в глазах столько ранимых чувств, что я на секунду теряюсь.

— Жду внизу, — говорю ему.

Беру в комнате сумочку, уцелевшую по странной случайности, немного наличных, и спускаюсь в холл. Макар, узнав о наших планах, рвется к машине, но я объясняю, что мы хотим прогуляться, а не проехать. Он внимательно слушает в чем разница и заявляет, что

между водителем и охранником, конечно, тоже разница есть, но это не избавляет нас с Егором от его присутствия.

В общем, гулять мы идем под конвоем.

Правда, пока доходим до парка, мне удастся уговорить Макара не маячить тенью за спиной, а идти рядом, не привлекая лишнего внимания.

— Не покрасоваться же идем! — резонно замечаю.

— Ага, точно! — подхватывает мальчик, косясь на мои бриджи. — Сильно ты покрасуешься в этом!

И замолкает под моим многозначительным взглядом, вспомнив, по чьей вине я вышагиваю в таком скромном даже по моим меркам виде. Но если злиться и намекать на одно и то же, так у нас прогулка и закончится немым хождением по дорожкам, поэтому предпринимаю попытку решить вопрос и поставить точку.

— Пообещай, что такая участь не постигнет гардероб, обещанный мне твоим братом и давай уже выберем по мороженому, а то жарко, — выдвигаю предложение, за которое получаю два вопросительных взгляда.

Водитель и мальчик верят в мои миролюбивые намерения так же сильно, как я верю, что это последняя выходка Егора. Но мороженое мы покупаем, и на качелях катаемся, и один из нас прыгает на батуте, крича, как резаный поросенок.

— Это... Это... А можно еще? — подбегает после прыжков.

— Ладно, — легко соглашаюсь, — мне не жалко, если тебе поплохее.

Плачу еще за полчаса и выбираю пустую скамеечку неподалеку. Журнал бы, хоть один из тех, что в салоне... Закрываю глаза, подставив лицо солнышку и наверное, падаю в дрему, потому что когда глаза открываю, Егор сидит рядышком. Согнувшись пополам, рассматривает свои кроссовки и дышит паровозиком.

— А, — догадываюсь, — допрыгался?

Он поднимает бледное лицо, и я поражаюсь, как искренне сияет вымученная улыбка.

— Еще хочешь? — спрашиваю невозмутимо.

— Ты денег, смотрю, не жалеешь, — отдышавшись, говорит он.

— Плохая привычка — считать чужие деньги, — учу плохиша жизни.

— Это деньги моего брата и я имею....

— Мои, — прерываю безумную реплику, не дослушав.

— Ты тратила на меня свои деньги? — поражается с кислой улыбкой.

— И на себя.

— После всего, что я сделал?!

— Ну а может, я рассчитываю тебя подкупить? — гашу его панику.

Он застывает с открытым ртом, и вопрос, кто теперь из нас рыбка. Подсчитывает мысленно и неуверенно так спрашивает:

— Подкупить?! За тридцать два пятьдесят?!

А я не выдерживаю и начинаю хохотать.

— Ну да, — говорю, вытирая выступившие слезы, — ты же пока не посол, расценки не в тысячах тугриков.

И впервые слышу, как он смеется, искренне, громко, по-детски. Некоторые прохожие оборачиваются, водитель смотрит недоуменно, а нам все равно хорошо и тепло и вообще...

— Прости меня, — говорит мальчик, а я не строю из себя злючку и не уточняю за что и думает ли он, что за одно слово можно сразу простить.

Киваю.

Можно. Уже. Хочу обнять его, погладить по густым волосам, но не решаюсь. Прикупив по большому шару сладкой ваты на палочке, мы идем неспешно домой. Посигналив, нас объезжает вишневая машина, и пока мы доходим, Яр уже стоит у двери дома, улыбаясь нам.

— Ваты больше нет? — спрашивает.

— Неа! — радостно выкрикивает печальную весть Егор.

А я смотрю на них двоих, таких похожих и разных, в лучах заходящего солнца, и чувствую, как в моей душе поднимается рассвет, а прятаться в тень поздно.

После сытного ужина Егор, позевывая, уходит к себе в комнату, а мы с Яром сидим в обнимку в гостиной и смотрим, как пляшет огонь в камине. Мне не жарко, несмотря на то, что за окном лето, а у нас камин, настоящий, трепещущий пламенем, и так близко, что протяни руку — обожжет. Думаю, все дело в кондиционере.

Но удивительно, что не возникает плохих ассоциаций из-за недавних событий. Такое ощущение, что все идет правильно, что не было ни пожара, ни запаха от пластиковых сумок с моими вещами, ни пугающего ненавистью взгляда мальчика.

Наверное, потому, что со мной Яр.

Мне уютно с ним, безопасно и вообще... удобно вот так, вертеть в руке бокал с вином, урожая не помню какого года, цедить один глоток в час и наслаждаться аурой силы, чувством защищенности и живым теплом человека, который еще несколько дней назад был чужим, неожиданно вошел в мою жизнь и остался.

Бывший чужой, но теперь мой, по сути и перед законом.

Мой, а я так мало о нем знаю. Все еще мало. Он неохотно говорит о себе, да и то не говорит, а отшучивается. Да, богат, неприлично богат — стерпишь? И смотрит притворно жалостливо, словно из-за денег я могу выгнать его из собственного дома, как кота подзаборного.

— То, что ты богат, мы еще в день знакомства выяснили, — напоминаю ему.

— Ах, ну да, Армани, Стефано Риччи и мои часы с бриллиантами.

Я сижу спиной к нему, но одна из рук Яра обнимает мою талию и я могу еще раз полюбоваться черными камнями на часах.

— Так все-таки бриллианты? — спрашиваю.

— Все-таки я неприлично богат, — улыбается мне в шею, и щекочет дыханием.

Я вытягиваю руку, кручу в свете камина свое кольцо.

— А у меня камень красивей, — хвастаюсь.

Яр отстраняется, настроение его резко падает, и мне приходится быстренько исправлять положение. Поворачиваюсь, целую лицо, целую брови, веки, медленно подкрадываюсь к губам и, чуть помедлив, встречаю потемневший взгляд.

— Кольцо красивое, — говорю снова, несмотря на готовящуюся бурю. — Но ты все равно лучше.

Недоверчиво приподнимает бровь, потом, усмехаясь, откидывается на спинку дивана.

— А, — улыбается довольно, будто впервые собрал кубик Рубика, — это потому, что кольцо одно, а я могу купить таких множество.

Все, снова он король положения, гроза развеивается, не начавшись. Обнимает меня, подливает вино, и опять отшучивается, когда возобновляю вопросы. Да, был женат, да, любил, да, прошло. Как звали? Вот здесь настроение снова меняется.

— Тебе и правда интересно?

— Нет, — отпускаю и эту тему, потягивая вино.

Прошу немного рассказать о родителях, но Яр качает головой.

— Но почему? — удивляюсь я.

— Давай лучше о твоих.

— Моих? Мои самые обычные. Отец — шахтер, мать — строитель. — Он вдохновляется, я почти час болтаю без остановки, но в конце все равно возвращаюсь к началу. — А что с твоими не так?

— Все так, — после длительной паузы сдается, но говорит неохотно. — Умные, образованные, интеллигентные, очень состоятельные. Они дали мне все для успеха в жизни. Если хочешь, они стали моей отправной точкой.

— Ну? — подначиваю продолжить, но Яр зевает. Подозреваю, притворно зевает, потому что обычно он ложится гораздо позже, и засыпает не сразу.

— Ну что еще? — удивляется. — Сейчас они в Нидерландах.

— Отдыхают?

— Живут.

— Давно?

— Года два-три.

— А Егор?

— А Егор живет со мной, строит козни моей жене и вводит меня в траты.

Поражаюсь, как просто он говорит обо всем, потому что если перевести на мой язык, получается, что родители подкинули Яру своего младшего отпрыска, который обходится в копейку, а сами беспечно так прожигают жизнь. Но больше меня удивляет намек мужа на некие траты.

— А я тоже тебе дорого обхожусь? — спрашиваю, затаив дыхание и мысленно подсчитывая, сколько потратил на свадьбу, а сама делаю вид, что ответ меня мало интересует.

— Конечно, — говорит Яр, и я уже вспыхиваю праведным гневом, когда чувствую поцелуй в шею и слышу смех.

— А, так ты пошутил?

— Ничуть, — дарит еще один поцелуй. — Я докажу тебе позже.

— Как?

— Позже.

— Сейчас.

— Нет.

— Почему нет? — размахиваю, как шпагой, бокалом.

— Я в прокуратуру не записывался, — отбирает бокал, ставит его на столик и все, не подливает, но и не возвращает, хотя вино в нем еще оставалось.

— Ни тайну узнать, ни напиться, — ворчу, но Яра мое недовольство не впечатляет.

— Думаешь, я тебя прячу от своих родителей? — ага, зрит в корень. — Они знают, что я женился, так что нет здесь никакой тайны, а моя работа... У меня есть несколько предприятий, которые приносят доход, я ни у кого не ворую — мне кажется, вот и все, что нужно знать моей молодой жене. Ты же не планируешь пристроить мне резюме по благу?

— А что, можно? — загораюсь я, потому что сидеть дома порядочно притомилась и потому, что у меня прекрасное настроение после слов Яра.

Он смеется.

— Я помню, что у тебя высшее образование, в курсе, что ты бойкая, но работать на меня ты не будешь.

— А что я буду делать? — дурачусь.

Задумывается. Серьезно задумывается, потому что молчит минут десять. А потом

выдает:

— Хочешь руководить салоном?

— Каким салоном? — спрашиваю, а на душе уже как-то не хорошо.

— "Песком". Там как раз уволилась администратор.

Значит, он не просто поговорил с ней. На душе еще паршивей: не хочу, чтобы из-за меня кому-то становилось хуже. У человека может быть ребенок, которого нужно кормить, или муж, с которым они выплачивают кредит, или... Да масса вариантов, а я не хочу вбивать гвоздь в крышу чьей-то карьеры — как минимум.

— Ты уволил ее из-за меня?

— Я уволил ее, потому что она плохо справлялась со своими обязанностями.

— Значит, из-за меня...

— Значит, ты не слушаешь то, что я говорю, — строго внушает Яр. — На месте тебя и Ларисы мог оказаться совершенно любой человек, да, я мог не узнать, как ведет себя администратор, в обязанности которого входит удерживать и привлекать клиентов, а не выставлять их за двери. Но это оказалась ты и я узнал, вот и все.

— Но ведь сама я вряд ли могла стать клиентом твоего салона.

— Почему? — такое искренне удивление, тогда как ответ очевиден.

— У тебя, знаешь ли, там очень дорого.

— Да? — удивляется еще больше.

— Нет, ну для богемы в самый раз, наверное... я не знаю... но я...

— Надо пересмотреть цены, — выждав, когда я проямлю объяснения, говорит Яр. — Но ты права, салон не для бедных. Бедному человеку проще отращивать косы, — накручивает мои волосы на кулак, — а деньги потратить на продукты. Но он и не для богемы. Это средний уровень. По крайней мере, так изначально задумывалось. Иногда туда приходят барышни, которые не могут заработать даже на семечки, но у них есть тот, кто за все платит. Иногда клиентки в таких диких нарядах, что кажется, только что из рядов сэконд-хэнда, но ты бы, конечно, поняла, что одежда дизайнерская.

— Конечно, — киваю уверенно, — до агентства недвижимости я целых три месяца работала в бутике.

Уловив нотки иронии, Яр улыбается.

— А еще где?

— Много где еще, — так же, как он, напускаю тумана. — Но, думаю, что для молодого мужа знаний обо мне пока хватит.

— Как скажешь, — салютует бокалом, и отпускает мои косы, — у меня свои методы сбора информации.

У него, кстати, бокал, а у меня только он, и я обнимаю его двумя руками, удобно пристроившись на груди.

— Опять будешь пытаться Ларису?

— С этим прекрасно справляется Стас.

И вот мы смеемся вдвоем, и почему-то ни капельки не обидно, что подруга падка на красивых мужчин. Она заслуживает немного счастья, и если я поучаствую в этом пусть даже косвенно...

— А он женат?

— Поздно встрепенулась, ты замужем.

— Да я не за себя переживаю.

— Твоя подруга нигде не пропадет, — уходит от ответа и думается мне, уходит потому, что там не все чисто, а не просто ответить лень. Достаяю одним и тем же вопросом — держится, прибегаю к опробованному методу с поцелуями — вздыхает, но сдается. — Не женат, но я не думаю, что у него и твоей подруги может быть серьезно.

— Почему нет?

Опять долго отнекивается, пока я не обцеловываю все лицо и не спускаюсь к шее, и вообще я готова спуститься и дальше, но ведь в гостиной камеры.

— Лариса ему не подходит, — утешительно целует в уголок губ. — Стас ищет... такую, как ты.

— Как я? — переспрашиваю, а в горле ком. — Ну да, вам всем подавай по девственнице, а сами!..

— А сами, — перехватывает мои руки, прижимает к своей груди, — а сами делаем все, чтобы не только удовлетворить выбранную девственницу, но и обеспечить.

Он говорит тихо, не повышая голоса, но мне кажется, где-то вдали предупреждающе гремят барабаны. Он поднимается, подходит к камину, он в трех шагах от меня, а мне кажется, между нами образуются горы и океаны. И так холодно, и так одиноко и так пусто становится, и так плохо... Мне так плохо, что я, подавив стон, сгибаюсь пополам, едва не расквасив нос, падаю на пол и сквозь приступы боли слышу родной, почти потерянный мною голос. Он волнуется, он зовет меня, зовет еще кого-то... Паника... Сильные руки... Мой любимый запах сандала с грейпфрутом... Не хочу его отпускать... Не хочу... Он уходит?..

— Не бросай меня, — не уверена, что он слышит, но снова улавливаю запах сандала и успокаиваюсь.

Мы едем... Нет, меня куда-то несут... Тепло, мягко, и так плохо... Так плохо, что... Ох, нет... стыдно...

— Уйди, — прошу его, но он рядом.

Спазм скручивает меня вновь, и я обнимаю холодную миску, пытаюсь приложить ее ко лбу. Кажется, у меня температура. Кажется, я умираю. Кажется, я как Винни-Пух, переела, а теперь вот чуточку спухла... только никуда меня не несите больше, а то мне все еще дурно...

— Уйди, не хочу, чтобы ты видел...

И падаю в забытье, и знаю, что не уходит, держит за руку, кому-то настойчиво звонит и очень зло говорит в трубку. Оставляет в покое невинный телефон, чем-то прохладным обтирает мое лицо, и дышать легче. Постепенно в мой мир врываются голоса, и я могу различать их, и даже понимаю, о чем речь. Вот голос Яра, а вот кого-то незнакомого мне, кто садится на кровать, чем-то тарыхтит, дает что-то выпить и долго молчит. Так долго, что я успеваю вздремнуть, потому что когда открываю глаза, незнакомца в комнате нет. Только Яр, окрашенный заходящим солнцем, и он так обвиняющее на меня смотрит, что натягиваю плед по самые глаза и подсматриваю из убежища.

— Больше никогда... — говорит он, не приближаясь и совсем не зло, а скорее взволнованно. — Больше никогда не пей на улице сладкую газировку! Обещаешь?

Киваю, поражаясь, как догадался, что буду молчать, пока он отдает приказы.

— А что, доктор приходил, да?

— Да.

— Повариха рада?

Я так хитро улыбаюсь, что Яр прекращает хмуриться.

— Я не проверял, но не слышал, чтобы доктор вышел из дома.

— Еще бы! — хихикаю, но вижу, что Яр невозмутимо серьезен. — А как бы ты интересно, услышал? Ты же, по-моему, и не выходил из комнаты.

Он ждет, пока меня осенит, и я пытаюсь оправдать ожидания. Так, подумаем, камеры в нашей комнате нет, поэтому остаются "дятлы", которым не лень постукивать даже о моем платье.

— Спи, — предлагает Яр.

— Мне кажется, я уже выпалась. — Пытаюсь подняться и он тут же оказывается рядом, смотрит с неммым укором в глазах, что сама не замечаю, как начинаю оправдываться: — Хочу помыться и зубы почистить.

Поднимает на руки, а взгляд предупреждает — только попробуй поспорить! Терпеливо молчу даже когда включает воду, раздевает меня, а пока чищу зубы, опускает в пенную ванну и раздевается сам. И вот здесь я тоже молчу, но терпение мое на исходе.

— Поторопись, — прошу его хрипло.

— Я уже мылся, — говорит он. — Так просто, посижу с тобой.

Ага, дам я ему отсидеться! Со мной — да, посидеть — да, но один из нас будет в движении, и так как мне еще совсем недавно было очень плохо...

Вода плещется на пол, Яр окутывает меня страстью, вынуждая хрипеть неразборчивую чушь, я так близко к тому, чтобы перейти за грань, и он почти на грани и подталкивает меня, подталкивает и зовет за собой, и я делаю шаг и...

— Ей что, все еще дурно?!

... И остываю мгновенно, услышав в двух шагах от себя детский голос. Прячусь за плечо Яра, а до него, кажется, только доходит, что в ванной у нас посетитель. Он оборачивается к ребенку, но прежде я вцепляюсь в него, чтобы не переборщил, чтобы не кричал, чтобы решил вопрос мирно. И он понимает мою просьбу, гладит по щеке, и говорит негромко и без злости, что мне хорошо, пусть мальчик не переживает, и будет еще лучше, если закончить лечебный массаж.

— Ага, — прыскает смехом мальчишка. — Я уже давно не маленький и знаю, что ты сейчас массируешь.

— Егор, — вот теперь голос мужа звучит угрожающе.

— Я только не думал, что массаж, это, — мальчик брезгливо морщится, — так мокро...

Просить не приходится — сам закрывает дверь и уходит.

— Продолжим? — едва не мурлычет Яр.

И мы с удовольствием продолжаем, но за грань переходит один из нас. Мне постоянно кажется, что снова войдет Егор, и зажимаюсь внутренне, ничего не могу с собой сделать, несмотря на поощряющие слова мужа.

Но Яр если и разочарован, то не показывает этого.

Долго целует, пока не остывает вода, а потом вспоминает, что обещал мне доказать, как дорого я ему обхожусь и подхватывает, торопит, выталкивает из ванной. Тащит в угол, хитро улыбаясь.

— Неужели накажешь? — притворяюсь испуганной и повисаю клещом на предплечье — Позволь, я вымолю у тебя прощение!

Он удивленно оборачивается, в вечернем свете солнца его волосы отдают рыжеватым отливом, и все, мне и не нужно его разрешение!

Тяну за ворот его халата, тянусь сама и целую, жадно целую, так, будто не виделись год,

так, будто умру здесь, на этом белом ковролине, в его комнате, если не поддастся на уговоры моих губ. И дико радуюсь, что ограничивается минутным замешательством, а дольше уговаривать не приходится.

Его халат распахнут, мой отброшен на ковролин. Яр подхватывает меня, прислоняет к стене, потом слегка смещается в угол, в тот самый, для предполагаемого наказания. И я так завожусь, что ничего не вижу, кроме пшеничных волос с рыжиной и темных глаз с искринками смеха; и ничего не чувствую, кроме рук, губ и рвущейся наружу страсти. Он мой. Он для меня. Он со мной. А я растворяюсь в нем, и уже вижу звезды и фейерверки когда происходит дежавю...

— Я думал, вы закончили со своим лечебным массажем, а вы... — возмущается мальчик, отворачиваясь от нас, прилипших к стене. — Даже спокойной ночи вам некогда сказать!

Хлопает громко дверью и уходит.

— А говорят, что два раза в одну воронку... — Яр отпускает мои ноги, тяжело дыша, накидывает мне на плечи халат. — Ну и денек, — садится в кресло, усаживает меня к себе на колени, и мы оба пытаемся отдышаться от дважды прерванного марафона.

— Придется пожелать ему добрых снов, — хмыкаю я. — А то ночь впереди, а твой брат очень настойчив.

— Ты хочешь, чтобы это сделал я? — поражается он.

— А ты никогда этого не делал? — поражаюсь в свою очередь.

— Ну...

— Ясно. — Не хочу подозревать его родителей во всех тяжких, но думается мне, что и Яру никто не желал добрых снов. Объясняю, что ребенку надо говорить ласковые слова на ночь (пусть хоть так для начала) и что так принято, и что это как оберег от плохих снов. Слушает меня внимательно, кивает изредка. Тяжело выдыхает, решившись, и встает. Мне, соответственно, тоже приходится встать, потому что я у него на коленях.

— Зайду к нему, — говорит Яр, — а ты пока посмотри, что я имел в виду.

Ничего не понимая, иду опять в угол, а тот после легкого прикосновения распахивается, преобразуясь в гардеробную. Платья, свитера, яркие кофточки, обувь в коробках...

— Все твоего размера, — опережает вопрос Яр. — Новое, никто не носил.

— А если мне не все понравится? — спрашиваю осторожно, потому что уже вижу, как это дорого и не хочу, чтобы он спускал деньги в корзину, как свадебные платье.

— Я и не надеюсь, что тебе понравится все. Светлана еще слишком мало знает о твоём вкусе, поэтому и прислала эти кружева. Джинсы там тоже есть, — ободряет, — а что не понравится, она вернет в магазины.

Я уже веселее смотрю на все эти новшества и даже радостно повизгиваю, когда натыкаюсь на джинсы, майки, бриджи, рубашки, кеды, босоножки, и кружева не пугают ценой. Яр понимает, что мне есть чем заняться и уходит к брату. Возвращается быстро или я так увлеклась рассматриванием белья.

— Спасибо! — чмокаю его благодарно, а он довольный собой, важно кивает. — Ну как?

Он бегло осматривает меня, думая, что я в новинке, но потом понимает, что я о Егоре и успокаивается.

— Зашел, — говорит задумчиво, — пожелал.

— И? — ну вот все надо вытаскивать из него!

— А он мне сказал спасибо. — И смотрит растерянно. — Не пожелал, мол, и тебе тогс

же, не удивился, что я вообще пришел. А серьезно так говорит: спасибо.

— И что тебя не устраивает?

— Ты тоже сказала мне спасибо.

— Ну да, — соглашаюсь, а понять пока не могу.

— Но я ведь ему ничего не купил! А такое ощущение, что у нас товарно-денежные отношения!

— Ну знаешь... — отхожу к окошку, потому что фраза меня задевает. — Надо ребенку не раз в пятилетку желать добрых снов, когда он думает, что выклянул у тебя это. И не будет его "спасибо" напоминать товарно-денежные отношения. От чистого сердца делать надо.

Стою, пыхчу втихаря, и не оборачиваюсь, когда он подходит.

— Прости, — говорит покаянно, — я все понял.

И я оборачиваюсь, потому что не злюсь больше и потому, что прощаю. И еще есть причина, о которой не хочу даже думать, но она настойчиво врывается в мои размышления, заполняет собой все мысли и делает на душе смуту... Таковую смуту, что даже когда легли в постель, Яр после событий долгого дня уснул быстро, а я все думаю, думаю, кручусь, кручусь и ни в одном глазу.

Но я виню во всем чай. Если бы не он, выспалась бы, голова к утру просветлела и выбила из мыслей дурь, потому что это неправильно и действительно глупо...

Так не бывает, не должно быть, не со мной — это точно.

Переворачиваюсь на другой бок, лицом к мужу, рассматриваю его в тусклом свете луны. Просто закон притяжения, убеждаю себя, он — мой первый мужчина и он такой... Мои пальцы скользят по его груди, обводят темные соски и возвращаются к сердцу. Узнать бы его чувства и тогда в свои можно окунуться, а так...

А какие мои?!

Притяжение, притяжение, естественное притяжение — разучиваю новую мантру, и со временем начинаю сама себе верить. Самовнушение — великая вещь, вот если бы Лариса убедила себя, что встретит мужчину, мечтающего о такой жене, как она, не пылилось бы в шкафу свадебное платье...

О, замечая, хорошо, что я переключилась на кого-то другого, потому что думать постоянно об одном человеке, да еще о чувствах к этому человеку, да еще когда не знаешь, что он чувствует к тебе...

Ну вот, опять...

Вздыхаю, отворачиваюсь к стенке и уже почти отвлекаюсь и почти и не думаю о мужчине, лежащем рядом, но вдруг чувствую, как его рука ложится на мой бок, и... снова по новой... думаю только о нем.

Усну я этой ночью или нет?!

Яр прижимается ближе, словно чувствует мое раздражение, его ровное дыхание убаюкивает и я начинаю теряться в закоулках долгожданного сна. А все-таки вечер был удивительным, размышляю сонно, и взгляд Яра, и улыбка, и ужин при свечах стоили того, чтобы так долго ворочаться. И Егор вел себя пайнкой. Временно, не думаю, что один поход в парк создаст из воздуха дружбу, но ничего, теперь я знаю, за что стоит бороться...

Точнее, за кого...

Мое отравление чуть подпортило вечер, но зато никто не сидел без дела, столько внимания, столько заботы... хоть иди и завтра опять травись стаканчиком газировки...

Хорошо, Егор в парке не пил, а то Яр замучился бы с тазиками между нами бегать...

Спать! Все, спать!

Какой из меня борец? Хихикаю втихаря. Борец никакой, по крайней мере, в открытую, потому что уверена: проиграю и сдамся противнику при малейшей угрозе пыток. Я — женщина. Я — мирный воин. Но кое-кому, если очень попросит, позволю взять себя в плен...

— Яр?.. Ты спишь, да?

Он сонно мычит.

— А, может, вернешь администраторшу в салон, а?

Переворачивается на другой бок.

— Это расценивать как "нет"?

Молчит, но я прислоняюсь к нему, глажу его плоский живот и жду. Не напрасно жду, потому что минуты через две он то ли вспоминает вопрос, то ли успевает его обдумать, то ли просто мечтает, чтобы его оставили в покое, и сонно говорит:

— Хорошо, я подумаю.

Пытаюсь отодвинуться — неа, держит мою руку, значит, не хочет, чтобы оставила его в покое. Значит, всерьез обдумывал. Радуюсь так, будто это меня на работу взяли, хотя по сути упускаю отличный шанс сменить плавно-размеренную жизнь на что-то новенькое.

— Яр, — я даже подскакиваю, вспомнив об одной важной детали. — А врач ушел или еще нет?

— Спи, — смешок. — Какая тебе разница?

— Ну как же, — говорю, — посторонний человек в доме...

— А еще водители, охранники, повариха... — Переворачивается ко мне, устраивает у себя под мышкой и шепчет сонно в волосы: — Медом пахнешь... вкусно...

Прислушиваюсь к его мерному дыханию и тоже позволяю пленить себя сну, не догадываясь, что уже завтра вспомню добрым словом размеренное уныние и что хочу или нет, а меня втянут в войну, в которой я буду вовсе не миротворцем...

Видно, что повариха сильно удивилась, когда вместо завтрака в комнате я зашла на кухню, но не возразила и не пыталась показать мне, как я здесь всем мешаю. Приятная женщина, я так рада, что первое впечатление не оказалось обманчивым. Вот сижу, хлюпаю зеленый чай, сырком заедаю и все это под байки, какой Ярослав Владимирович хороший хозяин. А мне ведь интересно, я очень хочу узнать его чуточку лучше.

В какой-то момент повариха пытается перевести тему на меня, мол, я мудро поступила вчера с Егором, но я уваливаю. О себе я и так все знаю, а разговор о Егоре мысленно перебрасывает меня к пикантным событиям, свидетелем которых он стал.

Нет уж, лучше о Ярославе Владимировиче. И я с улыбкой киваю, когда она снова принимается его расхваливать.

— Повезло вам с мужем, — улыбается повариха.

И здесь не спорю. Кому расскажи — не поверит: обычная провинциальная девушка, которая о принце и не мечтала, попадает в настоящую сказку с настоящим, живым королем. На безымянном пальце у меня кольцо с желтым бриллиантом, шкаф трещит от дизайнерских шмоток, и завтракаю я в бело-коралловом платье в горошек от Лилии Пустовит. Глянула в зеркало прежде чем вниз спуститься, и сама себе позавидовала. Если бы мы встретились с Ярмом сейчас, я бы поверила, что могла ему понравиться, а тогда — в джинсах и майке с оптового рынка... Сработал эффект неожиданности и случай, а так он бы вряд ли меня заметил. Я даже на фоне Ларисы явно проигрываю. Она — яркая, легкая, взбалмошная шатенка с приветственной в глубоком вырезе грудью, а я...

А я — это я. Самоедством не занимаюсь, но и цены себе не набиваю.

В общем, сижу, чаевничаю, всем, как мартовская кошка, довольная и вот на кухню заходит мрачный Егор. Вместо доброго утра пробубнил что-то невразумительное и на стул напротив взобрался.

— Ты чего такой задумчивый с утра? — спрашиваю, пока повариха балует его блинчиками с земляничным чаем. А сама прикидываю, что Яр, наверное, тоже на кухне завтракает и только я по-королевски, с доставкой.

— Настроения нет, — говорит он и еще мрачней делается.

— Создай, — делюсь опытом.

— Интересно, как? — бросает язвительный взгляд, и прям расцветает от перспективы, что можно с кем-то погрызться. — Пройтись в парк, выпить по сладкой газировке?

— Это мне от чая плохо было, — вру.

— Ну коне-ечно, — тянет недоверчиво, и прыскает в кулачок. А я и сама готова рассмеяться, как вдруг... одна мысль подкрадывается, окапывается незаметно и елозит, елозит... А с чего все решили, что плохо мне именно от газировки?

Отставляю чай, и мчусь в комнату. Набираю Яра, потом до меня доходит, что он может быть очень занят, но раз взял трубку, спрашиваю, что хотела.

— Яр, а с чего ты решил, что я отравилась газировкой?

— А ты не отравилась? — подшучивает.

— Нет, — говорю, — мне было плохо...

— Ах, все-таки?

— Да, — киваю, будто он может меня видеть, — но почему ты решил, что плохо мне было именно от газировки?

— Ну а что ты еще ела вне дома? Сладкую вату и мороженое? Да, но Егор чувствовал себя хорошо.

— Я пила чай, — выдавливаю, холодея от осознания, что попала в точку.

— Я тоже пью по утрам зеленый чай, Злата, — говорит муж сдержанно, но видно, что ему разговор перестает нравиться.

— Да, но...

Не знаю, говорить ему или нет, потому что одно дело — мои подозрения, и другое — факты.

— Что "но"? — въедливо интересуется.

— Пока ничего. До вечера, — нажимаю отбой, но тут же идет вызов.

— Что "но", Злата?

Ох, голос как вечная мерзлота, и я застываю в нерешительности. Не хочется оговорить человека просто так, тем более что сама вчера за него вступилась, и вообще, на все должны быть причины, а я их здесь в упор не вижу. Только знаю, что права, но не знаю, почему все именно так.

Но если не скажу мужу о своих сомнениях, так и буду терзаться и возводить мысленно напраслину — лучше уж выговориться, выслушать, как я заблуждаюсь и закрыть тему.

— Яр, — решаюсь, — я вчера пила чай в салоне.

Он молчит, и я сожалею, что начала этот разговор, к тому же, он наверняка занят, а тут я...

— И он был теплым и каким-то... невкусным...

Не понимаю, зачем продолжаю рассказывать об этом чае, уже хочу снова нажать отбой, когда слышу спокойный голос Яра.

— Я тебя понял. — И отбой нажал он.

Ругаю себя, чертыхаюсь, как сапожник, и конечно, мало мне выглядеть дурочкой перед мужем, нужен еще и свидетель моего сквернословия. В дверях совершенно беззастенчиво стоит Егор. Ситуация его явно развеяла, потому что и следа нет мрачности и дурного настроения. Смотрит задумчиво, будто в уме геометрическую задачку решает, а потом говорит мне совершенно безэмоционально:

— Она была его любовницей.

— Кто? — это вопрос из разряда обычных, когда знаешь о ком речь, но оттягиваешь момент.

— Администратор в салоне.

Егор выходит из комнаты — типа, цирк уехал, а забытый клоун уже не весел. Через минуту, правда, возвращается. Я слышу его шаги по ковролину, слышу вздох, удачно сымитированный под сочувственный, слышу шорох на кровати. Перевожу взгляд и вижу карандашные рисунки на альбомных листах. На них темноволосая девушка с короткой стрижкой идет в длинном сарафане по пляжу. Темноволосая девушка сидит на берегу, словно в ожидании своего Грея. Темноволосая девушка дремлет, прислонившись к окну покрытого инеем трамвая...

Смотрю на нее и не вижу ничего, что бы могло вскружить голову такому мужчине, как Яр. Я представляла ее совсем иначе, девушку, чьи портреты мой муж хранит уже несколько лет.

Насмотревшись, собираю рисунки, иду в кабинет Яра, кладу в верхний ящик.

— Я хочу, чтобы ты перестала питать иллюзии, — говорит Егор, но я отодвигаю его, возвращаюсь в комнату и запираю дверь: хватит с меня на сегодня его визитов.

Но мальчишка упрямый, я стою по одну сторону двери, он прислоняется с другой и говорит:

— Ты видишь, что тебе хочется, даже не вглядываясь толком. Посмотри на моего брата внимательней. Посмотри на меня. Да весь этот дом — мишура.

Я отмалчиваюсь, опускаюсь вдоль двери и глубоко дышу, чтобы не расплакаться от обиды. Почему когда ты нараспашку, кто-то норовит плюнуть, чтобы ты запахнулся? Брат моего мужа меня не переносит. Мой муж дорожит незнакомой девушкой, а я...

Губы начинают подрагивать, но не поддаюсь. Пусть так, один ненавидит, второй любит другую, но зато теперь я знаю, что в моей виртуальной сопернице нет ничего особенного. Как и во мне, впрочем.

Но у меня преимущество: она неизвестно где, а я с Яром.

Прежде чем распахнуть дверь, предусмотрительно отхожу на шаг. Так и есть, мальчишка вваливается спиной в комнату и сопит обиженно — мол, че разбудила? А потом замечает мою улыбку и, сдается мне, собирается покрутить пальцем у виска. Но только действительно идиот поделится стратегическими планами ради минутного оправдания. Пусть думает себе, что хочет, пусть взламывает еще какие-нибудь секреты Яра, а я буду идти по осколкам своих грез, но не в сторону, а приближаясь.

— Ты сюда? — спрашиваю мальчишку и пока соображает, что ответить, обхожу, оставляя открытой дверь. Пусть копается в вещах, пусть палит, если денег брата не жалко, а я хочу вдохнуть свежего воздуха, хочу вырваться из золоченого окружения.

Водитель настаивает, чтобы сопроводить меня, пожимаю плечами — пусть. Иду вдоль особняков за высокими заборами, в ту часть парка, что не тронута деньгами и цивилизацией. Вдали слышны детские голоса, но здесь почти никого нет. Один-два прохожих с маленькими собачками. Люди одеты просто, не на показ, а именно для прогулки с животными, под шорох высоких деревьев.

Одинокая лавочка с пылью и облупленной краской. Сажусь на нее. Рядом присаживается водитель. Молчим, пока звонок мобильного не разрывает приятную тишину. Не мой мобильный, а водителя.

— Да, Ярослав Владимирович. — Пауза. — Да.

Водитель передает трубку мне.

— Да? — спрашиваю спокойно, так, будто не видела рисунков девушки и будто меня они не задели. Но радость от звонка мужа изобразить не выходит. Чувствует или скорее — уже в курсе, что я видела портрет его незнакомки. Голос его так же спокоен, но почти осязаю пульсирующее в пространстве недовольство.

— Я хочу, чтобы ты еще раз подумала о моем вчерашнем предложении, — и уточняет, не дожидаясь встречного вопроса. — Ты хочешь руководить салоном? Я сегодня уволил администратора.

Водитель усиленно притворяется деревом, делая вид, что не слышит нашего разговора, но я ловлю его взгляд и становится дико неловко. Небось, думает, что я расчищаю себе дорожку к карьерной лестнице и капиталам. И мне все равно, но не хочу, чтобы даже подобие такой мысли мелькало у Яра.

— Нет, — говорю, — не хочу. Я ничего в этом не понимаю.

А потом у меня мелькает почти сумасшедшая идея, хотя и не более сумасшедшая, чем идея со свадьбой.

— А что, если Лариса? Это ее мир, она обожает все эти пилинги, маски, спа...

Слышу, как Яр вздыхает. Не привлекает его эта кандидатура, хотя она в разы лучше моей, но помедлив, он соглашается.

— Как хочешь.

— Спасибо! — восклицаю радостно.

И уже думаю, как осчастливию подругу, и сколько будет восторга и вообще, когда Яр добавляет:

— Тебе нужно научиться думать не о ком-то, а о себе, Злата.

Пытаюсь придумать логичные доводы против, не успеваю.

— Иначе ты не выживешь в моем мире.

Двумя руками вцепляюсь в телефон, боюсь, что выскользнет из повлажневших ладоней. Прижимаю сильно к уху и жду, когда скажет дальше, потому что это еще не все, чувствую, знаю, и не хочу слышать, что скажет, а придется. Ну же? Мысленно поторапливаю, и получаю свою порцию соли.

— Не думай о рисунках, не накручивай себя. Ты их больше не увидишь.

Он нажимает отбой, а я так и сижу с телефоном возле уха. Он сказал, что рисунки я больше не увижу. Мне бы радоваться, мне бы не читать между строк, но я прочла и радости нет и в помине. Рисунки я не увижу — да, но он не сказал, что их уничтожит. Просто спрячет, а сам...

Заставляю себя вернуться к реальности. Мне ли бояться, что Яр будет думать о незнакомке? Днем он работает, ночью он мой, со мной, и ему не до мыслей о другой девушке. Представить ее вместо меня? Тоже вряд ли он может, у нас ничего общего, начиная от цвета волос, прически и заканчивая фигурой.

Вернув телефон водителю, откидываюсь на пыльную спинку лавки, прикрываю глаза от яркого солнышка. Так и сижу, оттаивая, пока что-то не упирается в правое плечо. Водитель слева, размышляю лениво, а кто примостился с другой стороны?

Ага, понятно...

Кряхтение стариковское прекращается — уселся, значит, а голову мне на плечо склонил.

— Хорошо устроился, — намекаю, чтобы отодвинулся.

А он мне так, со смешком и довольный собой и жизнью:

— Спасибо, — и еще и руку под мою просовывает.

Тоже мне, подкидыш нашелся.

— Задания все сделал?

— Неа, — и еще радостней, чем до этого.

— А что тогда по парку разгуливаешь?

Пытается отмолчаться, но его сдает водитель:

— У Егора через двадцать минут как раз занятие по польскому.

— Прогуляю, — спохватывается он.

— Я тебе прогуляю! — угрожаю я.

— Да я все равно язык лучше этого профессора знаю!

— Попрактикуешься лишний раз.

— Лишний! — хватается за слова. — Лишний, правильно!

— Нет, — признаюсь, — это я ошиблась. Не всем языки как тебе даются. Не лишней, а запасной.

Открыв глаза, замечаю довольную рожицу. Как же, похвалили и вроде бы ненароком. Вот и умный, и не по-детски взрослый, а все равно ребенок. И нравится мне гораздо больше таким, чем когда включает невольно "старость".

Мы медленно идем по дорожке к дому, водитель отстает, чтобы могли говорить вольно. Конечно, все уже знает, в курсе сегодняшнего конфликта. Несколько дней замужем, живу в охраняемом замке, а такое ощущение, что на виду в зоопарке.

— Этих рисунков нет в столе, я заглядывал, — делится приключениями мальчик.

— Знаю.

— Наверное, — чешет задумчиво макушку, — он приказал их сжечь?

— Наверное, кто-то начитался романтики?

Невероятно, но он смущается, правда, всего на секунду. И вот снова важно вышагивает, бросая высокомерные взгляды на старичков с песиками. То ли дает себе зарок, что никогда не заведет такого мелкого четвероногого приятеля, то ли что никогда не постареет.

— Если у твоего брата еще есть в шкафу скелеты, давай уж одним махом, — предлагаю.

— Ага, мне и за это влетит! — тараторит возмущенно, словно это я его заставила лазить по чужим шкафчикам.

Мысленно, как и в разговоре с Яром, вскрываю двойное дно. Значит, скелеты есть. Ну что ж, у короля оказалось приданое...

По возвращении первым делом заглядываю в гардеробную — все вещи на месте. Странно. Чем же Егор занимал себя, когда я ушла? На лавку подсел где-то через полчаса, а до этого? Не верю, что корпел паинькой за уроками. В ванной тоже все мои баночки на месте, зубная щетка жива, но я на всякий случай принохиваюсь к ней. Как будто из стаканчика не отлучалась.

Хм, думаю, думаю...

В раздумьях кручу в руках свой телефон, на автомате просматриваю, кто звонил и натыкаюсь на список исходящих вызовов: мама, бабуля, отец.

Твою ж!..

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Первой набираю бабулю — она у меня более современных взглядов и даже если мальчишка вел себя как подонок, сумеет поставить его на место.

— Бабуля, — спрашиваю после заверений, как рада ее слышать и все такое, — а тебе что, Егор звонил?

— Звонил, — хихикает, как девчонка. — Смешной такой, очень серьезный.

— А что он хотел?

— Сказал, что у него никогда не было бабушки и мечтает со мной познакомиться. Приглашал в гости. — Смеется. — Так что жди, внученька, я тоже на правнука посмотреть хочу. Твоего-то могу и не дожидаться, а здесь приемный, но зато уже почти взрослый.

— А... больше ничего не говорил?

— Сказал, что бронирует билеты и пришлет машину, чтобы встретить на жд вокзале. Я вот уже и вещи пересматриваю, какие взять. А ты что же, против?

— Да нет, — отмазываюсь, а сама прикидываю, что скажет Яр, если мои родственники нагрянут. Они простые, не голубых кровей и не условно-зеленых, как некоторые. Хотя, может, волнуюсь зря? Может, он только бабулю зазвал? — А маме, не знаешь, зачем он

звонил?

— Как это не знаю? — обижается бабуля. — За тем же! Сказал, что подолгу не видит своих родителей, и хочет познакомиться с твоими. Ну а про билеты и машину я уже тебе рассказывала. Не склеротик — вспомнишь.

Хорошо, что рядом чудом оказывается кресло, в которое я падаю.

— Бабуль... — прочищаю горло, — а они... тоже... вещи перебирают?

— Да не-ет, не волнуйся. Они уже их собрали, — добивает меня бабушка.

Я быстренько с ней прощаюсь, целую воздух перед трубкой и спешу вниз на поиски того, кого лично, своими руками и прямо сейчас...

Заметив мальчишку в гостинной, кривящего нос напротив степенного джентльмена в костюме, смотрю в расширяющиеся от ужаса глаза и честно предупреждаю, размахивая телефоном:

— Я прибью тебя!

Он взвизгивает, прячется за диван и оттуда торопит человека в костюме:

— Да когда же мы начнем заниматься?! У нас ведь урок! Пропускать нельзя!

— Но ты ведь только что его отменил, — разводит руками мужчина, посмеиваясь в усы.

А я между тем приближаюсь...

— Да пошутил я! — уверяет мальчишка, и смотрит попеременно то на меня, то на преподавателя, выбирая меньшее зло.

— Но я уже собрался уходить, — замечает мужчина, надевая шляпу.

— Моя бабушка и родители уже собирают вещи, — шиплю я, делая еще один шаг к темноволосому чертику.

— Но я хочу заниматься! Двойной тариф! — восклицает отпрыск Самарских и джентльмен, виновато мне улыбнувшись, снимает шляпу и становится между нами.

— У нас занятие, юная леди, — говорит он. — Сами понимаете, такое пропустить нельзя.

— Понимаю, — соглашаюсь я, потому что до недавнего не упускала ни одной возможности насобирать на пальто. — Но кое-кто не понимает, что лучше не будить лихо, пока оно тихо.

Мальчишка выходит из убежища, опасливо косясь на меня. Перебежками достигает лестницы и уже оттуда, приняв вид хозяина, интересуется, заломив бровь:

— То есть?

— А то и есть, — растягиваю губы в предвкушении. — Кое-кто не знаком с моей бабушкой!

Он растерянно моргает.

— Но менять что-нибудь поздно, — обнадеживаю. — Она уже собирает вещи. — А чтобы не думал, что это все на сегодня беды, мстительно добавляю: — А мои папа и мама уже их собрали!

И финита ля-хозяина жизни: на лестнице обычный мальчишка, который вляпался по самые уши, потому что вытерпеть моих родственников, когда они собираются вместе, даже я долго не в силах. А они в гости так далеко на день ехать не будут, минимум на две недели, а сумок будет словно приедут на год.

Егор понуро бредет вверх, за ним следует усмехающийся преподаватель, и у меня впереди два часа тишины и покоя.

Посмотрев на телефон, вспоминаю, что не обрадовала Ларису новой должностью.

Самое время! У меня настроение возобновилось, пусть и она чуток перехватит.

Подруга верит не сразу, а когда до нее доходит, что не вру, визжит, глаголет тосты за здоровье меня и моего мужа и наверняка подпрыгивает на своем выдавшем виды диване.

— Я числюсь в отпуске, пусть так и считается, — говорит, откричавшись, — а я пока освоюсь на новом месте. Как думаешь, может, мне прямо сегодня начинать осваиваться?

— Ну не знаю. Может, спросить у Яра? Ты же не придешь просто так и не заявишь с порога: "Здравствуйте, я ваш новый администратор?"

— Сомневаешься? Я именно так и скажу. Хочешь со мной?

Я не очень хочу, и Лариса не настаивает. Она из тех, кто видит цель — не видит препятствий, и мнимая неловкость ей по колену.

— Дай мне телефон мужа, я уточню у него свою зарплату и немедленно поеду в салон, — приступает к делу.

Я диктую ей телефон, слушаю, как она меня целует и любит, и в эту минуту сама всех люблю. Даже темноволосого мальчишку, что уходя, смотрел на меня с упреком: мол, хотел сделать доброе дело, пригласил всех твоих, а по твоей же вине доброе дело не вышло.

Родителям я тоже звоню, хотя в словах бубули не сомневаюсь: она, в отличие от меня, отсебятину не придумывает. Мама отчитывает, что это мне должна была прийти идея познакомить их с мужем, а папа миролюбиво говорит, что пришла пора устроить зятю смотрины.

Эх, как сказать зятю о грозящем нашествии?

У Егора один преподаватель сменился другим, а я никак не найду чем заняться. На кухне посидела, перекусила, в комнате полежала, вещи еще раз пересмотрела, платье сменила на бриджи и майку. Скучно. Тоскливо. Чем занимаются богатые дамы? Смешной вопрос, мне до дамы как пешком до Панамы.

Надо было рискнуть и взяться за работу администратора, но... Неприятно мне, не хочу я работать вместо его любовницы. Тогда чем заняться? И тут я чуть не падаю от потока неожиданного счастья. Да ведь это то, о чем я мечтала! Куча свободного времени и никто не мешает!

Я видела, как Макар заходил на кухню минут двадцать назад. Может, уже поел? Может, свободен? Удивляется, когда я влетаю с ошалевшими в предвкушении глазами и прошу подвезти меня в любой канцтоварный.

— Конечно, я в полном вашем распоряжении.

— После обеда?

— Нет, сейчас, — отодвигает чашку с чаем, и мы идем. То есть, он идет, а я парю и мне так легко, легко и не верится, что я раньше не догадалась.

Продавцы в канцтоварном косятся на водителя, а я к его присутствию почти привыкла. Идет и идет, ни жарко, ни холодно. Я брожу вдоль прилавков и наконец замечаю то, что искала: толстый блокнот на спирали, формата А4, как альбомные листы. Очень удобно. Выбираю несколько ручек и все, скорей бы домой!

Вот я и при деле. При любимом деле. Егора не видно — наверное, занятие еще длится, а я закрываюсь в комнате, ложусь животом на кровать, благоговейно открываю блокнот и уплываю в сказочный мир, где нет ссор и разлук, где в конце обязательно мирятся и где принц не оказывается тыквой.

Пишу, пока какой-то звук не привлекает мое внимание. Нехотя перевожу взгляд и... правильно! — вижу Егора. Стоит за окном, скребется, и смотрит просительно, мол,

впустите, пожалуйста... ну что вам стоит?

— Чего тебе? — интересуюсь строго, а сама пытаюсь унять бешено бьющееся сердце. — Как ты перебрался на наш балкон? Жуть какая! А если бы упал?!

— Да я уже два года занимаюсь скалолазанием, — говорит он, ничуть не оправдываясь, а чисто чтобы меня огорошить и проникнуть в комнату. Невыносимый мальчишка! Непокорный, своевольный, нагловатый, хотя отдам ему должное — умный и изворотливый.

И вдруг у меня падает с глаз пелена.

— Ты... лев, что ли?

— Ага, — улыбается.

Вот это я неудачно попала! Да водолей со львом не уживется! И как я его раньше не почувствовала? Противоположный мне знак, с которым прекрасно враждую, и которого различаю, стоит только приблизиться, а здесь...

— Кошмар, — сокрушаюсь я.

— А ты кто по знаку зодиака? — интересуется.

Я говорю и он понятиливо кивает. Видать, тоже знает о непереносимости этих двух знаков, только в моем случае все, что пишут астрологи, умножается минимум на два. Аллергия у меня на львов, а у них от меня астма.

— А в год кого ты родился? Может, хоть здесь повезло.

— Змеи.

— А, так тебе двенадцать, что-то ты щупловатый для этого возраста.

— А ты в год кого? — как змея, подготавливается к укусу.

— Овцы, — выдавливаю неохотно.

— Прикольно, — хохочет. — Ты водолей и овца. Я — лев и змея.

— Ничего прикольного, а твой брат тоже овца.

Я же помню, как он представлялся. Мне, мол, тридцать четыре, то се... У нас с ним разница в двенадцать лет — я тогда сразу отметила.

— Ага, — говорит змеиная рожица и смеется, — только он при этом еще и лев.

Вот он и отомстил мне за щуплого!

И вот где настоящий кошмар! Зоопарк, вольер с хищниками и я...

Я все еще стою?

За ужином Яр все-таки замечает наши переглядки с Егором и спрашивает, что мы скрываем. Пока я раздумываю, как деликатно сообщить о грозящем нашествии моих родственников, а Егор елзит вилкой суп по тарелке, мой муж предполагает:

— Заказывать новый гардероб?

На мне модный сарафан в зебру, но может же быть, что это единственное, что уцелело. Увы, истинную причину нашего странного поведения Яр даже в страшном сне не увидит, а раз Егорка молчит, придется мне... обрадовать предстоящими смотрами...

Я знаю своего папу, он не ограничится взглядом-рентгеном. Соберет факты, какие только можно, даже слухами от соседей не побрезгует ради такого дела. Хотя, сомневаюсь, что жители соседних особняков откроют двери незнакомому мужчине и тем более, станут трепать языками. Двух из них я видела в передачах известной ведущей, про светские тусовки, им как-то привычнее пафосно, через губу, по два слова в минуту. Хотя, если бы ведущим взяли моего папу, боюсь, на страну посыпалось бы море откровений — заговорит и разговорит мертвого.

Его бы сюда вместо меня, он бы нашел слова, а я все мнусь. Сидим вот, едим с аппетитом, — ну, если не считать задумчивого Егора, — на столе таинственно горят свечи, а мне думается о сладостном пробуждении, очередной записке Яра на завтрак и поцелуе, которым мы успели обменяться, когда он вернулся.

— Тебе жарко? Погасить свечи? — спрашивает участливо Яр.

Наверное, опять меня выдают щеки. Отвлекаюсь на глоток вина, еще раз с надеждой посматриваю на мальчишку, а тот — с еще большей надеждой на меня.

— Мне поиграть в угадайку или просмотреть запись с камер? — размышляет вслух Яр.

— А ты их еще не видел? — удивляюсь. — Обычно ты сразу к камерам, а потом уже к нам.

Он смотрит вопросительно. Ну да, какое там обычно? Женаты пару дней и случаев таких было всего парочка, а я уже выговариваю. Но он делает вид, что не замечает моей шпильки и спрашивает любезно:

— Еще вина?

— Да, хочу, — говорю я.

Он загадочно улыбается, и ждет. Чувствую его ожидание как свое собственное. Но больше, кажется, ждет не моих слов, а слов Егора. Воспитывает в мальчишке силу воли, что ли? Видно же, что тот и так едва не трепещет в его присутствии.

Эх, придется мне. Если и разозлится, то я за ночь его как-то утихомирю поцелуями, а Егор до утра после взбучки будет как в воду опущенный.

— Здесь, понимаешь, какое дело... — начинаю неуверенно.

— Ну-ну? — Яр откидывается на спинку стула, сложив на груди руки. Мол, жду, давайте, готов к представлению.

— Яр...

— Я сделал одну глупость! — выпаливает мальчишка и завладевает не только вниманием брата, но и моим. Поднимает от тарелки глаза и говорит уже медленней и уверенней. — Но я ни о чем не жалею.

Не жалеет он — как же! Изменить ничего не может, мое семейство на чемоданах, вот и приспособливается. Кстати, хорошая тактика.

— Ну-ну? — все так же любезно интересуется Яр.

— Я сегодня воспользовался телефоном Златы.

— Я уже понял, что тебя тянет к ее вещам, — усмехается Яр, а усмешка такая, обещающая самые разнообразные наказания нам обоим, как заговорщикам. — Что дальше?

— А что дальше, ты ни за что не догадаешься, — говорю я, потому что Егор на минуту теряется от внимания брата, а мне, как настоящей женщине, внимание такого мужчины льстит.

— Вечер перестает быть томным, — усмешка Яра достается уже только мне, но действует странным образом.

Мне хочется рукой сбросить на пол посуду и канделябры, выставить Егорку за двери, закрыться, заставить мужа упереться бедрами в этот аристократический дубовый стол и...

— Ох, я поторопился, — говорит Яр, сбивая мой жар, — вечер еще может исправиться.

И мы играем в гляделки до неуверенного "кхе-кхе" Егора.

— Может, я к себе пойду? — спрашивает мальчишка с надеждой, что легко отделается.

— Как?! — всплескивает руками Яр. — И я так и не узнаю новость дня?!

Егор протискивается к двери, с опаской посматривая на меня — не выдам ли раньше, чем он скроется. Но у меня слегка кружится голова от выпитого и от планов на мужа, и я незаметно благосклонно киваю.

— О, нет, — каким-то невероятным образом Яр оказывается у двери раньше, закрыв путь к отступлению. Мы с Егором почти синхронно вздыхаем, понимая, что не удалось объяснения перенести на завтра.

— Ну что, каяться? — шепчет мне мальчик.

— Давай, — пожимаю плечами, а пока каверзник перебирает свой словарный запас для смягчения приговора, люблюсь его будущим истязателем. Какая прыть, какая грация — мой собственный лев, вот же меня угораздило!

— Ну ладно, — сокрушается Егор и начинает исповедь.

Лицо моего мужа с каждым словом мрачнеет и вот когда уже кажется грянет гром, я быстренько достаю из заначки громоотвод.

— А не пора ли ребенку спать? — отесняю озадаченного супруга от двери.

Ребенок усиленно кивает, мол, да, никто детей до утра на кухнях не держит, вдали от компьютеров, айфонов и телевизоров, и ужом проскальзывает на волю. Я запираю дверь и оборачиваюсь к мужу. По блеску в темных глазах и прищурю догадываюсь, как много он хочет мне сказать, но мне не до разговоров.

— Я соскучилась, — делаю шаг в клетку к зверю, обнимаю его за пшеничную гриву. — Очень.

А дальше не до объяснений становится и ему, потому что я жарко целую его губы и не позволяю отстраниться даже на секунду. Мои руки зарываются под рубашку и брюки, а потом на освобожденные от одежды участки тела набрасывается мой жадный язык. Новый для меня опыт, удовольствие полностью для партнера, но дрожу почему-то я, и желание пронзает меня, и вскрик Яра делю с ним своим приглушенным стоном...

Он поднимает меня с колен, гладит по голове.

— Так что это за страшная тайна? — спрашивает, восстанавливая дыхание.

— Ты же не думаешь, что я...

— Нет, — гладит утешительно по спине, — я не думаю, что ты сделала мне очень приятно и незабываемо ради вашего маленького секрета. Я просто падох на тайны.

— Ох, — выдыхаю невесело и признаюсь: — Яр, тебе очень скоро предстоит познакомиться с моими родственниками.

Замерев на секунду, его руки возобновляют рисование у меня по спине.

— Сразу со всеми?

— Нет, — успокаиваю, — только с некоторыми.

— А по правде?

Мои словечки в его устах вызывают улыбку, и я успокаиваюсь сама.

— А по правде, Егор пригласил тяжелую артиллерию: маму, папу и бабушку.

— Могло быть хуже?

— Могла быть атомная атака, если бы он зазвал мою крестную. Она бы не уехала раньше, чем переженила всех твоих охранников, не выдала замуж повариху и горничную. Да и соседям-холостякам брачного возраста до ста было бы чего опасаться.

— Да с поварихой проблем нет, она-то согласна, — смеется Яр, — это доктор все присматривается к ее пирожкам. Слушай, а как же ты не оказалась замужем при такой свахе?

— А я ведь первая в семье получала высшее образование, — поясняю, — для замужества рановато было. А потом, сразу по окончании института, сюда уехала. Но можешь себе представить, как крестная расстроилась, узнав, что я вышла замуж, и предполагаемым на меня кандидатам пришлось дать отставку.

— Я оказался прытким, — хвалится Яр.

— Или я? — намекаю, кто с кем познакомился.

— Если бы я не хотел, у тебя бы ничего не вышло. Ты собиралась уйти, если помнишь. Я тебя удержал.

— Да, а я набросилась на тебя прямо у дверей клуба.

— И это видели очень многие, — охотно подхватывает он, видимо, кайфуя от моего смущения. Я-то думала, поспорит для приличия, скажет, что это он все, а я просто поддалась его чарам...

— Не вздыхай, — целует меня в макушку, — они не осуждали тебя.

— Правда?

— Да. Они мне завидовали.

Мы уходим в комнату, и после совместного принятия ванны, лениво лежим в кровати, любуясь, как лунный свет ползет по ковролину. Моя очередь рисовать узоры на теле Яра; расположившись вполне уютно на его грудной клетке, я выбираю вместо холста живот.

— Слушай, — вдруг вспоминаю, — а кто мне чай по утрам приносит?

— Повариха. Я мог бы сам, но пока ты проснешься, он будет совсем остывшим. А записку пишу я, — подмигивает.

— А Лариса тебе звонила сегодня?

— Звонила.

Говорить о моей подруге не хочет, отвечает коротко — да, нет, но этого хватает, чтобы сложить картинку. Зарплату они согласовали, правда, подруга пыталась сумму нагло повысить, но после вопроса, какой у нее опыт в данной сфере, быстро согласилась на все условия.

— А то, говорит, подумала, что еще чуть поторгуемся и ей придется бесплатно на меня

работать, — рассказывает Яр. — Сегодня звонила, сказала, что осваивается. Завтра заеду, посмотрю, помогу: в салон все-таки вложены деньги и терять их по дружбе глупо.

Я поцелуями набиваюсь в компанию, и сходимся на том, что когда Яр будет в салоне, меня туда же подвезет Макар.

— Не жалеешь, что уступила работу подруге?

— Нет, это не мое.

— А что твое?

Я надолго замолкаю.

— Уснула?

— Нет, думаю.

— Повторить вопрос утром?

Поднимаю к нему лицо, целую чуть колючий подбородок и пока не завелась, отрываюсь от мужа.

— Знаешь, — говорю, — я не очень люблю говорить об этом... Я сказки пишу.

Яр ждет, а я жду его реакции. Так и молчим, рассматривая друг друга. Наконец он откликается своим фирменным:

— Ну-ну?

А я уже почти все сказала, и как по мне доступным русским языком, но раз нужны пояснения, продолжаю.

— Мне нравится писать сказки. А многие люди считают творческих... эм... странноватыми...

— Правда? Я пока ничего не замечал, но буду к тебе присматриваться...

— Вот ты не веришь, а я когда-то встречалась с одним парнем, а он взял, прочитал некоторые мои сказки и меня бросил.

— Не скажу, что я сожалею о его поступке.

— Яр!

— А что такого было в твоей сказке?

— Да ничего! — возмущаюсь, несмотря на то, что обида старая. — Там просто одна из жаб курила, как паровоз, и от нее несло так, что вокруг все цветы вяли.

— А тот парень был из партии зеленых?

— Да нет, — мнусь, — он тоже курил много и... там еще эта жаба... пыталась поцеловать царевича, который от нее уворачивался... и... жабу тоже звали Толик...

Кровать начинает трястись от хохота, а я волнуюсь, как бы мы не оказались на полу. Там, конечно, мягкий ковролин, и чистенький, и вдвоем везде уютно и тепло, но я как-то быстро разнежилась после свадьбы. В общежитии и солдатская односпалка с одеялом вместо матраса считалась за счастье.

— Интересно, а какую сказку ты написала последней? — отсмеявшись, спрашивает Яр.

— Да вот как раз сегодня одну начала писать... она еще не закончена...

— Ясно, пока почитать не дашь. И о ком она?

Я закрываю глаза и передо мной встает целый подземный мир, пропитанный невозможностью и любовью.

— Она о гноме, который очень сильно любил одну фею, фею Недовольства.

— Фея красивая?

— Для него очень.

— А гном для нее?

— А красоту гнома не каждому дано увидеть. Я потом тебе дам почитать. Если хочешь, — добавляю поспешно, а то вдруг ему неинтересно, а я здесь со своим доморощенным творчеством...

— Да, хочу, — говорит он, и целует.

А мне кажется, я совсем скоро расплавлюсь, и мои чувства из категории "чуть-чуть" перейдут в "это очень опасно, детка!".

Обнимаю его, пристраиваюсь на плече и почти уже сплю, когда слышу шаги по лестнице, такие, как у моего папы, "мертвяки, на зарядку!" — называется.

— Ты Егору пожелал спокойной ночи? — вскидываюсь.

— Забыл, — трет лицо Яр, и кряхтит совсем как его братец, вставая. — Думаешь, стоит сходить?

— Думаю, стоит.

Он оборачивается ко мне для поцелуя на дорожку, когда дверь распахивается.

— Не успел, — расстроено говорю я и утыкаюсь ему в спину.

— Зато мы очень даже вовремя! — звенит сиреной женский голос с порога, вынуждая включиться торшер сбоку, и я высовываю из-за спины мужа растрепанную голову.

Высокая блондинка в алой шляпе — хмурюсь, врывается в нашу комнату как к себе домой — хмурюсь еще больше, и мой муж молчит — толкаю кулачком его под лопатки. Это привлекает его внимание, и он оборачивается с каким-то ошалелым выражением лица. Заметив, что я не в духе, целует в щеку, несмотря на верещание блондинки, что это неприлично, и переключает внимание на внезапную гостью.

— Чем обязан? — спрашивает ее.

Я удивлена его холодным тоном не меньше женщины: она долго дышит открытым ртом, но потом берет себя в руки и движется прямо на нас. Я снова прячусь за мужа, он ловит мои руки, прижимая к себе. Вместе мы — сила! Но лучше я побуду у него за спиной...

— Да как ты смеешь?! Со мной?! Вот так?! — шипит женщина.

Ой, мамочки, кажется, будут жертвы, я буквально чувствую внутренний рык Яра и как у него удлиняются когти. Ой, от страха я путаю слова и замечаю в сопернице недостатки. Морщины — немного, но есть, возраст лет на десять моего больше, да и фигура у нее хороша, но слишком бюстообъемна, а Яр уже привык к моему второму, не отучать же его!

Не сдамся! Не отдам! Мое!

Я приподнимаюсь на коленях, в упор глядя на приближающуюся женщину.

— А она! — верещит женщина, грозно тыкая длинным ногтем. — Бесстыжая лимита! Нищенка!

— Это вы по тому судите, что я сплю без ночнушки? — спрашиваю невинно и приподнимаюсь еще выше.

Женщина возмущенно ахает, и видимо, спеша ей на помощь, в комнату вваливается какой-то мужик. Бросает на меня беглый взгляд, деликатно отворачивается и смело идет к женщине-фурии.

— И к чему этот скандал на ночь глядя? — спрашивает ласково, как ребенка. — До утра потерпеть не могла?

Между тем Яр укутывает меня в плед и целует, отвлекая от странной парочки. А они говорят между собой, будто нас здесь и нет.

— Да как я могла вытерпеть?! — возмущается женщина. — Это уму непостижимо! Он женился! Опять!

— Наконец-то, — поправляет мужик.

— Он женился на ней! — женщина снова тыкает в мою сторону пальцем, и я не выдерживаю.

— Жалеешь, что не на тебе?! — едко интересуюсь.

Мужик и мой муж переглядываются, потом мужик задерживает взгляд на мне, а я... а я понимаю, кто передо мной. По крайней мере, сильно догадываюсь, потому что еще остается шанс, что я не успела выставить себя хамкой перед новыми родственниками.

— Я не такого хотела для своего сына! — возмущается женщина, и я таки чувствую, что будь она ближе, с удовольствием проткнула бы меня этим искусственным ногтем. Все, никакого шанса, что хамство мне не аукнется.

А вечер обещал закончиться мирно...

— Ну раз ты так спешила познакомиться с моей женой, что до утра не усидела в гостинице, пожалуйста. — Яр приобнимает меня за кокон из пледа. — Злата Юрьевна Самарская. Прошу любить и жаловать.

Женщина возмущенно пыхтит, а муж, наклонившись к моему уху, шепчет с ухмылкой:

— Ты, кажется, интересовалась моими родителями?

А я смотрю через его плечо на эту ужасную женщину, от которой у меня дрожь, и шепчу так же тихо, как эхо в горах:

— Я бы на месте Егора тоже с ними жить не хотела.

Женщина взвизгивает и метлой вылетает из комнаты. За ней, извиняясь, выходит мужик, а мой муж, держась за живот, корчится на кровати и, утирая слезы смеха, весело предупреждает:

— Готовься, будет война!

Но я же говорила, что мирный воин, верно? И единственное, к чему точно готова при военных действиях — прятаться.

Так и поступаю на следующий день. Просыпаюсь раньше супруга и напрашиваюсь уехать с ним, пока родственнички не прикатили из гостиницы. Меня, кстати, сильно так удивило, что они остановились не у нас и не у себя, — наверняка, в состоянии позволить себе держать в городе квартиру для таких визитов, — но Яр сказал, что ничего удивительного. Квартира есть, и не одна, но сейчас сдается каким-то депутатам из нового созыва, и выселять их ради каприза... А остановиться здесь тоже не могут, потому что приехали без приглашения. У них, видите ли, четко соблюдаются некоторые правила приличия.

Я тут же поинтересовалась, нельзя ли в эти правила добавить пункт, чтобы не вламывались по ночам в спальню молодоженов? Яр успокоил, что это не повторится, он обязательно поговорит с родителями, подчеркнул, что поговорит сам, но я настояла на обещании, что мы теперь будем запираеть дверь, а то тут и так... пытаешься отвлечься от всего, чтобы познать Дао...

Выбиваю согласие и поцелуй, и на этом моя удачливость заканчивается. Яр приносит мне чай и сырок и все-таки уезжает один, а мне остается ждать, пока он позвонит и скажет, что освободился и едет в салон. Впрочем, это я поначалу думаю, что только это и остается, но в голове уже роятся картинки про гнома и фею и я, подхватив толстую тетрадь, устраиваюсь на кровати и пишу, пишу, пока кисть не начинает ломить. Но я, может, еще бы погуляла по сказочному подземелью со своими героями, если бы не почти уже знакомый звук со стороны окна.

Вздыхнув, чтобы незваный гость видел, что я не в настроении его развлекать, распахиваю окно настежь.

— Заходить? — спрашивает он.

— Как хочешь, — возвращаюсь к своим записям.

Он заходит, с любопытством поглядывая на блокнот. На всякий случай говорю, что там ничего секретного нет, это не мой дневник. Он делает вид, что не обижается и нагло садится в кресло, закинув ногу за ногу и придиричиво меня рассматривая. Не кавалер — так что я не смущаюсь, что не накрашена, а прическа самая простая — коса до пояса. Одежда чистая — самое главное, а остальное... сам же говорил, мол, многое — мишура.

Я лежу и пишу, Егор сидит и молчит. Как долго — не знаю, потому что увлекшись, могу долго витать в сказочном мире. Я здесь, но меня словно и нет. Вот и сейчас я возвращаюсь к реальности, только услышав вопрос:

— Прочтешь для меня?

И то ли сама постановка вопроса так действует, то ли решающим фактором становится, что сказку я только закончила, не вижу причин ломаться. Обычная сказка, и я не мастер слова — предупреждаю на всякий пожарный, но Егор просьбы не отменяет.

— Ну хорошо, — говорю, — слушай.

И начинаю читать...

Гномы шептались:

— Опять фея Недовольства пожаловала к Рыжему...

— Не иначе как захотела игрушку новую...

— Так есть у нее. Рыжий. С ним и забавится...

Так громко шептались, что фея услышала. Огромное царство гномов, а стен нет, только перегородки из кореньев трухлявых. Услышала фея и разозлилась так сильно, что сама от себя не ожидала. А Рыжий вот он, рядом, делает вид, что оглох, что ли? Стоит истуканом, смотрит на нее ласково, словно прикоснуться хочет, и дела ему нет до обидных слухов сородичей.

— Игрушка? — усмехнулась фея, внимательно гнома рассматривая, и крикнула громко, чтобы другие наверняка услышали: — А ведь они правы, пожалуй! Игрушка! Что с тебя еще взять? Да только забавы никакой, так, тоска одна. Сделай, что заказывала и не спушись больше в темноту вашу!

Гном отвернулся, чтобы не заметила, как расстроили его слова гостыи. И ведь не спустится, задела ее сплетни. Говорить фея может путано, с издевками, может врать, но если слово даст — сдержит. А что делать ему?

Ждать, зная, что не увидит?

И что сам в ее мир подняться не может?

А заказ ее... Ох...

И вдруг Рыжий просиял весь, взобрался на табуретку, чтобы стать выше, прикоснулся к мочкам ушей феи — слегка, она вряд ли даже заметила, заглянул в глаза ее, цвет подбирая, задержался чуть дольше положенного и руки убрал.

— Быть может, тебе это понравится? — затаил дыхание, не творением волшебным, а феей любясь, потому как даже синие звезды блестели в ушах ее словно смущаясь и признавая свое поражение рядом с таким совершенством.

Сполз покров со старого зеркала, покрутилась фея, всматриваясь в свое отражение. То

вверх пшеничные волосы соберет, то отпустит их снова, то улыбнется, то приподнимет бровь хмуро. Видно, что ей понравилось, и сказать что-то хотела не грубое, да только снова услышала громкий шепот других гномов.

— Это не то, что заказывала! — процедила. — Неужели так сложно запомнить? Бездарь ты! Недоучка!

Говорит холодно, а глаза вопреки воле хозяйки, радостью и теплом согреваются. Но не может она иначе, не умеет, да и по статусу не положено. А гном стерпит, привык, да и... главное, что она ничего не заподозрила и снова придет к нему, а он снова заказ не выполнит. Пусть злится, пусть обзывает — он привычный, но так для нее будет лучше.

Подавил смутный вздох, а пока фея крутилась у зеркала, не удержался и прощупал карман своего смокинга. Надежно спрятана его тайна, а на сердце беспокойно, будто случится что-то должно, но задерживается.

По его душу, по его...

И песчинки вон, в часах замерли...

А пока смотрел на фею, любовался лицом безупречным, фигурой божественной, вдыхал запах подснежников и знал, что прощается. И спешил запомнить ее такой, как сейчас, холодной, но притягательной, с поджатыми показной злостью губами, но призывающей их раскрыть, говорящей ложь с изумительной правдивостью.

Кожу ее ласкал свет свечи — нежно, едва прикасаясь, с придыханием. Как мечтал о том Рыжий. И как запрещал себе. И как уже никогда не сумеет...

— В общем, гном, — фея закрыла зеркало, приблизилась почти вплотную, склонилась над Рыжим и начала тыкать в него длинным пальцем. — Принимаю я твой неумелый подарок, но хватит с меня побрякушек! Слышишь, гном? Хватит! Дай мне брошь, чтобы рядом с сердцем носить можно, из камня, который меня отражает, и свободен! Запомнил на этот раз? Сделаешь?

Близко фея к гному стояла, так близко, что ее дыхание согревало впалые щеки... И Рыжий давил в себе возмущение от ее речей и пытался унять внутренний голос, повторяющий в сотый раз:

— Не увидишь ее, не увидишь...

— Насмотришься на нее и забудь...

— Дурачок! Твой секрет раскроется...

Гном вдруг дернулся, и прощупал карман снова. Нет, на месте, да и фея пока еще рядом. Примерещилось и послышалось, старый стал, впечатлительный...

— И что ты там прячешь? — недовольно спросила фея. — Ну-ка, покажи! Слышишь?

Гном покачал головой. Нет! Не возможно! Она не должна... Но фея уже протянула руку к карману — секунда и догадается, а тогда...

— Нет! — решительно выдохнул Рыжий и неожиданно для самого себя потянулся к губам феи.

Она вздрогнула, пальцы запутались в волосах Рыжего, но едва стон пронзил тишину, потянули с силой, наказывая за блажь.

— Мразь! — отчеканила, сплевывая в отвращении. — Карлик! Пустое место!

— Поверь, я... — пытался все объяснить гном, хотя слова от него разбежались.

— Ты смеешь со мной еще спорить? — возмутилась фея. — Сотру! Весь род, по седьмое колено! Всех тех, кто шептал в подземелье обо мне дикие сплетни!

А такие слова даже он не спустит, потому что их не бросают на ветер.

— Не сможешь, — прервал ее Рыжий и чтобы смотреться на равных, опять взобрался на табуретку. — Ты на моей территории!

Усмехнулась фея.

— Ну что же, — прищурилась в предвкушении. — Не я, так другой за меня заступится. Как думаешь, что скажет Аид о развороте своих маленьких подданных? А? Опишу ему поцелуй твой в подробностях — пусть посмеется! Со смехом он проще на убийство решается.

Прокрутив на безымянном пальце перстень из золотой пылицы, фея исчезла.

Вот и сбылись предчувствия, вот все и случилось...

Но менять, даже если бы мог, ничего не хотел. Поцелуй... Ее поцелуй... И ее тайна останутся с ним... Мастером истины, говорящим с камнями... Последним из своего рода...

Но не страшно...

Дождался наступления сумерек и чтобы не подставлять ни в чем неповинных товарищей, уверенно поднялся из гномьего царства. Сел у озера, чтобы к звездам поближе, и улыбкой без слов прощался...

А фея Недовольства тем временем сама не своя по коридорам замка Повелителя блуждала. Что-то сломалось в ней после поцелуя гнома, треснуло, и больно стало дышать, непривычно. Когда у трона Аида сидела, разрешение на убийство выпрашивая, когда в ложе его пойти согласилась, недовольство не отпускало. Недовольство ли? Взгляд Персефоны кнутом обжег, объятия Аида клубок змей напомнили, но в теле ее поселилось нечто, что грызло и давило сильнее совести.

Совести?

Странные мысли для феи, жуткие...

Просил Аид на всю ночь остаться — ушла. В другой раз — отмахнулась. Солгала с легкостью. Но не будет другого раза, не хочется... Быть может, виной тому обида на Рыжего. Накажет его — успокоится?

И нечего медлить. Сегодня же!

Выходя из покоев Повелителя, с Персефой столкнулась. Неприятный разговор, злости много, потому почти все слова мимо прошли, только несколько фраз в память врезались...

— Зря я верила, что найдешь свое — успокоишься. Мечешься, переходишь дорогу другим, не задумываясь. А свое в грязь втоптываешь, — выговаривала с достоинством Персефона. Да только что фее Недовольства чужое мнение? Хоть хорошее, хоть плохое не радовало.

— Чего от меня ждешь? — рассмеялась в лицо сопернице. — Покаяния?

— Пустота не стоит моего ожидания.

Странные речи, колкие, но вряд ли значимые. Так, обычная женская ревность. Но сомнения все же закрались, больно уж слова... человеческие...

Не идти, что ли, к гному? Ну его?

Спрятаться хотелось, забиться в угол, но месть требовала насыщения. И вот один коридор подземелья вторым сменился — вот и царство гномов, вот комната... Но в ней Рыжего не было. Потухла и свеча, что уродство его отражала...

Другие гномы топтались у входа.

Другие.

— Нет причин тебе здесь задерживаться, — возмутился один из них и пальчиком пренебрежительно тыкнул, в точь как она себе с Рыжим дозволила. — Заказ твой давно

выполнен, а боле ногой не ступай к нам. У нас ходоки свои при Аиде, через ремесло да знания привечаемые, а не через простыни.

Но фея пропустила обидное мимо ушей, только одно взволновало ее равнодушие. Заказ выполнен? Но ведь...

— Никогда жалость гномам к лицу не была, — перебил один из смешных карликов. — И другие чувства для нас лишние. Все о броши своей печешься, о гордости, а того, кто о тебе пекся, на смерть отправила. Прокляты будут твои крылья, волшебная пыльца истощится, недовольство с лица сойдет, внутренний взор откроется, одумаешься, но поздно будет. Поздно и навсегда. Проклята!

— Проклята! — повторили другие гномы.

— Проклята! — отразило эхо.

Почувствовала фея, как крылья замерли, и мертвыми на спину опустились. Увидела, как перстень из волшебной пыльцы песком обернулся и осыпался. Хотела закричать, вырваться, но жестокость слов в душу врезалась, пуще веревок связывая. Душу... Странно все это. Непривычно. Больно. И не заслужено. Был бы он здесь, заступился — мелькнула мысль.

Только кто он?

И тут же увидела... Маленький человечек на берегу озера, смотрит на воду, не шевелясь, словно и не живой вовсе.

Вздох услышала тягостный.

— Рыжий! — окликнула.

Осмотрелся гном, еще раз вздохнул и что-то достал из кармана потертого смокинга.

— Это то, из чего твое сердце, — прошептал проклявший ее гном и вышел.

— Это то, за что ты его сгубила, — прошептал второй и ушел во след первому.

— Это ты и есть. Холодная, острая и уже без чужих для тебя крыльев, — хохотнули другие и оставили фею одну с миражами.

А она смотрела на гнома у озера, на рассвет, подступающий к его огненной шевелюре, и плакала, и рыдала навзрыд, и не верила, что все кончено, потому что как раз сейчас она начинает жить, а он...

— Никогда не узнаешь, любимая, — прошептал гном. — Никогда не увидишь свое настоящее отражение.

И забросил булыжник в озеро. Тихо, пусто, и круги развеялись вместе с криком сожженного гнома.

Брошь из камня, который ее отразить сумеет...

На груди, рядом с сердцем...

Проклята...

Нет, соврали гномы, соврали...

Не сейчас проклята, не сегодня, и не за невинную смерть Рыжего. Проклята до рожденья, потому как сердца не было. Лишь булыжник. Такой же, как покоится в озере.

Выполнил свой заказ Рыжий.

Настоящий мастер, последний из говорящих с камнями.

Поднялась фея с колен — и когда опустилась — не ясно? И пошла вдоль пустых коридоров подземных, под шепот маленьких жителей. И болело в груди так, будто она потеряла что-то безумно важное и будто в груди билось разбуженное сердце, последний подарок Рыжего...

— А в каждой сказке должен быть намек — добрым молодцам урок? — спрашивает Егор, когда я умолкаю.

— В хороших — наверное, а в моих — как выйдет.

Егор поднимается с кресла, садится на кровать рядом со мной и говорит совершенно потрясающие вещи для каждого автора:

— Мне понравилась сказка. И я понял, о ком был намек. Каждый может ошибиться — это об Аиде и злых словах феи к Рыжему. Когда любишь, способен на все — это про гнома. И даже если сердце приносит боль, это все равно лучше, чем когда оно застывает булыжником. Вот только...

— Что?

— Вот только не думаю я, что твоя фея заслуживает такой жертвы.

— Гном считал по-другому, — усмехаюсь.

— Я сейчас образно говорю, — отмахивается мальчишка. — Это же сказка-перевертыш. Ты — гном, а Яр — фея. Специально написано так, чтобы меньше кто догадался. Вот я и говорю, что вряд ли твоя фея... заслуживает такой жертвы.

Я хочу расспросить его, хочу, чтобы успокоил мои смутные подозрения, но в коридоре слышатся шаги, и я узнаю этот мерзкий голос, который приближается к комнате.

— Блин, — сокрушается Егор, — значит, мне вчера не послышалось... мама приехала...

При этом говорит тоном, будто приехал зубной врач. Но я, честно говоря, тоже морщусь и запираю поспешно дверь. Сплю я, сплю, разве непонятно?

Правда, возмущение за дверью столь громкое, что сон при таком ультразвуке противопоказан, но мы с Егором затыкаем уши и по тихому сматываемся на балкончик, переждать. А пока там сидим, он уговаривает меня взять его с собой в салон и напоить сладкой газировкой, потому что у него есть план, как не попасть на глаза его маме.

Рискованный план, я же скалолазанием не занималась, но лесенка, которую спускает из своей комнаты Егор, кажется надежной, а внизу нас уже встречает Макар. Да и второй этаж всего! Я решительно перекидываю одну ногу через бортик и... правильно... по закону подлости слышу снизу громкий изумленный голос свекрови.

— Ах! Посмотрите на нее! Она хочет покончить жизнь самоубийством, а мой сын скажет, что это я ее толкнула! Ах! Она хочет нас с ним поссорить!

Егор присел и хихикает на балконе, изо всех сил стараясь себя не выдать. Я вишу с одной ногой под взглядом сбежавшейся охраны, они суеются, кажется, как и свекровь, не замечая лесенку. И в этот момент изматывающий вой прерывает звонок моего мобильного.

— Тихо! — кричу я вниз. — Муж звонит!

Свекровь что-то там возмущается, но я угрожаю, что действительно навру Яру будто меня спихивают с балкона и все молча, изредка повизгивая соло, ждут, пока я наворкуюсь.

— Все! — так же решительно убираю ногу с лесенки, подтягиваю лесенку ее на балкон — еще пригодится. Машу рукой зрителям, в том числе и тем, что в шляпе-торшере алого цвета. — Мне пора! Макар, заводи машину! Не будем заставлять Ярослава Владимировича ждать! — заявляю строго.

И величаво покидаю сцену, а потом подхватываю сумочку и несусь по лестнице, а за мной галопом бежит Егор, чтобы успеть к машине, пока к ней не подобралась дама-торшер.

Запыхавшись, вваливаемся в салон машины и смеемся, наблюдая в заднее стекло, как машет нам раскачивающаяся на ветру шляпа.

Первый день военных действий, а я уже подустала. Интересно, в этой войне

подразумевается плен для отдохнуть или только один вариант — насмерть?

— Макар, я вот что подумала...

Водитель бросил удивленный взгляд в зеркало заднего вида, и снова переключается на дорогу. Наверное, это неправильно, общаться запросто с теми, кто на тебя работает, но я не чувствую себя хозяйкой, пани и все такое, поэтому если и нарушаю какие-то приличия, то не сознательно. Да и вообще, не родственникам моего мужа судить о приличиях.

— Ты ведь был личным водителем Ярослава Владимировича? — продолжаю. — Почему он приставил тебя ко мне?

— Вы против?

— Да нет, просто подумала... обычно привыкаешь, срабатываешься...

— У шефа нет привыкания к своим служащим.

Ответ, вполне объясняющий, и все же...

— На него работает четыре водителя, — после паузы поясняет Макар, — двое только при шефе, один из них — я. Сейчас его возит Савелий, раньше мы сменяли друг друга. Когда шеф посчитает нужным, снова сделает рокировку. Я ответил на ваш вопрос?

— Да, спасибо.

И мы едем дальше. Егор делает вид, что поглощен видами летнего города за окном, я — разглядыванием своих ногтей. Кстати, может, маникюр сделать, раз уж буду в салоне? Я бы хотела наращенные, они выглядят так элегантно, но с ними ручкой писать неудобно, да и что-либо делать по дому не выйдет. Хотя последнее мне вряд ли грозит. Я вообще после свадьбы превратилась в хрупкую бесполезную вазу. Пыль сдувают, любуются ею, передвигают с места на место, но так дорого и так непривычно видеть ее, что даже цветы не ставят.

Н-да...

Егор просовывает свою руку под мою, не поворачиваясь. Услышал мой вздох, что ли, и таким образом выражает поддержку? Никак не пойму этих львов. По-хорошему с ними — норовят откусить палец, оскалишься — ласться как безобидные котики. Между тем, машина останавливается у салона, рядом с другими поблескивающими солнечными лучами, авто. Водитель остается, а мы с Егором заходим внутрь, в прохладу кондиционеров, жужжание фенов и стойкий аромат ацетона.

Мальчишка тут же затыкает пальцами нос и предлагает начать визит с газировки. Я машу рукой, мол, обязательно, но позже, а сама ищу глазами подругу и Яра. Улыбчивая девушка — парикмахер говорит, что они в кабинете обсуждают деловые вопросы и показывает рукой направление. Улыбается искренне, а не потому, что я — жена хозяина, а может, мне только кажется.

Лариса и Яр не слишком радуются, что их прервали, хотя муж искупает первое впечатление поцелуем. Не хочется от него отрываться, но с нами ребенок, очень любопытный ребенок, застывший с открытым ртом, так что...

— Как тебя встретили? — спрашивает подруга.

— Приветливо, — отвечаю честно.

Может, это и ее работа, но я думаю, подсуетился Яр, и еще свое дело сделало увольнение неретивой администраторши. К тому же, на мне короткое белое платье от

Андре Тан, в нем и простушка будет выглядеть дорого и стильно. Безупречное платье, единственное, для чего оно не походит — лазания по балконам.

Но подруга у меня без комплексов, принимает похвалу на свой счет и расплывается в улыбке по оба уха. Она даже ласково пытается потрепать волосы Егора и едва успевает одернуть руку до щелчка зубов.

— Какой... — на ее лице можно прочесть кучу эпитетов, кроме того, который она озвучивает, — ...милый мальчик.

Милый мальчик клацает зубами еще раз, и подруга переключается на меня.

— Хорошо выглядишь.

— А ты просто великолепна.

На ней брюки со стрелками, красная блуза и коротенькая безрукавка — вот умеет найти на нашей толкучке вещи, созданные именно для нее. Это дар. Я же обычно ходила часами между рядами, а в итоге покупала то, что носили все.

— Мы вас отвлекли, да? — надеюсь, что начнут уверять, как они рады нашему приезду и что ничуть-то мы их не отвлекаем, и вообще... Но если Яр и хотел смягчить ответ, подруга его опередила вовсе не изысканной прямоотой.

— Немного есть, — мнется она. — Мы, понимаешь, только подошли к самому главному... А может, кое-кому подстричься?

Егор пятится к двери, бросая на меня взгляды, как на предателя.

— Да нет, — говорю я, и повернув ручку, выпуская его на волю, — ему и так красиво. Лучше я маникюр сделаю. У вас какие сегодня скидки?

— У тебя зеленая карта, — улыбается Яр, и ничуть не сопротивляется, когда мы с его братцем уходим.

Повздыхав, что наращенные ногти мне не светят, выбираю французский маникюр. Егор выхаживает по салону, заглядывая в лица клиенток, рассматривает расчески стилистов и пробует на своих ногтях все оттенки лаков. Маникюрша дает ему жидкость для снятия, но, понюхав колпачок, он отшатывается так, что едва не наворачивается со стула.

— Если моя жена будет этим... пахнуть, — кривится, — я с ней разведусь!

— Если ты будешь так красить ногти, — киваю на его пальцы, — твоя жена сама подаст на развод.

Корчит недовольную рожицу — типа, как это? Со мной, отпрыском семьи Самарских, и разведется?

Лак подсыхает, а Яр и Лариса все еще в кабинете — так что мы с Егором предоставлены сами себе. Помню предупреждение мужа, что ничего нельзя есть вне дома, но надеюсь, продавщица газировки не числилась у него в любовницах.

Берем с Егором по большому стаканчику клубнично-бананового, усаживаемся на единственную уцелевшую лавочку неподалеку от салона и сидим, потягиваем и мурлычем время от времени. Кое-кто явно переоценил свои силы и уже не пьет, а булькает через трубочку. Все равно хорошо!

— Я вот думаю...

О, смотрю, мои фразы закрепляются в речи Самарских.

— Ну-ну? — беру кое-что из их арсенала.

— Как-то ты не очень похожа на провинциалку. Я имею в виду не внешне, потому что помню в какой одежде ты поначалу расхаживала... Но вот понимаешь...

— Пока не совсем.

— Для чего провинциалы приезжают? На заработки, верно? Вот если ты для этого приехала, как-то оно не сходится. Лежишь, пишешь, денег у моего брата не берешь на расходы, а ведь твои сбережения наверняка не растут. Вкладов-то нет?

— Хороший вопрос. Дай и я теперь подумаю.

И, действительно, начинаю анализировать ситуацию, возможно, впервые за последний год. Я приехала сюда вовсе не потому, что Лариса уже была здесь. Скорее, ее присутствие просто сыграло на руку. У нее квартира, одна из комнат была предложена мне по низкой цене, но даже если бы ничего этого и не было, я бы все равно приехала. У нас в городке с работой напряженно, но я здесь не из-за заработка. Я здесь живу. Так, как если бы жила у себя. За маленьким исключением, что родилась в другом месте, я — житель этого города.

Егор кивает, когда делюсь своими размышлениями, вроде бы да, понял, но ставит в тупик следующим вопросом:

— А почему ты ничего не делаешь?

И вот здесь я теряюсь, и газировка кажется горькой. Мои сомнения созвучны мыслям мальчика, он прав, за несколько дней я превратилась в паразитирующее существо... Я ничего не делаю... ничего...

И вдруг такой поток вдохновения и сил нахлынул сквозь горечь, что захотелось сорваться с лавки и побежать и начать делать, и прямо сейчас...

— Слушай, — поворачиваюсь к Плохищу, и он в моих глазах трансформируется в мальчиша-Кибальчиша, героя. — А ты прав. Как-то свадьба выбила меня из строя, плыву, куда вынесет, а ведь передо мной открылись такие возможности!

— Какие?

— Да все! — восклицаю в азарте. — За квартиру платить не надо, за еду тоже, одежда твоими стараниями обновилась, муж с работы уволил. В итоге у меня не болит голова о насущном и куча свободного времени, чтобы заняться тем, о чем я мечтала!

— Писать сказки? — тянет уныло, но кажется, погрузился не от перспективы, что число моих сказок вырастет, а после намека о барбекю из моих сумок.

— Не только. В институте я пробовала себя в качестве копирайтера, ну статьи на заказ для сайтов — денег заплатили немного, но мне сама работа понравилась! Я на форуме копирайтеров зависала, говорят, со временем, можно вполне прилично начать зарабатывать. А если повезет устроиться в рекламное агентство...

— У Ярослава есть, — говорит мальчик.

— Что есть?

— Есть одно рекламное агентство, — усмехается. — Но вряд ли он возьмет тебя к себе на работу.

Я помню, муж недвусмысленно дал понять, что не рассмотрит мое резюме по блату, но я в его компанию пока и не мечу. Мне бы потренироваться на кошках, а уже потом приближаться к львам.

— А ты сказки куда-нибудь призраиваешь?

— Да куда их возьмут?!

— Давай поспорим, что вот эту, про гнома, я сумею пристроить?

Смотрю на него, как на сокровище, и почти уже говорю "да", но вовремя интересуюсь, а что взамен? Не зря, кстати, потому что у Егора таки имеется условие.

— А взамен ты забываешь о смерти своих сумок.

Все-таки, задела его та ситуация, но ведь и меня тоже.

— Хм... давай так: не напоминаю.

— Хм... — копирует, — тогда я пристраиваю сказку на своих условиях.

— Каких это?

— Гонорар на двоих, не волнуйся.

— Какие условия?

— Сказка выйдет под моим именем! — смотрит так, словно подначивает начать драку.

А я как представила, что скажет свекровь, увидев фамилию сына в желтой прессе, что не могу, задыхаюсь от смеха.

— Идет!

Мы ударяем по рукам.

— Мне только ноут надо купить, — бормочу под нос.

— Конечно, не буду же я слюнявить конверт и отправлять его с твоими каракулями?

Прошлый век какой-то! — поддерживает Егор.

Довольные удачной сделкой, пьем газировку, посматривая на двери салона. Вот чудо случается и выходит Яр, осматривается, видимо, в поисках нас. Машу рукой, но он уже и сам замечает. Присаживается на корточки напротив и смотрит в недоумении на наши полупустые стаканчики.

— Садись, — говорю я, пододвигаясь на лавке.

— Там пыльно, — отказывается.

— Да я уже там стерла платъем, — успокаиваю.

На самом деле, я ведь в белом, так что не протерев лавку, не села бы. Это я так, подшутить и посмотреть на реакцию. Но Яр спокойно присаживается рядом.

— Тебе купить газировки? — спрашиваю.

— У меня в машине Вин.

И улыбается коварно — поняла или нет о чем речь? Ну видела я эти бутылочки с водой из финских источников, а пробовать и не тянет. Так что тоже реагирую спокойно.

— Купи жене ноутбук — Слова Егора застают нас обоих врасплох, но Яр справляется мгновенно.

— Хорошо, — соглашается, и даже не спрашивает зачем он мне.

Я пытаюсь сказать, что сама в состоянии купить, но муж категоричен.

— Нет, Злата, куплю я. К тому же, это я заставил тебя уволиться из агентства...

— Да я бы вскорости сама ушла, — признаюсь честно, но он говорит, что это неважно. Неважно что бы было и как. Он настоял — я ушла, это главное, и вообще муж должен содержать семью. От осознания и подчеркивания, что мы теперь "семья", становится не до споров.

— Лариса справляется? — перевожу разговор на другую тему.

— Нет, — усмехается Яр, — но она не без способностей, научится.

Замечает яркие ногти Егора и какое-то время молчит, видимо, в легком шоке. Бросает взгляд на мои, и облегченно выдыхает.

— Я хотела наращенные, — пожимаю плечами, — но с ними не очень удобно.

— Не надо тебе эти паучьи лапки. Так противно, когда... в общем, твои мне очень нравятся.

Галантно целует мои пальчики, Егор галантно пялится в сторону на мороженицу, а я галантно не выспрашиваю, как звали паучиху моего мужа, или сколько их было.

Яр посматривает на часы и я понимаю, что мы с Егором засиделись на лавочке.

— Ты домой? — спрашиваю с мизерной надеждой.

— Нет, у меня еще работа.

Я мгновенно скисаю, несмотря на обещанный ноутбук и свои наполеоновские планы.

— Вечером у нас гости, — говорит Яр со вздохом.

— Дай догадаюсь, — говорю я. — Мои новые мама и папа?

Егор прыскает смехом за моей спиной, потом получает от брата купюру и убегает к вожделенной мороженице.

— Увы, — пожимает плечами Яр. — Придется нам это выдержать. Готова ко второй встрече? Если я хорошо знаю маму, думается, она обещает затмить первую.

— Уже!

Яр складывает на груди руки, приготовившись слушать, а я пока раздумываю, как описать свое свисание с балкона, чтобы не нарваться на выговор, и заодно рассматриваю своего супруга. Мне кажется или он похорошел после свадьбы? И волосы его не блестели таким золотым солнцем. И губы не были слегка припухшими и откровенно приглашающими путника к пиру. И глаза... глаза не пожирали с таким аппетитом... И брюки не облегали ноги так плотно, привлекая взгляд... И запонки на рубашке не сверкали игриво... И ворот не был так искушающе расстегнут...

— Ты здесь? — усмехается Яр, возвращая меня на землю.

— Замечталась, — говорю я.

— Я тоже, — говорит Яр. — Но с нами ребенок.

Вздыхаем синхронно, и так же удивляемся, одновременно, получив по огромной фруктовой спирали.

— Эм... спасибо, — Яр рассматривает мороженое, словно только что с ним познакомился. После того, как мы с Егором принимаемся за свое, тоже откусывает, и уплетает довольно быстро, первым добравшись до палочки. Я рассказываю о странствиях по балкону, но Яр, кажется, поверил только в огромную шляпу мамы.

— Я все, — выбрасывает палочку в урну.

— Мы тоже.

Награждаем победителя поцелуями в щеку — я, промахнувшись, попадаю в уголок губ, — и разъезжаемся в разные стороны.

Собственно, в какую сторону направится Яр, я точно не знаю, у него ведь несколько предприятий, и даже рекламное агентство, как оказалось... Нет, глупо надеяться, что он пристроит меня туда... По каким-то причинам он видит меня только в домашних условиях, но когда у меня появится бук, виртуально откроется целый мир в четырех стенах. Не потеряться бы там, я и так в сказочных странах витаю периодически.

Надеюсь, найдут если что...

И еще надеюсь, муж приедет раньше гостей, потому что одна я могу присесть ненароком на чью-то шляпу или передать вместо соли перечницу или чихнуть кому-нибудь в суп... Если ему дорога мама, приедет первым, успокаиваю себя.

И вот мы приезжаем домой, выходим из машины, Егор открывает дверь, и... мы оба застываем на пороге.

— Ма...мм...ма, — выдавливают мальчишка, заметив несущуюся в шлейфе духов, алую шляпу.

Мои надежды на приезд Яра для моральной поддержки рушатся, когда доходит, что свекровь приехав спозаранку, никуда и не уезжала.

— Пожалуй, я сама выберу себе ноут! — придумываю, как скоротать время без шляповредительства.

— Я помогу тебе выбрать антивирусник! — подхватывает Егор и сматывает следом, после первого материнского поцелуя в щеку.

— Я знал, что не надо загонять машину в гараж, — невозмутимо говорит водитель, и только выехав за ворота, мы облегченно выдыхаем. Все трое. Я раздумываю звонить Яру или нет, но Егор убеждает сделать звонок. Кстати, вовремя, потому что новенький ноутбук приобретен и будет доставлен в течение часа домой.

— А антивирусник?! — подсказывает Егор, которому как и мне, не хочется возвращаться.

— В ноутбук загрузили все, что тебе может понадобиться, — отвечает Яр, — и все настроили.

Я цветисто благодарю мужа, говорю, какой он у меня умница, отключаюсь, и мы вместе с Егором решаем, что у нас же еще целый час есть! Мы катаемся на коньках в крупном торговом центре, а потом нехотя возвращаемся в машину.

— С ветерком или не спешить? — понимающе уточняет Макар.

— Ноутбук надо спасать, — говорю я, и машина послушно ускоряется.

Ну а кто знает мою свекровь? Егор и Яр знают, и то от нее не в восторге. А здесь такая радость — доставят нотубук, пока меня нет, и что она сделает для любимой невестки? Как минимум наградит мой ноут вирусом или залезет на порносайт, чтобы потом продемонстрировать скриншот моему мужу.

Нет уж.

Приезжаем одновременно со службой доставки. Молодой человек, улыбочивый и в костюме, — никогда не видела сотрудников доставки в костюмах, — настаивает на том, чтобы показать мне, как все работает. Я не отказываюсь — это возможность избежать поцелуев свекрови, и мы бодренько вышагиваем в мою комнату. Егор, как свидетель моего правильного поведения при постороннем мужчине в доме, не отстает.

Ноут не слишком большой, и удивительно легкий, на коленях держать не тяжело, если что, клавиши удобные, как на компе. Подтверждаю, что все работает, в том числе и вай-фай и какое-то время просто люблюсь им, даже не прикасаясь. Идиллия нарушается громкими шагами за дверью и голосом свекрови, когда дверь, собственно, поддается.

— Ах, вот вы где!

Это ее восклицание "ах" меня раздражает, но я сжимаю губы и смотрю в монитор. Наверное, я не права, наверное, со свекровью надо не так обращаться, но я просто плачу по счетам.

— Я рада, что мне все-таки удалось застать тебя до ужина, — свекровь косится на кровать, я киваю Егору и он пододвигает матери стул. — Наше знакомство началось не очень... не очень... хорошо...

— Я бы сказала, что очень не хорошо, — отрываюсь от монитора.

Я уверена, она хочет ляпнуть язвительную гадость, но заставляет себя улыбнуться. Зачем? Даже шляпа колышется из стороны в сторону, словно удивляясь и протестуя.

— Да, — кивает, — так будет точнее, но мне бы не хотелось, чтобы вчерашнее недоразумение перенеслось на сегодня.

Вообще-то, хотела она или нет, а перенеслось, вспомнить только ее крики под балконом, но я ведь мирный воин, верно? Без повода мечом не машу.

— Я поговорила с сыном, — продолжает свекровь, а я смотрю в ее лицо и поверить не могу, что приняла за соперницу. Наверное, от неожиданного вторжения ночью, потому что сейчас я вижу и морщинки у глаз, и усталость, и тщательно задрапированный отпечаток возраста. Но красива — этого не отберешь, фигуристая и ухоженная блондинка, не берем в расчет шляпу. — Он сказал, — давит усиленно вздох, но я все рано замечаю, — что изменить ничего нельзя и что брак его устраивает. Не секрет, я готовила для сына жену из нашего круга...

Не пойму, что значит "готовила ему жену", но мне это не нравится. Она что, кому-то наобещала, что состряпает свадьбу с сыночком, а тот перебил ей планы, как я своей крестной? Если да, у нашего брака появляется еще одна причина, помимо случайности.

— Да и мой муж не возражает против решения Ярослава.

Я делаю вид, что верю, будто спокойный интеллигентный мужчина, который пытался вывести ее из нашей комнаты, похож на самодура-тирана и мог возражать.

— Словом, я подумала, что мы тихо, по-семейному поужинаем, познакомимся с тобой чуть ближе, и, наверное, завтра вернемся в Нидерланды.

Егор как-то странно смотрит на нее во время разговора, а потом отходит к окну, делая вид, что любуется садом. Я спрашиваю вместо него, потому что не могу не спросить, потому что какой бы она ни была свекровью, она — мама в первую очередь.

— А... вы разве не хотите задержаться на какое-то время?

Я надеюсь, она не примет мои слова за приглашение...

— Задержаться? — удивляется свекровь, не замечая интереса мальчика. — Но зачем?!

Нет, за приглашение не приняла, и можно выдохнуть облегченно, вот только на душе становится неприятно и холодно, и за другого, маленького человечка, одиноко.

— Вам, конечно, виднее, — натянуто улыбаюсь.

Свекровь, довольная перемирьем, выходит из комнаты, даже не оглянувшись. Мне не нравится ее поведение, более того — настораживает, но сейчас я думаю не о ней. Подхожу к окну, смотрю, но не вижу цветов, как стоящий передо мной Егор.

Моя рука ложится ему на плечи... и вдруг мальчик разворачивается и утыкается в меня лицом, и я делаю вид, что не замечаю, как блестят в его темных глазах слезы.

Я прижимаю его к себе, глажу по спутанной шевелюре и жду, пока успокоится. Он не плачет, его плечи не вздрагивают, но вот я начинаю хлюпать носом.

— Так, все! — отворачиваюсь, чтобы не заметил, как я расквасилась. — У тебя сейчас есть занятия или домашнее задание?

— Неа.

— Тогда за работу!

Он несется к компьютеру, мы выставляем вместе шрифты и колонтитулы и я диктую свою сказку. Тихо, только стучат бойко клавиши и разносится мой монотонный голос, уютно и по-домашнему. Смотрю на Егора и думаю: а ведь он тоже теперь моя семья, но делаю строгое лицо, когда оборачивается... Нельзя хищников баловать, хотя этому львенку немного любви явно не помешает.

До возвращения Яра свекровь благоразумно покинула дом и к ужину приехала вместе с супругом. Глядя на ее шляпу, подумалось, а снимает ли она ее на ночь или муж спит как на цветной бархатной подушке на ее полях?

Пока я выучила только имена новых родственников, а в интимные дебри, в отличие от некоторых, не лезла. Марьяна Альбертовна и Владимир Гневославович. Если выговаривать оба имени сразу, можно начать заикаться, но на маму и папу я переходить не спешила.

Всему свое время.

Может быть.

Нет, всматриваясь в родню, подумала я — вряд ли.

Мы сидели не в кухне, а гостиной, и я впервые увидела горничную, которой сегодня доверили роль официантки. Удивительно, что ради таких важных гостей не наняли дворецкого и лакея. Бедная девушка, имя которой я все еще не знала, ссутулилась под пристальным взглядом Марьяны Альбертовны и совершенно не представляю, как ей удавалось не уронить ни одного блюда на нервно вздымающийся бюст моей свекрови. У меня бы такой соблазн точно возник.

Владимир Гневославович не оправдывал своего пугающего имени-отчества и, казалось, довольствовался тем малым, чем ему позволяла довольствоваться супруга. А именно: дышать. Я сидела по правую руку от мужа, Егор — по правую от меня. В общем, я была как раз напротив взглядов свекрови и свекра. Беседу взял на себя Яр, мы с Егором изображали безудержный аппетит, за которым и слова вставить некогда, свекровь радостно вещала о веселой жизни в Нидерландах, а свекор интеллигентно цедил коньяк.

В какой-то момент я осознаю, что с двух сторон от меня занимают оборону львы, а глаза в глаза я с драконами, и едва не давлюсь рыбной косточкой.

— Злата сказала, вы завтра улетаете? — вопрос Яра привлекает все взгляды ко мне, будто это я указала на двери.

— Ах, — тяжело вздыхает свекровь, — я думала помочь, разобраться, но раз ты все решил сам...

— Да, — резко перебивает Яр, делает паузу и уже мягче продолжает: — Ты зря волновалась. Надеюсь, ты и сама теперь это понимаешь.

— Ах, конечно, — а этот вздох свекрови полон облегчения. — А, кстати, что Егор? Там, может, документы подготовить? Что с Англией?

— Не волнуйся, все под контролем.

Сжимаю под столом прохладную ладошку мальчика и незаметно подмигиваю. Он делает вид, что ему все равно, но глаза выдают с потрохами. Жаль, что я здесь ничего не решаю.

Жаль, хотя...

А кто я здесь? Член семьи. А значит, могу сказать то, что думаю, правильно? Свекровь ко мне хуже относиться не станет, свекру все по боку, а муж если и будет недоволен, испущу вину поцелуями.

— А вопрос о том, что Егор будет учиться в Англии, уже точно решен? — Это я, да. И сцена из немого кино, когда все замирает, ну и пауза соответствующая — немая. Жую рыбку

и продолжаю: — Я к тому, что у нас тоже есть хорошие школы, лицеи, гимназии. Может, он хотел бы учиться здесь?

Егор отмирает первым, вторым приходит в себя мой муж. Свекровь и свекор все еще как замороженные.

— Он будет учиться в престижной английской школе, общаться непосредственно с носителями языка, что пригодится ему в его будущей профессии. К тому же, это великолепная возможность завязать полезные знакомства. У нас нет школ такого уровня. К сожалению. Да, этот вопрос решен.

Прекрасно! Одни избавились от ребенка, второй не знает, что с ним делать, и вот на горизонте рисуется вариант: дорогой, престижный и со всех сторон выгодный.

— А ты тоже учился за границей? — невинно интересуюсь.

— Нет, — спокойно так, отвечает муж, но глаза сверкнули.

— А знакомств тебе в жизни хватает?

Яр откидывается на спинку стула, скрещивает на груди руки, смотрит на меня в упор.

— Я понимаю, куда ты клонишь...

Его поза и взгляд должны морально давить на меня. Должны, если бы не верный способ — отзеркаливание.

— Хорошо, — откидываюсь на спинку стула, скрещиваю на груди руки и не отпускаю взгляд мужа, — что у нас такое взаимопонимание.

— Этот вопрос решен, Злата. — На его губах мелькает усмешка, но голос серьезен. И я киваю, мол, хорошо и спрашиваю с невинной улыбкой.

— А мнение Егора учитывалось?

Яр переводит взгляд на отчаянно качающего головой мальчишку.

— Это неважно! — отмахивается свекровь.

— А ты не хочешь учиться в Англии? — удивляется свекор так искренне, словно кто-то лет сто убеждал его в обратном.

Мальчик так же качает головой, но на этот раз озвучивает ответ:

— Да нет, конечно!

— Может... — взгляд на супругу, — ты хочешь улететь с нами? В Нидерландах хорошие школы, язык ты выучишь быстро... Опять же, там свой круг...

Марьяна Альбертовна жует пустую вилку в ожидании, но когда мальчик отказывается, причем категорично, изображает легкую обиду.

— Ему здесь воля, — сетует, вздыхая. — Я уже наслышана: эти ваши прогулки по парку вместо занятий, газировки вместо обедов. Нет уж, пусть едет в Англию, а то вы тут быстро превратите его в тунеядца!

Я, видимо, меняюсь в цвете, потому что Яр предупреждающе качает головой, и отвечает вместо меня.

— У Егора расписан каждый час с восьми до четырех, шесть дней в неделю. Тебе перечислить его расписание? Или ты его знаешь? Я считаю, что поток свежего воздуха иногда просто необходим.

Шляпа заунывно качнулась.

— Прости, — выдавливают свекровь, не глядя на меня.

— Прости, — Яр смотрит мне в глаза, а маленькая ладошка Егора сжимает мою руку в знак поддержки.

Какое-то время молчим, потом свекровь, улыбнувшись своим мыслям, спрашивает

моего мужа:

— Хороший костюм. Тоже от Шеппарда? Он безупречен.

Яр снял пиджак по возвращении, и я бросаю взгляд на его брюки. Да нет, ничего не путаю. Темно-синие, в едва заметную полоску более насыщенного цвета. Разве это не Армани?

— Да, — говорит Яр неохотно. пытается свернуть на другую тему, но свекровь снова интересуется, уже у меня.

— Не правда ли, у моего сына хороший вкус?

— Да, — говорю я.

— Жаль, не во всем. — Вздох, будто потеряла любимую шляпу. — Мой сын предпочитает английских портных. Не понимаю тех, кто носит готовую одежду, — взгляд на мой сарафан. — Это ведь так... не престижно.

А я смотрю на нее и думаю о другом, Думаю: а как же тот разговор в машине с Яром? Я ведь была уверена, что у него костюм Армани, рубашка Стэфано Риччи, и он не спорил, более того — подтвердил. О, как же он тогда, наверное, смеялся над провинциальной мной, возомнившей себя знатоком моды после трех месяцев работы в бутике?!

— Злата...

Не могу поднять на него глаза.

— Злата...

Не хочу его видеть.

— Злата, пожалуйста, посмотри на меня...

Его пальцы приподнимают мой подбородок, но взгляд я прячу за ресницами.

— Я не смеялся над тобой.

— Да, конечно.

— Это было так... трогательно, — не позволяет мне отстраниться, наоборот, приближает свое лицо к моему. — Так необычно... как глоток свежего воздуха. Ты меня понимаешь?

Вспоминаю его слова три минуты назад, когда мы говорили о Егоре. Он сказал, что глоток свежего воздуха иногда просто необходим.

— Я тогда говорил о тебе.

Поднимаю глаза на него, и уже не могу оторваться. Минуту, две или вечность? Он сам отпускает меня, разрывая связь голосом:

— К тому же, ты была не так далека от истины. Я ношу одежду не только сшитую на заказ и не только английских портных.

— Это замашки твоего отца, — грустнеет свекровь, а с укоризной смотрит на меня. — Надеюсь, твой вкус не ухудшится, Ярослав. Раньше я была в этом уверена, а сейчас... просто надеюсь.

— Так что на счет Егора? — возвращаюсь к волнующей теме.

— Нет.

Яр с улыбкой обновляет вино в моем бокале, но я честно предупреждаю:

— Твой расчет неверен. Алкоголь ударяет в мой центр раздражения, а не удовольствия.

Бокал тут же изымается из моих рук с подменой на стакан с соком.

— Это наследственное? — свекровь светлеет лицом, рассматривая меня как нечаянно найденный бриллиант и даже, кажется, сожалеет, что до этого камешек ненароком пнула туфелькой.

А вот и не буду выкручиваться!

— Да, — говорю, изо всех сил удерживаясь, чтобы не взглянуть на мужа. Сил хватает ненадолго и я все-таки встречаюсь с ним взглядом, а в его глазах бушует целое море... но осуждения или брезгливости нет. Догадался. Понял. Или узнал из одного очень болтливого источника.

— Придется тебе контролировать себя на приемах, — свекровь вздыхает. — Хотя, в этом вопросе я больше надеюсь на своего сына.

На моем лице, видимо, отпечатывается изумление вперемешку с шоком и увесистой горкой страха, и женщина не без садистского удовольствия развивает тему:

— Ты ведь понимаешь, что как супруга Ярослава не можешь себе позволить опозорить его?

Да я и не собиралась...

— А ему довольно часто приходится принимать участие в светских мероприятиях. И если бы только принимать участие — так еще и отбиваться от вездесущих журналистов. Чего стоит только эта Катерина?! У нее такие коварные вопросы, что иногда мне думается: она со мной спит!

Ужасная профессия — журналист, ужасная: я бы даже за эксклюзивное интервью лечь под бочок своей свекрови не согласилась, лучше ночь провести в террариуме.

— А что, вы еще нигде не появлялись вместе?

Никогда не видела, чтобы у человека так резко поднималось настроение — прям наперегонки с раздувающейся грудью.

— Ярослав, ты по каким-то причинам прячешь свою жену? — не унимается свекровь. — Странно, ты же и в этот раз выбирал ее сам...

— Поэтому сам и решаю: прятать или нет, — Яр подмигивает мне, прежде чем я успеваю вспыхнуть в негодовании.

— Но... — Свекровь тянет многозначительную паузу и хотя я и не жажду попасть под облаву желтой прессы, задумываюсь над ее словами. А ведь если она права... если он меня стыдится...

— Завтра мы приглашены на выставку Никиты, — говорит Яр.

— Ах, ну тогда конечно! — Шляпа приподнимается и милостиво кивает. — Теперь я понимаю. Первый выход — среди своих, в узком кругу. Да, это логично, с учетом увиденного... — Глаза в глаза, с очередным намеком, что увиденное ее не порадовало. — Только проследи, пожалуйста, чтобы жена выглядела соответственно. У меня есть одна шляпа... которая может ей подойти...

Я бросаю испуганный взгляд на мужа, а тот, едва сдерживая усмешку, отнекивается за меня. Я и шляпа — вещи несовместимые. Я и светские приемы — вообще-то тоже, но здесь речь идет о выставке, а это даже если не пойму задумки художника, одна из областей творчества. В любом случае, не потерянное время. Бояться буду завтра, а пока тихо радуюсь, что покажусь на людях с мужем. Красивым, страстным, моим...

Ужин, к вящей радости, заканчивается. Егор ускользает в свою комнату, а мы с Яром у дома провожаем гостей. Свекровь дарит мне поцелуй возле моей щеки, свекор обнимает вполне искренне, а я искренне радуюсь, когда машина отъезжает, и мы остаемся одни. На выдохе, с удовольствием прижимаюсь к мужу. Весь вечер хотелось обнять его.

— Жива? — улыбается он, хотя я и не вижу его улыбки.

— Да, но еще бы чуть-чуть...

— Я бы нашел, как тебя оживить.

— Знаю.

Жмурюсь довольно, и обняв крепче, поворачиваю голову, чтобы не дышать в рубашку. В одном из окон третьего этажа мелькает тень.

— Яр, по поводу Егора...

— Нет.

Тон такой, что не поспоришь, но я пытаюсь. Получаю повторно жесткий отпор и вроде бы и не ссорились, а радость, что мы вдвоем, угасает.

— Идем? — предлагает Яр.

Я не спорю — смысл?

У комнаты для охраны сталкиваемся с угрюмым Макаром, он задерживает взгляд на мне, словно хочет что-то сказать, но Яр тянет меня дальше. Обернувшись на лестнице, успеваю заметить, как водитель медленно, будто нехотя, выходит из дома.

— Куда это он?

— Обход территории.

Обычное дело — да, но почему так тревожно сжимается сердце?

Яр снимает рубашку, но даже любуясь его совершенным телом, — для меня совершенным, — не перестаю думать о водителе. Взгляд... его взгляд... было в нем какое-то предупреждение... неизбежность... и... сожаление?

— Ты далеко? — губы Яра прикасаются к моему уху, язык коварно исследует ухо, а горячее дыхание отгоняет все мысли, кроме одной. Хочу его! Всего! Полностью! Не делаясь ни с прошлыми женщинами, ни со своими страхами, ни с будущим, которого мы не знаем.

— Я здесь, — поворачиваюсь в его объятиях, пожираю взглядом оголенный торс, скользю взглядом ниже и... замираю. Как в первый раз замираю. Или я была смелее тогда. А сейчас пальцы, дрожа, прикасаются к золотистой коже — от ключиц, вдоль груди, к твердому животу, который, склоняясь, покрываю быстрыми поцелуями. Его стон перемеживается с моим. Заставляю рукой откинуться на подушки, а сама опускаюсь ниже. Мой. Весь мой. С упоением одариваю ласками, которые даже сейчас, спустя столько времени после первого раза, кажутся очень интимными, откровенными. Не могу представить, чтобы делать это с другим.

Только он.

Для него.

Стон. Еще один. Его пальцы ложатся на мою голову, его голос хвалит и называет деткой, на секунду отвлекаюсь, ища взгляд. Но он просит не останавливаться, называет по имени — значит, не путает с одной из тех, что... тоже...

Нет, не хочу думать о них...

Пусть и он забудет со мной...

Говорит, что не выдержит, говорит, что взорвется, если не остановлюсь. Ускоряю ритм, и рука его, словно смирившись, надавливает сильнее. Да, вот так, громкий стон и его удовольствие мне в награду. Впитываю, забираю все до последней капли. Поднимаю голову и ползу за его улыбкой, вверх, по совершенному для меня телу. Наши пальцы сплетаются, дыхание выравнивается в унисон. Он пытается бороться со сном, говорит, что хочет подарить и мне освобождение, но я глажу его, как ребенка, по волосам, и он послушно закрывает глаза, проиграв битву с совестью.

Для меня в другой раз. Под утро, когда он проснется, а пока пусть спит.

Мой.

Удовлетворенный.

Любимый.

Никогда не думала, что это бывает вот так. Я могу дышать, могу есть — аппетит не страдает, но представить себя без него не получается. Он — часть меня. Неизведанная, туманная, закрытая на засовы. Если его не будет рядом, я выживу, но прежней уже не стану.

Отчего вдруг такие мысли?

Взгляд скользит по кольцу на моем пальце, но огромный бриллиант не приносит успокоения — наоборот, подстрекает неясные страхи. Поддаюсь порыву и снимаю его. Давит. Предупреждает.

О чем?

Мой любовник спит, а я пытаюсь рассмотреть в лунном свете его лицо. Неужели уйдет? Бросит? Нет, не верю... Зачем тогда все это? Зачем встреча? Лучше бы не пересекались вообще или расстались после единственной ночи. Это не интуиция, это глупые страхи, потому что я люблю его, а его сердце холодно. Я могу спрятаться, могу сделать шаг назад, а могу попытаться дойти к нему со свечей. И... вдруг огонек разгорится?

Ладонью провожу в области его сердца. И не только сейчас. Прикасаюсь чаще, при каждой возможности. Ночью, вечером, днем, когда мы одни, когда нет возможности уединиться...

Меня не смущают даже толпы девиц на выставке, которые не сводят с моего мужа взглядов.

Моего...

И моя рука на его груди, растапливает лед. Вернее, пытается, растопить. А его рука обхватывает меня вместо пояса. Весь час, что мы бродим среди огромных картин. Я не пью шампанское, чтобы не отпускать Яра. Я и так пьяна от сандала с грейпфрутом, от его близости, от его легкого поцелуя вне камер. Папарацци не гонятся за ним, как шакалы. Слава Богу, есть персоны более скандальные.

Среди приглашенных замечаю несколько звезд и телеведущих, с неизменной улыбкой и микрофоном Катерину по прозвищу Вездесущая — они ходят друг за другом, по оговоренному кругу. А мы уже долго стоим у одной из картин, на которой раскинулось море. Только море и солнце — такое яркое, что щуришься непроизвольно.

— Нравится? — интересуется Яр.

— Да, красиво. Я люблю воду во всех ее проявлениях, я без нее задыхаюсь. Река, озеро, море — что-нибудь обязательно должно быть в городе. Я могу не бывать там неделями, месяцами, год, но оно должно быть.

— Водный знак, — усмехается.

— И боязнь маленьких городков, — добавляю. — Это почти то же, что и с водоемами — я могу сутками просидеть в четырех стенах, мне достаточно знать, что я могу из них выйти.

К нам подходит щеголеватый парень, и если бы Яр не представил его, никогда бы не подумала, что это художник. Я стереотипно ожидала увидеть бородатого увальня, а этот — подтянутый, челка воробьиным хохолком, запястья увешаны браслетами шамбала, на шее бусы с камнями под цвет белоснежных зубов. Да он сам как картинка!

— Никита, — молодой человек галантно целует мне руку.

Я, краснея, смотрю на мужа.

— Злата.

— Да, да, наслышан.

А вот взгляд цепкий — пожалуй, профессиональное.

— Как вам? — неопределенный взмах на картины.

Ничего в живописи не понимаю, но отвечаю, к моей радости, честно:

— Я люблю море.

Он немедленно расплывается в понимающей улыбке.

— А тебе как? — задает вопрос Яру.

Тот хмурится, всматривается в картину и долго говорит об игре света и тени, сравнивая с прошлыми работами мастера. Понимаю одно: кажется, наметился рост, а слушаю, открыв рот, вместе с польщенным художником.

— Ну а ты пишешь?

Удивленно смотрю на художника. Первая мысль — откуда он знает, что я пишу сказки?! Но он смотрит на мужа, а тот качает головой, чуть сильнее сжав меня за талию. Вопрос ему не понравился, взгляд уже в сторону — уйти, оставить...

— Нет, забросил.

— Жаль, у тебя есть способности. Поверь...

Яр делает шаг, и я почти делаю тоже, но художник успевает сказать:

— Я прекрасно помню твои картины, да и те рисунки... — Осекается, осознав, что сказал лишнее, но и недоговорить уже не может. Это больше бросится в глаза, а так есть шанс, что я ничего не пойму. — Где они?

— Их нет.

Яр уводит меня из выставочного зала, мимо радостных лиц, мимо счастливых улыбок, а я с болью в сердце думаю о той, что осталась на тех рисунках. Я завидую ей. Я ее ненавижу. Девушку, которую мой муж рисовал лично. Пытаюсь не думать о ней. Пытаюсь и не могу.

Яр чувствует меня и как следствие, избегает. Ночи наши — по-прежнему. Препрежними остаются утра, когда он исчезает с рассветом, а меня дожидается зеленый чай, вот только... вечеров больше нет. Вечеров на двоих. В это время он на работе или едет в машине, или в пробке, по телефону решает деловые вопросы. А я дома — одна или с Егором. Но самое главное, без него. Чаще я дожидаюсь его в гостиной, иногда засыпаю там вместе с Егором, и мой муж нас разносит по комнатам.

Но вечеров на двоих больше нет, у камина, в обнимку, с его шепотом у моего уха...

Выставки, концерты, возвращение за полночь, быстрый секс, его утомленный сон и мой взгляд в потолок...

Лето движется по календарю, вот июль сменяется августом, а я все еще мыслями в том пуховом июне. Подошла бы я сейчас сама к Яру? Сделала предложение?

Нет.

И тут же противоречу себе, почти крича мысленно: да!

Да...

Даже зная о том, что любить буду я. Даже зная, что он любит другую. Не жену бывшую, а ту девушку, что смотрела на море с рисунка.

Иногда я думаю вовсе бредовое, иногда мне кажется, что тогда, на той выставке, когда мы первый раз вышли в мир вместе, он смотрел на картину, где плескалось бесконечное море, и представлял сидящую на берегу темноволосую незнакомку.

Иногда я смотрю в зеркало, нервно накручивая на пальцы длинные светлые пряди и

ловлю себя на том, что набираю номер салона, а потом спохватываюсь, понимая, что перекраситься — это не выход. Цвет волос не бывает ключиком к сердцу.

Тогда что?

Я не знаю.

Я ведь раньше мужчин не любила.

По ночам, когда наши тела сплетаются, я пытаюсь сказать, как люблю, как он нужен мне, как хочу его сделать счастливым. Он со стоном, от которого все внутри меня радостно пляшет, принимает жаркие ласки. Дарит свои. Любит. Но не сердцем, не душой, только телом.

А мне этого мало.

Я, как в том городке, где прошло мое детство, без его любви задыхаюсь. И просить не могу полюбить меня. И заставить.

Я люблю. И жалею, что уже не исправить.

Нет, все вру!

Любить тягостно, больно и мучительно и... прекрасно. Когда с именем на устах засыпаешь. Когда с этим же именем просыпаешься. Когда сонной притягиваешь к себе подушку с вмятиной и вдыхаешь — его, но родной для тебя запах. Когда чай пьешь с закрытыми глазами, чтобы сон, где вы вместе и где он говорит то, что так ждет твое сердце, не развеялся слишком быстро. Когда в ванной берешь его гель для душа и его шампунь — резче запах, чем привыкла, но ближе, чем твой.

А потом целый день без него, с телефоном в руках, хотя есть и карманы. Позвонит? Нет... снова нет... занят... Но ни слова упрека, потому что он ничего и не должен. Этот брак без любви. Для него. А я... А мне нужно было быть осторожней. А сейчас слишком поздно. Не влюбленность, не увлечение, а болезнь с летальным исходом, если он не ответит.

Очередной выход в свет, и меня замечают камеры. Это как-то неправильно, девушка из шахтерского городка на экране, и одежда неправильная — слишком стильная, слишком изысканная, дорогая. Как блестит этот клатч! В сотый раз, наверное, я кручу эту запись, но узнать рядом с Яром себя не могу. Кто та девушка с приговоренным к мучениям взглядом? Я? Не я? Бриллиант ослепителен, а грусть диссонирует ярче. Странно. Я... но вот взгляд... разве любовь, что съедает меня — не подарок, не счастье?

Муж мой холоден изнутри, но улыбка дарит тепло. Дарит или попросту излучает? Его спрашивают обо мне, почему именно я, почему такой выбор, когда за спиной столько богатых и мечтающих о нем пассий. Я невольно оглядываюсь — да, завистливые глаза, в основном, женщин... И смотрю на него — вот сейчас улыбка не настоящая, но не зная его, не скажешь. Изумлен, говорит в красный глаз камеры: разве не ясно, почему рядом с ним именно я? Не видно? Пусть посмотрят внимательней и тогда оценят его безупречный выбор. А я ляпаю вдруг, что выбор мой — не его, потому что именно я сделала предложение. Оператор и ведущая застывают. Улыбка Яра оборачивается осколком. Но тогда я не видела — только сейчас, на сто первом просмотре...

— Значит, слухи не лгали? Злата — ваша жена?

Удивляется ведущая, удивляется оператор, но больше всего удивляюсь вопросу я.

— А вы думали кто? — вновь отшучивается Яр, незаметно подталкивая меня в сторону. — Нам пора.

Мы уходим, хотя никуда не спешим. Яр не любит быть в центре внимания прессы, я тоже не рвусь в светские дивы. Но улыбка не сходит с лица. Вот теперь те, кто не знал, те,

кто еще сомневался, пусть подавятся завистью. Яр — мой муж, я не просто подружка.

Иногда он идет на приемы один, и тогда я ворочаюсь, пока он не вернется. А потом снимаю с него рубашку, брюки, прижимаюсь крепко, будто не виделась вечность и поцелуями убиваю свою тоску, прочь гоню его отчуждение. Мой. Он мой. И я верю, что у нас все получится. Просто нужно стараться, хотеть и не уставать пробовать, как и в сексе.

Когда-нибудь все получится.

Я подожду...

Хотя знаю, что ждать не могу, не умею.

Разрываюсь, когда уезжает в командировки. Несколько дней... один раз его не было больше недели... Если бы не Егор, я бы сутками просидела в доме. А так — прогулки, споры, пара выходов, которые не скоро забуду и после которых окончательно убеждаемся, что не просто общаемся — дружим. Замечательный мальчик. Искренний, добрый. Я не против, если сын мой окажется на него похож, правда... с Яром мы еще даже не говорили о детях.

А потом календарь показывает сентябрь, и Егора отправляют в Англию. До сих пор могу забыть этот день. До сих пор разрывается сердце. Мальчик, вздернувший нос у машины, чтобы никто не узнал, как на самом деле ему паршиво. И я. Обнимаю его, прижимаю к себе, глажу по волосам, а он даже не пыхтит ежиком и не уворачивается, только повторяет одно и то же, что он уже взрослый.

— Да, конечно, — говорю я и прижимаю его еще ближе, не оглядываясь на стоящего позади мужа.

— Я вернусь, — утешает меня Кибальчиш.

— Да, хочу, — отвечаю на вопрос в темных глазах.

— Я вернусь, потому что ты меня ждешь, — и как старший Самарский, на которого он равняется, добавляет с усмешкой: — Обещаю.

Словно пьяная, на дрожащих ногах поднимаюсь в комнату. Из моего бука выпадает белый листок. От руки записка, как мне нравилось писать свои сказки, потому что эмоции, потому что теплей, чем от компьютерных строк.

Я читаю и плачу, и практически слов за слезами не вижу:

"Ну конечно, я скоро вернусь! Я ведь ужасно хочу познакомиться с твоими родителями и нашей бабулей! Люблю, обнимаю, тащу на костер очередную твою сумку, если вздумаешь одеваться, как раньше.

П.С. Сказку отправил куда нужно. Жди гонорар.

Егор".

Он уехал и, конечно, меня не услышит, но я все равно говорю вслух, что люблю его, вредного, бойкого, никому не нужного, кроме себя и меня. Люблю сильно.

Наша бабуля...

Она так мечтала о внуке, и вот на тебе... пригласил и уехал, правда, перед самым отъездом позвонил ей, извинился и перенес встречу...

Почти сразу улетает в длительную командировку Яр, и в огромном особняке остаюсь я одна. Знал ли он? Чувствовал? Почему не кричала моя интуиция? Сотни раз я задам себе эти вопросы. И другие задам не раз.

После.

А тогда пустота накрывала меня полотном, а мой брак и любовь доживали последние дни перед смертельной агонией.

С минуту я смотрю на маячок, булькающий на панели инструментов, и наконец доходит, что это скайп!

Яр?

Пытаясь побороть волнение, поспешно нажимаю, и пока видео не появилось, наспех поправляю волосы. Лариса наверняка сказала бы, что я выгляжу клушей — неумытая, непричесанная, в длинной майке вместо ажурного пеньюара, а уж если бы узнала, что минуту назад я сосредоточенно клацала по клавишам... эм... у нее много нелестных эпитетов в арсенале.

А, может, мне притвориться, что не услышала вызова, быстренько привести себя в порядок, а потом набрать самой? Нет... жалко времени... Я ужасно соскучилась по улыбке, по строгому взгляду мужа, не смогу ждать лишней минуты... И так почти неделю слышу только короткие фразы по телефону, сама несую в трубку чушь, а потом под навязчивые гудки корю себя, что так и не сказала, как скучаю и как он нужен мне и как люблю... По телефону ведь легче признаться, не глядя в глаза, не видя ответ в глазах. Да и вообще, звонок может сорваться, может быть плохое соединение, может зарядка закончиться — куча причин сказать хотя бы по телефону, а я все молчу...

Неужели увижу его сейчас?

Сердце, кажется, разорвется...

Яр...

Но экран показывает другое лицо, веселое, симпатичное, очень родное, но... лицо не моего мужа. Нет, я не разочарована, просто не ожидала. Я так соскучилась по этому притворно злобному мальчику, что пальцы с дрожью проводят по виртуальным волосам, дают щелчок вздернутому к потолку носу.

— Эй, ты там как? — машет рукой Егор.

— Привет, — шепчу сиплым голосом.

— В обморок только не падай!

Мои страхи, которыми пичкала себя больше недели, отступают под магией его звонкого смеха.

— Рассказывай, — прошу его, — как ты?

Делает вид, что мое предложение не из самых приятных, но так и быть, только ради меня, раз больше поговорить не о чем... А сам не без удовольствия быстро, словно наперегонки с кем-то, делится, как живется на новом месте, среди наших снобов и иностранцев, как освоился, чем питается. Газировки такой вкусной нет, ваты тоже, друзей пока не завел, да и не старается: связи нужны его родителям и Ярославу — вот пусть и знакомятся, а у него немного другие планы, раз уж приучают к самостоятельности.

— Интересно какие?

— Ну, — подмигивает, — присматриваюсь к симпатичным девушкам, а потом выберу одну или две и познакомлюсь для длительных и серьезных отношений.

Он ждет, пока я, поперхнувшись зеленым чаем, откашляюсь.

— А почему только две?

— Потому что реально оцениваю количество свободного времени и карманных денег,

что мне выделяют.

Да уж, похоже, растет настоящий искуситель, весь в старшего брата. А симпатичный мальчишка, кстати, барышням есть чего опасаться.

— Что это ты ко мне так присматриваешься? — хихикает. — Я для тебя пока еще маленький.

— Пока?

— Ага, — ничуть не смущаясь, — как ты там говоришь?.. Мм... потренируюсь на кошках, а потом, если ты разведешься с Яром, лет через пять... обсудим детали...

— На кошках... — На минуту теряю дар речи. — Разве можно так говорить о девочках?!

— Ну и что? Можно подумать, вы не обзываете мужчин котами!

— Да не только котами, — соглашаюсь, — но ты пока не мужчина!

— Стану, — отмахивается, — тоже мне, Питер Пэна нашла.

На этом тема мурлыкающих исчерпывается, но взгляд его с хитрецей, кошачий, и чтобы сбить этого новоявленного Мурзика, уговариваю еще что-нибудь рассказать о школе.

— Да как тебе объяснить, чтобы ты и в другой раз не спрашивала? — чешет макушку и вдруг на него накатывает вдохновение. — О, придумал! Точнее и не опишешь. Здесь так же здорово и весело, как в склепе, причем не в родном, семейном, а соседском, в который тебя по ошибке определили и вот ты лежишь и ждешь, родственники собираются вроде бы, толпы с цветами бродят по праздникам, а ты не узнаешь ни одного. И к тебе никто не подходит. Только и остается, что это... кошек гонять.

Картина маслом ясна. Ему одиноко и пусто, но выбора нет, и он потихоньку приспособливается, но на своих условиях. Я помню: то, что нас не убивает, по идее делает сильнее, а у Егора настольная книга — Ницше, значит, тоже в курсе этого изречения, но если бы он был здесь, под боком, я бы чувствовала себя гораздо сильнее, и ему бы окружающее не казалось склепом. Мне все-таки кажется, сила не в испытаниях, которые на тебя сыплются, а в том, чтобы держаться вместе против бури и ветра.

— Ты, надеюсь, сбежать не собираешься? — подозрительно всматриваюсь в притихшего мальчишку. Такое ощущение, что мы думали об одном и том же — такой пронзительный взгляд, даже слегка жутковато.

— А что, — трет задумчиво лоб, и снова становится родным и понятным, таким притягательным невероятно, что хочется погладить ежовые колючки, — это идея. Подумаю на досуге. А как там мой братец?

— В командировке.

— Это он любит.

Любит? То есть, ему нравится без меня...

— Ага, давай, накрути себя! — поощряет Егор и вздыхает расстроено: — Эх, некому за тобой присмотреть! Слушай, он и раньше не часто появлялся дома. У него же бизнес международный, есть несколько филиалов, а замов надо контролировать, а то они любят подворовывать. Он сейчас где? В Нью-Йорке?

Киваю.

— Понятно, звонит редко, говорит быстро — ну так там разница в двенадцать часов с нашим временем и он собирался увольнять директора, искать замену. Пока подучит, передаст дела, проконтролирует... Он когда в Нью-Йорк мотался, я его вообще не слышал, так что это не из-за тебя. Просто ему некогда.

Ничего в бизнесе не понимаю и не пытаюсь, если честно: не мое это. Тут бы на

копирайтера выучиться, а управлять кем-то — людьми, финансовыми потоками, нет, увольте. И если совсем честно, я поспать люблю, а Яра почти никогда по утрам не застаю, с рассветом убегает, но с ним понятно — мужчина, добытчик, хищник; Егор вон такой же, мне кажется, будет, разве что чуть открытей за счет чувства юмора. Я лучше у очага посторожу, на вахте.

— А у тебя как? По-прежнему сидишь дома?

По лицу мысли читает — вот точно, только подумаю — он озвучивает, и не скроешься. Но его барышне повезет: не придется ей мучиться: сказать — не сказать о чувствах, сам узнает и сам решит нужно ли ему это, а нет — на корню остановит, а не когда все, как раковая опухоль, запущено.

— Да, но уже не без дела, — вздох у меня вырывается самовольно. — Вот, статьи изучаю. Одну написала, но сомневаюсь, примет заказчик или нет, нереально сложно хвалить сантехнику, знаешь ли.

Егор воодушевляется и сыплет стишками-слоганами, самый цивилизный из которых:

"Если сел на унитаз —
Перекрой в квартире газ"

Мои уши деликатно увядают, когда фантазия мальчишки, наконец, иссякла.

— Ты где так наловчился? Случайно не в рекламном агентстве брата?

— Ай, — машет обиженно рукой, — он зануда! Он бы столько, как ты, не выслушал, а ведь это называется мозговым штурмом!

— Поверь, мои мозги оценили.

Хохочет, но что-то вспомнив, выравнивает спину, по-деловому скрещивает руки и чопорно интересуется:

— Что слышно по нашей сказке?

— Гонорар не получила, если ты волнуешься.

— Ладно, — расслабляется, — ждем.

У меня большие сомнения, что сказку возьмут, но разочаровывать мальчика не хочется. Киваю ему, говорю, что скоро закончу еще одну сказку и отправлю по тем же контактам, что и он, а к его приезду на каникулы поделим двойной гонорар. Мне не жалко, деление на ноль прибыли не дает, а ребенок верит.

— Эх, пора мне, — оборачивается за спину, видимо, кто-то вошел в его комнату, но остается вне кадра, — а ты мой номер добавь в контакты и звони. — Небольшая заминка, почти незаметная. — Если захочешь, конечно.

— Захочу, — успеваю ему подмигнуть, прежде чем отключился.

Не переставая улыбаться, смотрю на экран, где только что видела смешливое лицо, и ни строчки сочинить больше не получается. Сижую, думаю, как же мне повезло в этой жизни! Так и тянет обнять весь мир, крикнуть, как я счастлива, как люблю, как скучаю без своих мальчишек. Темноволосый и с пшеничными волосами — разные и такие родные, еще несколько месяцев назад абсолютно посторонние для меня люди, без которых я жила, дышала, а сейчас кажется, как не со мной все было и не в этой реальности. Монотонно, без красок, и уж точно без такого обилия красного... Алые клумбы, простыни, покрывала, свитера Яра, его машина, шляпа свекрови...

Целое королевство. А ведь это что-нибудь значит, наверное...

Забиваю в яндекс запрос, и с усмешкой читаю. Ну конечно! Я раньше должна была догадаться: красный — чувственность и цвет власти. Долго вычитываю характеристики и значение всех оттенков — надо же, кое-что совпадает. Может, совпадений гораздо больше, только... я не так хорошо знаю Яра, как мне хочется, и... Хватит, снова строю грузные башни и сама на себя их взваливаю.

Интересно, а что означает синий? Он мне больше всех нравится. Так, затягивает, опьяняет, у него нет дна...

Эх, если бы...

Что без дна — хорошо, я не против, но сомнительно, что есть дар затягивать... Не удержала ведь, уехал один, хотя я не работаю и могла бы сейчас быть с ним...

Лучше читать дальше...

Преданность людей, предпочитающих этот цвет, иногда доходит до добровольного рабства... Чушь! Я не против подчиниться более сильному, но раболепия не переношу, в отношениях двое должны быть равными. А вот то, что синий цвет выбирают те, кто хочет гармонии и подвержен фантазиям — правда. Ну хоть что-то похоже, а то... рабство, подчинение...

Насочиняли!

Как назло, вспоминаю последнюю ночь с Яром. Я действительно была полностью в его власти, под присмотром зеркал, которые он принес в нашу комнату, но и Яра пленили мои смелые ласки. Он со стоном парил в небесах, а я почти взлетала от удовольствия, на невидимых крыльях страсти, но увы...

Я как бабочка, у которой одно крыло — и не падаю, и полностью не взлетаю...

Забиваю другой запрос в яндекс. Про цвета мне все ясно, а если... вот оно, тысячи ссылок... закопаешься — не найдешь себя. Нет, я знала, что не одна, но чтобы столько людей задавалось, как получить удовольствие...

Я читаю, запоминаю, примеряю к себе, анализирую, но стараюсь не для себя. Мне бы и так сошло, просто знаю, что Яру бы этого очень хотелось. А пока я кончаю только под его языком, да и то не всегда. Нужно выбросить абсолютно все мысли и тогда все получится, нужно полностью расслабиться — так советует яндекс, но как тогда я доставлю удовольствие Яру? Как не думать о том, чтобы доставить ему удовольствие, если для меня это главное?

Не понимаю.

Одна неделя перетекает в другую: короткие звонки, пустые фразы, а я думаю о нем практически постоянно. Я жалею, что не сказала ему о своих чувствах. И я рада, что не сказала. Потому что боюсь, ужасно боюсь... не услышать в ответ молчание, а прочесть по глазам, что у меня никаких шансов. Вот с Егором я говорю открыто и обо всем, ну за исключением темы для взрослых, советоваться как угодить в постели мужу, я понятно — не стану. Зато каждый вечер желаю ему добрых снов, а он каждое утро спрашивает о моем настроении. Как оно? Ничего? Паршиво на самом деле, но я вру, что отличное.

Яр о брате не спрашивает, это я придумываю приветы. Егор кивает, но по глазам вижу — ни на грамм в них не верит.

— А большой привет или маленький?

— С тебя ростом.

— А как пахнет?

— Как ты.

— Ой, фу! Я только что с тренировки!

Это наш привычный обмен репликами, с небольшими корректировками. А однажды он не дурачился, а серьезно сказал, чтобы я передала Яру, если тот полный кретин, лет через пять он сам на мне женится, на самом деле, потому что я классная.

— Это что за новости? — удивляюсь. — Ты же говорил, что еще маленький для меня!

— Ключевое здесь слово "еще". И потом... я тебе нужен.

А в глазах плещется неуверенность и ранимость, и ожидание, и любовь, не за что-то, а, скорее потому, что больше любить некого.

— Очень нужен, — сглатываю комок в горле, — даже не сомневайся, только муж у меня уже есть.

И опять мне кажется, что он считывает мои мысли: интересно, надолго? И нужна ли я Яру? И впервые за все время замужества я действительно задумываюсь, а к чему вообще была эта свадьба? Ладно, я — для меня встреча с Яром, — это нечто магическое, но зачем ему я? Наверняка, мысль жениться на девственнице с высшим образованием посетила его не впервые, просто в баре он озвучил ее, а я услышала. Если бы задался целью найти жену именно такую, разве не логичней начать поиски среди социально равных? Присмотреться к ней, а не наводить справки у полусонных подруг, попытаться пожить вместе, а не тащить под венец, дать прочувствовать полностью эти моменты с выбором наряда, заказом букета, а не впихивать невесту в удачно подвернувшееся готовое платье. До сих пор задаюсь вопросом, что это было? Тайфун? Слепота и безумие от пятна на белом ковролине? С моей стороны понятно — нокаут в первом же раунде, но Яр...

Четыре коктейля, один разговор и кольцо с бриллиантом. Так бывает?

Да, так есть, но мне все еще кажется, что все это из грани фантастики. Сказка. Кстати, из одной редакции пришел ответ, что такое не печатают в принципе, но если мне интересно и нравится общаться с людьми, могу попробовать себя в журналистике, в их издательстве. Даже дали мобильный главного редактора, за которым уверена — многие из журфака охотятся, а мне так — подарок, которым я не воспользуюсь.

Несколько раз пишу и стираю ответ. Журналистика — не мое, но все равно жутко приятно. Обычная девушка из провинции и редакция... ух! Накатывает ощущение нереальности, и чтобы вырваться из него, набираю телефон Яра. Он — мое настоящее, мой фундамент, вот сейчас услышу его голос и пойму, что не сплю.

— У тебя что-то срочное? Я сейчас занят, — говорит он.

Да, не сплю. Спасибо, любимый, твой ответ освежает.

— Не срочное, — нажимаю отбой и звоню по скайпу Егору.

Тот аж светится, когда зачитываю ответ из редакции. Сидит, довольный такой, руки потирает, будто уже пересчитывает купюры.

— Это только начало! — уверяет меня. — Мы с тобой еще прославим нашу фамилию!

Смех развеивает ощущение нереальности, прогоняет легкую досаду на Яра. Я смогу. Да. Мы сможем. Мы ведь одна банда — Самарские!

Когда поздно вечером звонит Яр, я уже не рассказываю о том сообщении. Прошло. Отпустило. У него дела, бизнес, а здесь я с ерундой. Зачем забивать ему голову? Пусть скорее решает свои вопросы и возвращается...

— У тебя все в порядке? — Это его привычный вопрос, почти ритуальный. Вот сейчас, по идее, я отвечу, что все хорошо, и тогда он спокойно нажмет отбой. Позвонил жене, галочку поставил — и ладно. Но сегодня я немного меняю правила.

— Нет, — говорю, — не все.

Я буквально чувствую его секундное замешательство в тяжелом дыхании.

— Почему?

— Мне тебя не хватает.

Один палец держу на красной кнопке, чтобы первой нажать отбой если что, но молчание по ту сторону двух океанов затягивается. Он еще здесь? Со мной? Наконец, он выдыхает так громко и вымученно, будто его пытаются и убитым голосом признается:

— Я тоже о тебе думаю.

И молчим уже оба, и дышим, кажется, в унисон, а потом я зажмуриваюсь и выпаливаю, чтобы не передумать:

— Я люблю тебя.

— Что?

— Я люблю тебя.

И не просто жму на отбой, а совсем телефон выключаю. Ну вот, я решилась, сбросила тяготивший груз, а легче почему-то не стало. Руки дрожат, голова ватная, хорошо, что у дивана такая высокая спинка, и мягкая. Или нет... наоборот, мягкая спинка, слишком мягкая... раздражает... Может, надо было сказать о чувствах при более удачном моменте?

А когда придет удачный момент?

Зря я все-таки Яру призналась.

Что теперь будет?

Ох, наверное, последствия узнаю только по возвращении мужа. Если он захочет ко мне вернуться...

Стоп, я живу в его доме, значит, точно вернется.

А квартиры, о которых он говорил?..

Ерунда! Ну не будет же он от меня прятаться? Разговор у нас состоится, вне сомнений, серьезный, и пока Яра нет, лучше морально к нему подготовиться, а не накручивать себя до нервного срыва...

Глубоко задумавшись, я не сразу реагирую на стук в двери. Видеть никого не хочу, но и обидеть — тоже, тем более, повариху, которая просто спасает меня от бессонницы. Если бы не ее чудотворные отвары, я бы так и бродила неуспокоенной тенью по комнате, и вот же ж, настойчивая, знает, что меня легко уговорить лаской, и не уходит, хотя я упорно молчу, а причитает соловушкой.

— Злата Юрьевна? — заботливый голос за дверью. — Злата Юрьевна, я войду, ладно? Вы не против? Злата Юрьевна, начинаю беспокоиться и входить...

Ну не дом, а проходной двор, честное слово! Но сама виновата, в двери есть замок, а не закрываю. Не привыкла, да и неожиданно заметила у себя еще один вид клаустрофобии: если в комнате кто-то есть (кто-то... понятно кто, Яр), могу взаперти сутки просидеть (кхм... или пролежать, и не только сутки), а одна чувствую себя зверем в клетке. Неуютно, хочется вырваться на свободу, бежать...

А овца в клетке — страшная сила, никого не заденет, а сама пораниться может. Думается мне, все вокруг это понимают прекрасно, потому вот некоторые и суют мне безбоязно телефонной трубкой под нос.

Кто мне может звонить на домашний? Да никто! Но спасая нос, взять телефон приходится.

— Да?

— Злата, почему у тебя выключен мобильный?

Ой, мамочки! Яр! Повариха, подмигнув (у Егора, что ли, научилась), выходит из комнаты, и у нас происходит тет. Я, темный экран мобильного и глаза мужа, которые видятся мне на этом экране. С прищуром взгляд, прикидывает, совру или нет, выжидает. И даже подсказку дает, за которую так соблазнительно ухватиться:

— Разрядился?

— Нет.

Большая ложь начинается с мелочей, большая глупость, как известно, — последствия правды.

— Хм, понятно.

— Хорошо, когда все понятно, — понимаю, что несу чушь, но не в силах остановиться.

— Да, согласен.

— Да, прекрасно.

Замечательный разговор, ничего не скажешь! И один из нас делает правильный ход, закрывая пустую тему.

— Злата...

— Да?

— Я расслышал, что ты сказала...

— Хорошо, а то, знаешь ли, поговорить с собой я могу и без телефона.

— Ты немного не поняла. Я имею в виду не то, что ты говоришь сейчас, — усмешка, от которой я таю. — Я расслышал, когда ты сказала, что любишь меня.

— Вот как?

Я боюсь спрашивать, что он хочет сказать в ответ, боюсь спрашивать, зачем перезванивает, но пока его голос спокоен, как обычно, в нем нет напряженности, отчуждения. Но и тепла или радости нет. Он такой, как и прежде.

— Да, — повторяет он.

— Ну что ж... — мямлю я.

Я не знаю, что говорить, все-таки признание по телефону — огромная глупость. Вот сейчас бы прижалась к нему, спрятала пылающее лицо на груди, и пусть думает себе, что хочет — не отпустила бы и уйти не дала. А между нами такое расстояние, что взвою от боли, разрывающей душу, закричу, что мечтаю его увидеть — не поймет, не услышит...

— Собственно, я был в курсе.

— Собственно, в курсе чего?

— Я был в курсе, что ты меня любишь.

— Вот как?

— Помнишь нашу последнюю ночь?

Надеюсь, это не намек, что она больше не повторится...

— Я все ночи с тобой помню.

— Сомневаюсь, — такое самодовольство в голосе, — иногда ты паришь в невесомости.

— А у нас сейчас секс по телефону?

— Хорошая идея, непременно попробуем. Но сейчас у нас разговор по душам.

— Интересно, а разве разговор по душам не должен происходить с глазу на глаз?

— У нас с тобой именно так. Рядом со мной никого нет, ты в комнате тоже одна.

— Ты уверен? — с вызовом спрашиваю я.

Смех, и будто и не было моей язвительной шпильки, продолжает со спокойной

улыбкой. Так отчетливо представляю его, что кажется, будто он напротив, и стоит только открыть глаза...

Кстати, я действительно говорю с ним, сомкнув ресницы, чтобы ближе, пусть мысленно, но ближе к нему...

— В ночь перед моим отъездом ты сказала, что любишь меня. Ты почти не могла связно говорить, но именно эти слова прозвучали довольно связно.

Я?! Сказала?! Почему я не помню?!

Даже с кресла встала, не могу усидеть, когда внутри вулкан разворачивается. Меряю крупными шагами комнату и пытаюсь вернуть опешивший от новостей язык в рот.

— Эта командировка... — Яр делает паузу, а я качаюсь на носочках, как маятник. — Я мог взять тебя с собой, но мне нужно было побыть одному.

— Понимаю.

— Мне нужно было подумать.

На языке крутится: "и как результаты?", но я повторяю:

— Понимаю.

Хотя в голове такой сумбур, что не разобраться. Я тут мучаюсь, как сказать ему, не нахожу себе места, потом все-таки говорю и прячусь, а он находит меня, и оказывается, все уже знает. И пока я думала, как сказать, он думал, как к этому относиться...

Голова закружилась, и я так раскачалась, что едва не вывалилась на балкон, пришлось возобновить нервное хождение. Безопасней.

— Первый раз, когда ты сказала, что любишь меня, я подумал, это от наплыва эмоций. Ты... тебе было хорошо, и ты могла в порыве... поблагодарить...

Жаль, что он далеко, у меня сейчас столько эмоций, что через балкон точно бы кто-то слетал, и явно не я.

— Если бы я думала, что ты нуждаешься в такого рода благодарностях, я бы поблагодарила гораздо раньше! В первый же день! Или нет... лучше сразу, при знакомстве!

Пауза и такое, очень вкрадчивое, слегка удивленное:

— Ты злишься...

— Ты наблюдателен.

Да, я злюсь, и еще я обижена. И вулкан, бушующий внутри, противно шевелится и отдает почему-то не жаром, а холодом. Я устала, я подумаю завтра о том, о чем думать не хочется, завтра снова буду бороться, а пока...

— Не бросай трубку.

И как угадал? Но я все еще на волне сильных эмоций. Я могу не услышать его.

— Пожалуйста.

Мои пальцы нехотя отодвигаются от красной кнопки.

— Я сперва не поверил, но когда ты повторила, сегодня... То, что ты сказала... Я хочу уточнить, если ты не против... Это правда?

Без комментариев. Ему не просто трудно поверить, а даже повторить вслух, вслед за мной. Люблю... Да, люблю, черт его подери!

И вулкан, наконец, выплескивается. Не пылает, а льдом сковывает эмоции и я слышу свой вздох, умиротворенно-спокойный, и свой голос, который звучит поразительно ровно, вопреки пережитому.

— Яр, у меня чешутся пальцы нажать отбой. Я слушаю тебя и понимаю, что не хочу слушать. Поменяемся местами? — Я не тяну, когда он соизволит согласиться или оспорить.

У него в данный момент нет выбора. — То, что ты не любишь меня, знаю и не жду в ответ, словно эхо, романтических признаний. Но почему так трудно поверить? Неужели никто никогда не любил тебя? Неужели никто не говорил, что у него голова кругом от одного твоего взгляда? Что дышать забывает от малейших прикосновений? И что сердце бьется в два раза быстрее, когда просто сидишь рядом и почти останавливается, когда тебя нет? Неужели никто не умирал от твоих поцелуев и не возрождался из пепла от них же? И никто не описывал лихорадку, когда ты небрежно скидываешь рубашку в лучах заходящего солнца, а потом расстегиваешь верхнюю пуговицу брюк и делаешь шаг? И никто, предвкушая, не терял на секунды сознание, когда слышал звук медленно ползущей вниз молнии? И день без тебя никто не проживал как неделю? А неделю — как год? И никто не шептал в приоткрытые губы, как не хочет тебя отпускать? И как ждет, что вернешься? Неужели никто? Никогда? Ни разу?

Он молчит и я думаю запоздало, может, уже давно рассоединилось, а я тут распинаюсь о высоких материях? Но вдруг слышу приглушенный голос, от которого мурашки по коже и холод ступает прочь.

— Сказочница...

И хотя его нет, почти явственно вижу улыбку и чувствую горячее дыхание у моего уха.

— Никто, — говорит мой любимый мужчина, — из тех, кому бы я верил.

Он молчит, и я не могу говорить. Что сказать ему? Пожалеть, посочувствовать? Мне жаль тех, кто лишился его любви. А спросить... не хочу знать, входит ли в их число его мать и та девушка на рисунках. То есть, знать хочу, но позволить себе не могу... сломаюсь...

— Я скоро вернусь, и продолжим наш разговор.

Я молчу. Я сказала все, что хотела сказать. Пусть побудет один. Пусть подумает.

— Спокойной ночи, Злата. Я услышал тебя.

Нажимаю отбой и желаю мысленно хороших снов ему, мягкой подушки и такого же легкого пробуждения, как у меня после настоек. Телефон отношу в гостиную на базу, рассеянно киваю Макару, даже интересуюсь, что он читает, но рассмотрев обложку, уже через секунду не помню названия.

Взяв на кухне отвар, оставленный для меня поварихой, возвращаюсь к себе, по пути улыбаясь охранникам, горничной, не ушедшей домой на ночь, Макару. Через пять дней Яр вернется и у нас вряд ли будет как прежде...

— Спокойной ночи, Злата Юрьевна.

Машинально киваю, и скрываюсь в комнате. Переодевшись ко сну, отпиваю настой наполовину и практически проваливаюсь в сон. Крепкий напиток... все забываю спросить, что в нем намешано? Ароматный, пахнет волшебными травами... Завтра спрошу... завтра... не забуду... если... Я по утрам слегка заторможенная... бываю... в последнее время... И перед сном... вот как сейчас... мерещится чье-то лицо... руки...

— Яр?

Лицо отдаляется, а я падаю окончательно в сон, успев удивиться, почему моя майка медленно ползет от бедер к груди и почему мне кажется, что в комнате и за окном на меня кто-то смотрит?

Вместе с прохладными вечерами конец октября приносит дожди, прилипучую слякоть, от вида которой подташнивает, и долгожданную встречу с Яром. Сегодня он прилетает. Спустя пять недель, три дня и две беспробудные ночи...

Так странно, я думала глаз не сомкну, а сама утром еле заставила себя подняться. В аэропорт не поехала с водителем — не зная настроения мужа, сидела бы глупо в машине и давилась гнетущим молчанием. Мы больше не говорили о наших чувствах, вернее, я больше не повторяюсь. Яр знает, что я люблю его. Знает, но ему нужно время, чтобы как минимум к ним привыкнуть. А дальше... не дам ему ни единого шанса в меня не влюбиться!

Свитер из белой шерсти, который надела, ненавязчивым запахом сандала подпитывает мои воинственные мысли. Мол, попробуй, попробуй... желаемое не так невозможно. Да, я знаю. Много в отношениях зависит от меня, Яр выжидает. Присматривается. Возможно, только начинает мне верить.

Не оступиться бы.

— Накиньте, Злата Юрьевна, а то простудитесь.

На плечи ложится яркий клетчатый плед.

— Спасибо, Макар, — не могу удержать улыбки: клетка на пледе, конечно же, красная.

— Может, чай?

— Нет, не нужно.

Вопреки моим ожиданиям, Макар не уходит, становится рядом со мной, облакачиваясь о перила веранды. Дождь капает в миллиметре от его носа, но он будто не замечает, смотрит настороженно вдаль. Привычка. Работа. Но я понимаю, и не пытаюсь напомнить в который раз, чтобы говорил мне "ты" и по имени. Везде камеры, будут судачить, а ни мне, ни ему не нужны холивары в курятнике. Когда выезжаем куда-то, прогуливаемся в парке или закупаем продукты, обходимся без формальностей. Он не слуга мне. Он — служащий моего мужа. А мне — что-то вместо старшего брата.

Могу говорить с ним на любую тему, и он ответит что думает. Могу впасть уныние и получить горячий отвар, который меня успокоит. Могу без стеснений зайти с ним в отдел женской гигиены и не чувствовать неловкости, выбирая прокладки. Он понимает меня, вот как сейчас — вздохнула, а он успокаивает:

— Уже скоро.

Внимательный, заботливый, странно, что девушки нет. Если бы Лариса не ударилась в бесперспективные отношения со Стасом, они бы неплохо смотрелись вместе. Смешно, не так давно заметила эту черточку: всех окружающих хочется сделать счастливыми. Наверное, потому что сама счастлива, вопреки сомнениям, страхам, которые кружат надо мной без Яра и жутким мыслям о моей скорой смерти.

Я счастлива!

Я так боюсь умереть...

Закутываюсь в плед по самый нос, а все равно морозит.

— Пожалуй, я выпью чая, — соглашаюсь на предложение.

Макар уходит, а я остаюсь в водовороте навязчивых наваждений. Я часто думаю о смерти в последнее время. Я не стремлюсь к ней, я не зову ее. Мне кажется, я от нее

ускользаю... Так странно... прошло много лет, и я давно позабыла тот единственный раз у гадалки, а недавно вдруг вспомнила... Мне было тринадцать или четырнадцать, когда мы с Ларисой пошли к бабке из соседнего дома. Не помню ни единого слова из гаданий себе и подруге, а только один момент, когда бабка посмотрела на мою ладонь и сказала, что я сама себе жизнь продлеваю.

— Понимаешь о чем я? — спросила меня.

— Нет, — ответила я.

— Ты давно должна была умереть, но сама себя вытягиваешь, сама себе выпрашиваешь у смерти отсрочку. Теперь понимаешь?

— Да, — почему-то сказала я, и действительно понимала, пока за порог ее дома не вышла. А после не раз думала, что она имела в виду, пыталась понять, почему я ответила "да", — не врала ведь, — и понять не могла. А сейчас, кажется, что отгадка кружится, и я ее почти осязаю. Успеть бы... Смерть притаилась, я вижу ее в полутемных углах нашей комнаты. Чувствую, но прогнать не могу. А, может, нам снова удастся договориться?

Я так боюсь умереть...

Я так счастлива!

— Чай.

— Да, спасибо. — С благодарностью принимаю ароматную кружку. Зеленый. А мне бы не помешал тот, на травах. — А сам...

— У меня обед через два часа

— Все понятно.

Я безотрывно смотрю на ворота и все-таки упускаю момент, когда в них въезжает машина.

Приехал! Приехал... Приехал, а я в пледе, как гусеница, и руки заняты кружкой...

Смотрю, как выходит... Слышу как хлопает дверца... Тону в темном взгляде... Он делает шаг и я падаю в пропасть...

Если смерть так же пустынна и безболезненна, я больше не буду бояться... Мне бы только увидеть его... Сказать, как ждала... Еще раз сказать, что люблю и... могу вернуться обратно...

— Только попробуй!

Он здесь. Я слышу его дыхание, и набираю полную грудь сандала вперемешку с грейпфрутом. Он здесь. Я вернусь к нему?

— Обязательно!

Голос грозный, словно нашел нерадивого подчиненного. Хочу возмутиться, а сказать ничего не могу...

— Ты болтаешь без остановки!

Смешок. Его или мой? Как хорошо, что он рядом. Не боюсь теперь... эти руки и взгляды... противно... а сейчас...

— Что?

И выдавливаю хрипло, приоткрыв через силу глаза:

— Я люблю тебя.

Он молчит.

— Я так рада, что ты вернулся.

Молчит, но дыхание переходит от виска к моей щеке, останавливается у моих губ и...

— Наконец-то! — куда-то в сторону, и отстраняется.

С трудом поворачиваю голову на подушках. На веранде подушки? Какое удобство!

— Я принес тебя на руках в нашу комнату.

— Как на свадьбе?

Отворачивается и говорит еще строже:

— Доктор, ну же!

А я снова падаю в темноту. Тепло, спокойно, никак... Рвусь обратно! К нему! К тому, кто пока не любит!

— Тише, — улыбается, но как-то странно.

— Что...

Он качает головой и накрывает мои губы в успокоительном поцелуе.

— Яр...

Я знаю, что это глупо, но плачу.

— Тише, моя сказочница, — еще один поцелуй, и тоже без страсти. В нем только забота. Но я так не хочу! Мне удастся приподняться на подушках, но желанные губы и темный взгляд ускользают.

— Яр?!

Меня накрывает паника. Эти страхи... ощущения по утрам, когда силишься что-то понять очень важное и не можешь...

— Я... умру?

Твердый взгляд. Хорошо. Скажет правду.

— Глупая! Сейчас это уже не смертельно.

Он смеется, и легче становится нам обоим. По глазам вижу: на что-то решился, а я... Выдыхаю и прошу сказать все, как есть. Я выдержу. Я смогу. Я не сдамся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты не больна, — целует в висок, и ложится на кровать прямо в одежде. Я подвигаюсь, обнимаю его, закрываю глаза и готовлюсь поверить. — Не больна, моя сказочница...

Поцелуй умиротворяет мое недовольство прозвищем. У других солнышки, рыбки, а я... как на грани фантастики...

— Ты беременна.

— Что?

— Ты ждешь ребенка.

— Что?!

— Я стану папой.

И до меня, наконец-то доходит! Прокладки, которые я последний раз доставала из тумбочки месяца два назад, бессонница, если бы не отвары, плохое настроение по утрам, беспричинные страхи, тошнота на погоду...

Я не спрашиваю, рад ли он, потому что и в своих ощущениях не могу разобраться. Вышла замуж за незнакомца, первой влюбилась в него, забеременела, не спросив о его планах... Я все делаю прежде чем думаю, и теперь не брак у нас, — кошусь на серьезное лицо мужа, — а семья.

Он готов?

Если что, помогу. Я готова.

Перекатываюсь к мужу под бок, и все равно, если он против, если злится, если не хочет ребенка. Я сама не в восторге от родов и девяти месяцев тошноты. Хотя мне уже меньше... А

сколько? Хм, забавно, маленький человечек во мне, и когда-то он скажет первое слово. Позовет меня или папу? Вот бы был похож на него! Такой же удивительный и красивый... А не верится, что мы вдвоем совершили настоящее чудо. Что значит боль? Не она важна, а твое отношение к ней. Давно где-то вычитала, что если бы рожал воин-мужчина, он бы скончался от болевого шока, а я выдержу. Ради маленького незнакомца, который, не спрашивая позволения, войдет в этот мир, и ради бывшего незнакомца, которого обожаю.

— Завтра я отвезу тебя в клинику, — говорит Яр, приобняв меня.

Делаю вид, что не слышу его тяжелого вздоха. Послушно киваю. Внимаю нотациям: быть осторожной, есть много, гулять, не носить больше тяжести. Можно подумать, я у него здесь грузчиком подрабатываю! Но киваю, киваю, и вижу, что он наконец расслабляется.

— Я соскучилась.

Медленно, он ведь предупреждал: никаких резких движений, я закидываю ногу на его бедро. А потом мы уплываем за чувственный горизонт, прочь из комнаты сомнений и страхов! Я почти разбиваюсь о скалы, когда у Яра сносит крышу от нашей медленной скорости. Все берет в свои руки. На спину? Я не против. Держаться за него? Ногами, руками, губами... Больно? Нет, пожалуйста, продолжай! Еще! Новый заплыв? Конечно, я — за! Теперь я верю, что он меня тоже ждал... Не позволю ему отстраниться, а если попробует... Вот так... у него на груди удобно...

Он — мой.

И внутри меня — часть него.

Не отпущу их обоих.

Жаль, что не успела сделать подарок ко дню рождения. Спи, мой хищник, спи, мой хороший, я буду беречь твой сон. Никому не отдам, даже собственным страхам.

А меня морозит всю ночь. Кручусь с боку на бок, вздыхаю безудержно, как древняя старуха, рассматривая молодые фотографии, и держу Яра. За руку, прикосновением, взглядом. Черты его лица расслабила ночь, но он нравится мне любым. Строгим. Когда улыбается. Когда думает о своем. Когда я отражаюсь в его глазах. Когда словно выскивает себя в моем взгляде.

Утро врывается с головной болью и зеленым чаем, сваренным для меня моим мужем. Поехать в клинику? Не возражаю. Выбирает мне юбку и блузу, достает плащ — надеваю. Да, именно их и хотела. Удобно, тепло, нет, ветер не продувает. В машине переплетает пальцы с моими. И как мне может быть холодно? Вот чудак! Улыбаюсь ему, ловлю улыбку в ответ, и давлю плохое предчувствие.

Доктор, который нас встретил, обходительный, милый, его легко можно представить в женихах поварихи. Собственно, что-то у них намечается, и я мысленно желаю отношениям слаженности и удачи. Очень жаль, что ведущим врачом у меня будет не он, к сожалению, у него другой профиль. Он знакомит нас с зав. отделением гинекологии, шепнув, что тот лично принимает только у первых леди города, значит, мне честь. Только мне уже при знакомстве хочется снять туфли, чтобы не сковывали движений и умчаться за горизонты, даже если это бесчестно.

— Алексей, — представляется важно, а глазки по мне так и бегают.

Невысокий, чуть полноватый, с залысинами, взгляды липкие, сальные — жаль медсестер.

— Все нормально? — замечает заминку Яр.

Нет! Не хочу! Уведи меня!

Но послушно переступаю через порог, мелькает ассоциация, что так идет животное на заклатие. Ну да, самое время себя напугать! Испортить всем день, закатить истерику, достать платок в клетку и разрыдаться... У Яра работа, он мог бы не ехать со мной, а я здесь фокусы показываю, самой от себя противно.

— Ну а вы что же? — врач приглашает Яра.

Тот садится на стул, пока я и врач суедемся за ширмой.

— Мы расскажем всю правду, — подмигивает мне врач и буравит жадными глазками. — Муж ведь должен узнать о ребеночке все, правда, мамочка?

Куском льда застываю. Морщусь от отвращения.

— Вот и все, — улыбается врач, обнажая кроличьи зубы.

Я даю себе слово, что не буду рожать у него, уступлю очередь какой-нибудь второй леди. Я — пас. Лучше в поле, как раньше колхозницы, лучше в сельской клинике, у практиканта, лучше в своем городке, где у всех дипломы куплены. Но не здесь. Не у этого сального борова. Даже видеть противно, как он важно откидывается в скрипучем кресле, как черкает на тетрадном листке обгрызенной шариковой ручкой. Так и ждешь, что вот-вот хрюкнет.

— Наблюдать буду я... — растягивает слова.

Черта с два!

Яр сжимает мои пальцы, мол, обсудим наедине.

— Все пока хорошо, впрочем, осложнения могут проявиться позже...

Утешил! Прочь... прочь...

— Срок небольшой, будем смотреть, а так... три недельки... Ага, вот выпишу витаминчики... и свежий воздух... побольше, а то вон какая вы бледненькая...

Голова разрывается, в ушах противно шелестит вата.

— Какой... — горло саднит, будто на завтрак сгрызла кусок наждачной бумаги — ... у меня... срок?..

Рука Яра меня отпускает.

— Три недели, дорогая мамочка! Три! — расплывается врач в счастливой улыбке. — Поздравляю вас и папашу!

— Благодарим вас. — Яр под локоть выводит меня из кабинета. Делаю нервный вдох и... натыкаюсь на взгляд, полный беснующегося отвращения.

— Яр...

Пытаюсь ему объяснить, что мне нужен другой врач, этому я не верю.

— Три недели!

Пытаюсь его удержать, но он шарахается в сторону, как от прокаженной.

— Меня не было почти шесть!

И его обвинения припечатывают меня в холодную стену.

— Яр...

— Я почти поверил тебе, — склоняется надо мной. — Я почти сам...

Отстраняется, переводит дыхание, на меня больше не смотрит:

— Машина внизу, поезжай домой. Я доберусь. — Смешок. — Хотя какая тебе разница? Не заскучаешь.

Я сквозь мутную дымку смотрю, как он быстро идет по длинному коридору, как чеканит шаг, как развивается его синий плащ. И я понимаю, что в эту минуту он не просто уходит из больницы — он бросает меня.

А я?

Когда Яр скрывается за поворотом, ноги ослабевают. Думала, обернется. Думала, что поверит. Думала, что поможет во всем разобраться. Думала, защитит.

Предал!

Обхватив руками колени, я сижу у стены и рассматриваю потертый линолеум. Сколько судеб разбилось под этой дверью? Сколько счастья досуха выпил будущий главврач клиники?

— Что с вами? — Молоденькая медсестра, очень хорошенькая, присаживается напротив. — Вам плохо?

— Да.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Я не знаю.

— Подождите, я сейчас позову доктора...

Прежде чем успеваю остановить, она заходит в кабинет, из которого мы недавно вышли. Не хватало мне снова увидеть этого доктора! Поднимаюсь, заставляю себя подняться, вот так, опираясь ладонью в стену. Прислушиваюсь — за дверью тихо, не спешит доктор, не торопится. Может, догадывается, что это я?

Делаю шаг, и вдруг слышу вскрик и слабый протест и девичьи просьбы. И мгновенно срываюсь, распахиваю дверь. Так и есть! Прижимает к столу медсестру, задирает халат, толстые пальцы ловко раздвигают ее колени. А она вырывается, пытается оттолкнуть, и проигрывает. Его пальцы зарываются в ее тело глубже.

Пелена перед глазами, красная, как у быка на корриде. Я хватаю первое, что попадает в руки — этим первым оказывается толстый накопитель с подшитыми документами — и опускаю его на плешивую голову.

Руки насильника безвольно падают, да и сам он тушкой опускается у ног девушки, как-то странно вывернув ногу. Проверяю пульс — сало дышит.

— Вы в порядке?

— Н... да... — медсестра поспешно натягивает трусики, одергивает халатик. Тоже проверяет пульс и плюет на лежащее тело. — Тварь! Узнал, что меня пригласили в другую клинику и не хотел отпускать, не попользовав! Ненавижу!

— Я тоже.

У порога девушка меня окликает, всовывает листочек с поспешно написанным телефоном.

— Если что, если вдруг я смогу вам чем-то помочь?..

— Никогда не знаешь, когда заболеешь, — принимаю листочек, чтобы избавить ее от неловкости. Я одета неброско, но дорого, по опыту знаю, как к таким подходить.

— Я там написала свое имя, фамилию, чтобы вы не забыли. — Это она произносит уже за дверью, когда мы резво идем по коридору. — А то такое быстрое знакомство...

— Злата Самарская, — я могу промолчать в ответ, вряд ли мы снова увидимся и могу не давать свой телефон. И не потому, что из грязи в князи, а просто не до этого. Но что-то подталкивает меня покопаться в сумочке и достать визитку мужа. — Меня можно найти по домашнему или... — Пишу на обороте свой номер мобильного. — До свидания?

— До свидания, Злата.

У развилки расходимся: ей нужно уладить поспешно свой перевод, а мне — вниз. Пытаюсь выглядеть беззаботно, но, видимо, не быть мне актрисой. Едва машина отъезжает

от клиники, Макар спрашивает:

— Расскажешь, что между вами произошло?

— А что сказал... — не могу произнести вслух имя — ... он?

— Сказал, чтобы я отвез тебя прямо домой, даже если ты не захочешь туда ехать.

— И все?

— И все.

— Думает, что поместил меня в клетку...

— Злата, — напряженный взгляд в зеркало, — что между вами случилось?

Не могу говорить связно, в голове бьется только одна мысль, которую и озвучиваю:

— Кажется, мы разводимся.

Макар смотрит еще какое-то время, анализирует — лгу или преувеличиваю, и переключается на дорогу. Не знаю, почему, но у меня возникает ощущение, что он, как бы сказать точнее, — будто, наконец, сбросил тяжелый груз, мне даже мерещится его облегченный выдох. Мне сегодня, видимо, как и чудо-доктору слишком много мерещится.

Я не изменяла Яру. Я не могу быть беременна от другого. И я не собираюсь оправдываться. Но и сбегать, как нашкодивший кот не буду. Скажу ему в лицо все, что думаю и уйду. Пусть живет в своих хоробах, как раньше, не один, но одинокий и неприступный, как горы. А мне сейчас вредно заниматься скалолазанием: у меня ребенок.

Уже не наш ребенок, а только мой, но от этого не менее любимый. По крайней мере, теперь нет сомнений, какое слово малыш произнесет первым. Папу ему легко заменит мой отец, бабушка и моя мама разбалуют до невозможности, а я буду пытаться делать строгое лицо — кто-то же должен не только баловать, но и воспитывать.

Уловив вопросительный взгляд Макара в зеркале, не скрываю блуждающей улыбки. Мне плохо, мне хочется выть, кричать, биться об стену, но я не одна, от меня зависит еще одна жизнь, и мне нужны только положительные эмоции.

Пока едем, набираю номер подруги. Она поднимает трубку после долгих гудков, рывкает явно без настроения:

— Да?!

Наверное, схватила наспех, не посмотрев, кто вызывает.

— Лариса, это я.

— Знаю.

Настроение ее не улучшается, она не отшучивается, почему ответила так грубо, и я делаю вывод: что не рада она именно мне.

— Ты не хочешь, чтобы я звонила тебе? — спрашиваю напрямую.

Я выдержу еще одно предательство. Не сломаюсь.

— С ума сошла?! — шипит потревоженной змеей. — Ты — моя лучшая подруга!

— Все еще?

— Что случилось? — Она, наконец, сбрасывает обороты и я узнаю ее. — Твой прибежал минут десять назад, сделал мне... внушение, так сказать. Рвал и метал. Господи, я даже думала закрыться в подсобке! Искры летали! Он перекрикивал работающие фены! Это было ужасно! И только я отошла, только-только выставила его за двери, звонишь ты и сразу с наездом! Что у вас произошло?

— Произошло, — говорю уклончиво, косясь на Макара.

— Хорошо, я скажу по-другому. Что бы у вас ни произошло, я — твоя подруга, Злата.

— Не знаю, если Яр...

— Я работала в агентстве недвижимости — мне не страшна никакая работа, — отмахивается подруга. Да, подруга, теперь я снова уверена в этом. — Ты заедешь?

— Я перееду к тебе завтра. Ты сдашь мне опять комнату?

— Ну конечно, дуреха!

— А Стас?

— А не пошел бы он следом за твоим к черту?!

— Ты пошлешь его?

— Легко, если хочешь.

Я в слезах отговариваю подругу разрывать отношения с любовником, который ей не подходит. Это все стресс. Она, всхлипывая, говорит, что если мужчина хочет женщину, он и решает, где им встретиться, а до этого она так, шла ему на уступки. Я пытаюсь сказать, что не против, если он будет приходить к ней, но она уже горячится, уже все решила, уже параллельно набирает номер Стаса, который, выслушав вяло претензии, ее бросает.

— "Везучий" сегодня день, — говорю я. — Теперь мы еще и по несчастью подруги.

— Так Яр тебя бросил? Я думала, ты сама...

— Все запутано. Скажем так, я не хочу ждать, пока он меня выставит.

— Не плачь. Расскажешь потом, да? Завтра? Или, может, сегодня?

— До завтра.

Какой необъятный платок, хватает на целый день, или это волшебные клеточки?

Машина подъезжает к воротам дома, Макар впервые помогает мне выйти, и я мимо добродушных, но чужих теперь лиц практически пробегаю на второй этаж в комнату.

Не могу усидеть, и ходить надоело. Жду, чтобы в последний раз посмотреть на того, по ком еще плачет сердце. А его нет. Вечер сменяется ночью, в окна крадется рассвет, а он не приходит. Какой-то звук привлекает внимание — сначала жду, кожей чувствую — это Яр. Не поднимается. Ждать еще одну ночь? Ждать, когда он позволит себя увидеть?

Да катись оно все! Пусть горят мосты сегодня и окончательно! Выдирать нужно с корнем!

Он сидит на кухне, рассматривая экран ноутбука. Недвусмысленные звуки подсказывают выбор фильма. Не боевик, хотя тоже крики присутствуют — яростная порнуха. Да, я знаю, мужчины любят ее смотреть, многие женщины тоже, хотя и врут, что предпочитают только мультфильмы и мелодрамы. Но почему-то мне дико, что он смотрит порнуху сейчас. Вокруг сплошной хаос, а он... рассматривает чужих теток, которые с каждым...

Противно!

Замечает меня в дверях, машет почти опустошенной бутылкой.

— Ты пьян, — замечаю я.

Он смеется и с упоением смотрит в экран, словно забыв о моем присутствии. А потом поднимает воспалившиеся глаза с расширенными зрачками и говорит с завистью:

— Слышишь, как стонет?

Женщина по ту сторону монитора, действительно, очень старается, впрочем, все это не натурально. Я тоже кричала от наслаждения, когда заполучала в себя Яра, но здесь по ощущениям, кого-то активно готовят к бойне.

— Аж завидно! — Яр переключает внимание на меня, рассматривает так пристально, будто впервые видит. Делает глоток из бутылки и предлагает: — Хочешь полюбоваться?

— Нет, я хотела с тобой поговорить, но вижу, что бесполезно.

Он резко смеется, откидывая назад голову. Смеется с упоением, но зло и как-то отчаянно.

— А я люблюсь уже часа два, гоняю ролик по кругу! Невероятно! Какая страсть! И как громко кончают! — Упрек в мой адрес, от которого я мгновенно сжимаюсь.

Не буду ждать, пока протрезвеет, уйду сейчас, вещей все равно нет, так что... Я делаю шаг к нему, запрокидываю его голову, а он и не сопротивляется. Расслаблен, улыбается мне, ищет мой взгляд. Нашел...

— Ты принимал наркотики?

— Что?! — откидывает мою руку.

— Ты принимал наркотики.

У меня больше нет сомнений. Надо позвонить доктору перед уходом. Набираю номер, обрисовываю проблему, он не верит, но говорит, что скоро приедет. А с каждым словом Яр будто звереет.

— Так будет лучше, — успокаиваю его, как ребенка, и делаю шаг назад.

Он хватается меня за руку, заглядывает в глаза расширенными зрачками, и мне становится жутко. Пытаюсь вырваться — не дает, еще сильнее сжимают запястье его пальцы.

— Нет уж, любовь моя, ты останешься! И мы вместе посмотрим вторую часть этого фильма!

— Отпусти меня! Яр! Ты не понимаешь, что делаешь!

— Зато ты все прекрасно понимала, да, моя девственная сказочница?

— Яр, пожалуйста, отпусти, я боюсь...

Прижимается. Дышит в ухо. А потом нежно спрашивает, на секунду становясь прежним:

— Боишься меня?

— Я боюсь за ребенка!

И он срывается. Схватив меня за вторую руку, подтягивает к себе, разворачивает, не отпуская, лицом к играющему картинками монитору.

— Смотри! Я знаю... я теперь знаю... от кого ты беременна.

Мой взгляд поначалу выхватывает только детали. Слабое освещение, и съемка не лучшего качества. Через стекло, как в одном телешоу?

Комната, а в ней двое. Он сверху, старается, она яростно стонет, кончая. В который раз? Удачная постановка!

— Яр...

— Смотри! — жарко шепчет мне в ухо.

Его руки плавно переходят на мою талию, его тело прижимает меня к столу. У меня сбивается дыхание, а он смеется и повторяет:

— Смотри! О, да, вот сейчас!

Девушка с экрана поворачивает голову, томно вздыхает и я... узнаю в ней себя, а в мужчине, который над ней трудится — моего псевдобрата, Макара.

Дальнейшее сливается в бесконечный кошмар, один из тех, когда свято надеешься, что спишь, и уверяешь себя, что спишь, и терпишь, зная, что однажды проснешься. А я понимаю, что все, что происходит со мной сейчас — явь. И я смотрю на экран, где переплетаясь, стонут в оргазме два человека, и где один из них — я.

— Ты — шлюха, — жаркий шепот, и сразу же руки, некогда любимые руки, ползут мне под блузу. А я вырываюсь. Я не хочу так. Но они сильнее, и юбка моя задирается к талии, а мужские ладони ползут выше, к трусикам. Нежно гладят, едва прикасаясь. Пожалуй, так нежно не было даже в наш первый раз.

— Красные, — с упоением выдох.

Да, сегодня надела. Любимый цвет моего мужа. Мужа! А не того, кто пытается возбудить меня силой!

— Яр, не надо...

Не слышит. Руки его, оставив трусики, коварно ползут под блузу, рывком распахивают ее, заставляя пуговички жалко стучать по полу. Или то мои слезы?

— Пожалуйста, Яр...

— Я хочу, чтобы ты кончила, — пальцы его сжимают мои соски, вопреки ожиданиям, нежно. Так нежно, что невольно мелькает мысль попросить большего. — Хочу услышать, как ты кончаешь. Со мной. Мы ведь оба знаем теперь, что ты можешь.

Смешок, и мне слышится горечь в нем, но плевать, потому что мне горче. Я пытаюсь остановить вторую руку, что уверенно заползает мне в трусики. Тоже нежно, чудовищно нежно. Был бы он грубым, у меня были бы силы сражаться, а так...

Тихий стон для него подсказка, и он слушает мое тело, но не слова, что срываются с губ. Я прошу, выгибаясь в его руках. Прошу прекратить, насаживаясь на длинные пальцы. Я тону в удовольствии, вопреки логике, вопреки тому, что чувствую: со мной не Яр сейчас — незнакомец. А он рад. Он доволен. Он ждет, и я почти оправдываю его ожидания, но когда до вспышки остаются микросекунды, яростно отпихиваю его и омерзительный ноутбук в сторону.

— Прекрати!

— Ты не кончила.

— Прекрати!

Надвигается грозовой тучей, загоняет меня в угол, между плитой и столом, между острыми шкафчиками. Усмехнувшись хитро, ловким движением поднимает и усаживает на деревянный стол для разделки. Его губы так близко, глаза горят обещанием, но я не хочу, а обещаниям больше не верю.

— Почему нет? — облакачивается по обе стороны, и дышать практически невозможно.

А меня терзают другие вопросы. Почему он безумно красив даже в эту минуту? Почему мое сердце все еще бьется?

Ладонь самовольно ложится на его скулу, поднимается к волосам пшеничного цвета, но безвольно падает вниз. Не могу... не надо... Я так люблю его волосы, что если дотронусь, позволю все. Прячу разочарованный выдох, и говорю как есть:

— Потому что ты меня предал.

Он с минуту смотрит на меня так, будто я говорю на китайском, а он пробирается через незнакомые буквы. А потом заходится резким смехом, а я в каком-то упоении рассматриваю ворот его красной рубахи, поднимаюсь взглядом от горла к подбородку, впалым щекам и глазам цвета ночи, опускаюсь к загоревшим запястьям. Ему идет красный цвет: они с властью неразделимы.

Замечает мой взгляд, но понимает по-своему, в привычной для этого дня извращенной форме.

— Предал?! Я?! Тебя?! Ну конечно! Я — лев, а ты — бедная овечка!

Хватает меня за горло, но не душит, осторожно поглаживает кожу. Смотрит в глаза с упреком и какой-то детской обидой и спрашивает нежно:

— Зачем?

Начинаю оправдываться — он не слышит, повторяет как заведенный:

— Зачем... снова?

И отходит к бутылке. А я перевожу дух, одергиваю и без того слишком короткую юбку, дав себе зарок, что с этого дня только брюки и джинсы, они не задираются так предательски быстро. Края блузы придерживаю руками, пуговицы искать бесполезно. Слабость не позволяет резко соскочить со столика, голова кружится, и тошнота... Кажется, маленький сопротивляется вместе со мной такому обращению папы...

Нет, не думать о нем... Папы нет... Он сам от нас отказался...

Тошнота усиливается, но все-таки мне удастся достать пятками пол, не вырвав при этом. А Яр не выпускает бутылку. Глоток — взгляд на экран и в мою сторону. Никогда не видела его пьяным. Впрочем, так странно... язык у него не заплетается, то есть, он больше под эффектом наркотиков, чем алкоголя. Но зачем? Никогда не думала, что он может...

Взгляд мой упирается в монитор, где по новой идет прежний ролик.

Впрочем, я многого не предполагала. Например, что когда-нибудь смогу вытерпеть прикосновения другого мужчины... А я вона как — громко... даже во сне. Мне становится так смешно, что от непролитых слез режет глаза. Неужели не видит? Неужели не понимает, что там все не настоящее? Тело мое, но звуки, стоны — подделка. А Макар... Макар, увы, настоящий. Тот, который так волновался сегодня, что между нами с Яром случилось. Тот, который приносил мне отвары, от которых хотелось спать. Тот, который потраховал меня, пока не было мужа.

— Засмотрелась? Хочешь — сделаю громче?

Не могу узнать в том, кто ко мне приближается, своего мужа. Хищник. Голодный, злой, сильно обиженный: зрачки как две черные дыры буравят меня, обдавая липким страхом и холодом. Мне нужно было уйти раньше. Нужно было уйти, а не затевать голливудских разборок. Кому я пыталась все объяснить? Яру? Но его сейчас нет. Со мной его оболочка, а в ней странные наркотики с алкоголем. Разве после дозы человек не хохочет? Разве не весел?

А что принял он?

Или...

И вдруг я отчетливо понимаю, что его, как и меня, подставили. Я не знаю откуда — я просто знаю и все!

— Яр! — вскрикиваю, когда хватает меня за плечо, а второй рукой вдавликает в свое тело. Возбужден, но я не чувствую ответного возбуждения. Меня лихорадит от неизбежности, а за спиной отчетливо слышу, как хихикает смерть. Что, изменим пословице? Не надышимся перед смертью, так натрах...

Форточка хлопает с предостерегающим грохотом. Разве не были закрыты форточки, когда я вошла? Противно капает с кранов вода, действуя на нервы, хотя никто их вроде бы не открывал. А занавеска вдруг надувается парусом, состроив страшную рожицу из красных маков и веточек. Но как... если захлопнулась форточка?

Смерть хихикает громче.

Пячусь назад, но как назло упираюсь спиной в стену. Рукой пытаюсь нащупать дверь — ее нет. А тот, кто сейчас в оболочке моего мужа, идет ко мне. Медленно. Очень медленно. Зная, что мне некуда деться.

Останавливается, когда между нами только дыхание. Мое — загнанного зверька, частое. Его — победителя, размеренное. Смотрит глаза в глаза, но в зрачках отражаюсь не я, не мой страх, а доза. А хихиканье мне мерещится уже за стеной. Подглядывает?

Нет, смерть, я не сдамся: нас теперь двое!

Тишина гробовая, а потом легкий шорох, волчий стон — и жесткие губы накрывают мои. Не хочу! Не могу! Не с тобой!

Даю пощечину, а он смеется, как одержимый и срывает с меня и так пострадавшую блузу, бросает себе за спину лифчик и мои трусики, рвет юбку по шву.

Я кричу. Отбиваюсь. А он тащит меня к столу, раздвигает ноги и подсаживает, разместившись между моими ногами и...

— Открой рот, — цедит сквозь зубы.

Смерть, ты счастлива? Ты довольна?

Его пальцы вцепляются в мои волосы, тянут к себе, как крепостную, его губы пробегают от виска к шее — нежно, так нежно, на секунду мне кажется — со мной Яр, а потом лицо обжигает боль, и я вскрикиваю. Пощечина возвращается мне? И пока пытаюсь схватить больше воздуха, чувствую, как мне в рот заливают тягучую жидкость.

Меня рвет. На его дорогую рубашку, на черные брюки, идеально подчеркивающие сильные ноги, но стараюсь попасть на грудь. Туда, где у людей бьется сердце. И смеюсь уже я. Когда меня ударили в первый раз, — не Яр — его и сейчас здесь нет, а другой человек, — было больнее. А это... переживу.

Я буду жить, слышишь, смерть?!

И словно бросив мне вызов, зверь внутри Яра сходит с ума, падает последняя перегородка. Безумный взгляд, руки трясутся и тянутся ко мне плетями. Сгибаюсь в две половинки, прикрываю живот, но он не бьет. Нет. Толкает на пол и смотрит, как на допросе гестапо. А мне не страшно. Он проиграл эту войну за любовь, а значит, я выживу. Теперь уже точно. Проверяет: тащит по коридорам за волосы, придерживая заботливо голову.

Нравится игра в крепостную? Как изволите, барин, а спите вы крепко? Сейчас ваша воля, а после...

Волосы в плену его кулаков, клочок или два уже вырвал, наверное, зато сердце мое почти снова свободно. По-моему, удачный обмен. Давай! Ну же!

Безумие накрывает обоих.

— Сильнее! — кричу ему в спину. — А то мне не больно!

И мимо воли ползу вслед за ним по плитам огромного дома. Голая. Оставляя не капли, а целые озера из крови. И смеюсь, хотя, кажется, что смерть много проворнее.

Но посмотрим, поборемся!

Вот так, на глазах у камер и тех, кто наблюдает за кровавым шествием у мониторов, делаю рывок и ударяю под коленку Яра. От неожиданности он приседает, а я бегу, бегу,

бегу... Нет, мне только кажется, что бегу, потому что он даже не делает шага, снова наматывает мои волосы на кулак и тащит к выходу на задний двор. Оказывается, я просто переползла через его ботинки, рыжие, как у Макара. Или у Макара как у него? Или ботинки одни на двоих? Чушь какая...

Ползу быстрее, чтобы свернуть шнурки. И падаю. И хриплю от рваного смеха в безумии. Как резко скрипит идеально промасленная дверь... Как громко стучат мягкие туфли Яра... Как сладко пахнет его одеколон...

А мне бы дольку грейпфрута в пересохшее горло...

Улица встречает мое обнаженное тело ледяным ассорти из дождя и ветра — хорошо, думаю отрешенно, смывает кровь. Асфальтовая дорожка притворяется покрывалом — хорошо, замечаю, что не белым ковролином, там я уже успела отметить. А ботинки, помедлив, уходят за дверь. Засов... Я одна. Ничего не чувствую, практически ничего не вижу — только грязь куда бы ни протянула руку... Влажная, темная, теплая. Укрыться...

Бросаю на себя горсть, вторую...

Так, кажется, правда, теплее и я закрываю глаза в полусне — полубреду. А врут, когда в фильмах показывают, будто вся жизнь пробегает. Врут. Сразу видно, что ни один режиссер не умирал по-настоящему. Я бы им рассказала...

Нет никаких мелькающих воспоминаний. Нет никаких картинок из прошлого. Только будущее, которое могло бы быть. Или все еще может, если откроешь глаза на зовущий голос.

Но я не могу. Там так холодно и так больно. И на огромных плитах сидит нерожденный малыш. Мой малыш. Он красивый, в детском строгом костюме в полосочку, на ногах маленькие рыжие ботиночки, а волосы такие светлые и длинные, до плеч, а глаза... Смотрит на меня и серьезно говорит, как взрослый:

— Нет, мамочка, еще рано.

А я тянусь к нему, чтобы обнять. Ускользает, хотя вижу — ему бы хотелось хоть раз почувствовать, как это, быть любимым на руках у своей мамы.

— Мамочка, нет!

Мой малыш, иди ко мне, не бойся. А хочешь — я...

— Мамочка, тебе нельзя!

Он оглядывается, но я вижу только яркий свет за его хрупкими плечиками. Мой малыш делает шаг назад и свет обволакивает его мягко, словно оберегая.

— Мамочка, дай мне имя! Скорее! Пожалуйста!

Из последних сил я шепчу непослушными губами:

— Святослав...

И падаю в темноту, когда он исчезает.

Сколько я здесь лежу? Я не знаю. По плечам и лодыжкам отчаянно стучит дождь, я высовываю язык, чтобы словить хоть каплю, но даже это движение вызывает новую рвоту. Хорошо, что сейчас я уже практически не различаю запахов, и глаза закрыты, а то как-то противно, лицом в этом...

Я, наверное, еще дальше отступаю от жизни, потому что урывками вижу новое видение, еще более нереальное. Мне видится: надо мной склоняется Яр, прежний Яр, и глаза прежние, только больные, будто в них отражается вселенское горе. Он хочет прикоснуться ко мне и не может решиться.

— Не могу... — шепчет тихо.

И я его понимаю, и рыдаю вместо него. Или это все дождь...

Он не может после всего, что со мной случилось, не может после Макара. Брезгует. Я больше не его сказочница. Я — шалава.

— Уходи, — гоню прочь видение и едва поднимаю свинцовую руку. В последний раз. Все равно ведь не в жизни. Дотронуться. До его пшеничных волос.

Но моя рука неподвижна. Может, и хорошо. На ней грязь, а у него волосы такие красивые. Закрываю глаза, и видение исчезает, а меня несет в водоворот пустоты.

— Чшшш, чшшш, — шепчут незнакомые волны.

Я взлетаю, но невысоко.

— Пожалуйста, тише.

Неужели кричу? Здесь как в бункере — тепло, темно, очень тихо. Здесь хорошо. Я не буду выныривать, я раскрою пугливые крылья.

— Скорее!

Да, сейчас.

— У нас мало времени!

Не поторапливайте, я стараюсь.

— Злата!

Да, да, пока еще здесь, вот только сделаю шаг...

Но меня, скрутив в трубочку, отбрасывает обратно, а что-то рвет крылья у меня на глазах и шипит, что еще рано, рано я собралась успокоиться. Вот когда усвою урок, вот когда пойму, для чего родилась...

— Для родителей, — спорю с кем-то невидимым и выискиваю в пустоте отобранные у меня крылья.

— Так и знал. Лети, чье-то счастье!

И меня снова засасывает в воронку и выплевывает, пропустив через мясорубку. Так больно, что дышу через раз. И смотрю в потолок с маленькой трещинкой. Паучок? Покачнулся и... на пол. Что-то жалко его, уж пусть бы упал на меня, я помягче.

Стоп, а где я?

Пытаюсь повернуть голову и... натыкаюсь на сидящего у кровати Макара.

— Ты...

— Тебе пока нельзя говорить, — его палец закрывает мои уста. — Молчи, ладно? Мы поговорим после.

Я поворачиваю голову в сторону.

— Пока все, что ты должна знать — я рядом, я тебя не оставлю и... я — твой друг.

Продолжаю смотреть в стену.

— Отдыхай. Я скоро вернусь.

— Не...

Не могу пока говорить много, каждое слово режет ножом внутренности, но Макар меня понял.

— Я вернусь все равно.

И уходит, наконец-то, оставив одну. Желтые стены, трещинка на потолке, паучок, кровать, на которой лежу и запах лекарств однозначно указывают, что смерть временно потерпела фиаско. Рада ли я? Не знаю. Чувства будто обколотые ледокоином. Подумаю после. Для чего-то же я осталась...

— Если вам что-нибудь будет нужно, дайте как-то мне знать, — слышу за спиной женский голос. — Моргните там или рукой махните.

В голосе улыбка. Медсестра? Я не слышала, чтобы кто-то вошел.

Поворачиваю чугунную голову, которая норовит развалиться на куски, и вижу, что не одна в палате. Рядом, на соседней кровати, лежит темноволосая девушка, которая мне приветливо улыбается.

— Мне уже скоро на выписку, так что я могу и за сестрой сбегать и воды подать. Меня Наталья зовут, но это я так, познакомиться. Вряд ли вы пока сможете выговорить мое имя. Вы только не стесняйтесь, хорошо?

Я смотрю на нее и совершенно не нахожу ничего хорошего. Может, я все еще кружусь в водовороте между жизнью и смертью, ведь не бывает таких чудовищных совпадений? Присматриваюсь к девушке внимательней: обычная внешность, фигура как фигура, не лучше моей. Можно сказать симпатичная — и то, с натяжкой, потому что в толпе пройдешь мимо. И все-таки есть в ней какая-то притягательность, которая заставляет посмотреть на нее второй раз и третий, если уж взгляды соприкоснулись.

А я так смотрю на нее безотрывно.

Невероятно, но это она, та самая незнакомка с рисунков Яра...

Дни тянутся улитками, в палате нас только двое, если не считать телевизор, так что волей-неволей общаешься. Вернее, общается со мной Наталья, а я слушаю. Если надоест — закрываю глаза, и она замолкает, выключает телевизор, чтобы не мешал и тихо щелкает электронной книгой. Любит читать. Это еще одно сходство, которое я обнаруживаю.

Да, мы похожи с ней. В своей нелюбви к затянутым разговорам, неприятии зубоскальства из вежливости, и есть что-то общее в судьбах. Обе провинциалки, обе с высшим образованием, дипломы с отличием, обе приехали в большой город с ворохом "мечт" в ожидании принцев. А попадают только мерзавцы с бракованными коронами.

Почти неделю мы рядом. Я знаю, что у нее есть женатый любовник, которого не выпускают в палату по ее просьбе, но он все равно передает ей цветы, продукты и оплачивает лечение. Знаю, что была беременна от другого, но кто-то столкнул ее с лестницы, и она потеряла ребенка. Знаю, что ждет, когда любовник придет и скучает, когда он уезжает, а увидеться так и не вышло из-за ее характера. Любит его. Сильно, если не притворяется. Я немного завидую ей. Да, она потеряла ребенка, но столкнул ее не любимый человек, и потом... тот, кого она ждет, рядом, пусть даже за дверью, пусть даже она пока притворяется, что не нуждается в нем, пусть делает вид, что не верит в любовь, пусть даже он женат и у него трое детей, которых он вряд ли бросит.

А у меня ни ребенка, ни любимого мужа.

У меня есть Макар.

Мне кажется, он не просто приходит, а живет в соседней палате. Появляется часто, подолгу сидит возле кровати, высматривая что-то в окно. Откровенного разговора не было и, пожалуй, не будет: не хочу тратить время на пустые слова. Очевидное очевидно: Яра нет, даже после всего, что он сделал. Просто выбросил за борт. А Макар устроил в больницу, оплатил лечение и койку в двухместной палате; он держал меня за руку, когда я умирала.

Он.

Любовник, ласки которого я не помню.

Я смотрю на него без злости. Ничего не чувствую, не ощущаю. Хочет помочь выжить — да как знает. Хочет платить за лекарства — ну, если врачи не против...

На него заглядываются медсестры, и он мог бы выбрать любую, чтобы потрахивать, а везучая я. Но и везения не вкушаю. Ни-че-го. Я как пустыня, где вместо песков черный снег. Как примятое поле с пшеницей. Впрочем, зря я вспомнила о пшенице, хотя... Странно, но тоже почти ничего не чувствую... Лучше бы выжглись не чувства, а память, лучше бы злость обошла стороной. А так я как маятник — от раздражения к ненависти и обратно, если остановлюсь — забвение, но жажда мести подталкивает.

Надоело валяться без дела. Скорей бы подняться, уйти из больницы! И Макар единственный, кто мне помогает. Я не знаю его мотивов. Не знаю, за что он так поступил со мной. Сейчас мне важно другое: он не бросил меня и он может мне пригодиться. Из-за чувства вины — он ведь чувствует, он — не я, — из-за страсти, симпатии — мне плевать. Я использую, что дают, а потом выброшу в форточку. Мне не больно, не стыдно. Мне никак.

Даже странно. Я — не я. Но в этом есть и свои преимущества...

Как-то вечером по телевизору показывают Яра на светской тусовке, но я не

переключаю, наоборот прибавляю звук, и слушаю легкий бред, спокойно рассматриваю его новую пассию. Брюнетка-анорексичка: то ли ведущая, то ли модель, такой красоты, что смотреть не на что да и страшно. Я и то в больнице выгляжу лучше. А она щебечет о совместных планах, об очередном ювелирном салоне, подаренном папочкой. По статусу она ему больше подходит, да и взгляд пустой, как у моего мужа. Стекланный. Посмотри он так на меня в первый вечер, я бы мимо прошла, даже за все шубы мира, а брюнеточка собирается замуж, за него.

— Но, Ярослав, разве вы не женаты? — делано удивляется вездесущая Катя.

Прекрасная журналист, прекрасная у нее память.

Мой муж отмалчивается, а брюнеточка, вцепившись в его рукав, щебечет, что это слухи, слухи и ничего кроме слухов, никакой жены у Ярослава и не было.

— Но я сама брала интервью у вашей жены, — не сбивается с толку ведущая.

Умничка, я и сейчас могу тебе дать эксклюзив. Вот пусть только кое-кто попробует сказать, что меня в его жизни не было! Я уже привстаю воинственно на локтях, когда слышу уставший голос Яра:

— Я женат, Катя, вы правы. — И глядя на девушку рядом с собой, чуть помедлив, словно вспоминая, кто она, добавляет: — Совместные планы лучше согласовывать со мной. Вдруг я не в курсе?

Уходит, не оборачиваясь, брюнетка бросается следом. Ведущая усмехается, камера ловит момент, а мне все равно.

— Ну и сволочь! — слышу презрительное с правого бока.

Повернув голову, вспоминаю, где я и кто со мной рядом, и переключаю канал.

— Ты даже не представляешь какая...

Но это я так, бормочу, никакого разочарования нет, а Наталья хватается за слова и предлагает все рассказать.

— Рассказать что? — начинаю злиться.

— Кто он тебе, — делает вид, что злости не замечает.

— А тебе-то зачем?!

— Да так, — пожимает плечами. — Может, выскажешься и тебе станет легче?

И тут до меня медленно, но доходит. Она не узнала Яра! Не узнала! Но чтобы убедиться, я задаю невинный вопрос:

— Симпатичный мужик, правда?

— Да, — не лукавит.

— Такого один раз увидишь и...

— И что? — придвигается на кровати поближе. — Любовь с первого взгляда? У вас именно так и было?

Да нет, убеждаюсь, не притворяется. Она, действительно, его не узнала. Так что же их связывает? А я-то предполагала, что разгадка вот она, только протяни руку. Ну что ж, поговорим? Как с попутчиком. Ее-то историю я уже знаю...

И я рассказываю о Яре, о нашей встрече, поспешном замужестве, о том, что имела глупость влюбиться в него; о ребенке, которого потеряла, а под конец вспоминаю о свадебном платье. Деталь, которая не дает успокоиться. Наталья, выслушав, соглашается, что деталь очень важная.

— Знаешь, — говорит задумчиво, снова откинувшись на подушку, — мне кажется, все было подстроено.

И вот впервые после случившегося я испытываю хоть какое-то чувство: а именно узнавание. Да, подстроено, и ведь интуитивно я знала это с самого начала, но сама себя уговаривала поверить. Случайная встреча в баре, по случайному совпадению туда приходим я и Лариса, громкий разговор в соседней кабинке и мое спонтанное решение на спор с подружкой. Какие шансы по теории вероятности? Один к миллиону или чуть меньше?

И вот еще. Егор. Ведь он просил оглянуться, говорил, что я сама себе все напридумывала, а вокруг мишура: и Яр, и дом. Мальчик не мог пойти против брата, но пытался предупредить. Потом, когда мы нашли общий язык, он, видимо, надеялся, что у нас с Яром что-то получится. Не получилось. И к лучшему. Вот только Егора жаль. Я привыкла к нему, привязалась, он — родной для меня человек, но мы вряд ли увидимся. Мальчик в Англии, у него блестящее будущее, а я здесь и для его брата я — шлюха.

Надо же, тоску по ребенку чувствую: а я, оказывается, отходчива и живуча.

И дура — пусть и неприятное, но открытие. Ответ лежал на ладони, но я вслепую бежала за идеальным мужчиной, он ускользал, придумывал свою извечную занятость, а я ждала.

Игрушка в сказочном домике. Говорящая кошка, если вспомнить его жаркий шепот.

И все-таки, как именно они все провернули? Пусть платье из салона изначально дождалось подходящую невесту Ярославу Самарскому, составляя комплект с его костюмом. Пусть искали девственницу, худенькую, среднего роста, согласную на авантюру. Но как вышли именно на меня? Не подошли, а закинули удочку и выжидали. И ведь не просто так, а на прикормленном месте!

— Ты что-то вспомнила, — замечает Наталья.

— Нет, просто я теперь знаю, как в мире появляются ясновидящие.

— Рождаются, как все.

— Рождаются, как все, а потом с них встряхивается мишура.

— Как с тебя?

— Ага.

— Ух! — подскакивает на кровати, глаза сверкают лукавством и предвкушением. — Погадаешь?!

— Да нечего тебе гадать: простишь своего сероглазого и выйдешь за него замуж.

— У него трое детей.

— А ты ему родишь четвертого.

— Нет. Не хочу. Он... с ним все сложно.

— Не спорь со мной!

Делает вид, что пугается, и замолкает, только глаза выдают любопытство: расскажу или нет, чем меня озаорило. Я, выдержав пять минут, раскалываюсь, и говорю о Ларисе, о нашем разговоре, о трех месяцах без квартплаты, а том, что в клуб меня притащили практически силой, плюсуем ко всему один пустующий столик, бесплатные коктейли от бармена, и вуаля! Наивная невеста для миллионера готова!

— Логично, — соглашается Наталья, — и все-таки что-то не сходится.

— Что?

— Не знаю, что-то крутится в голове и не могу уловить.

Признаться честно, я тоже. Есть какое-то сомнение, а в чем оно заключается... Я чего-то не вижу, что-то не охватила...

— Надеюсь, не придется ждать следующей встряски, чтобы сложить всю картинку, —

бросаю свое желание в космос. Это я телевизора обсмотрелась. На днях как раз показывали передачу про вселенную, которая слышат все наши желания. Раньше я бы не поверила, а теперь думаю, что кто-то же сохранил мне жизнь, кто-то вернул, назвав чьим-то счастьем. Он, конечно, ошибся, от меня тоской за версту несет и вряд ли я кому-то буду в радость, но наличие высших сил это не отменяет.

А Наталья знай себе подхихикивает.

— Надейся, — говорит, — надейся.

И я, не удержавшись от шпильки, в сердцах бросаю:

— И как Матвей тебя терпит?

Каюсь, каюсь, но у нее действительно скверный характер! Ее бы замуж за Ярослава — еще вопрос, кто кого бы таскал за волосы. И обидчивая жуть! Вздохнув, выходит из палаты. Да ну и пусть! Хоть спокойно подумаю, может, и найду ускользающий пазл.

Только настроилась, только закрыла глаза...

— Извините, к вам можно?

Так с закрытыми глазами и анализирую: мужчина, допенсионного возраста, незнакомый, и мне все равно кто он.

— Сегодня не принимаю.

Понятно же, что человек спит — чего тревожить?

— Злата...

Рефлекс срабатывает, и открываю глаза. Действительно, мужчина, на пенсию явно не собирается — от тридцати до сорока по возрасту, чуть уставший — с дороги, что ли? Ага, вспомнила: я вместе с Натальей как-то наблюдала за ним из окна.

— Матвей? — приподнимаюсь на подушках.

Он моментально оказывается рядом, помогает мне устроиться поудобней, чтобы не потолок, а его рассматривать. Сам оглядывается на дверь, бросает взгляд на часы и снова на меня, и присаживается на соседнюю кровать. Спешит, очевидно.

— Наталья вам обо мне рассказывала?

— Только в общих чертах, — успокаиваю его.

Он понятиво улыбается. А ничего мужчина — приятный и детей любит.

— Я знаю в общих чертах о вас, вы — обо мне. Не против, если поговорим?

Одного поля ягода с Яром — сразу к делу, нахрапом, пока не одумаешься. Вот зря я опять о том, о ком не нужно, вспомнила — и так настроения не было...

— А долго? — кошусь на дверь. — Мне, знаете, болтать еще тяжело.

— Вам и не придется, — успокаивает и сам заметно расслабляется. Его мобильный голосит, но он немилосердно жмет отбой. Устав, отключает звук. — Это должно означать, что я занят.

Я пожимаю плечами — надеюсь, на этом и остановимся в перечне, что там у него что означает. Я на работу к нему не собираюсь, да и в друзья не рвусь. Вот он высокий, среднего телосложения — в принципе, можно сказать, обычный, а какая-то аура у него давящая. Зашел и занял все свободное пространство, как порыв сильного ветра. Поверив в аллюзию, хватаюсь за спинку кровати, а то мало ли, мне падать нельзя.

— Так что, только послушать? — пусть бы уже скорее начал и кончил.

Он, изучив мои сжатые пальцы и напряженную позу, кивает.

— И помочь или отказаться, — добавляет.

— А сразу отказаться нельзя?

— Нет, — улыбается по-акульи. — Так я начну?

— Ну, — милостиво соглашаюсь, — давайте.

Наверное, думаю, с Натальей хочет помириться, и хотя я вряд ли сойду за мудрого советчика в этом деле, сам факт тешит мое самолюбие. В любовные отношения других лучше не вмешиваться, но кто придерживается этого правила? Уж очень велик соблазн, вдруг твоего совета послушают и все выйдет, сказать потом самой себе спустя много лет, у камина, за чашкой вина: "Эх, если бы не я..."

И я уже готова вкусить терзания Матвея, и снисходительно и чуть поощряюще ему улыбаюсь, как слышу невероятное:

— Я хочу проучить Наталью.

И если у меня и оставались малейшие иллюзии, что любовь случается, они окончательно испаряются. Смотрю на мужчину как на врага: и надо было ему приходиться?! Мне и так на душе скверно, а он...

— Вы знаете...

Могла бы встать и была посильнее — подвела бы к двери, развернула задом и пинка бы, с отпечатком презирающей его стопы на обтягивающих джинсах. Зачем упаковывать себя в вещи на два размера меньше? Жиры нет, признаю, но остальные части тела слишком выпирают!

— Я люблю ее.

Наверное, мое лицо сдает мое удивление, потому что мужчина повторяет:

— Вы не ослышались. Я люблю Наталью, несмотря на ее невыносимый характер, привычку держать все в себе и верить слухам, утверждающим, что она мне не нужна.

— И именно поэтому хотите проучить?

— Да, — он ничуть не смущен моей колкостью. — Иначе она уйдет.

— У вас все запущено.

— А кому легко? Мне очень нужна ваша помощь, Злата, очень. Наталья хочет уйти, она думает, я об этом не знаю. Если я начну догонять — она побежит дальше. Поэтому я дам ей уйти, но мне нужно знать ее отходные пути на случай... если она не вернется.

Никогда не видела мужчину, который бы открыто признавался в чувствах. Наверное, это и подбило меня согласиться ему помочь. Это, а еще их история любви. Наталья уже не раз, не зная того, убегала от Матвея. Встречалась то с одним парнем, который и мизинца ее не стоил, то с другим. Ребята были между собой друзьями и оба, договорившись, отошли в сторону. Дескать, потому что оба любили. А по сути — оба ее бросили. У них строилась новая жизнь, а Наталья так и металась мыслями в прошлом, пока Матвей, — он, к счастью, приходился ее непосредственным руководителем, — не перевез ее в свой город. У нее не было шансов не влюбиться в него, и как он радовался, когда она, вопреки его статусу женатого, и вопреки слухам, которыми живет каждая фирма, была с ним. Но однажды поверила не ему, и сейчас, как заяц, мчится, замечая следы. А ведь ее ждут. Ее любят. Нужно просто подтолкнуть в правильном направлении.

После ухода Матвея я еще долго думаю над его просьбой. Может, и не придется вмешиваться, уж очень не хочется выглядеть злом. Пусть мирятся, пусть прощает его и живут долго и счастливо, без драм и голливудских погонь, а, космос? И даже как-то не завидно, что ей и Яр и Матвей. Наверное, человек достоин такой любви, а я...

И вдруг дверь приоткрывается и я вижу темноволосую рожицу, которая мне улыбается во все тридцать два. Моргаю. Мальчишеская ладонь взъерошивает волосы и машет мне. Моя

рука машинально зависает в воздухе, а мои глаза... Моргаю снова. Так не бывает. Его здесь нет, он в Англии, и Яр бы никогда не подпустил ко мне ребенка после всего. Но мальчик не уходит. Наоборот, втискивается полностью.

— А почему бы не открыть дверь? — ворчу хрипло, и резко выдыхаю, когда он бросается ко мне и обнимает и сжимает так крепко, будто нас разлучают снова.

— Егор... — взъерошиваю его непослушные волосы. — Егорка!

Я все еще не верю, что это он. Вот здесь, в моей палате, а главное — после всего...

— Твой брат знает?

Качает головой, упрямо смотрит в глаза.

— Сначала мы приехали к тебе. Узнает. Позже.

Целую в похудевшие щечки. Такой родной мне человек, аж сердце вырывается из груди навстречу. Но как он здесь очутился?!

Отодвигается, оцетинивается ежиком, видимо, не сильно желая признаваться, и говорит как пустяк:

— Твой скайп молчал, брат говорил, что тебе не до меня, но... я знал, что ты не могла меня забыть.

Я привлекаю его к себе, заставляя почти лечь, и он говорит куда-то в грудную клетку, говорит тихо, и все более уверенно, потому что я не смеюсь. Потому что я его слышу.

— Ты каждый вечер желала мне доброй ночи, — он продолжает говорить, а я тихо плачу и тут же стираю слезы. — Ты каждое утро желала мне хорошего дня.

Он замолкает, а я, пытаюсь подавить новый поток слез, говорю:

— Ты прав, я о тебе не забывала.

Маленький ранимый мальчик, который никому не нужен, кроме меня, как же мне тебя не хватало! Как же я соскучилась по твоему смеху, по твоим визитам через балкон, по твоим проказам, по глазам твоим темным, в которых отражается свет, несмотря ни на что. Свет и такое желание быть достойным любви. Ты достоин, поверь, ты достоин, потому что ты настоящий.

— Это он? — Выпрямляется, чтобы видеть мои глаза.

Что сказать? Все мы учим детей не врать, а сами, прикрываясь, что так во благо или просто быстрее — врем, даже не замечая. Врем по привычке.

— Да, — говорю я, — но наши отношения с твоим братом не должны...

Он вскакивает, прохаживается по палате, оборачивается с таким решительным видом, что на секунду мне мерещится Самарский старший.

— Когда мне исполнится восемнадцать, тебе будет двадцать восемь. Нормально. Ты мне подойдишь. Поженимся. А до тех пор тебе придется... в общем, я буду жить с тобой, а не с братом, но учти, воспитать мужа под свою дудочку у тебя не выйдет. Муха залетит в рот.

Я все еще под впечатлением, и не понимаю какая связь между мухой, мужем и воспитанием, тогда он подходит, и двумя пальцами сжимает мне челюсть.

— А как и почему ты здесь оказалась я сам узнаю, можешь не рассказывать, — милостиво позволяет и дальше пребывать в шоке, потом посылает кому-то сигнал по мобильному и улыбается как золотая рыбка Емеле Дурачку. — И, кстати, я уже получил согласие твоей бабушки!

Напрасно он утруждает снова собрать мне челюсть, потому что когда дверь впускает еще одного визитера, я ахаю.

— Бабуля!

А она входит в палату в белом брючном костюме, осматривается, приподняв кустистые брови, кивает чопорному Егорке, взявшему у нее из рук пакет с ароматными фруктами и только после этого мельком взглядывает на меня. Удивленно задерживается на лице и строго предупреждает:

— И не вздумай при мне реветь!

Мне все-таки удастся обнять ее, и она как-то сразу теряет всю свою строгость и напускное спокойствие, но я притворяюсь, что не слышу предательских всхлипов. Вот что значило "мы". Егорка и бабушка!

— Как ты... Как вы здесь оказались?

— А, — бабуля машет рукой на стоящего за ее спиной Егора. — Это все мой новоиспеченный внучек!

Мальчишка в притворной покорности прячет взгляд и вздыхает, мол, каюсь, ага, каюсь, а бабуля вываливает правду дальше:

— Звонит мне однажды на мобильный и говорит, так и так, мол, меня зовут Егор, помните ли вы, как я вас в гости приглашал? Я говорю, что такое не забывается, билеты и машину до сих пор ждем, как наобещал. А он мне: все в силе, только планы немножко изменились. Не хотите ли вы, бабушка, заплатить за встречу с единственным внуком?

Я в упор смотрю на Егора, а тот трет носком кеда больничный линолеум.

— Мне, говорит, — продолжает бабуля, еле пряча усмешку, — нужны деньги, чтобы из Англии сбежать. Я спрашиваю: зачем? А он мне: чтобы внуку вашу найти и начать делать счастливой, а то она потерялась и я ей нужен.

Мальчик поднимает на меня вопросительный взгляд, и я уверенно киваю.

— Нужен.

Довольный, он оставляет в покое линолеум и садится у меня в изголовье, перебирая волосы. А вот бы муж был так ласков — я не против, усмехаюсь про себя.

Бабуля продолжает пикантную историю.

— Ну вот и заразил меня сомнениями! — восклицает она. — От тебя несколько дней ни слуху ни духу, телефон молчит, к твоему мужу не дозвонишься. Да, ты потом позвонила и наврала, что телефон потеряла на отдыхе на курорте, но можно подумать ты говорила не с любимой бабулей. А то я не знаю, что ты домоседка и если и уедешь на отдых, то с мужем. В общем, пришлось осваивать новые технологии и переводить деньги, что я откладывала на смерть — на карточку моего внука. А теперь уж и не знаю, сколько доведется жить, чтобы собрать их обратно. Будете терпеть меня, предупреждаю, что с возрастом становлюсь только хуже!

Егор заливается смехом, несмотря на все старания бабули выглядеть строгой и злопамятной дамой. Обещает вернуть вложенные в него средства с процентами. Бабуля делает вид, что ловит его на слове, посылает за водичкой в ларек при больнице, и пользуясь моментом, расспрашивает обо всем. Я говорю ей, и уже не плачу, а с удивлением чувствую грусть. Так странно, сердце снова бьется и я снова чувствую, как оно тревожно сжимается. Бабуля не спрашивает, что буду делать дальше, не задает глупых вопросов: прощу или нет. Она говорит самое главное, что я не одна, и я чувствую, как в меня вливаются силы.

Егор возвращается очень быстро — наверное, бежал? Но в руках у него нет бутылки с водой, нет ничего, кроме купюры, которую сжимает в кулачке.

— Ты разведешься с ним, и мы отсудим у него много денег. — Смотрит на меня с вызовом. — Да, у меня свои методы сбора информации. Ты же считаешь меня маленьким —

пришлось подслушать, а заодно заплатить медсестрам, чтобы не мешали.

— Из моих денег? — невинно уточняет бабуля.

— На мелкие расходы у меня были, я несколько дней не ел булочек. — Подмигивает мне. — Эй, выше нос! Со мной не пропадешь! Веришь?

Киваю.

И у меня мелькает страшная мысль, что он — мой маленький ангел-хранитель и что не отправь Яр его в Англию, все могло быть и по-другому. Но я не ропщу и не гадаю на кофейной гуще. Он здесь и выполняет свое обещание: я действительно счастлива видеть его и бабулю; и так отпускать не хочется, но они с дороги — им нужно отдохнуть, а больница даже на гостей действует угнетающе.

Наталья возвращается уже после их ухода. Читает молча. И вот не ссорились, а как будто в ссоре. Я тоже молчу. Молчит заглянувший Макар. Сидим как в склепе, только щелкают клавиши электронной книги, и вдруг в палате мобильный пронзительно запекает.

— Твой?

Смотрю на высветившееся имя и все-таки нажимаю.

— Алло! Злата! Алло! — кричит в трубку Лариса. — Пожалуйста! Они посадят меня Они посадят! Ты можешь приехать за мной?! Прошу тебя! Злата!

— Где ты?

— Я в милиции! Пожалуйста, Злата! Пожалуйста!

Она сбивчиво рассказывает, что ее замели менты, за ту витрину, что разбила почти полгода назад, требуют деньги. Телефон берет мужчина и повторяют почти слово в слово. Он дает мне час на раздумья.

— Это развод, — говорит авторитетно Наталья.

— Для лохов, — добавляет Макар.

— Да, — соглашаюсь, — похоже.

И медленно поднимаюсь и иду к шкафу с вещами. Я ничем не рискую. Макар отвезет на машине, а денег для выкупа у меня все равно нет. Предать того, кого подозреваешь в измене, проще простого — мне ли не знать. А я хочу дать шанс, пусть мизерный, пусть иллюзорный.

Шанс, которого у меня не было.

Мои джинсы будто подменили: цвет тот же, бледно-выбеленный, но сзади неприлично висят, а на бедрах держатся только за счет ремня, одолженного у Макара. Другие вещи, привезенные им из дома Яра, так и лежат не разобранными в сумке: не я их покупала, не мне и носить. Под недовольными взглядами, делаю вид, что так и надо и накидываю плащ (плащ — единственная уступка гордости); только застегнув последнюю пуговицу, спохватываюсь, что верх-то пижамный, но и так сойдет. Под плащом не видно, а раздеваться я не собираюсь. Чтобы не навернуться, — голова еще кружится и слабость не отпускает и честно говоря, тело покалывает, — беру Макара под руку и мы спускаемся к машине под завистливые взгляды медсестер. Интересно, он замечает, что на него пялятся?

— Ты выглядишь нормально.

— Что?

Мне как-то не до комплиментов, тем более таких странных, и вообще я думала, что то, что между нами произошло, мы ворошить не будем по крайней мере до тех пор, пока я окончательно не поправлюсь. Потому что мне ужасно хочется набить ему рожу острыми каблуками, а я пока едва передвигаю ноги в мягких мокасинах.

— Тебе не обязательно краситься или вырядаться, чтобы выглядеть хорошо, — повторяет, явно недовольный моим тугодумием.

Наверное, надо сказать спасибо — какой-никакой, хоть и не в тему, а комплимент, но я упорно молчу. Мы вызываем лифт, в который, шушукаясь, забегают две пухленькие медсестры — смеются, переглядываются, и все на Макара поглядывают. А он смотрит прямо перед собой и время от времени сжимает мою руку.

— Ты выглядишь великолепно, — говорит он перед выходом и окидывает ледяным взглядом приунывших болтушек. Я, честно говоря, расстраиваюсь вместе с ними. Не нравятся мне эти комплименты — видать, придется избавиться от Макара раньше, а у меня такие планы на него... были.

— Слушай, — говорю, притормозив на крыльце, — может, я сама поеду?

Тяжелый взгляд становится красноречивым ответом.

— Нет, правда, — не сдаюсь, — я на маршрутке, здесь всего девять остановок.

— Ты хорошо выглядишь, Злата, — а сам в окна на медсестер посматривает. — И если кто-то думает, что макияж делает из нее красавицу, а хлопанье наращенными ресницами возбуждает... — Переводит взгляд на меня. — Я не стесняюсь тебя.

И то ли от неожиданного заявления, то ли в целом от абсурдности ситуации, то ли от порыва сильного ветра, я на секунду теряю равновесие. Макар прижимает меня к своему боку и ведет к машине, усаживает, как ребенка, застегивает ремень безопасности. Садится сам, а я все думаю над его словами. Когда машина трогается с места, меня осеняет.

— Так ты переживал, что я комплекую?

— Я был не прав?

— Фух, — выдыхаю, — Макар, медсестры смотрели вовсе не на меня.

— Если тебе проще не замечать, хорошо.

— Это ты не замечаешь! — Никогда не думала, что буду объяснять ЕМУ, что он может привлечь внимание женщины. — Они смотрят на тебя, они глаз от тебя не отводят. Даже

выйди я без пижамы, но с тобой под руку, они бы с большим удовольствием обсудили не мое безобразие, а твой свитер.

Наверное, и его посещает мысль об абсурдности нашего разговора, потому что его взгляд говорит именно об этом.

— На дорогу смотри, — ворчу. — У меня нет комплексов по поводу внешнего вида. Да, есть женщины, которые выглядят лучше, — машу рукой, чтобы не отвлекался, — но меня во мне все устраивает. Конечно, до больницы было намного лучше.

Пальцы белеют, сжимая руль.

— Послушай... — говорит он.

— Нет, если ты начнешь говорить... сейчас... об этом... я сорвусь.

Я понимаю, что зажмурилась только открыв глаза. Макар молчит, я с упоением рассматриваю умытую дождем дорогу. Так хорошо, спокойно, весело подмигивают светофоры. Я на минуту даже забываю где я, с кем и вообще куда еду. Оказывается, жизнь в малом, вот так, молчать, когда говорить не хочется, знать, что в одном городе с тобой есть два человека, которые тебя любят и не оставят, и передвигаться свободно, когда захочешь, дышать вне стен палаты.

Машина останавливается у отделения милиции.

Макар рвется со мной, но мне удается его переговорить. Надо же, настоящее отделение милиции — неужели развод может зайти так далеко или Лариса, действительно, вляпалась в неприятности? А как они приплюсовали ее к витрине, разбитой больше полугода назад? Одни вопросы, но за этой дверью человек, который за деньги готов ответить. А денег нет. Я все еще отбрасываю мысль, что это правда. Иду скорее для очистки совести и потому, что не могу иначе.

Дежурный мне указывает на кабинет. Иду туда. Не постучавшись, открываю дверь и вижу на стуле, в углу, растрепанную Ларису с разбитой губой, а за столом жирного мужика в погонах. Капитан, если не ошибаюсь в звездочках.

— Злата! — Подруга вскакивает и сжимает в объятиях, но мой невольный вскрик ее остужает. — Что с тобой?

— Уже все нормально.

— Вы принесли? — напоминает о себе капитан, постукивая толстыми пальчиками.

— Нет, — искренне отвечаю я.

Лариса пятится к двери, мужик бледнеет и рявкает:

— Назад! Тогда ничего не остается — попрощайтесь с подругой, раз приехали. Что мы, нелюди? Задержанная, у вас три минуты!

Лариса что-то шелестит пересохшими губами. Приблизившись, я разбираю несколько слов. Она попала: ей вешают уже не одну витрину, а парочку, и воровство, потому что до приезда ментов кое-что растащили.

Она растеряна или натурально играет? Я знаю, у нее есть таланты, но так же знаю, что когда мне негде было жить в этом городе, она взяла меня на квартиру, а любовников раскручивала на съемную или гостиницы. Еще я знаю, что она оставила работу в салоне Яра и потом, никто не отменял общего детства. Оно было и все, одно на двоих, когда две девочки верили на слово.

В два шага я оказываюсь у стола мужика в погонах, кольцо само ползет с моего пальца. Наверное, давно пора было это сделать. Кладу его на стол.

— Пойдем, — оборачиваюсь к Ларисе.

Она уже берется за ручку двери, но капитан ударяет кулаком и хрюкает боровом:

— За дурака держите?!

— Мало?! — рывкаю я и срываю с шеи золотую цепочку с кулоном.

— Это подделка! — он трусит у меня перед глазами кольцом и косится на цепочку. — А этого — да, мало!

— Это золото и желтый бриллиант, — цежу сквозь зубы, снова жалея, что в мокалинах. — А кулон с изумрудом. Мало?!

Моя рука тянется в обманном жесте, и кольцо с кулоном мгновенно исчезают в толстых пальцах.

— Идиотка! Это подделка! — мужик падает в кресло, сокрушенно рассматривая трофеи. — Разве что для дочери, как игрушка, или для ее куклы... Ладно, выметайтесь! Обе!

Я много что хочу ему сказать и мне плевать, что нет каблучков — главное, не промахнусь, но Лариса тянет за рукав и шепчет испуганно, что надо уходить, скорее, пока не передумал, здесь больно бьют. Плевать на боль, но, пожалев подругу, выхожу в коридор. Два шага, а уже дышится легче. Лариса подхватывает под руку, а на улице, как боевое знамя, передает Макару.

— А вы куда сейчас? — интересуется, поглядывая на тучки.

— В больницу, — говорю я.

— А, тогда мне лучше на такси, наверное? Ну что, спасибо тебе, подруга, и надумаешь вернуться — возвращайся! — и с этими словами она торопливо уходит.

Я смотрю, как она ловит машину с пашечками, как исчезает в ней, и только после этого забираюсь в салон. Макар садится рядом, но не заводит машину, и на меня не смотрит — только прямо перед собой.

— Вы были правы, — говорю я, надеясь, что в голосе не отражается разочарование. — Ты и Наталья. Это был развод для лохов. Но мне не жаль.

И мне становится легче, так, будто я разжала пальцы, освободив воздушный шарик на ниточке. А вместе с ним — себя. Задевает не то, что Лариса уезжает на такси и несмотря на разбитые губы, на ней остаются длинные старинные серьги, которые легко сошли бы за выкуп. Она не спросила, что я делаю в больнице, хотя бы просто из любопытства. А почему?

Да потому что знала обо всем. Знала.

Правда, при встрече сильно сжала в объятиях, но это как черт дергает погладить и постирать в Божий праздник. Вот и она, зная, что случилось со мной, кинулась обниматься. Но если есть малейший шанс, что я строю очередную башню из собственных опасений и страха, я лучше проверю.

— Макар, давай заедем в "Песок".

— Минуту, — застегивает на мне ремень безопасности и выходит из машины.

С опаской слежу, чтобы не рванул в отделение, но он говорит по мобильному. Наверное, важный звонок, он ведь живет полной жизнью, работает в отличие от меня, да и вряд ли заметил, что на мне нет кольца.

— Едем, — заводит машину, и мы плавно трогаемся с места.

Странное дело, человек, сидящий по левую сторону от меня, сделал все, чтобы моя жизнь разлетелась вдребезги, а я не боюсь его. И устало закрываю глаза, доверяя. Мне кажется, ответ ждет меня в нашем разговоре, но я пока не могу даже мысленно возвращаться к пережитому. Поставила блок, и остатками сил удерживаю его, иначе выражение "сносит крышу" отхвачу в полной мере.

Глаза открываю только когда машина останавливается. Макар не задает вопросов, не торопит и я сижу в салоне, поглядывая в окно на прозрачную дверь, за которой скрываются расфуфыренные мадамы. Помнится, речь шла о смене ценовой политики, но ни одна из клиенток не выглядит обычной девушкой с улицы. Клатчи, твякающие собачки под мышкой, каблуки-сделай дырку в асфальте, обтягивающие бесцеллюлитные прелести юбки.

— Зайти с тобой? — заметив, что собираюсь на выход, спрашивает Макар.

Я качаю головой, и он отстегивает мой ремень безопасности. Холодный ветер ударяет в лицо срывающимися дождевыми каплями. Бодрит — это хорошо, а то у меня такая слабость, что круги перед глазами пляшут.

Прохожие оглядываются, наверное, походка у меня сногшибательная, и девушка без яркого макияжа в большом городе — нонсенс. Пусть смотрят, мне скрывать нечего.

Мое появление не вдохновляет и девушку на ресепшине. Сидит, пьет чай за стойкой, что-то читает, только макушка высвечивает, а ведь колокольчик ей подсказал, что в салон зашли. Может, журнал интересный? Прочищаю горло "кхе-кхеком", и девушка поднимает голову.

— Ой, здравствуйте! — подсакивает. — А я вас сразу не узнала!

Значит, все-таки увидела, оценила платежеспособность, а потом деловито уткнулась в журнал. Пусть скачет — не буду ей говорить, что уже почти не жена Ярославу Владимировичу. Да уж, улучшили салон, называется. Я только открываю рот, чтобы спросить о Ларисе, как слышу ее голос, и судя по каблукам и громкости разговора, она идет в моем направлении.

— Да, да, хорошо... — пауза. — Ты же знаешь, у меня работа, сбегу не раньше восьми... Стас, мне пора, правда... До встречи, солнце...

Проходится павлином по залу, делает несколько замечаний девочкам, мол, почему стригут, не предложив кофе клиенткам? Волосы в чашку собирать, что ли? Кофе или до, или после, а она вынуждает прервать стрижку и бежать к кофеварке. Клиентки довольно скалят зубы — такое внимание, Лариса довольно заглядывает им в рот, а потом оборачивается и замечает меня.

С минуту мы смотрим в глаза, часы на стене отсчитывают вторую, и я понимаю, что она что-то говорит все это время накрашенными и отнюдь не разбитыми губами, но не слышу ее. Только гул. Круги перед глазами пляшут румбу, пол подпрыгивает.

Переступаю порог и мягко закрываю дверь в прошлое.

Дверь и прошлое не виноваты.

В машину заползаю как инвалид, спиной чувствуя еще несколько удивленных взглядов, но мне плевать. Посмотрят и не помогут. Чужие. Безымянные.

Мобильный протяжно воет. Спасая уши выключив звук и снова закрываю глаза, позволяя усталости утащить себя в дрему. Я вижу двух девочек, которые сидят в комнате без телевизора и говорят, говорят, потому что пойти в маленьком городе некуда, а телевизор сломан. Я вижу двух девушек, которые обещают друг другу не потеряться во взрослой жизни, а сами едва скрывают радость от поступления в институты, в разных городах, но разве это проблема для дружбы? Я вижу, как одна из них рыдает на плече у другой, в свадебном платье, с нелепой диадемой на голове, потому что свадьбы не будет; вместо этого будет квартира. А потом замуж выходит другая, и первая растерянно смотрит на кольцо с бриллиантом, на богатого мужа подруги и ждет, ждет, ждет, когда же ей, наконец, перепадет дорогая шуба!..

— Эй, — Макар впервые позволяет себе прикоснуться ко мне. — Просыпаемся.

— Не хочу больше в больницу.

— Надо.

Расстегивает ремень безопасности, обходит вокруг машины, выуживает меня на ветер и дождь, накинув предварительно капюшон, и кладет мою руку на сгиб своей.

— Держись.

Мои мокасины тоже против прогулки и обещают развалиться, если я еще разок так их выволоку, но как и я, послушно идут до палаты в неуклюжих бахилах. Бахилы, кстати, работа Макара — я пока не могу наклоняться. По пути выдерживаем атаку лечащего врача, колючие взгляды медсестер и понятливый взгляд Натальи на мои пальцы.

— Кольцо мне мешало, — говорю, хотя она ничего не спрашивает, а читает дальше, поглядывая на воркующий экран телевизора.

Макар вообще делает вид, что его это не касается, а я распалюсь.

— Кольцо и цепочка — не так уж много за правду!

Наталья увлеченно щелкает книгой, Макар резво выходит. Замечательно! Вот так-то лучше, когда до тебя никому нет дела! Утыкаюсь в подушку и нет — не плачу, лежу с закрытыми глазами, потому что болят, как песка в них насыпали, и потому что хочется плакать, пожалеть себя, но не буду! И это переживу, справлюсь. Подумаешь, очередное предательство.

Я дуюсь на весь мир до самого утра. Нет, ночью я, конечно, сплю, но так, от безысходности, и то кошмары снятся. А вот утром удивляюсь: это ж надо так накрутить себя, расстроиться и сделать всех виноватыми за то, что не лезли в душу!

Так, просыпаемся и делаем настроение.

Натальи нет — наверное, на процедурах или прогулке, а я едва успеваю привести себя в порядок (скидка на больничные условия), как двери с грохотом распахиваются и меня, не скрывая радости, аккуратно обнимает темноволосый мальчишка. За ним стоит бабуля, в костюме беж, с цветком-заколкой на голове и такой родной улыбкой, что я как нюня держусь из последних сил во время бурных приветствий.

— Ух ты! Меняешь профессию? — это я замечаю у бабули ноутбук под мышкой.

— Осваиваю новые технологии, — не моргнув глазом, выдает она.

Егор гордо выпячивает грудь, и нет сомнений, кто у бабули в учителях. Они наперебой рассказывают, как устроились — бабуля в гостинице, неподалеку от больницы, Егор — понятное дело, у слегка обалдевшего от его возвращения брата, угрожая тому: если что, сбежать к новым родственникам в глубинку. Мол, там его любят и всегда примут.

Здесь он делает паузу, а я так усердно киваю, что ломит шею. Продолжает, такой довольный, время от времени на бабулю поглядывая, как бы сверяясь в показаниях, а она едва успевает сгонять с лица умиление, притворяясь строгой. Та еще парочка!

— А теперь о главном, — серьезнеет мальчик. — Я провел переговоры с братом...

— Могу себе представить...

— Не можешь, — подмигивает, — он дал мне десять минут, за время которых я выторговал несколько миллиончиков. Ну нам же нужно на что-то жить! И я же должен бабуле!

— О как! — хвалебный отзыв от кредитора. — Обсудим набежавшие проценты?

— Я расплачусь поцелуями.

— Не надо мне угрожать!

За их легкой баталией стараюсь отвлечься и прогнать мысль, что деньги при разводе — компенсация за смерть моего ребенка. Несколько миллиончиков... бездетные пары покупают ребенка много дешевле, правда... живого ребенка. А я могу остаться гордой, принципиальной и денег не взять. Но я возьму, оставив гордость и принципиальность при мне. Пусть платит. Его деньги очень помогут в том, чего я хочу. Без них ты ноль в мире Яра, а мне как раз в его сторону.

— И жить я буду с тобой! — восклицание Егора возвращает меня в реальность.

Качаю недоверчиво головой: Яр не отпустит его ко мне, но мальчик понимает по-своему.

— Да, — заглядывает грозой в глаза, — буду. Я очень упертый. И совсем недорого тебе обойдусь. Учиться в Англии я не собираюсь, так что пока вырасту, денег нам хватит, а потом я заработаю.

Приятно поражает факт, что мальчик не рассматривает вариант с наследством. Так и хочется затискать его, но он сейчас такой серьезный и такой обаятельно-взрослый.

— Кстати, нам нужно будет нанять хорошего адвоката, а то я знаю брата — он может так завуалировать некоторые нюансы, что мы еще начнем выплачивать ему алименты.

— Найдем.

— Надо будет серьезно подойти к этому вопросу, — поясняет мальчик, не впечатлившись моей податливостью. — У Ярослава своя адвокатская контора, в ней работают лучшие спецы, сама понимаешь. А нам нужен молодой, умный и амбициозный, который захочет с ним потягаться.

— Найдем, — повторяю я.

— Ладно, — мальчик смотрит с очень большим сомнением, но временно оставляет этот вопрос. Эстафету принимает бабуля, расспрашивая, как я и когда собираюсь выйти и что говорят врачи. Здесь, к моей радости, и лукавить не надо: иду на поправку, дети будут. Если захочу.

— Будут, будут, — поддакивает Егорка, за что получает легкий подзатыльник и теперь хихикает, поглядывая лисенком.

Я уговариваю бабулю не мучиться в гостинице, зная, как она не любит казенные дома, и вообще — смысл, если я в порядке. Она пытается возражать, что я одна в чужом городе, а я едва не проговариваюсь о Макаре. Нет, этого говорить не нужно.

— Егорка есть, — выкручиваюсь.

— О, точно! — он притворяется пораженным, мол, как же сам не догадался, что есть у меня.

— Ой, ладно, — соглашается бабуля, — другой бы спорил — я не стану. Уеду на ночном поезде, а ты вот выздоравливай и приезжай, покажешься хоть.

— Соседям? — морщусь.

Есть такая особенность в маленьких городках, когда о тебе думают и знает больше народа, чем ты помнишь имен. А здесь тем более, новости ведь облетели — вышла замуж за богача! А не показывается! Наверное, стыдится своей маленькой родины!

А я не стыжусь, просто в ней задыхаюсь.

Приеду — обещаю, а время своего приезда не уточняю. Когда-нибудь и правда приеду. В гости. Ненадолго. Жаль, бриллианта больше нет, и мужа, но для соседей так даже лучше — больше поводов позлословить.

— Приедем, — поправляет Егор.

Бабуля вскоре уходит, а мальчик остается под предлогом глянуть на мою соседку, потому что он, как старший в семье и как защитник, должен быть уверен, что меня здесь никто не обижает.

— Нормальная соседка, — улыбаюсь, предвкушая их встречу. — Красивая, не замужем, так что еще можешь передумать на мой счет.

— А ты прям опасаясь, — фыркает.

И вот в палату входит Наталья, а я внимательно слежу за лицом Егора. Ну как, узнает? И что ей скажет? Так любопытно — жуть! Я даже слегка приподнимаюсь на кровати, чтобы не пропустить момент, и...

И ничего!

— Привет, — говорит Егор Наталье и отворачивается ко мне: — Ты права, она тоже красивая, но женюсь я все равно на тебе.

— Почему? — наш вопрос с Натальей звучит одновременно и таким тоном, словно мы обе метили в его невесты.

Мальчик смеется.

— Потому что тебе я нужнее, неужели не ясно?

Наталья садится рядом с ним на мою кровать, Егор, кряхтя, как старичок, подвигается.

— Но я замужем, — напоминаю. — А Наталья — нет.

— Вот глупая! — снова хохочет мальчик. — Пока я вырасту, ты разведешься, а она выйдет замуж.

— Слышал бы это твой брат, — говорю я и представляю мальчика соседке по палате. — Егор, брат Яра, и, как ты понимаешь, мой будущий муж.

Наталья, глядя на него, заметно бледнеет, и молча пересаживается на свою кровать. Понятно... Она когда-то говорила, что в снах видит своего новорожденного малыша темноволосым и кареглазым.

— Егор, ну все, покуда, — намекаю мальчику, — наверняка, брат уже заждался.

Тот понятно поднимается, обнимает меня, а у двери обернувшись, подмигивает, мол, я свой выбор сделал. И как такому мальчишке не отдать сердце? Эх, девчонки-девчонки, я им даже завидую!

А, может, и нет. Он ведь узнал Наталью, наверняка узнал, но себя даже взглядом не выдал, а значит, эмоции легко блокирует и если не захочет, чтобы девочка поняла, что он чувствует, будет она биться об лед, как я с Яром.

— Красивый, — вздыхает Наталья.

— Ага, ты еще его брата не видела.

— Твоего мужа?

— Пока да.

Наталья кривится так, что понятно — видеть и не хочет.

— Как твой муж разрешил Егору прийти, — спрашивает задумчиво, — если считает тебя...

— Ага, шалавой, — подсказываю.

Для меня слова пусты и я легко произношу их. Главное, что я знаю и те, кто мне дорог. А что думают остальные... да кто они мне, чтобы о них думать? Наталья смущенно (вот уж не подумала бы) отводит взгляд, а я браво продолжаю:

— Он отдает мне Егора, так что своего нового мужа я воспитаю сама.

— Как отдает? Он же тебя ненавидит.

— А Егор любит.

— Тебе не кажется, что муж оставляет отходные пути, чтобы вернуться?

— Не кажется.

Уже в больнице я поняла, что видения, тогда, за домом, когда я умирала, не были бредом. Я, действительно, видела своего мальчика и склонившегося надо мной Яра. Он сказал, что не может... не может... а потом появился Макар. Но Наталья первая и, пожалуй, единственная, кто узнает эту деталь.

— Он сказал, что не может прикоснуться ко мне после своего охранника.

Есть слова на которые нечего ответить, поэтому я перевожу разговор на другую тему.

— А что у тебя? Лицо, вроде ты что-то затеяла, и это что-то мне определенно не нравится.

— Думаю, он просто струсил, — говорит Наталья, поднимаясь к окошку.

Любит своего, высматривает, а мучает зря. И сама мучается, я же вижу. И говорить о задуманном не хочет, а кажется, Матвей таки оказался прав и она готовится к бегству. Вот и я бегу от случившегося. Да, бегу, сейчас я это отчетливо понимаю. Если предположить, что секс был, а на видео он был явно, и если верить глазам и ушам, то я кончала. А я никогда не кончала с Яром. Ну если без языка... А теперь сопоставим: врач говорит, что я беременна от другого, Яра накачивают каким-то "озверином", плюс наркотик усугубляется алкоголем (возможно, даритель "озверина" и был инициатором выпить за жизнь", а потом подсовывают видеозапись, где женщина, которая с ним никогда не кончала, просто пресыщена оргазмами.

Что чувствует озверевший мужчина? Дикую обиду, отчаяние, свою слабость, а наркотик все это трансформирует в ярость. Он пытался сдерживаться — ласки были нежными, пытался. А я пыталась избежать его ласк.

Я не оправдываю его. Я просто анализирую. Но для полной картинке мне все-таки нужно поговорить с Макаром. Набираю его номер и предательски хриплым голосом говорю:

— Думаю, нам стоит поговорить...

— Да, — говорит он, — хочу.

Я слышу его дыхание в трубке, и еле дыша от волнения, спрашиваю:

— Когда?

— Могу приехать сейчас.

Я молчу: так страшно... узнать.

— Могу заехать утром и отвезти тебя в квартиру, где ты будешь жить после больницы. Там и поговорим. Я как раз сейчас ищу варианты.

Он снимет для меня квартиру... Ну да, мне же нужно где-то жить... Он снимет для меня квартиру и предлагает встретиться с ним... один на один... Мне жутко, но я ведь знаю, как выглядит мой кошмар, уже знаю, а теперь я просто к нему прикоснусь. Но что, если в реальности все так и было — спала, не знала, что сплю с другим мужчиной, но истошно кончала? Что, если я и правда шалава?

— До завтра, — говорю я и моя рука, слабея, выпускает на кровать телефон.

Оборачиваюсь, чтобы положить его на тумбочку и вдруг замечаю оставленный бабулей и Егором ноутбук. Мой ноутбук, узнаю; тот самый, что мне подарил Яр. Зачем его принесли?

Включившись, ноутбук вместо заставки отображает фотографию бабули с Егором, а внизу высвечивается подпись курсивом: "Мы тебя любим!"

И я, уже не пряча слез и улыбки, совсем как радуга в дождик, думаю: а и путь кто-то мнит, что шалава! Меня и такой любят!

Рассвет пробивается нерешительно, чуть дрожа на пушистых ветках сосен. А вдруг прогонят? А вдруг ночь еще не ушла? После дождя город сонно смахивает с серых ресниц влагу, асфальт счищает с себя грязь шинами и ветром, воробьи, нахохлившись, чирикают, прогоняя уныние, а вороны с размашистым "ка-ар!", раскачиваются на проводах перед окнами, заменяя будильник.

Но я давно не сплю нормально, еще с той ночи, когда Яр выбросил меня из дома, а я за проживание в барских хоромы расплатилась кровью своего ребенка. Иногда проваливаюсь в дрему, но болезненную, тянущую за собой, а к утру выталкивающую из колючих объятий с головной болью. Иногда меня подхватывает полусон, но стоит шевельнуться Наталье, и я мгновенно открываю глаза. Я выпалась, пока болталась между жизнью и смертью и пока лежала в реанимации, а сейчас боюсь не успеть — не пожить — нет, такой пустяк; боюсь не успеть расплатиться.

Я не могу позволить Яру отделаться деньгами, они для него ничего не значат. Мне нужно взять что-то такое, что бы представляло для него хоть какую-то ценность. Егор, как и я — завеса, мешающая размахивать руками в тесном душе, поэтому он будет только рад от него избавиться. Я с удовольствием возьму мальчика к себе, мне тоже одиноко в этом городе, и в сердце и вообще; а вот имя, род, репутация — здесь можно сильно задеть. Одна не справлюсь, с Макаром будет намного проще. Хотел меня? Пожалуйста, теперь и прятаться не придется, бери. А я почти здорова, сегодня-завтра выпишут, и вуаля, смогу. Теперь я многое смогу, даже отдаться другому, не думая при этом о Яре.

Или...

Трусиха! Жуткая трусиха!

Сегодня же попробую и... смогу, слышишь? Мне терять нечего и нужно ведь хоть как-то оправдать грязные слухи... Ну вот, дошла до ручки, сама с собой разговариваю и спорю... Звонок Макара прерывает внутренний монолог. Он ждет внизу; унять бы сердце, а то отчаянно колотится, как крылья бабочки в град.

— Подняться за тобой?

— Да нет.

Сама, сама спешу к нему — за правдой, а со стороны кажется, на свидание. И шепот медсестер в спину, завистливый, с легкой злобой, и звонок моему врачу, мол, вы пеклись за нее, вытягивали, а она разгуливает как у себя дома. А дома у меня и нет. Есть дом родителей, Ларисина квартира, есть особняк Яра, а я повсюду гость.

От хмурых взглядов прячет лифт, а сердце удовлетворенно замедляет ритм. Так вот чего ему хотелось: чужих эмоций, хапнуть негатива! Я нажимаю кнопку, чтобы дверь открылась снова и посылаю медсестре с бровями Брежнева насмешливый поцелуй. Легчает, и к Макару я иду без трепета. У нас деловая встреча, не более.

Он ждет меня, облокотившись о машину, и, зуб даю, что за больничными окнами тихонько раздаются восхищенные вздохи. Вельветовые черные брюки мягко обтягивают его сильные ноги, красный свитер под горло хорошо контрастирует с короткими темными волосами, кожаная куртка небрежно распахнута, блестящие очки-авиаторы скрывают взгляд.

— Привет.

Такое чувство, что хочет поцеловать, но отвлекается, снимая очки.

— Привет, — отзываюсь эхом.

Открывает дверь, хлопывает за мной, садится сам и застегивает ремни безопасности.

Машина трогается с места и минут десять мы напряженно молчим.

— Эй, — дергаю за ремень безопасности, — я так и привыкнуть могу.

А он то ли не понимает, что меня тянет похулиганить, то ли думает о своем, говорит беспечно:

— Привыкай.

И на секунду я испуганно замираю, а потом мысли кружатся так быстро, что друг друга сбивают. А что... если... привыкнуть? Секс у нас уже был, мне, судя по всему, понравилось... Да, собственно, а почему и нет? Сегодня же и попробуем.

Машина останавливается у высокой новостройки в спальном районе. Одна из многих, безликая даже в ярко-красном наряде, но пятнадцать минут до метро и далеко от Яра. Могу сказать, что мне подходит, даже не рассматривая квартиру, но вопрос жилплощади не главный на повестке этого дня.

Мы поднимаемся на третий этаж на лифте. Я раньше думала: замурованный шкаф с вкраплениями кошачьей и людской мочи только для пенсионеров, ан нет, и мне пригодился. А чистенько здесь, видать, жильцы не успели освоиться, даже зеркало без плеквок. Если квартира не хуже, я влюблюсь в нее с первого взгляда. Размышляю о чем угодно, а сама не могу оторваться от хмурого лица Макара.

— О чем задумался?

— О тебе.

— В смысле? Подбираешь слова?

— Я сто раз мог придумать правдоподобную сказку. Нет. — В лифтах не принято смотреть друг на друга, а он смотрит. — Мне жаль, что меня не было рядом.

И лишним будет уточнять когда. Тот день как ось, вокруг которой я постоянно кручусь. Выходит, не я одна.

— А тебя не было?

Выдерживает взгляд.

Не врет, а я, признаться, была уверена, что он с другими сидел за мониторами видеокамер. Не говорю вслух, но Макар считывает по глазам.

— Я бы вмешался.

Лифт, слава Богу, выпускает на этаже, и мы заходим в квартиру. Двухкомнатная, просторная, светлый коридор, отмечаю и двигаюсь дальше. Макар идет следом. На пороге зала я останавливаюсь и делаю глубокий вдох.

— Я буду жить здесь?

Его горячая ладонь сжимает мою, вкладывая ключ.

— Только если захочешь.

Перевожу взгляд на Макара и понимаю, что что-то важное происходит, а что — понять не могу.

Он смотрит на меня тоскливо, как приبلудный пес, и я, повинувшись инстинктам, прикасаюсь к его лицу. Однодневная щетина приятно колет мою ладонь, и я машинально думаю, какие ощущения возникнут, когда его лицо окажется между моих ног. Приятно? Не очень? Щекотно? Или никак?

С Макаром мы любовники два или три месяца, — надо уточнить у него, — а

нормального секса еще не было. Был его секс со мной, спящей. Были мои оргазмы с ним, во сне. А как будет в сознании, с моего согласия, по моей инициативе? Я не знаю и немного трушу, что не рискну. Он не догадывается о моих терзаниях и не знает, подпущу ли к себе вообще?

Но это случится.

Сегодня.

Возможно, прямо сейчас.

— Как тебе? — словно почувствовав, Макар делает шаг в сторону. — Это только на первое время, потом я найду что-нибудь лучше.

Отмахиваюсь, говорю, что позже куплю себе дом, а сама понимаю, что нет, вру, мне здесь хорошо, и я с места не сдвинусь. Я здесь как дома, вот такой каламбур. Макар уходит сделать нам кофе, а я смотрю из окна на пустынный в такую рань город, вижу в стекле бледное отражение, и не верю, что это я. Жива. Строю планы, как переспать с мужчиной, вместо того, чтобы лежать по тихому в могиле, гнить, разлагаться, как хотел этого муж.

— Идешь? — Голос Макара и запах кофе манят на кухню.

Не люблю красный цвет, режет глаза, но здесь мне почему-то уютно: шкафчики, холодильник, барная стойка, выдвижной маленький стол матово-однотонны. Макар смотрится хозяином, я — его гостьей, возможно, потому, что я бледная, а он в тон? Красный свитер под горло, черные брюки, зеленые глаза с лопнувшими сосудами. Нелегко ему было разрываться между мной и работой, но сегодня у него выходной; у меня — целый день вне больничных стен.

Поддавшись порыву, прошу и получаю шампанское, Макар предлагает тост за меня, а я поправляю:

— За нас. — И маленькое пояснение на удивленный взгляд. — Нам многое предстоит сделать вместе.

Не уточняет, о ком говорю и почему весела, хотя и глотка не сделала. Да, я пьяна, от страха, пустоты в животе и предстоящего разговора.

— Не связывайся с ним, он тебе не по силам.

Не связываться с ним? Поздно. Раньше, если бы кто-то предупредил меня раньше, до свадьбы, а лучше до того, как я познакомилась с Яром... Перед глазами проносится наша встреча, когда я в клубе сделала ему предложение, и сладко-горькие несколько месяцев напрасных надежд...

— Не связываться? — с вызовом смотрю на Макара. — Не по силам? Да ты, мой сладенький, представить себе не можешь, насколько я сильная.

И делаю шаг к нему.

— А хочешь, я тебе докажу? Сейчас? Сама? Добровольно? — Моя рука ползет под его теплый свитер. — И даже усыплять не надо. Хочешь? Сама раздвину ноги и ты войдешь в меня.

Он перехватывает руку.

Я злюсь, второй рукой забираюсь под свитер — он перехватывает и вторую. Мы дышим как два марафонца, а глаза гипнотизируют друг друга.

— Что, нет?

— Да! — отрывает мои руки от своего тела, крупно ходит по кухне. — Да, хочу!

Я развожу руками и снова делаю шаг, мол, в чем же дело. А он, сжигая мою смелость малахитовыми глазами, вдруг говорит:

— Я никогда не был в тебе.

Мое дыхание вырывается всхлипом, перед глазами летают оторванные крылья бабочек. Вцепившись в стол, смотрю с немой мольбой на стоящего напротив мужчину, и не вижу его. Есть я, есть кухня, есть окно, за которым прячется глоток воздуха, а мне бы только шаг...

Утыкаюсь лбом в свитер Макара.

— Я никогда не был в тебе, Злата, — опускает руки, просто позволяет мне греться. — Я прикасался к тебе, имитировал ласки, но не входил в тебя и... старался сдерживаться, хотя это было чертовски сложно.

Я молча слушаю, он сам продолжает:

— Мне заплатили, чтобы я с тобой переспал. Большие деньги, очень большие, Злата. Нет, я не нуждаюсь в них, но они знали, что у меня есть причины не любить твоего мужа, а я знал, что если откажусь от их лестного предложения, они предложат другому. Быть может, я бы и сделал так, как они хотели — твой муж сидит у меня как кость в горле, а ты... Да, я хотел тебя, как сумасшедший, но ты упорно видела во мне друга. Не служащего и не прислугу, не тень, — водителей обычно не замечают. Я постарался оградить тебя, как мог. Я имитировал жаркий секс, но...

— Я не кончала? — Для меня это так значимо, что дрожь становится лихорадкой.

Макар прислоняет подбородок к моей макушке. Сжимает кулаки, но злится не на меня.

— Ты спала.

А мои пальцы судорожно хватают за спиной его свитер. Вот значит как, тот мир, в который я вошла однажды ночью, меня не ждал.

— Ты мог сказать... — я замолкаю, не договорив.

— Не мог. Дом Ярослава не так безопасен, как он себе думает.

Не буду спорить, для меня так однозначно.

— Когда я начал просчитывать, как оградить тебя, тебе стали подсовывать отвары.

Не может быть, чтобы повариха, добрая румяная повариха, которая так радовалась, если у нас с Яром все хорошо, была замешана в этой грязи. Нет, я не верю. Не хочу верить. Не могу.

— Мне просто не спалось! — шепчу в отчаянии.

— Нет, — наполняет легкие и нехотя выдыхает, — это подгоняли меня. Давали знать, что все у них под контролем, что могут без меня обойтись. Я не хотел, чтобы тебя взяли силой или... — раздумывает сказать или нет, — или еще хуже.

Мой смешок перебивает кукушка. Всегда хотела такие часы и почему-то не покупала. Восемь, считаю машинально. Забавно, прошло всего полчаса, а я успела прокрутить в голове целую жизнь, ту, что была беззаботной.

— Ты думаешь, а что может быть хуже? — спрашивает Макар.

— Да, — не скрываю я.

— Ты знаешь, что Ярослав был женат?

— Да, — повторяю.

— Дважды.

Подняв глаза, я снова прячусь.

Я как-то спрашивала у Яра был ли он женат и получила утвердительный ответ. Но я не уточняла сколько раз, на ком, как долго — я предпочла отставить тему, которая меня задевала. Я ревновала к его прошлому, и вот как бывает: хочешь — получаешь, но пазлы перепутались и теперь мы сами — прошлое друг друга.

Волной накатывает слабость, и я умащиваюсь на стул. Макар прохаживается по кухне, открывает ящички, со знанием, как у себя дома, заваривает зеленый чай. Большая кружка дымится в моих руках, и я хочу возразить, что лучше кофе или шампанское, но делаю глоток и не удерживаюсь от блаженного вздоха. Жасминовый, немного терпкий, как я люблю. Себе Макар, не мудрствуя, растворяет в чашке пакетик кофе с имитацией сливок и глядя на меня в упор, продолжает:

— Первая жена Ярослава перепробовала почти всех его охранников, прежде чем он узнал и выставил ее без копейки из дома.

Я мысленно пытаюсь перевести услышанное в цифры, и видимо, мои старания настолько красноречивы, что мне помогают:

— Шесть, — усмешка на испуганный взгляд. — Не все сразу.

Я, не скрываясь, облегченно выдыхаю.

— Что дальше?

— А дальше, чтобы бывшая жена не поливала грязью род Самарских, вмешиваются родители Ярослава, откупаются от нее домиком у моря и некой суммой. Она никогда им не нравилась, а здесь прекрасная возможность отселить из города.

Прокручиваю про себя: не так уж много при разводе с миллионером. Я, правда, ни гроша еще не получила, но светят мне как минимум шестеренки. Удачно сторговался Егор или добровольное пожертвование Яра? Плевать, возьму, а он пусть думает, что продалась, какая разница? В его глазах я и была продажной.

— Вторая жена Ярослава тоже не всех устраивала: голодранка, только и наследства, что красота.

Быстрый взгляд на меня. Интересно, это намек, что я тоже вполне ничего или наоборот, что выбиваюсь из вышеозначенной категории?

— И так уж вышло, что как-то раз и ее Ярослав застал с охранником в постели. Там, правда, не было все однозначно, только начали разогреваться, а смятые простыни и оголенные тела еще не факт, что свершилось. У девушки был шанс, что Ярослав отгадет и простит.

— У девушки? — нервно хихикаю в кружку. — После замужества? И после как минимум одного охранника?

Нет, правда, только в нашем постсоветском пространстве замужних все еще называют девушками, как будто намекая, что супруг не справился с небольшим препятствием во время секса. И на беременных, не раз слышала, говорят "девушка", а от кого, простите, у нее живот? Святого духа?

Я чувствую, меня заносит и хоть чуток оправдываюсь:

— Ты в чай мне ничего не подмешал?

Мрачнеет, взгляд тяжелый, будто на меня наваливают шкаф.

— Я. Никогда. Тебе. Ничего. Не подмешивал, — произносит отдельно, и до меня через секунду доходит, что это с ним. Конечно, мой волшебный чай на травах, от которого я отключалась. Но неужели повариха? Ах, Злата Юрьевна, у вас круги под глазами... Ах, я сделаю вам такой отвар, что все заботы выветрятся и будете спать сном Ангела... Не представляю, чтобы во сне Ангелы делали ЭТО.

— Ну ладно, — говорю примирительно, — что там со второй моей предшественницей?

Макар отходит медленно, но лицо немного светлеет.

— Она все повторяла, что члена в ней не было, а значит и измены как таковой, но

Ярослав выставил ее из дома.

— Просто выставил или как меня, спровадил на задний двор?

Мне кажется, что кружка с кофе треснет в его руках, и он словно считав мои мысли, одергивает от нее пальцы. Молчит минут пять, если не больше, кукушка тоже помалкивает, а я не считаю, боясь пропустить хоть слово. Ушел в себя, что ли?

— Так что там дальше?

Чуть вопросительный взгляд: ну точно, он гуляет в глубинах подсознания, а я здесь разрываюсь от любопытства!

— Он сильно переживал по поводу их разрыва, это было заметно всем.

Я хмыкаю, не удержавшись. Вот уж сомневаюсь, что Яр так откровенно демонстрировал хоть какие-то чувства. Да он — скала, гранит, фонарный столб! Или... он был совершенно другим, до встречи с бывшими женами?

Первый раз открываешь сердце — удержать невозможно, веришь, еще не зная, что поджидает подвох. Второй уже долго присматриваешься, а потом все-таки думаешь: ну еще разок, рискну, а там... А там не меньший удар, туда же, по тому же месту. И в третий раз ты закроешь сердце в шкатулку, спрячешь в сейф и чтобы не передумать, выкинешь единственный ключ.

— И? — уже привычно подбадриваю на продолжение разговора.

— Он действительно ее любил. Она была остроумна, хорошо разбиралась в моде, они устраивали прекрасные приемы, на которые не без удовольствия сливались богатые сливки общества... Но кое-кто считал ее слишком ограниченной и был уверен, что единственное, что может Ярослава заставить вернуться к шлюхе — личико Ангела.

Он замолкает, и я притихаю, страшась своих догадок. Мне как ребенку кажется, что если закрыть глаза, странные тени в комнате исчезнут, и если не произносить как ребенку кажется, вслух, с девушкой еще все может быть хорошо.

— Личико Ангела подпортили кислотой.

И только сейчас я сдавленно выдыхаю.

Двух жен от Ярослава убрали, пусть и не без их помощи, но дорожку расчистили, а дальше... А дальше появляюсь я. Однажды ночью я врываюсь в совершенно новый для себя мир, и вытолкать меня так быстро не удастся. О свадьбе узнают не все и далеко не сразу, а вот потом уже — вопросы Катерины Вездесущей, приезд свекрови-торшера со свекром-пуделем под мышкой, угрозы, не принятые мною всерьез, отсыл Егора и моя лжеизмена. Не сомневаюсь, что без них не обошлось: приехали, увидели, что снова сын нашел себе не пару, и отодвинули. Не так мягко, как предыдущих, те жены сами периодически посматривали налево. Я бы сказала, у нас все получилось как в дзюдо: бросок через бедро — и вверх тормашками.

Любимому сыночку устроили показательное дежавю, скрестив мое сонное тело с продажным охранником, и подтолкнули дальнейшие события наркотиками. Теперь я понимаю странный вопрос Яра:

— Зачем... снова?

Жена, охранник и измена — стопроцентное попадание. За маленьким исключением: я не хотела изменять, а якобы продажный охранник сделал все, чтобы фактически я и не изменила. Яр снова почти один в один переживает предательство, но чтобы не было осечки

(а не дай Бог я очарую его прекрасными очами), ему подсовывают "озверин". Кстати, не удивлюсь, если угадала с настоящим названием препарата.

Яр слетает с катушек, а я теряю ребенка.

Браво! Продумано до мелочей, и даже доктор, называющий при муже маленький срок и даже то, что Яра встречаем я и Макар. Двое. Я закутана в плед. Макар приобнимает меня чтобы я не упала. Романтика.

— Почему ты не любишь Яра? — Да, невыясненных вопросов пруд пруди, а меня больше интересует этот.

— Может, потому, что я не девушка? — Неловкая шутка Макара чуть сбивает гнетущее напряжение.

Я допиваю чай, наконец, согревая руки. Макар отставляет нетронутый кофе.

— Ты не устала? Может, хочешь прилечь?

Пока раздумываю, что ответить и прислушиваюсь к своим ощущениям, Макар помогает мне встать, и мы перебираемся в зал. Пристраиваюсь на диванных подушках, с удовольствием закинув ноги на толстый подлокотник. Макар садится неподалеку на пуфик. Так странно смотрится высокий крепкий мужчина на мягком и маленьком, и чтобы лучше видеть эту странность, переворачиваюсь на бок, к нему.

— Так почему? — напоминаю вопрос.

Он делает неопределенный жест, смущенно (смущенно?!) улыбается и говорит:

— Первая жена Яра — моя сестра. Вторая — девушка, на которой я еще с третьего класса собирался жениться.

— Так не бывает! — Подскакиваю от неожиданности.

— Хотел бы я, как и ты, быть в этом уверен.

— И... ты устроился к нему, чтобы отомстить?

— Не переоценивай мои таланты. Я уже работал у Яра. Сестра в него влюбилась по самые уши, и что ей было мое недовольство? Я говорил ей, что гусь и свинья не пара, но она видела в нем лебедя, а себя считала царевной. Потом присмотрела в доме Ярослава стайку других... лебедей и взлетела. Но, знаешь, одно дело отношения шефа и сестры, и совсем другое — шефа и твоей любимой. Я упустил ее. Он соблазнил. Когда ее соблазнил другой, он выбросил ее, как старую перчатку, но это ты уже знаешь.

— А почему оставил тебя?

— Видимо, потому что не сомневался в себе.

Представляю, как изумилось его эго после просмотра эротического видео.

— А где сейчас твоя сестра?

— Не бедствует в домике у синего моря. — Улыбка. — И с ней не бедствуют еще двое.

— А... — выравниваю сбившееся дыхание, — вторая жена Яра?

— Я отправил ее в клинику за границу. — Прямой взгляд. — Да, ты угадала: на те деньги, которые мне заплатили, чтобы я с тобой переспал.

— Ты прямо белый рыцарь! — фыркаю.

— Не думал, что ты дальтоник, — ошечинивается.

— Ну как же, вот помог бывшей возлюбленной, — я правда не уверена, что она для него бывшая; после пережитого, а особенно после оплаты пластических хирургов любовь может вспыхнуть с новой силой. — Не тронул меня...

Макар нависает надо мной так стремительно, что я шарахаюсь к спинке дивана.

— Я все-таки к тебе прикасался, Злата, — цедит сквозь зубы, а мне ничуть не страшно,

а дернулась от неожиданности. Я принимаю беззаботный вид, распластываюсь на подушках и снизу вверх смотрю на грозовую тучу.

— Как там говорила твоя пассия? Если члена во мне не было, это не считается?

Макар недоуменно моргает, будто видит что-то, чему поверить не в состоянии, но прекращает изображать зонтик, отодвигаясь.

— Да, кстати, — я зеваю, — давай уладим два вопроса, которые я пока могу припомнить и я посплю, хорошо?

— Нет, — качает головой, — ты вернешься в больницу.

— Ну тогда уладим два вопроса, я закрываю глаза, потому что ничего не могу с собой поделатъ, сплю пять минут и возвращаюсь в больницу.

Едва не ляпаю, что мне простительно, все это время после потери ребенка я почти не спала, так, урывками. А вот сейчас, узнав и успокоившись, что не изменяла, даже нехотя, мне хочется расслабиться в своей квартире и пусть весь мир катится к черту.

Недоуменный взгляд Макара сменяется недоверчивым. Ну пять минут, конечно, мало, но я надеюсь, он не станет будить уставшую девушку.

— Какие два вопроса?

Ух, умничка какая! Смирился!

— Вопросы следующие: хочешь ли ты со мной переспать и если да, когда мы это осуществим? — Сонливость удаляет меня от реальности, и я шепчу сквозь дрему. — Потому что, знаешь ли, нам еще... мм... домой ко мне... надо съездить... покажу всем... любовника...

Шаги, негромкие слова.

Почти во сне я чувствую прикосновение к щеке, дыхание и... ничего. Ну надо же, такие страсти на экране, такие пламенные речи после эфира, звание — шлюха года и ни одного поцелуя! Обидно, черт... Как хорошо, что ничего не было... Назло... попробовать...

И, видимо, мое обиженное сознание придумывает легкий поцелуй и тихий шепот, от которого я нервно вздрагиваю. Силуясь открыть глаза, и не могу вырваться из сна, а потом позволяю сознанию отключиться, потому что проснуться вдруг становится страшно.

— Спи, я тебя не обижу, — обжигает мои губы тревожный шепот. — Больше нет... Спи, мое счастье...

Конец 1 тома

Мелкий дождь просится в салон машины, но там, где двое молчат, попутчики не нужны. Макар сосредоточенно смотрит на дорогу, а я, налюбовавшись сумерками, разворачиваюсь вполборота и смотрю на него. Мужчина, из-за которого кардинально изменилась моя жизнь, и вида не подает, что замечает мое внимание. Взгляд на дорогу и в зеркала, на дорогу и в зеркала... Но когда у меня першит горло, дает мне бутылку минералки. Так же, не глядя. Я делаю несколько глотков без боязни, что вылью воду на себя.

— Спасибо.

В ответ улавливаю быстрый взгляд и кивок.

Не хочет говорить после учиненного мною допроса, но мне не совестно, я все еще думаю, что он врет, только не понимаю зачем.

Проснувшись, я настороженно обхожу квартиру, но кроме Макара, пьющего на кухне кофе в легкой сигаретной дымке, никого не обнаруживаю. И именно дымка вкупе с показавшимся шепотом усиливает мои подозрения.

— Не знала, что ты куришь, — говорю я.

— Плохая привычка, — пожимает он плечами.

Ну, видимо, вполне контролируемая, потому что я ни разу не улавливала от него даже намека на сигаретный запах.

— Дашь сигарету?

Я не курю, но пусть спишет пожелание на стресс.

— Закончились, — качает головой с легкой усмешкой.

— А где пепельницу нашел?

Кивает на окно.

— И зажигалка там же?

Достает черный квадратик, откидывает крышку пальцем, ждет, пока я налюбуюсь на желтый огонек и захлопывает. Зажигалка снова прячется в кармане брюк. Не доказательство, я тоже раньше носила зажигалку — для подруг, а у Макара может остаться привычка обслуживать хозяевам. Правда... услужливости я за ним как раз не замечала.

— Едем? — В его глазах мелькают смешинки, а на меня накатывает раздражение. Накрутила себя, напридумывала, выстроила очередную башенку, а фундамент гнилой. Пока доехали до больницы, я почти убедилась, что в комнате кроме нас двоих никого не было, к тому же, есть о чем подумать более важным. Вот до сих пор до конца не пойму: Макару заплатили родители Яра или нет? В квартире, пока он говорил, была уверена, что да, а сейчас, прокручивая весь разговор в сотый раз, подвергаюсь жестким сомнениям.

Машина останавливается напротив входа в больницу, но я сижу, смотрю в окно и словно шулер тасую колоду с вопросами. Второй жене Яра лицо облили кислотой по наводке его родителей? Что связывает Макара и его бывшую девушку сейчас? Понятно, что заплатил за пластику, но и все, или?..

Макар расценивает мое настроение как простое хандрическое и уговаривает, как ребенка потерпеть несколько дней, напоминает, что врач на днях обещает выписать.

— Всего несколько дней, — спрашивает, разве что мороженко и сладкую вату не сулит за послушание.

— Да, я знаю, — соглашаюсь, и не выхожу из машины. Мне кажется, что за окном не дождь, не осень, а пуховый июнь и я практически вижу, как где-то там, на горизонте, идут двое, девушка и мальчишка, а в руках у обоих по огромному белому мотку ваты на палочке. Они идут домой, беспечные, молодые, улыбочивые, наивно ожидающие, что их там ждут. Перед глазами вдруг мелькает другая картинка: огромный дом, и тот же мальчик, сидящий на нескончаемых ступенях, обхватив колени. А рядом с ним сидит мужчина, отрешенно глядящий в другую сторону. По их плечам капает холодный дождь, волосы ерошит порывистый ветер, но они не заходят в дом, потому что в нем еще холодней.

— Эй, ты здесь? — окликает Макар и картинка, так явственно виденная мною, распадается на тысячи путанных пазлов. Легкий жест рукой, и они перемешиваются — пусть, мне все равно, я и не думала их собирать, своя жизнь состоит из неровных кусочков.

Серые стены здания смотрят с плаксивым упреком. Пусть, отмахиваюсь и от них, потому что понять не могу: для чего я здесь? Для чего я вернулась? Все постыло. Эти стены как грань между прошлым и настоящим, а вот будущего, как ни кручу головой, я не вижу. Разве что — за этим зданием морг.

Я вздрагиваю, и ладонь Макара растирает мою.

— Что случилось?

А меня так и тянет после влюбленной в Одессу Натальи ответить вопросом: «Да что только со мной ни случилось?!», но я ведь расплачусь, почему-то я думаю, что расплачусь, а я не хочу показывать еще большую слабость. Я не сильная, вовсе не сильная, я притворялась.

— Злата, что тебе беспокоит?

И я думаю, это прекрасный повод отвлечься от миражей, увильнуть от собственных башен страха и задать те вопросы, что навязчиво крутятся. Не то, чтобы они беспокоили, так... любопытно.

— Скажи, все, что случилось со мной, весь этот план — дело рук родителей Яра? И еще, кислота — это тоже они? Да, я понимаю, не лично, но по их наводке?

Макар убирает руку, задумчиво трет лоб и вместо ответа спрашивает:

— Ты думала над тем, чтобы вернуться к Ярославу?

Я, задохнувшись в негодовании, тщетно подбираю слова, но только и могу, что качнуть головой.

— Уверена?

Ожесточенно киваю.

Во взгляде Макара сквозит такое искренне сомнение, что на секунду я сама сомневаюсь, а потому в ужасе выдавливаю:

— Ты с ума сошел!

Взгляд Макара меняется, нет, в нем нет сумасшествия, он, скорее, безумной считает меня.

— Ясно, — говорит устало, а по мне так ясности ни на грамм.

— Я говорил только то, что знаю, Злата, но так бывает, что человек слышит, что хочет или к чему готов. Некоторые моменты он может додумывать или отбрасывать, так что я повторяю. Родители Ярослава ни в первые, ни во вторые отношения специально не вмешивались. Пока эти отношения были. Да, выбор сына не одобряли, но в постель к другим мужчинам не подкладывали.

— Какая честь, — ворчу про себя.

— Моя сестра просто любвеобильна, отчасти это и было причиной, почему я не хотел ее

отношений с шефом. Но главное, что она ни о чем не жалеет, сумела выудить из брака все, что хотела. А что касается второй жены Яра...

Да, да, вот за вторую больше интересно. Невольно подаюсь вперед и видимо чрезмерно, потому что на губах чувствую мужское дыхание. Откидываюсь назад, скрещиваю для верности руки и жду. А Макар и не думает скрывать понимающей усмешки.

— И что там со второй? — спрашиваю как можно небрежней.

— Все проще и гораздо предсказуемей. Я знаю Соню почти семнадцать лет, она любитель выкинуть фортель, но хватает ее ненадолго. Вопрос развода был вопросом времени, и все. Я ждал... Неважно... Ярослав ей даже не нравился, он не привлекал ее физически, что не удивительно. Ее не возбуждают блондины. Совсем. Она их не воспринимает. Удивлена?

— О, да! И очень сильно, — киваю для убедительности. — Удивлена, как два таких видных мужчины могли любить такую недалекую женщину. Прости, — вижу, что Макар хочет возразить, но слова готовы вылиться фонтаном негодования, — но любить человека за цвет волос... Это...

На этом мой словесный фонтан иссякает, но, надеюсь, Макар остальное прочтет по взгляду. А он усмехается и говорит такое, от чего я немею минуты на две:

— Она никого и не любила, даже меня, несмотря на... — проводит рукой по темным коротким волосам. — Так бывает.

Пока я прихожу в себя, Макар щелкает зажигалкой. Такое ощущение, что мальчику игрушку новую подарили. Нервничает или зажигалка не его и это простой интерес к новинке?

— Так вот, Злата, — прячет квадратик в карман, словно подслушав мои мысли, — родители Ярослава не мешали ему с женами, они, боясь огласки, покупали их молчание, но уже после.

— Только в первом случае, — вношу правку.

— В двух первых, — вносит правку Макар. — Соня тоже получила весомые отступные, а вот когда решила сорвать двойной куш и вернуть мужа, неизвестный облил ее лицо кислотой. Но таких историй пруд пруди вокруг, включи новости и через несколько дней перестанешь реагировать так остро. То две школьницы не поделили мальчика, то соседи метр огорода, то вот из недавнего — за балет. Так что я не могу с уверенностью склеить следствие и причину — возможно, так совпало.

— А что у нас с третьим случаем? — спрашиваю вроде бы ровно, а внутри все бойкотирует. Поджимаю в кроссовках озябшие пальчики — стыдно, когда видно, а сейчас только я знаю, как боюсь, хотя угрозы прямой нет, а такое ощущение, что все может повториться, и я сорвусь, не выдержу, не соберу себя больше.

— А с третьим, — Макар надевает очки-авиаторы, — я так понимаю, хотели убрать тебя от Ярослава, невзирая на методы, и своего добились.

— Родители моего мужа?

Приподнимает очки, вглядывается пытливо, снова прячется за темными стеклами.

— А, может, и не добились.

И я вспыхиваю, догадавшись, что он имеет в виду. Я сказала «моего мужа», то есть, все еще так воспринимаю его... И я почти со злостью выплевываю:

— Ты можешь перестать юлить и сказать, кто эти загадочные «они»?

— Нет.

— Почему?

— Я не знаю.

— Врешь!

— Я мог бы вообще ничего не объяснять тебе, Злата. Я мог бы тебя трахнуть. Я мог бы...

— Да! — кричу на разрыве легких, склонившись к нему. — Ты мог бы! Вы все могли! Только я одна — тряпка! Я не могу даже узнать, кто разломал мою жизнь!

Хлопнув дверью, быстро выхожу из машины. Слышу, как чертыхнувшись, следом выходит Макар и буквально в три шага оказывается не просто рядом, а напротив меня, заслоняя дождь, ветер, заслоняя воздух, а мне так трудно дышать и еще трудней не расплакаться.

Дождь стекает по его коротким волосам, бьется о крутку, нелепо скользит по черным стеклам очков. Макар набрасывает мне на голову капюшон плаща, завязывает, как ребенку тесемочки, чтобы капюшон не сорвало ветром и говорит устало, измотано:

— Я не знаю, кто «они», Злата. Не знаю. На меня вышли через мобильник и мейл, туда же сбросили наживку и все детали. Мейл недействителен, номер заблокирован, я проверял. Кто стоит за всем этим, я не знаю. Но если ты не собираешься вернуться к Ярославу, тебе нечего бояться.

— А я и не боюсь!

После этих слов мы оба застываем, и только дождь, постукивая, намекает: эй, очнитесь, э-эй! И я испуганно моргаю, приходя в себя. Нет, я знаю, что у пьяного на уме, то у трезвого на языке, но я ведь даже не пила, а дурь несу. Ведь я должна была сказать совсем другое: что и не думаю возвращаться, а я... Вторая оговорка за один день — не многовато ли?

— Не мокни под дождем.

— Ты прав.

Я ухожу, чувствуя взгляд Макара. На ступеньках оборачиваюсь, а он смотрит, сквозь мокрые затемненные стекла очков, внимательно смотрит в испуганно сжавшееся сердце. Но губы его, вопреки опасениям, не кривятся в презрительной усмешке. А зря. Я сама себя презираю. За слабость, за малодушие, за короткую память, за доброту, расколотую, израненную, изувеченную язвами не розовой реальности, но такую живучую.

И как Макар, я тоже прячусь. За серыми стенами, за жалюзи в палате.

Никто не ищет, а я прячусь.

Пока стою у окна, машина серебристого цвета не отъезжает. Пусть отдохнет, от суеты и от меня — и только отхожу, как слышу — шуршат тихо шины, и пустота, кажется, сжимает горло. Но плакать лучше там, под дождем, а здесь само пройдет.

— С возвращением, — в палату заходит Наталья. — Где катались?

— Где мы только не катались? — бормочу раздраженно, что так резко ворвались в мои невеселые мысли. А с другой стороны, я так и увязну в тоске! Совсем расклеилась! Да я гордиться должна: кто-то так сильно хочет убить меня, что раскидывается деньгами, в операции по уничтожению участвовали двое крепких мужчин (добровольно или нет — не считается), а я жива. А значит, я сильнее их и себя прежней.

Неожиданно накатывает вдохновение и я часа за три пишу новую сказку, в конце спешу, не терпится посмотреть на реакцию прототипов, но все равно черновик, ошибки при вычитке подправлю.

— Прочешь тебе сказку? — Наталья удивляется вопросу, но выказывает вежливое

согласие. А мне большего и не надо. Ну слушай, девонька, слушай, красная... Я начинаю читать о Посейдоне, зачарованном внешностью девицы, о коварных соперницах-неридах, о песочном принце, а сама на Наталью посматриваю. Поначалу она отщучивается, вставляет реплики, а потом как-то странно смотрит на меня и слушает молча. Да, я знаю, что приехала она в большой город в поисках своего принца и что не ладится, не сладко, а то, что сахаром кажется, песком на зубах скрипит. Только принц не отступится...

И как накликала, только я дочитала сказку, медсестра заглядывает:

— Александровская! К тебе жених. Пусть зайдет или как обычно?

— Жених? — недоуменно переспрашивает Наталья, а в палату уже уверенно заходит Матвей.

— Я не услышал отказа. Здравствуй. Еще не собралась? Я тебя сегодня выписываю.

Отказа не услышал — ну да, ну да, рассказывает провинциальным девушкам сказочки, а сам из тех людей, что не воспринимают отказов. Одного поля ягода с Яром. Делает вид, что слово Натальи решающее, а отпускать и не думает, что бы они ни сказала.

Пока Наталья собирается, Матвей едва заметно мне кивает, мол, все ли в силе? Ну что я говорила? Я киваю в ответ. А что бы и не помочь человеку удержать счастье? За мной никто не пришел, никто не выписал и не сказал, мол, все, забираю, и на душе скверно. Кому нужна самостоятельность, когда сама себе не нужна?

— Твоя сказка в твоих руках, — шепчу Наталье и отворачиваюсь, чтобы не заметила подступивших слез. И почему я думала, что стала сильнее? Кому врала? Невыносимо все это. Все, абсолютно, и, может быть, права бабуля и стоит поглумиться над соседями, похвастаться любовником. Пусть думают, что потеряла голову от любви, пусть думают, что и меня любят!

Дам сплетен на год вперед и вернусь домой. Улыбка мимо воли появляется при воспоминании о квартире. Моя. Пусть даже платит за нее другой.

Макар не появляется вечером, видимо, я действительно почти здорова, потому что раньше его из палаты невозможно было выпихнуть. Спросил, что нового, я сказала, что в палате теперь одна и пока придумывала какой бы еще пустяк ляпнуть, вспомнила об адвокатах. Вернее, о том, что у меня их нет, а найти-то надо, да еще таких, чтобы потягались с Яром, пусть даже он и не против раскошелиться. Но я Егору верю, и если он думает, что нам лучше перестраховаться, пусть так и будет.

— Хорошо, — Макар, кажется, даже повеселел, что я его снова чем-то озадачила, — я найду тебе адвоката.

— Правда?

— Немного лгу, — сознается, — есть у меня два знакомых адвоката, молодых, амбициозных, им будет полезно и любопытно взяться за это дело. Сколько, говоришь, Ярослав готов заплатить за свободу?

Я почти шепотом, прикрывая мобильный, называю огромную цифру.

— Угу, на меньше ребята не наторгуют, а там посмотрим.

Это что, намек, что возможно больше? Мне больше не нужно! Нам с Егором достаточно!

— Ладно, ладно, — соглашается Макар, — они просто проследят, чтобы все было без проволочек.

На этом и сходимся.

Утром, когда распаивается дверь, я спросонья подозреваю Макара и уже готова

высказать все, что думаю о ранних визитах, когда навожу резкость и узнаю Наталью.

— Вернулась, что ли?

Она слегка улыбается, но видно, что не до шуток. Пьем чай с зефиром, болтаем о том о сем, она уходит... чтобы завтра снова вернуться в еще худшем настроении. Сосредоточенная, глаза лихорадочно блестят, резкими движениями выгружает из пакета фрукты.

— Тумбочку завалишь, — говорю я, но она не успокаивается, пока передо мной не предстает все содержимое пакета. И зачем, спрашивается? Все равно ведь пакет с собой брать не будет, оставит в палате.

— Не стоило покупать, — говорю я, рассматривая ассорти, — меня завтра выписывают.

Она, словно очнувшись, смотрит мне в глаза, долго. Пытается осознать, что здесь делает? Так и я не в курсе.

— Палата оплачена? — спрашивает Наталья.

Здесь мне нечего опасаться, Макар внимателен к деталям. Наталья несколько удивлена, что я так спокойно говорю о непрошеном любовнике, но не хочу ей ничего объяснять. Сейчас мне каждый врагом кажется, даже она. Возможно, она больше, чем остальные, потому что мимо воли примешивается старая ревность — ее рисунки Яр хранил в своей комнате, ее любил, пока я любила его. Возможно, он любил ее, пока был женат на двух других? Не знаю, и мне уже все равно, но сам факт.

— А жить есть где? — не унимается. — Если я правильно поняла, муж деньгами пока не поделился.

И снова не хочу ничего объяснять, не вижу смысла. Если в жизни еще пересечемся, сама узнает, а если нет — зачем болтать лишнее? И я говорю почти правду:

— Адвокаты выясняют последние нюансы. Это может затянуться на неопределенное время, но мне найдут, где жить.

Почти не вру, ведь адвокаты действительно будут.

— Ясно, — чуть слышно шепчет Наталья и вдруг решительно говорит: — Ко мне переедешь.

Матвей и это просчитал, вот удивительный человек. Он знал, что так и будет, что она захочет от него уйти, и я единственная, кому скажет адрес. А что же я? Сыграю против нее? Или вничью? Мне не за что любить мужчин, мне не за что им потакать, и если девушка пока не готова, пусть бегаёт, пусть загоняет охотника в расставленный им капкан. Она уже почти в дверях, когда я окликаю ее, и спрашиваю небрежно:

— Ты бы хотела вернуть все, что было?

— А что у меня было?

Настораживается, шаг назад, смотрит пристально, а я изображаю простодушие, которого почти не помню. Видимо, добиваюсь своего, и получается скверно, но чтобы наверняка, я буднично говорю:

— Ну да, конечно, я поняла. Прости, что спросила.

Наталья бросает взгляд на дверь, словно за ней кто-то прячется в ее ожидании, на окно, словно думая выпрыгнуть, и я почти осязаю нетерпение, желание броситься прочь на высоких каблуках. Лиса, вдруг понимаю я. Она — лиса, так пусть же, как и в сказках, обведет вокруг пальца своего волка.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Нет, не хочу, уже сказала, между строк. А вслух несу банальность, пожелания, чтобы все у нее получилось, тра-та-та.

— Я поняла тебя, — говорит Наталья и уходит.

Я думаю, мы больше не увидимся. Судьба свела, когда была необходимость, а сейчас дороги разные, хотя как знать, возможно, в одном из переулков мы и пересечемся.

А вечером, как я и думала, мобильный высвечивает номер Матвея. Разыскивает Наталью, спрашивает не давала ли она мне свой адрес. И я вру искренне, что да, была, но адрес не оставляла. Он мне не верит, думает, Наталья не могла вот так, бросить в беде постороннего человека, а мне ужасно хочется сорваться и закричать ему в трубку, так громко, чтобы лопнули барабанные перепонки: а почему же не могла? Почему? Другие же смогли? И я им не была чужой...

Сворачиваюсь ежиком на постели и наконец даю волю слезам. Ну ну же! Но слез больше нет. Лежу с закрытыми глазами, не реагируя на шорох, чьи-то шаги, и только вздрагиваю от неожиданности, когда меня со спины обнимают детские руки. Едва не ляпаю: «Святослав?», но вовремя вспоминаю верное имя.

— Егор, — я оборачиваюсь и обнимаю его, а он терпит мои нежности, не вырываясь, а наоборот.

— Привет, — улыбается белозубо, снимает с ноутбука фрукты, возмущаясь, кто это додумался их туда поскладывать. — Давно на почту не заглядывала?

Пытаюсь вспомнить. До больницы просматривала, а так — мне все равно никто не пишет, и вот когда Егор принес ноутбук, я только фотографию их с бабушкой увидела и все, раскисла. А он включает ноутбук, такой довольный, что жуть. И нарядный, замечаю — в костюме цвета беж, белой в полосочку рубашке, а главное — при бабочке! Она такого насыщенного синего цвета, что кажется настоящей, только взмахнуть крыльями и взлететь! Ой, бедные девчонки! Ой!

— Да больше месяца выходит, а что?

— Что-что, — дразнится Егор, и поворачивает ко мне экран, щелкнув клавишей.

Какое-то время я не могу понять, что он хочет мне показать. Потом начинаю читать, сбиваюсь, качаю головой и возвращаюсь к началу. Нелепица какая-то. Моя личная почта, то есть, Егор знает пароль, но поразительно не это.

Я все-таки дочитываю до конца и ошарашено смотрю на Егора, а он мне деловито кивает:

— Да, да, твою сказку взяли в журнал, и тебе все-таки придется поделиться своим гонораром!

— Прямо сейчас? — уточняю я.

— Нет, после почтового перевода. Они же не могут выслать его на мое имя, сама понимаешь.

— Ага, — киваю, и думаю, а понимает ли мальчик, насколько у нас в стране авторские гонорары низкие и как бы сделать так, чтобы он не сильно расстроился? Утешит ли его, что я не буду претендовать на свою половину?

Ох, вряд ли.

Я, невзирая на его легкое сопротивление, прислоняю его голову к себе, глажу как строптивного котенка и говорю едва ли не впервые искренне за последние несколько дней:

— Что бы я без тебя делала? Ты у меня самый лучший.

И, видимо, на этой позитивной волне мальчика тянет покаяться на полную.

— Я знаю твой пароль от почты, потому что я же отправлял с твоего адреса сказку.

— Я не сержусь.

— Правда?

— Мне все равно кроме этого издательства никто не пишет.

— Ну...

Он затихает, и так подозрительно, и такие нехорошие предчувствия меня обуревают. Я перестаю ерошить его волосы, но Егор все равно смотрит на меня котом, переевшим соседской сметаны.

— Рассказывай, — предлагаю я.

— Все-все? — уточняет он и после моего кивка, со вздохом продолжает: — Тебе писал главный редактор одной газеты, помнишь?

Ну что-то такое припоминаю. Он предложил работать у него, если мне интересно общение с людьми. Я, помнится, отказалась. Или собиралась отказаться. Ну в общих чертах как-то так.

— И что?

— Ты так ему и не ответила.

А, все-таки не ответила. Но точно помню, что собиралась отказаться.

— И что? — повторяю.

Егор на всякий случай отодвигается, потом для верности отходит к двери на два шага — в прыжке не достанешь, и с улыбкой шкодника говорит ласково, как доктор буйнопомешаному:

— Так вот, я от твоего имени согласился, и он ждет твоего звонка, чтобы вы встретились и оговорили условия работы. Он знает, что ты в больнице, я написал ему, так что не слишком торопит, хотя эксклюзивное интервью соблазняет его ускорить вашу встречу.

— Эксклюзивное интервью? — переспрашиваю, а в это время прокручиваю, смогу ли я достать эту шкodu ходячую в два прыжка или он успеет скрыться за дверью, щелкнув меня ею по носу?

— Ну да, — делает с опаской еще один шаг от меня. — Эксклюзивное. Я уже как твой агент пообещал, что ты сможешь.

— Агент?

Я откидываю прочь одеяло, приподнимаюсь и... Маленький нюанс, чисто как стимул для прыжка:

— А с кем у меня интервью?

— С кем — с кем. — Еще один шаг мальчишки назад и такое невинное ворчание. — С Самарским Ярославом Владимировичем, с кем же еще?

И я делаю рывок, чтобы кое-кого задушить от наплыва благодарности, но он ускользает.

— У меня депутатская неприкосновенность! — кричит, удерживая дверь с той стороны. — А у тебя не работа, а мечта! Напишешь все, что думаешь и хочешь сказать моему брату, и еще и денег заплатят! Нам нужны деньги! Мы не можем себе позволить ими разбрасываться!

Когда дверь поддается, ухватить за ухо некого, потому что все, что я вижу — пятки на горизонте. Работу он мне нашел, агент. И вот интересно: за что я люблю этого бесенка? Ведь абсолютно не за что!

Стою, смотрю в пустой без него коридор, злюсь вроде бы, а губы расползаются в улыбке...

Иногда хорошие новости вместо логичной и ожидаемой радости приносят растерянность и головную боль. Уже около часа я держу на ногах ноутбук, стираю ладонью с его черной крышки несуществующую пыль и собираюсь набрать Егора по скайпу. Но чем дольше думаю, как правильно все объяснить мальчику, тем путаней все становится для меня самой.

Как сказать ему о Макаре? Как объяснить, почему не только вижусь, но принимаю помощь, и прощаться не собираюсь? Мальчику всего тринадцать, иногда он ведет себя согласно своего возраста, а иногда кажется едва ли не старше меня. Не говорила бы, не объясняла ничего, но он ведь в курсе того, что произошло между мной и его братом, а завтра врач сказал — меня выписывают; Егор с Макаром непременно столкнутся, и что?..

Егор, скорее всего, бросится драться. Макар... теперь я думаю, он не ударит в ответ ребенка, займет оборонительную позицию, но все равно это не выход. Мне нужно как-то подготовить своего маленького защитника, найти слова, чтобы он понял, а значит, несмотря на грязные нюансы, придется снова поднять тему моей измены.

На улице сгущается ночь, и даже думать не хочу, чтобы просить Егора приехать, пусть и не на общественном транспорте. Дорога скидок на возраст не делает. Пусть лучше дома будет, в тепле и безопасности, и мне чуть проще вернуться к прошлому через экран: иллюзия как будто и не возвращаешься.

Я вижу, что Егор онлайн, но на звонок долго не отвечает. Десятка два навязчивых гудков и наконец он появляется: взъерошенный, но вроде не в пижаме.

— Привет, — подпираю подбородок ладонью.

— Привет, — подпирает свой.

— Не спишь, повторушка?

— Да нет, мисс «слишком завышенное самомнение». — Хихикаем оба, как первоклассники. — А ты хотела пожелать мне спокойной ночи?

И не упрек, я знаю — не упрек, а все равно что-то за душу (вот ведь, живучая) дергает. Он ведь когда в больницу пришел, сбежав из Англии, сказал: беду почувал, потому что я никогда о нем не забывала. А я... И ноутбук принес, а я не звонила. Сама приучила, что он нужен, что достоин любви, и что люблю его, но замкнулась в своей боли, пестовала ее вместо того, чтобы тянуться к живому и близкому — совсем как сериальная героиня.

— Хотела, — сглатываю ком в горле от мгновенной веры в его глазах, — только и поговорить нужно.

— Нью-ню?

— Сейчас.

Я так и думала, что снова все слова растеряю. Мне легче с ручкой и бумагой общаться, с клавишами ноутбука, чем с человеком, особенно если он дорог.

— Егор, понимаешь...

— Я постараюсь понять.

И улыбается так тепло и смотрит так доверчиво, что хочется обнять его, забыв о подставе с редактором и интервью; затискать, ухватить за впалые щеки. Нельзя мне брать его к себе — разбалую, ох, разбалую этого обормотика.

— Может, по чарочке для храбрости? — подмигивает Егор.

— Я тебе выпью! — грожу кулаком.

— Ну начинай тогда, а то инфаркт заработаю.

— Что так?

— А догадаться самой не судьба? Переживаю за тебя. Вот куда ты опять вляпалась?

Выкладывай давай, вместе подумаем, как выкрутиться. Ой, подожди!

Подскакивает, на секунду исчезает из видимости, возвращается после характерного щелчка щекотки.

— Собралась с мыслями?

Не то чтобы очень, но не встречать же рассвет с ноутбуком на коленях.

— Хочу поговорить с тобой о Макаре, — решаюсь я и наблюдаю немного жутковатое зрелище. Вот по ту сторону экрана с тобой разговаривает обычный ребенок, дурачится, бросает сленговые словечки, а вот тебя разглядывает старец. А человек один.

— Конечно, я бы предпочла, чтобы ты не был в курсе того, что случилось...

— А я бы предпочел, чтобы с тобой этого не случилось...

И мне приходится приложить усилия, чтобы не раскваситься, а продолжить говорить. Рассказываю Егору почти все, что узнала от Макара. Подозрения и участь тестя со свекровью в устранении жен Яра оставляю себе — не хватало вконец расшатать шаткие отношения Егора с родителями, но он ловко считывает между строк, потому что первое, что спрашивает, когда я замолкаю:

— Моих подозреваешь?

Солгать нет сил, и выгораживать их не могу.

— Я так и думал. Не хочешь поговорить с Ярославом?

— Нет!

— И больше его не любишь?

Дышать становится невыносимо. Мне кажется, я снова голая на заднем дворе, царапаю влажную землю и сыплю горсть за горстью на себя, чтобы согреться. Мне кажется, я дико кричу, когда по онемевшим лодыжкам стекает жизнь моего ребенка. Мне кажется, меня рубают на части слова любимого мужчины, что он не может больше ко мне прикоснуться. Мне кажется, я вновь умираю, когда смотрю на мальчика, просящего быстрее придумать ему имя. Мне кажется, схожу с ума, когда улавливаю тень... знакомую тень...

Моргаю. Нет, мне все же показалось, и слава Богу, я второй раз не смогу перейти через край и вернуться. Лицо Егора непроницаемо, но лампа неудачно отсвечивает, делая его слишком бледным.

— Макар мне нужен, — говорю ему.

— А я?

— Тебя я люблю.

— Ты хочешь, чтобы я жил с тобой?

— Хочу, чтобы ты был счастлив.

— А ты?

— И я, — после паузы и явного недоверия в темных глазах, добавляю: — Я попытаюсь.

— А я помогу.

И ощущение такое, словно дает клятву. Мой маленький защитник. Мой настоящий воин. Посылает мне воздушный поцелуй:

— Я потерплю Макара, пока он тебе нужен. Спокойной ночи, Злата.

— Спокойной ночи, чудо.

Хотя какая там спокойная ночь: одни кошмары. То снова замуж выхожу в джинсах и майке, то второй раз лишаюсь девственности на белоснежном ковролине, то признаюсь в любви, а в ответ слышу, что нужно подумать... Еще немного и приду к мысли, что ничего нет ужасней самой жизни, а выдуманные страхи — так, пустяк.

Устав переживать одно и то же, рассвет я все-таки встречаю с ноутбуком, на сайте копирайтеров. Казалось бы, забавно думать о мизерном заработке, если тебе грозят миллионы и журналистская карьера, а я вот чувствую, что здесь мое, пусть даже я пока ничего не умею.

— Привет! — врывается глотком свежего воздуха Егорка.

— Привет! — приобнимаю и показываю, что обнаружила.

Он выслушивает, хмуря лоб, а потом одобрительно кивает.

— У тебя обязательно получится.

— Спасибо.

— Ой, было бы за что? Это не комплимент, я говорю то, что думаю.

— Значит, спасибо, что не держишь лестные для меня мысли в себе.

— А, ну если так... — соглашается с доводами.

Большинство моих вещей так и пролежали в сумке, поэтому сборы недолгие, и когда в палату заходит Макар, я не мечусь лихорадочно, а наблюдаю за ним и Егором. Остановились напротив друг друга. Молчат. Взгляд одного испепеляет, второго — невозмутим.

— Это ненадолго, — с угрозой говорит Егор.

— Ты или я? — спрашивает Макар.

И оба оборачиваются ко мне.

— Ну едем?

И обоим мой ответ не устраивает, но Макар берет сумку, Егор — мою ладонь и мы выходим. Медсестры провожают не только взглядами, а успевают прыгнуть в лифт, и пока идем к машине, шепчутся в спину.

— Чего это они? — удивляется Егор, оглядываясь на стайку раскрасневшихся девиц.

Я киваю на впереди идущего Макара, и удивление Егора ширится вместе с глазами.

— Влюбились? — шипит мне в плечо. — В него?!

Улавливаю взгляд Макара, когда ставит сумку в багажник — ему едва удастся сдерживать смех. Но мальчик кажется таким серьезным, обдумывая дилемму: как можно влюбиться в Макара, если вокруг полно других мужчин? Усаживается на заднее сиденье, мне оставляет место впереди, заботится, чтобы удобней. Скривившись, осматривается по сторонам и принюхивается, словно ожидая, когда из-под сидений выскочит скунс. Машина как машина. А, осеняет меня, показывает хоть таким образом отношение к Макару, ведь в остальном обещал мне сдерживаться.

Я практически тоже сажусь в салон, когда слышу окрик:

— Злата?

Обернувшись, вижу девушку, которая спешно идет ко мне. Лицо кажется смутно знакомым, но не могу вспомнить, где виделись, пока она не подходит совсем близко; в пуховиках все на одну фигуру.

— Не узнаете? — улыбается приветливо и совершенно не стыдно признаться, что да, не узнаю. — Светлана, медсестра, помните, вы огрели зав. больницы скоросшивателем, когда он... — замечает в салоне авто мальчика и замолкает.

Ну да, при детях лучше не говорить о притязаниях мужланов.

— Светлана, — вспоминаю я, — да, точно.

— Я теперь здесь работаю, — кивает на больницу. — А вы? Что...

— Я здесь лежала, — натянуто улыбаюсь, — потеряла ребенка.

— Ох, мне так жаль!

И пусть мне не нужны ее сожаления, они кажутся искренними. Мы обе думаем, как лучше расстаться. Она пытается найти слова, извиняясь за бестактность, я пытаюсь отговориться, что все нормально и потихоньку, слыша громкий шепоток медсестер, закипаю. Они обсуждают пуховик этой девушки, клюют, как всех новеньких и не стервозных, они говорят, что она так же страшна, как и бедна, и мне хочется чем-то бросить в них. Лучше грязью, после дождя она славно прилипнет к их черноротым лицам.

Чтобы унять злость, отворачиваюсь и...

Нет, мне только кажется, что я вижу машину Яра, потому что таких множество, красный цвет один из самых распространенных, а «Ягуар» это или нет, я не различаю.

Светлана замолкает, уверена, пересуды медсестер ей тоже слышны прекрасно.

— Извините, — неловко пятится. — Извините, Злата, что я...

— Подождите, — хватаю ее за руку. — Можете дать свой телефон еще раз? Потому что столько всего случилось, и я не знаю, где номер, что вы мне записывали.

Она с радостью распахивает огромную сумку на все случаи жизни, выуживает из нее потрепанный блокнотик, ручку, оставляет свои координаты. Пытаюсь дать ей свой номер, но она говорит, что мой у нее есть и машет неопределенно рукой. Я понимаю без слов: она не будет звонить мне, а мне почему-то не хочется ее отпускать. Но ей пора, это нам, безработным, можно праздно разгуливать по городу.

Кстати, город...

Проводив фигурку девушки взглядом, задираю голову вверх и ловлю открытым ртом пахнущую дымом морось. Хорошо. Так хорошо, как будто жива. Ну что же, значит, попробуем.

Сажусь в машину, и мы оставляем за спиной, надеюсь, не просто больничные стены и часть меня, но все мое прошлое. Смотрю на город через окно и вдруг мелькает мысль: а если бы я не приехала? Что было бы, если бы не приехала сюда? И стоит ли город жертвы в виде моего ребенка?

Случайно в зеркало улавливаю красную машину. Не разбираюсь в них, но сердце бьется как ненормальное: мне кажется, машина Яра, мне кажется, он едет за мной... а что если он хочет вернуть меня?! Почти панически вцепляюсь в сумочку, оглядываюсь.

— Что? — спрашивает Егор.

— Машина, — говорю я.

Но мы как раз на перекрестке уходим влево, а красная машина проносится прямо, и обернувшись, Егор не видит ничего подозрительного. Да и я успокаиваюсь. Вдох-выдох, вдох-выдох. Макар заботливо подает мне воду и взгляд его спокоен, как у удава, а я накручиваю себя, мне кажется, я вижу упрек, мол, и ты еще собиралась тягаться с Самарским?!

Я отворачиваюсь, смотрю бездумно в окно, дыхание выравнивается, мы почти подъезжаем к моему новому дому, когда Макар говорит:

— Тебе придется с ним увидеться.

И город перед глазами сливается в одну серую массу.

— Ты будешь не одна, встреча с адвокатами, — утешает, как может.

— И со мной! — выкрикивает Егорка.

— Скажи, когда будешь готова.

Я нервно сглатываю. Я думала, денежный вопрос уладят без меня адвокаты, я думала...

А, впрочем, как же я планировала мстить, не мелькая у супруга перед глазами? Часть плана, что задумала, как раз таки с этим и связана. Мне страшно, я боюсь, что не выдержу, и хорошо, что первая встреча у нас будет среди людей. Он не посмеет ко мне прикоснуться, и я не сломаюсь.

— Завтра? — не хочу оттягивать неизбежное. — Завтра получится устроить встречу?

— Я поговорю с адвокатами, — кивает Макар.

— А кто предупредит... Яра?

— Они и предупредят.

Выходим из машины. Егор осматривает с заметным любопытством двор, а я, случайно бросив взгляд назад, замечаю красную машину у крайнего подъезда. Но... нет, успокаиваюсь, нет, она здесь стояла еще до нашего приезда.

— Ну как тебе? — беру Егора под локоть.

— Деревьев много, дышать есть чем, — одобряет дворик.

Квартиру осматривает с не меньшим энтузиазмом, но ничего не говорит. Я останавливаюсь в дверях комнаты.

— Твоя. Мне — зал. Договорились?

Мгновенно расцветает улыбкой.

— Моя? Seriously?

— Так радуешься, будто у тебя никогда не было своей комнаты.

— Была. Под крышей. Как у Карлсона. Я занял ту, что никому не была нужна, а здесь ты отдаешь мне ту, что и тебе хотелось бы занять.

— Люблю побольше пространства, — отмахиваюсь.

— Ты врешь.

— Да, — соглашаюсь, — вру.

Он обнимает меня, прижимается крепко, обдавая горячим дыханием, и думается с удивлением: да какая разница, где жить? Можно и в коридоре. Главное — кто с тобой рядом.

— Слушай, — осеняет меня, — а ты на чем в больницу приехал?

— На брате.

— То есть... тебя привез он?

— Да прям! Машина привезла! — дурачится дальше.

— Красная?

— А то ты видела его на другой? — ехидничает Егорка.

И если бы он не поддержал меня, я бы там и рухнула — так предательски слабеют колени. А, может, прав Макар и кое-кто мне не по зубам? Нет, сдавшийся без боя пусть ложится сразу в морг, а я оттуда улизнула — посражаемся.

На кухню нас выуживает запах кофе. Но когда мы приходим, Егору, вопреки кислой рожице, достается свежесжатый сок, а мне — зеленый чай. Макар невозмутимо пьет напротив нас дурманящий кофе. Явно не из пакетика, как в прошлый раз.

— Пейте, пейте, — усмехается, когда мы переглядываемся, и в качестве маленькой компенсации подсовывает к нам тарелку с горячими бутербродами.

— Пятьсот калорий, — грустно сообщаю я, выбирая побольше.

— Не мешает, — тянется за вторым Егор.

Пока жуем, Макар рассказывает, что поговорил с адвокатами, те в свою очередь — с адвокатами Яра, и встреча завтра в час.

— Подходит?

— Вполне, — говорю я.

— Слишком рано! — возмущается Егор. — А выспаться? А в магазин за диктофоном съездить? Да, да, — кивает, видя мой растерянный взгляд. — Когда ты собираешься брать у него интервью?

— Не завтра же!

— А когда?!

Макар рассматривает нас как двух идиотов, пока мы жестко спорим, а потом говорит очевидные вещи, что диктофон сейчас есть в каждом мобильном телефоне, даже в моем, и что если я не планирую делать журналистскую карьеру всерьез, нечего загружать себя барахлом. Мы успокаиваемся под логичными доводами.

— Не передумал жить со мной? — интересуюсь у Егора.

— Нет. С теми, кто тебе безразличен, не спорят.

— Мне, пожалуй, пора, — говорит Макар, и я не спорю, а Егор и подавно.

Пока стоим в коридоре, раздумываю: поцеловать или нет? Но он с улыбкой кивает, говорит короткое: «До завтра», и выходит за дверь, оставив перед зеркалом свой ключ. Не будет между нами поцелуев, не будет ничего, вдруг понимаю. И облегченно выдыхаю. Оказывается, я подсознательно боялась, что они будут.

Ну что ж, от этих отношений я тоже свободна.

— Егор! — кричу на всю квартиру. — А как ты смотришь на то, чтобы мы в такой прекрасный денек не сидели дома?

— Иди сюда! — отзывается с кухни.

Иду. Стоит у окна, манит меня небрежно пальчиком. Когда оказываюсь рядом, отодвигает алую тюль и кивает на улицу, где ветер гонит по мокрой от дождя дороге последние листья, где дождик вынуждает прятать лица под зонтиками.

— И это ты считаешь прекрасным деньком?!

Распахиваю форточку, сдерживая пафос, мол, пока жив, все дни прекрасны. Я сама только пытаюсь этому научиться.

— Да, — говорю просто, — это.

Он с сомнением смотрит на улицу, а потом, видимо, понимает.

— Пойдем, — говорит, — померзнем.

И на душе становится тихо и тепло до приятного жара. Меня не волнует ни завтрашний день, ни встреча с адвокатами, ни поездка домой, я даже почти не думаю о красной машине, которую прекрасно видно из окон нашей квартиры.

— Только давай ты теплей оденешься, — командует Егор, когда расходимся переодеваться к прогулке. — А то твой плащ совсем тоненький.

И переодевшись сам, выходит проверить, выполнила ли я его наказ. А я в кожаной куртке, новых джинсах, которые тоже великоваты, но здесь хотя бы можно сделать вид, что так и надо; и белых утепленных кроссовках.

— Ну как? — жду одобрения.

Егор показывает большой палец и мы, подшучивая друг над другом, выходим из

квартиры. Я отдаю один ключ мальчику.

— Твой, — говорю, — пока не сбежишь.

— Ага, — усмехается, — жди!

И на такой позитивной ноте выходим из подъезда. Машины красной нет. Ну что ж... Немного легче, но не от того, что нет машины, а что я была готова к встрече даже сегодня. Егор командует в кино, и я не вижу причины спорить, тем более что попадаем на мультики. Зал полупустой, еще не вечер, и наш дружный хохот отталкивается эхом от стен. Но громче всех слышен попкорн.

— Да ты хомяк! — щипаю за щечку Егора.

— Завидуешь, что в меня больше влезает! — ничуть не смущаясь, запикивает за щеку новую горсть попкорна.

Бутылка коки у нас одна на двоих. Я знаю, мама мальчика сказала бы, что кока — это ужасно, и даже минералка для ребенка зло, но он, во-первых, не будет так питаться каждый день, а, во-вторых, уж лучше я бы не вспоминала о ней. Такое настроение насмарку!

— И что случилось? — пихает в бок Егор, когда после сеанса мы выходим на улицу и подкидываем друг другу подвернувшийся камешек кроссовками.

— Да так, подумалось.

— О чем?

— Уверен, что со мной тебе лучше?

— Нет.

Я останавливаюсь, и тысяча вопросов крутится на языке, но Егор и сам поясняет:

— Мой брат живет богаче, дом у него больше — это и ежу понятно. Но дом очень большой и посторонних в нем так много, что, наверное, на фоне всего этого я терялся.

— В каком смысле?

— В том смысле, что брат меня не замечал. Ему было без разницы: есть я или нет, он от других узнавал, как у меня с занятиями, и на этом считал братский долг выполненным. Я знаю, что он вовсе не обязан со мной возиться и разница в возрасте у нас слишком большая, чтобы дружить, поэтому не в обиде. А ты меня любишь. Тебе не было плевать, когда меня отправили в Англию, ты не забывала звонить даже туда, ты не ругалась, что я устроил тебе интервью с Ярославом.

— Ну за последнее я думала тебя прибить.

— А что же не прибила?

— А что бы я без тебя делала?

Довольный, улыбается. Идем, бросаем камешек дальше, пока он не сбегает от пинка в большую лужу. Такая умиротворенная тишина, именно городская: вокруг чирикают озябшие воробьи, гудят трамваи, трутся шины авто, диспетчеры зазывают в маршрутки, падают дырявые листья на темные шевелюры, и вдруг звонок на мобильный. Судя по мелодии, кто-то чужой. И не хотелось брать, а привычка: а вдруг, думаю, кому-то срочно понадобилась. Ответила. На свою голову. С минуту приходила в себя от потока ультразвука, слова разобрать не могла, а потом узнала голос, а потом вникла в суть и все, пыталась, я действительно пыталась сдержаться, но не смогла.

— Ой, — икнула, отсмеявшись, в трубку, — то ли еще будет, Марьяна Альбертовна!

И положила в сумочку телефон с опешившей от моих слов свекровью.

— Мама? — удивленно спрашивает Егор.

— Ага, — поддакиваю.

— Чего звонила?

— Ну как тебе сказать? — пытаюсь тщетно подобрать слова. — Наверное, поздравить?

— Тебя? А с чем?

— Поздравить нас, — вношу поправку. — С дебютом. Твоя мама прочитала сказку в журнале.

И была не просто в гневе, она пропиталась злобой. Потому что сказку ей прочел никто иной, как наш посол в Нидерландах. Свекровь сказала, что за чашкой чая, но думается мне, с чего бы взрослые люди сказками под чай баловались? Нидерланды вообще не чаями, а больше травами славятся. Так вот, прочел посол ей сказочку о любви гнома и феи, о каменном сердце, о ночи с царем Аида, и показал ей имя автора невинной сказочки, выписанное жирным шрифтом: Самарский Егор Владимирович. И поинтересовался: а не однофамилец ли часом? Не может ведь тринадцатилетний благовоспитанный мальчик писать такие вольности?

Свекровь каким-то образом вычислила меня. Наверное, по принципу, кто крайний — невестка, и так была возмущена, что у меня опять хорошее настроение! Нет, Егор, конечно, не писал эту сказку — здесь она послу не соврала, но знала бы она, как ее сын быстро печатает на ноутбуке под диктовку! И что под тем же именем в журнал отправлена вторая сказка, о неверной любви Песочного принца и вообще о любви де труа.

А мне, кажется, снова начинает нравиться жить: такие сюрпризы, так дышится вольно, и так пьяно от маленькой мести...

— Куда теперь? — натягивая капюшон, спрашивает Егор.

— В магазин за шоколадным тортом, — говорю, — и домой, греться.

Бежит впереди меня по тропинке, в магазине притопывает, пока выбираем торт, у нас у обоих все чудесно и лучше всех. Но беззаботность улетучивается, когда сворачиваем в наш дворик и через два подъезда я снова вижу красную машину.

— Егор, иди домой и ставь чайник, — передаю мальчику торт. — Я скоро буду.

— Куда ты?

— Хочу поговорить кое с кем.

Он пожимает плечами и без дальнейших расспросов заходит в подъезд. А, значит, я права, и это машина Яра, потому что будь там кто-то посторонний, он бы вряд ли оставил меня одну. Ну что же, не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня — так, кажется, учили нас в детстве.

Я не боюсь. Я отбоялась свое. Мне просто плохо и невыносимо больно, но я радуюсь боли, потому что она свидетель, что я существую, что не мираж, не тень, а именно я иду к машине, где сидит убийца моей любви и ребенка. За тонированными стеклами ничего не видно, но это мне не видно, а там, если и есть кто, видит меня прекрасно. Стучусь. И тут же дверь распахивается с моей стороны.

Он думает, я сяду к нему?

Или наоборот, уверен, что не смогу?

Оглядываюсь почему-то и сажусь в салон.

Прохладно, четкий запах сандала с грейпфрутом, и мне не нужно поворачивать голову, чтобы удостовериться: в машине Яр, и если только протянуть руку, можно дотронуться...

Я поворачиваю голову и забываю дышать от темных глаз, прожигающих насквозь. Сейчас, одну минутку, и я скажу ему, что думаю о преследовании и вообще...

— Привет, — опережает меня Яр, — что ты делаешь в моем районе?

Я онемела.

Не столько даже от странного заявления, сколько от голоса Яра. Спокойного, чуть насмешливо-удивленного, мягкого... как прежде. И на секунды мелькает ощущение, что мы вместе, просто я прогуливалась, а он заехал за мной, чтобы забрать домой. И что нас ждут и белый ковролин, щекочущий оголенную спину, и камин, у которого не сидели с лета в обнимку, и початая бутылка терпкого вина, так и не помню какого года. И не было ни длительной командировки, ни пространного ответа на мое признание, ни сонного зелья из трав, ни сцены ревности на кухне и моего дефиле на коленях по нескончаемым коридорам.

Есть он. Мужчина, губы которого просят о моих поцелуях. Есть я. Дарующая жаркие поцелуи. Есть мы, сплетенные ароматом страсти и моей первой любовью.

Но все это иллюзорный бред.

Нас нет.

Есть он. Мужчина, которого я ненавижу. Есть я. Сжигаемая изнутри жаждой мести. Есть прошлое, давящее могильной плитой. Есть некто, кому безумно хочу вернуть эту ношу.

Яр изменился. Нет, внешне так же красив, и волосы так же небрежно-ухажены, а что-то другое внутри. На уровне ощущений, если закрыть глаза и не видеть его усмешку, просвечивает нечто глубинное. Не знаю, как описать четче. Я вижу, что это он. Я помню все, что он сделал. Простить не могу. Да он и не просит об этом. Но за случившееся платим мы оба, и, кажется, его цена выше моей.

Качнув головой, прогоняю морок и перехожу в наступление:

— Твоя машина стояла у больницы, потом поехала за нами, а потом открыто красовалась под окнами нашей с Егором квартиры. И вот опять... опять... ты! И что вообще значит «в твоём районе»?!

Губы Яра прячут улыбку, и отвечает он серьезно и даже чуть строго. Так выговаривают нашкодившему котенку, которому и оплеуху дать жалко и за ус дернуть невыносимо хочется.

— Моя машина стояла у больницы, — склоняется ко мне, наверное, чтобы я лучше расслышала, — потому что я привез к тебе Егора. Я поехал за вами, — склоняется еще ближе, и запах грейпфрута дразнит не только мои вкусовые рецепторы, — потому что Егор оставил в машине сумку. Там вещи на первое время, потом я подвезу остальные. Хотел отдать, но вас и с мигалками не догонишь.

Хорошенькое объяснение. Макар, при всех его недостатках, осторожен в вождении, и гнать не будет, особенно, когда в машине ребенок. Не знай я лучше Яра, придирка со скоростью выглядела бы как ревность. А так... ворчит лишь бы ворчать, но вот одно понять не могу... Он собирается привезти вещи Егора... к нам?! То есть... я что, буду вынуждена лицезреть его на своей территории?! Поить чаем с какао?!

Да черта с два!

Мое негодование притупляется жарким дыханием, которое едва ли не касается губ, и голова идет кругом; тону, куда-то падаю...

— Открой глаза...

Дергаюсь от огненного прикосновения. Дыхание или поцелуй?

Тянусь рукой назад, но мерный голос успокаивает расшалившиеся нервы раньше, чем

мне удастся выйти. В нем ни намек на палящее дыхание, тем более — на поцелуй. Лишь отстраненная холодность, что мне гораздо удобней.

— В «моем районе», Злата — это просторечное выражение, и ты, как литератор, должна знать его значение. Помнишь, когда мы познакомились, я хотел привезти тебя в одну из своих квартир?

А мне и память напрягать не нужно. Салон машины тот же, и мужчина, у которого дремала на плече, и голос, запах — все как будто прежние... А я другая. Я не верю, что смогу расслаблено уснуть в его присутствии, и попросить наивно отвезти меня домой, не испугаться, когда исполнит просьбу по-своему. Нет, не смогу...

— Так вот, — выныриваю из воспоминаний под голос Яра, — одна из моих моих квартир в этом подъезде.

Зачем мужчине, у которого есть необъятный дом, держать квартиры в том же городе? Для шлюх, конечно же, для шлюх. И если бы не моя оговорка, то и меня бы он привез сюда. Премило, и скольких отымел, пока я была в больнице? А скольких обработал, пока с ним жила? Наврал с три короба, что на работе, жена-дуреха все равно не проверит и вуаля, секс на другой жилплощади. А что? Не только смена партнерши, но и обстановки. Противно, Господи, противно, а впрочем, пусть... возможно, в постели его любовницы лучше меня...

— Как видишь, никакой мистики, — заканчивает Яр, и все внутри меня бурлит от его холодности, от ровного голоса. От пряди, что дразнящее ниспадает на его лоб и словно просит, чтобы я поправила ее. От взгляда, за которым целый мир, мой мир, безвозвратно потерянный. От свитера крупной вязки, такого белого, что снег, увидев этот цвет, стыдливо бы окрасился розовым. От брюк, бросающих мне вызов своими стрелками: проверь, такие ли мы острые? От выпирающего кадыка, что искушал не раз язык опробовать его на вкус и жесткость.

Яр говорит, нет никакой мистики, а мне невероятным кажется, что я сижу в одной машине с ним, и время — вспять, хотя я знаю, это только видимость. Кукушку бы сюда, чтобы ответила: как долго я смогу себя обманывать? Когда пора мне освежить рубцы и в бой. Я — мирный воин? Да, была. Теперь я просто воин, даже если мне войны не хочется. Я просто больше плен не перенесу.

И я прокручиваю мысленно последние два месяца, возобновляя злость, вытягивая на поверхность ненависть. Квартира у него здесь! Надо же!

— А где вторая? Случайно не в подъезде через один?! — взрываюсь, но не чувствую облегчения. Гной не выходит, он застывает желто-белым комом в горле. Не верю в совпадения, хотя бывают, вот Макар рассказывал... но здесь не верю. Возможно, дело не во мне, а в человеке на соседнем сиденье. Он так спокоен, когда злюсь, киплю и жажду разозлить его!

— У меня не одна квартира, Злата, — нагло так улыбается, — и если переедешь в другой район, мало ли, после сегодняшнего, не удивляйся, если мы снова пересечемся.

Не удивляться? Да я, мягко говоря, буду в шоке! И главное — ни нотки раскаяния во взгляде, мол, не так выразился, то се. А, может, не осознает, как его фраза выглядит со стороны?

— Очень похоже на угрозу! — замечаю.

— Очень надеюсь, что мне не придется светить все свои тайные адреса, — плюет на мое замечание.

А что если я неправильно поняла, и пусть и маленькая, но есть такая вероятность? Не

может ведь он открыто говорить, что куда бы мы с Егором ни съехали, он непременно упадет на хвост? Нет, я не против, если относительно Егора — сын состоятельных родителей, хотят его оберегать, чтобы в случае чего сэкономить на выкупе. Но есть же службы охраны, есть детективы, а если Яр поближе хочет быть из братских чувств, кто им мешает встречаться на его территории? Делиться новостями лучше в большом доме, чем в нашей двушке. Она не для незваных гостей, она домашняя. Я не хочу, чтобы меня выслеживали. Я с детства не люблю повышенного внимания.

— Ну хорошо, — я скрещиваю руки, чтобы не видел, как дрожат, — в каком районе у тебя квартиры?

— Во всех.

— Так не бывает!

— У меня своя строительная компания.

— И что? Твоя компания строит дома по всему городу? А ты вместо того, чтобы продавать квартиры людям, сам их скупаешь?

— Зачем мне покупать у себя?

— А зачем тебе столько квартир?!

— Как знать, когда пригодятся, — и он еще мне усмехается!

С ним невозможно спорить. Я понимаю, я нутром чувствую, что встреча не случайна, но если оппоненту возмущение по боку, эмоции иссякают. Вот и мои так, медленно сходят на нет.

— Послушай, — перевожу дыхание, — я понимаю, ты хотел убедиться, где и как будет жить твой брат.

— Действительно понимаешь?

— Да, — говорю искренне, — я понимаю, хотя Егор и считает, что он тебе безразличен.

— Вот как?

Не собираюсь я его утешать. Саму бы кто-нибудь обнял, наврал, что худшее пережила, и теперь меня ждут лишь прогулки по радуге, а я поверю, и без страха вновь пройду по расколотым кирпичам.

— Да, я считаю нормальным узнать все возможные детали, если близкий тебе человек уходит жить к постороннему.

— Вот как...

Заклинило его на этой реплике, что ли? Хотя одна и та же фраза по-разному звучит; к примеру, сейчас Яр кажется расстроенным. Но с чего? Я для Егора посторонний человек, а вот люблю как своего, но это пусть останется между нами. Бывает так, все вроде бы логично и косноязычием сейчас я, как ни странно, не страдаю. Доступно говорю, и связно.

— Но, пожалуйста, — а здесь еще и проникновенно, — давай ты перестанешь маячить у меня перед глазами. Дом — это место, в которое хочется возвращаться, а если я постоянно буду видеть тебя...

Молчит, и даже, кажется, не моргает. Лишь жилка на виске пульсирует. Минута? Две? Как много пробегает мимо в ожидании. Боюсь пошевелиться, а под темным взглядом и вовсе статуей оборачиваюсь.

— Я услышал тебя, Злата.

— Правда?

И отмираю после кивка. Но что-то в его фразе не дает мне расслабиться, что-то неуловимое.

— Услышал и понял? — переспрашиваю.

— Да.

— Услышал, понял и так и сделаешь, как я прошу? — недоверчиво уточняю.

— Пока только первые два пункта, — усмехается.

Я так и думала, что будет подвох! Набираю воздуха побольше, чтобы выплеснуть накипевшее, но вдруг его ладонь проплывает в миллиметре от моих коленей, и... я сдуваюсь, как проколотый шарик, даже вроде бы издаю тихий писк. Но Яр не прикасается, достает из бардачка толстый журнал и обыкновенную шариковую ручку, кладет на панель, передо мной.

— Автограф дашь?

Мое удивление поднимается еще на несколько пунктов, ладошки чешутся прикоснуться к журналу — там моя сказка! А я еще не видела ее, так хочется пробежаться по буквам, наверное, украшенным картинками, а даже если и нет, даже если на серой бумаге, все равно любопытство зудит. Но я нахожу в себе силы не только не потянуться к журналу, но сделать вид, что вижу его в сотый раз и вообще.

— Я распишусь на документах о разводе, — бросаю небрежно, с толикой презрения, как я надеюсь.

— Ах, да, мы собираемся разводиться, — и слышен мне вопрос, а не утверждение.

— И ты при этом делишься деньгами! — мстительно добавляю.

Ну это-то должно его разозлить?! А он так смотрит, словно я на исповеди и он за все прощает на сто лет вперед. Но я хочу, чтобы он разозлился!

Мне надо, чтобы разозлился!

Ну же!

— Да, — мягко улыбается он. — Я дам тебе денег.

Он даст мне денег... Благодетель нашелся! Нет, не могу больше! Ненавижу! Я мысленно подкрадываюсь к его шее и сдавливаю, сдавливаю, заходясь в крике... Отбрасываю наваждение. Он жив. Он улыбается мне, и его улыбка ударяет в сердце, становится так больно, что если не отдать другому, не выдержу, забуду месть, себя, забуду все, что не могу простить.

— Жду-не дождусь, когда увижу, во сколько оценил смерть моего ребенка!

Я хлестко бью — осознаю по каменному лицу Яра, с которого как будто медленно сползает грим, улыбка тает, взгляд пустеет, и я впервые вижу на щеках трехдневную щетину, и две морщины, пересекающие лоб, а кожа его модно-бронзового оттенка оборачивается серой, безжизненной. И сам он словно исчезает. Вот оболочка, на соседнем сиденье. А Яра нет.

Крик застревает в горле. Я чувствую себя паршиво, мне дурно, голова гудит, лодыжки сводит судорогой. Я так боюсь, боюсь до одури, и жду, и бесконечно жду... Ну вот, я вывела тебя! Давай же!

Но он не бьет.

А я ждала как минимум пощечины...

Не бьет...

Откидывается назад, закрыв глаза. Щелчок с моей стороны упрашивает бессловесно выйти, а я сижу. Смотрю на профиль постаревшего на десять лет мужчины, пытаюсь осознать, что меня держит с ним? Я молода, могу родить ребенка даже после случившегося. Став состоятельной, могу ходить в мехах и от кутюр. В моей постели может быть с десяток

любовников, и более молодых, чем этот, и более страстных, а я...

Беру журнал, зачем-то ручку, и выхожу из машины.

— До завтра! — мягко хлопаю дверью, и победителем иду к своему подъезду.

Спина прямая, взгляд перед собой, походка от бедра, шаг легкий; меня ничто не убивает изнутри, ничто к земле не тянет, и ничего не вынуждает сглатывать слезы. Это дождь усиливается, а победители не плачут, верно? Потери пусть оплакивают побежденные!

В тени подъезда я безвольно опускаюсь на ступени, смотрю на запертую дверь, и не могу понять, откуда мне за воротник по подбородку и щекам скатываются дождевики и почему они так долго не просыхают?

Яр не ударил.

Но почему тогда я чувствую себя избитой?

Дверь с пискот открывається, но сил подняться нет. Прекрасное знакомство с новыми соседями, не правда ли? Подумаешь: устала я, присела, отдохну — пойду к себе, пока же не могу, и даже холод от ступеней не стимулирует.

В проеме появляется человек, и сделав шаг, склоняется надо мной, приподнимает, заглядывает в глаза обеспокоено. Хм, обеспокоено... Не знала бы, кто он — поверила.

— Чего тебе? — нет сил на вежливость, и отвернуться не могу, терплю рентгеновский взгляд.

А он не говоря ни слова, прижимает к себе, и дождь в подъезде усиливается, и гром гремит, или так громко кто-то плачет? Не я, вот бы не я, потому что при нем я слабости себе не прощу. И руки сильные, и в них не страшно, и на минутку, — нет, не больше, — я забываю о каньоне между нами. А потом вдруг память мне подбрасывает, — ох, очень вовремя, — одну лишь фразу...

— Не могу... — и тихий шепот.

Он не может ко мне прикоснуться после охранника. Он не может, пусть даже и не было у меня с тем охранником ничего. Он не знает, что не было, и так даже лучше. Ключевое здесь слово — не может.

А я могу.

Могу нести звание «шлюха на заднем дворике», могу пережить своего ребенка, могу уйти из объятий, в которых мне хочется быть. Господи, почему мне все еще хочется быть рядом с ним?!

Потому что я — тряпка.

Потому что меня можно выбросить, вытерев ноги, подобрать, когда выстирают другие, перевернуть на изнанку и... по новой?!

— Уходи...

Он как будто не слышит, а дыхание его как веревка удерживает, но я делаю над собой усилие, упираюсь в грудную клетку и прослушав всего два удара, — так мало, — отстраняю. Его глаз не видно, только чувствую, как затягивает бездна, и падаю в нее, падаю... Нет! Вырываюсь, не могу я больше. Быть может, ни с кем не могу...

— Уходи, — повторяю просьбу, только кажется, даже шепота нет, лишь шевелятся губы. Я не знаю. Мне все равно. Внутри все кричит, протестует, гудит наковальной сердце, когда вызываю лифт, захожу в него и смотрю на мужчину в дверях.

Я по эту сторону, он — по ту.

Если скажет хоть слово, я сорвусь, и он словно чувствует. Молча ставит в кабинку сумку с вещами, нажимает на кнопку моего этажа и уходит раньше, чем сдвигается дверь.

На этаж доезжаю сидя на корточках, тихо радуюсь, что лифт новенький, и не придется освобождать куртку от жвачек, плевков и других счастливых, которыми делятся благовоспитанные граждане. Егорка выбегает встречать, удивляясь, что я так долго, но, видимо, погода была прекрасна, царевна была ужасна — застывает с приоткрытым ртом.

— Муха залетит, — сжимаю ему челюсть двумя пальцами и отдаю сумку.

— Самому разбирать? — морщится.

— Да нет, — говорю, — можешь пригласить горничную.

Он уходит в комнату озадаченный, а я доползаю на полусогнутых в кухню. Пока ставлю чайник, кукушка озвучивает «три» дня. Я благодарно киваю и загружаю себя мелкими заданиями. К примеру, тщетно ищу кофе — такое ощущение, тот сбежал следом за Макаром. В итоге делаю зеленый чай и пью машинально, без удовольствия, пока не подхожу случайно к окну поправить тюль и... Отпрыгиваю зайцем: от окна.

— Кто там? — выглядывает из-за моей спины Егор.

— Никого.

— Ага, ага, — соглашается, — вижу.

Я слышу резкую тишину после того, как машина отъезжает от нашего подъезда. Вот ведь, олигархен, пешком сумку через подъезд пронести не мог! И то, радеть надобно, что в подъезд их состоятельное высочество сами зашли, а не холопов прислали.

Нет, не мой это мир. И слава Богу.

Куда приятней сидеть в обычной двушке, с улыбочивым мальчишкой, громко хлюпающим горячим чаем.

— Я чета кофе не нашел

— Я тоже.

Вздыхаем оба, а потом темные глаза лишаются грусти:

— Мы только чай пить будем или торт можно открыть?

— А ты что, — удивляюсь, — не ел его?

— Тебя же не было, — удивляется в свою очередь и вдохновившись реакцией, достает из холодильника торт. Сам нарезает щедрые куски, сам раскладывает по тарелочкам, из которых торт намеревается выползти, сам достает вилочки.

— Жаль, десертных вилок и ножа нет, — сетует.

— Да уж, — едва не поперхнувшись, поддакиваю, а сама пытаюсь вспомнить, как они вообще выглядят.

Мы пьем молча, только за ушами трещит от орешков, когда Егор тяжело вздыхая, признается:

— А я думал, ты так долго, потому что вы помирились, а у тебя тушь по щекам размазана.

Я кабанчиком мчусь в ванную, на ходу разбираюсь с орешком в сахаре, и недоуменно рассматриваю лицо в зеркале, пока удастся вспомнить, что я вообще не красилась. Умыться, правда, не помешает, глаза чуть припухли и красные, но и только.

Возвращаюсь на кухню, а Егор, ничуть не раскаявшись, прожимает плечами:

— На понт взял, ты же мне ничего не рассказываешь.

И не собираюсь больше вмешивать ребенка в наши отношения, он уже и так замешан по самое некуда.

— А знаешь, — говорит Егор, — он очень страдает.

— Умеешь ты улучшить аппетит, — хлюпаю на стол чаем с орешками. Приходится вытирать, подниматься опять же, бросать взгляд в окно, за которым ничего примечательного.

— Серьезно, Злата, — и как ему удастся уничтожить одновременно торт и мое терпение? — Я же с ним говорил. Он тоже, как и ты, отмалчивался, держал все в себе...

Он делает театральную паузу, думая, что я куплюсь на крючок.

— А потом что, исповедовался? — фыркаю.

Это не значит, что крючок срабатывает, просто как-то... мальчик подумает, что не интересен мне, а у детей такая тонкая психика.

— Нет, — качает головой, — открываться не в его характере, ты же знаешь.

— Откуда мне знать? — возмущаюсь, но запоздало, уже кивнула — и Егор это заметил.

— Ему без тебя плохо, Злата, я не видел его таким даже когда те две вертихвостки морочили ему голову, шантажировали, что беременны, лишь бы он простил, а сами шептались за его спиной с его же друзьями, что он даже ребенка заделать не может.

— Егор!

— Я же не виноват, что у меня есть глаза и уши!

— Но все равно так нельзя говорить.

— Я только повторил!

— Повторушка, — журю его добродушно.

— Весь в тебя, — расплывается в довольной улыбке.

Звонок нарушает наше умиротворенное уединение. Пока напряжно соображаю, кто бы это мог быть и втихаря выглядываю в окошко — не высадились ли из подозрительных красных машин подозрительно нежелательные гости, мальчик открывает дверь и похозяйски радушно зазывает кого-то войти. Гость шлепает босыми ногами, приближается к кухне и...

— Здравствуйте, Злата Юрьевна, — приветствует меня горничная Яра.

— Здравствуйте, — оставляю в покое торт.

— Егор пригласил меня разобрать его вещи. Можно?

Смотрю на мальчика, а тот как ромашка лепестки приглаживает после дождя — солнечно мне улыбается, даже зубы пересчитать можно.

— Ну, — говорю, с силой впихивая вилку в безвинный торт, — если пригласил, то пожалуйста.

Горничная благодарно сбегает, Егор предусмотрительно устремляется за ней, а я, после того, как проходит изумление, прыскаю смехом. Н-да, обстановку сменили, а замашки прежние. Тяжело же вам придется, Егор Владимирович, в мирских условиях. Или у нас не тихая обитель будет, как мне думалось, а проходной двор?

Через полчаса девушка заходит попрощаться. Егор, не дожидаясь пока она уйдет, вгрызается в щедрый кусок торта, и мне как-то неудобно становится за голодные глаза горничной. Усаживаю ее с нами, так сказать, почаяевичать за новоселье. Поначалу она сопротивляется и все величает меня по имени-отчеству, заставляя чувствовать неловкость: ее имени я до сих пор не знаю. А потом расслабляется настолько, что принимается болтать вплоть до моей головной боли: о детстве, о том, сколько у нее родственников, о церкви зачем-то, и заканчивает все это жалостливым всхлипом:

— А, знаете, я больше не работаю в доме Ярослава Владимировича. Он всех уволил.

И вот, рыдает у меня на плече, и ничего мне не остается, как утешать бедную девушку и обещать, что я не буду против, если Егор Владимирович еще пригласит ее для маленьких поручений. Я так растрогалась, что чуть не предложила ей у нас поселиться, но слава Богу, девушка из местных. Егор, ничуть нас не смущая, кладет себе в тарелку новый кусок торта. Интересно, спохватываюсь, проводив горничную, а детям можно столько сладкого?

— А что у нас есть кроме торта? — задает встречный вопрос.

Кладу второй кусок себе, и молча пережевываю. Вот ведь, я думала: он — неженка, а он — пожалел горничную и дал возможность подзаработать.

— Сколько ты ей заплатил? — интересуюсь.

— Пятьдесят баксов. Хотел дать больше, но тогда бы она догадалась.

Да, догадалась бы, и могла не взять денег.

— И откуда финансы? Бабулю нашу разводишь?

— Да прям! Бабуля выручила в экстренном случае, а на все остальные у меня есть старший брат.

— Но разве он не ограничил твои расходы?

— Только на то время, пока я мог сбежать из Англии, — хихикает. — А сейчас я очень богатый мальчик. Так что жить со мной выгодно, — подмигивает.

— В следующий раз платишь в кино.

— Ухтышка! — вдохновляется. — Договорились! И попкорн с меня. И кока. Две!

А это камень в мой огород: я купила ему молочный коктейль, к которому он не притронулся. Но вообще не жадный мальчик и азартный, и так хочет скорее стать взрослым, чтобы нести за других ответственность.

— А, знаешь, — оценивающе смотрю на него, — думаю, из тебя выйдет хороший посол.

— Пока не уверен, — бормочет он, — вот если у меня кое-что получится...

Егора от моих расспросов избавляет звонок на мобильный. Бабуля, шепчу, когда начинает крутиться в нетерпении. Он машет ей рукой привет, будто она его может видеть, а потом спохватывается и ворчит, что надо бабушке нашей провести интернет и подарить свой старенький нетбук и все, новая жизнь пенсионерам!

Бабуля усмехается, на все согласная, говорит, если внучек лично ей провайдера выберет. И вот моя ромашечка совсем-совсем расцветает и обещает вскорости приехать, уладить все технические вопросы и провести курс обучения. Бесплатно.

— В счет набежавших процентов, — поправляет его бабуля, и оба остаются собой жутко довольные.

И так расслабленно и умиротворенно у нас в квартире, до тех пор, пока меня не осеняет. Это как, интересно, Егор собирается со мной завтра идти на встречу с Яром, если ему в школу, наверное, надо?!

— Егор, — озвучиваю вопрос, — а тебе на сколько завтра в школу? Или ты с репетиторами занимаешься? Так надо позвонить им, сказать, что у тебя сменилось местожительства.

— Ууу, — грустнеет мальчик, отодвигая от себя торт и возвращая мне телефон с не менее расстроенной бабулей на проводе, — а так день хорошо начинался...

Бабуля выговаривает мне за строгость с ее любимчиком, но я — кремень. При мне Егор обзванивает репетиторов, при мне два раза пытается ошибиться подъездами и один раз — номером дома, но я терпеливо его поправляю.

Вот так-то, у меня не забалуешь. Учиться — значит, учиться! А я сама завтра... как-

нибудь... переживу эту встречу... с почти бывшим мужем.

— Довольна? — спрашивает Егор.

— Вполне, — и не скрываю своего довольства.

— Я тоже, — улыбается лисицей. — Мои занятия с восьми утра и до шести.

И, откровенно говоря, ни разу я не видела, чтобы кто-то улыбался сумасшедшей нагрузке. Но тайный смысл сей радости открывается в следующей фразе:

— А вот с двенадцати до трех, Злата, у меня перерыв, и я, естественно, успеваю на вашу встречу с моим братом. А ты думала, я тебя одну брошу?

— Нет, — говорю, заглянув в темные зеркала настороженного ожидания, — я знала, что ты — лучший друг на свете.

На этой благостной ноте мы, переодевшись, выдвигаемся в магазин за не такими сладкими продуктами, как уморивший нас торт. Надеюсь, мальчику понравится, как я готовлю, потому что выбора у него все равно нет, а повариху Яра в нашем доме я видеть не хочу. Позже, если подтвердится, что сонное зелье — ее рук дело, устрою нам встречу, а пока...

— А это будешь?

— Ага!

— А это?

— Конечно!

— Не знаю, куда нам столько?

— Съедем!

А пока мне так хорошо, что по боку мелкие сошки, не сумевшие втоптать меня в грязь. В этом мутном озере водятся золотые рыбки, и одна из них завтра поделится чешуей. Добровольно. Впрочем, это не значит, что я передумала сварить из нее уху. Подобрать бы рецепт побыстрей и попроще, и не пересолить бы — по старой привычке...

Ночью перекатываюсь с боку на бок: то ли от переедания сон не идет, то ли от навязчивых мыслей о завтра. Одно дело — сесть в машину Яра на чистом адреналине, и совсем другое — приехать на запланированную встречу. Так пафосно, с адвокатами и все такое...

Я утешаюсь аутотренингом, что мне и говорить-то не придется и смотреть в сторону мужа необязательно, со мной будут двое юристов-профессионалов, Егор (под вопросом), присутствие Макара как-то не обсуждалось, а я потерплю полчаса-час, подпишу о разводе бумаги и вуаля.

Кстати, о подписях...

Крадусь на кухню, поглядывая на прикрытую дверь в комнату Егора, включаю бра (да, здесь не хоромы, если хлопать в ладоши, так и провозишься в темноте) и, потянувшись, достаю с верха холодильника журнал. Усаживаюсь с чашкой чая (интересно, где все-таки кофе?), и на первой же странице обнаруживаю свою сказку. Не знаю, как описать эти ощущения. Восторг — слишком возвышенно; радость — приземленно. Недоверие, удивление вперемешку с внутренним возгласом: «надо же!», не дающим усидеть на высоком стуле. Подгибаю под себя ноги, прохаживаюсь от окна к столу, с кружкой и журналом, ага; снова сажусь и снова хожу. И так — пока рассвет, скользнув по страницам, не приводит в легкое замешательство: как, уже утро?!

— Завтракаешь? — Егор, зевая, потягивается, смотрит выжидательно.

— Доброе утро, — улыбаюсь ему.

— Доброе! — расцветает.

Забирается на стул напротив, тянет к себе журнал и «ухтышкает» и «ахает» так заразительно, что я заглядываю ему через плечо.

— Эх, — говорит, — это только начало! Вот я вторую сказку пристрою!

Но вспоминает о неполученном пока гонораре и энтузиазм спадает. Я утешаю, что издательство солидное, не обманут, а про себя думаю, что грех обманывать на такие мизерные суммы. Но Егора еще больше не огорчаю.

— Умываться? — прищуривается.

— Как хочешь, — отмахиваюсь.

Ага, так и думала: свобода и здравый смысл больше по вкусу, чем обязательство.

Пока он плещется в ванной, я ломаю голову на тему завтрака: упорно не могу придумать, чем правильно кормить ребенка. В таком задумчивом состоянии Егор меня и застает. Посмеиваясь, выпроваживает на водные процедуры и зубочистку, и говорит, что кормить женщину — мужская задача. Я сбегая с кухни, пока он не передумал. За полчаса размокаю до степени пофигизма, и высококалорийный горячий бутерброд наворачиваю с аппетитом.

— Так вот почему говорят, что женщина способна сделать из миллиардера миллионера, — поглядывая на второй бутерброд в моей руке, замечает мальчик. Но я стоически не давлюсь и даже взяла бы третий, а нету, а делать мне лениво, да еще и зевается наконец-то. Поглядываю на дверь в комнаты, но на этом джентльменские поступки заканчиваются, и две тарелки с чашками не только на совести мойки, но и моей.

Диван встречает меня теплом и нежностью. Зачем, спрашивается, полночи кругами ходила? Чай и утром попить можно, с бутербродами, так гораздо вкусней, чем вприкуску с журналом. Парю в объятиях Морфея, пока звонок не вынуждает открыть левый глаз, коим лицемерно мужчину с бородкой и портфелем, рассекающего наш коридор.

— Спи, это ко мне, — поясняет Егор, закрывая за собой и мужчиной дверь в комнату.

Я успеваю подумать, что надо бы поставить в зале двери, и снова падаю в сон, из которого меня выталкивает очередной звонок и очередной мужик с портфелем. Проводив его уже правым глазом, переворачиваюсь на другой бок и то ли репетиторы перевелись, то ли сплю крепко, реальность врывается с голосом Егора над ухом:

— Ты пять минут назад говорила, что встанешь. И пять минут до этого — то же самое. Я честно выждал, но оба раза ты солгала. Злата, пора собираться. Если помнишь, у нас сегодня очень важное и денежное мероприятие.

Я клятвенно бурчу, что если он даст мне всего минуту, я встану, но мальчишка противно гундосит о миллионах, встречах, о предстоящем разводе... Я вмиг спохватываюсь.

— А сколько времени?

— Макар заедет через двадцать минут. С учетом, сколько женщине требуется, чтобы привести себя в порядок, мы опоздали минимум на полчаса.

— Ааа, — откидываюсь на подушку, — рано разбудил!

И прячась от возмущенного взгляда, закрываю глаза. Не сплю, медитирую, настраиваюсь, что все пройдет хорошо, и когда уже почти себе верю, возвращаюсь в реальность. Я, видимо, совсем разрушаю представления Егора о женщинах, когда предстаю одетой и собранной максимум через пять минут.

— И что, так и пойдешь в джинсах и кедах?

— И с зонтиком, — киваю.

— А накраситься? — пытается придраться хоть к чему-нибудь.

— Не на свидание, — отбиваюсь. — А ты красавчик, — оценивающе рассматриваю синие брюки с множеством карманов и модный плащ под взрослого.

— Хотел бы я сказать то же о тебе, — ворчит под нос. — Вот что, кроме летнего плаща одеть тебе нечего? Простыть хочешь?

Но у меня, действительно, кроме плаща из верхней одежды только куртка, но она короткая и в ней еще холодней. Моя одежда в доме Яра. Впрочем, не моя, я за нее не платила.

— Прости, — Егор подходит, прижимается к моему боку и дышит в грудную клетку.

Догадливый мой мальчик, умный.

— Да не за что, — едва удерживаюсь, чтобы не взъерошить его короткие волосы.

Звонок Макара на мобильный расталкивает нас друг от друга. Не хочет подниматься — ждет внизу, и ладно. Не все же ему за ручку меня водить? Есть у меня провожатый: и лифт вызовет, и пропустит вперед, и дверь придержит.

— Как устроились на новом месте? — после обмена приветствиями интересуется Макар. То есть, поздоровалась я, а Егор сел молча на заднее сиденье, подвинулся, приглашая сесть рядом, уткнулся в окно и думает о своем. В принципе, я так поняла, они по телефону уже разговаривали, и все-таки напряжение ощутимо. И отвечаю одна я, хотя вопрос на двоих адресован.

— Отлично, — игнорирую кошачье фырканье слева, — спасибо.

И пока машина из-за тянучки медленно рассекает нескончаемую улицу, озвучиваю

волнующие вопросы. Как все это будет происходить? Мне надо говорить или лучше помалкивать? И что, Макар, действительно, собирается присутствовать вместе со мной?

— Да ничего не будет необычного, — успокаивает Макар. — Встречаемся в конференц-зале бизнес-центра, где у твоего мужа офис. Тебе говорить не обязательно — и лучше, если вдруг захочется, после подписей со стороны Ярослава Владимировича, чтобы не передумал. Это займет от силы полчаса, потому что юристы все уладили. Простая формальность. Из конференц-зала ты выйдешь свободной и богатой женщиной. Опять же, если не наговоришь лишнего.

Я по глазам вижу, что последнее он добавляет, чтобы пострадать, и мой мандраж улетучивается; наверное, побочный эффект.

— А ты, действительно, собираешься присутствовать? — настаиваю на последнем вопросе.

— Да, — удивленно приподнимает брови, — если хочешь.

И я не знаю, что ответить. Хочу ли я дразнить быка красной тряпкой, пусть даже говорят ученые, что бык цвета не различает?

— А разве, — мнусь, — твое присутствие не будет еще хуже, чем если я вдруг не по теме разболтаюсь?

— Да, да! — вдруг оживляется Егор. — А я все ждал, когда тебя осенит!

Макар бросает на нас странный взгляд и больше не отвлекается от дороги, хотя мы уже не едем и даже не тянемся, мы стоим в пробке без конца и начала.

— Опаздываем, — волнуется Егор.

— Похоже, — соглашается Макар.

— Перезвонить ему? Сказать? — спрашивает мальчик и тут же отвечает сам себе: — А он терпеть не может не пунктуальности.

Меня подначивает сделать все, чтобы мой благоверный вышел из себя и даже если пробка рассосется, опоздать назло. Но эта встреча мне нужней, так что быстро нахожу выход и даже тихо радуюсь, что автоматом решен вопрос с присутствием Макара.

— Мы выйдем здесь.

— Как? — удивляется мальчишка. — Пешком мы только к вечеру дойдем!

— Макар, притормози где-нибудь у обочины?

Машина кое-как вклинивается в правый крайний и останавливается.

— Ты что? И дальше мы куда? — пыхтит Егор, когда я приглашаю на выход.

— А дальше, — заглядываю в салон и шепчу доверительно. — А дальше... на метро!

Вы никогда не видели ежиков в шоке?

Незабываемое зрелище: глаза как два бильярдных шарика, нос вздернутый, уши почему-то торчком вместе с прической, а рот изображает все фигуры с линейки эллипса поочередно.

— Подтолкнуть? — участливо интересуется Макар, и этой фразой вынуждает мальчика, покрхтывая и постанывая, выйти из машины.

— Брр, — ощетинивается, — дождь начинается!

— Я вижу, — раскрываю над ним зонтик.

— Да что я, как девчонка, под цветастым зонтиком пойду?

Я уже посматриваю в салон на Макара с мыслью: а не оставить ли Егора в тепле и сухости, но он улавливает мой взгляд и быстренько выхватывает зонтик.

— Я понесу!

— Вот это по-мужски, — одобрительно замечаю.

— Злата! — окрикивает Макар, когда миниконфликт улажен, и мы настроены на прогулку к метро.

И мне немного неуютно под понимающим взглядом: да, бросила его, да, не хочу, чтобы он был со мной в эту минуту. Считаю лишним показываться с ним на глазах у Яра. По крайней мере, пока.

— Я буду ждать у бизнес-центра, — отводит взгляд, — подвезу вас домой.

— Спасибо, — на это я согласна: хватит с моего темноволосого ежика культурного шока в одну сторону.

— Идем? — торопит ежик.

И мы, уворачиваясь от спешащих ботинок, каблуков, острых зонтов и пустых взглядов, идем к метро. Всего-то десять минут, я даже рада прогулке после продолжительного лежания на больничной койке. И ночь была бессонной, кажется, сейчас только и оживаю, прохлада на лице, прохлада в сердце. Главное — подобрать комфортную для себя температуру. А мне комфортно.

Пока стою в очереди за жетончиками, Егор посматривает на терминалы, потом как опытный бросает свой жетон и счастливо мне улыбается по ту сторону. Едва заметно киваю, мол, умничка моя, и мы в прекрасном настроении спускаемся на платформу. Отодвигаю мальчика подальше от белой полосы, пытаюсь ухватить за руку — вырывается, взрослый! — кладу ладонь ему на плечо и то спасаю от несущихся-выходящих, то подталкиваю внутрь под натиском жаждущих войти. Подпихиваю к окошку у противоположной двери, и пока он рассматривает мир с позиции рельсов, перевожу дыхание. Признаться, для меня метро — тоже стресс, но это самый быстрый и доступный транспорт в мегаполисе, приходится терпеть и запахи чужого пота, и чьи-то ловкие или невольные прикосновения, и отзвуки клаустрофобии.

Егор ведет себя спокойно, глаза, правда, все еще как блюдца, но расширяются еще больше, когда от краевидов города переключается на пассажиров. Я в подростковом периоде жутко комплексовала, если на меня засматривались ребята: казалось, смотрят на прыщи, а потом услышала фразу, что на некрасивое смотреть неприятно, и успокоилась. А зря, выходит. Егор, к примеру, уже две остановки не отрывает взгляда от потертой бомжихи, и вряд ли он находит ее привлекательной.

На остановке с центральной улицей города нас практически вдавливают в окно, и мальчик крутится и так и эдак, но за спинами мрачных мужчин не рассмотреть ту, что заинтересовала.

— Я ща, — протискивается сквозь толпу и возвращается через одну остановку, когда я вся на нервах, что его потеряла. Но вслух изображаю беспечность:

— Куда ходил? Что видел?

— Так, — прячет взгляд, — общался.

Меня пронзает нехорошая догадка, принимаюсь — запах тот же, без примесей болезни и перегара. А, может, зря я думаю все самое худшее? Что общего у мальчика-миллионера и нищенки? Готовимся на выход, нам на следующей и вдруг... я замечаю, как по ту сторону, за закрытой дверью, стоит бомжиха, ехавшая в вагоне, и от Егора не отводит взгляда. В нем столько боли, недоверия и столько тьмы, дрожащей от искусственного света, что в приступе внезапной паники я обнимаю мальчика за плечи. И взгляд бомжихи переходит на меня.

Пусть я. Пусть мне достанется кусочек тьмы, не мальчику...

Но вижу слезы, утираемые новенькими купюрами, улыбку вижу и надежду...

Вагон поехал дальше, а надежда — там, на станции, нас провожает.

— Ты скоро разоришься, — целую темную макушку, — маленький Рокфеллер.

— Мои счета лежат нетронутыми в банке, — пожимает плечами.

И как отчитывать его, что мог ведь нахвататься болячек и насекомых? Как цинично поучать, что не поможешь всем, а та бомжиха, вероятнее всего, потратит деньги на спиртное? Я буду мыслить позитивно. Он разоряет Яра — и кто против?

— Ты умница! — на остановке все-таки хватаю за руку и вклиниваюсь в поток. На эскалаторе вновь возвращаю ежикам пыхтящим свободу.

— Фуух, — переводит дыхание, — это экстремальней, чем прыжки с парашютом.

— А ты, что, прыгал?!

— А ты, что, нет?!

И прежде чем в глазах мальчишки отразится превосходство, я спрашиваю:

— А ты в трамвае когда-нибудь ездил? А в троллейбусе? А в маршрутке с курящим папиросу водителем?

В мальчишеских глазах наравне с диким интересом высвечивается почет мне и уважение, и мы до бизнес-центра по заказу экстремала тарахтим на трамвае. Едва успеваем сбежать от контролеров, потому что ну, кто же платит за одну остановку, если нет кондуктора? Повизгивая и подскакивая, мчимся к зеркальному бизнес-центру, и там приводим в серьезность лица, стряхиваем от дождинок зонтик и радуемся, что не нужно поправлять макияж. Ну все, я к испытанию готова.

— А вы к кому? — останавливает безликий охранник в форме неопределенно-мрачного цвета.

— К себе, — опережает Егор. — Мой брат уже в конференц-зале?

Откуда только важность такая взялась, и где мальчишеская непосредственность, от которой я без ума? Я так и застываю у двери в холле, пока охранника пронзает осознание, кто перед ним, и он с улыбкой бешеного медведя приветствует нас с добрым утром и указывает на дверь в конце холла.

— Да знаю я, — отмахивается Егор и, взяв меня за руку, отводит чуть в сторонку. — Тэкс, позвоним твоим адвокатам, где они?

— Да, надо позвонить.

Мне как-то безопасней войти в ту дверь вместе с ними, потому что Егорка хоть и мой защитник и вообще, но пока маленький и если его оттолкнут...

В глазах темнеет, и я плюхаюсь на мраморный бордюрик для искусственной пальмы.

— Жуть какая! — возмущаюсь, осматривая место приземления. — Кто держит в бизнес-центре огромные безжизненные цветы?!

— Но клумба-то пригодилась!

Неопределенно машу рукой: смысл спорить с очевидным? Пока Егорка выясняет, где наши адвокаты, прихожу в себя, взбодрившись посиделками на прохладном мраморе и брызгами фонтанчика под мертвой пальмой.

— Безвкусица, — качаю головой, а пальма и не спорит.

— Тэкс, — прерывает диалог Егор, — они уже здесь и ждут нас в конференц-зале. Пошли.

— Послать? И это говорит мне мальчик, делавший замечания, как говорить правильно: врать или лгать?

— Нашла время сводить счеты, — подхватывает и буквально тащит меня к двери, которую я видеть не хочу, не то, что открывать.

Мы притормаживаем, переглядываемся и...

Егор, как джентльмен, распахивает дверь, и я вхожу, пытаюсь спрятать страх под безразличием. Я краем глаза отмечаю количество людей, делю на наших и чужих, сажусь в одно из кресел на колесиках, любезно отодвинутых Егором, и жду.

Егор садится рядом и мы, как по команде, откидываемся в креслах.

Защитник мой по правую сторону, по левую — два адвоката, с которыми на днях все обсудили и на всем сошлись; напротив — Яр, знакомый тип из бара, имеющий неподходящую ему Лариску; и лысый тип с бородкой и портфелем. Присматриваюсь — вот кажется мне или нет?

— И снова здравствуйте, — он чуть кивает.

— Так это, правда, вы сегодня утром расхаживали у меня по дому?

— Я, — вздыхает покаянно, — и знаю, что вас разбудил.

— Да это ничего, — отмахиваюсь, — просто если вы — адвокат Ярослава Владимировича, — стойко держусь даже мельком взглянуть на обсуждаемую персону, — и уже были у меня дома, а все нюансы, как я понимаю, улажены, зачем тогда нам встреча? Захватили бы с собой бумаги, я бы их подписала и вуаля.

— Боюсь, вуаля не получилось бы, — снова вздыхает адвокат, — мой клиент настаивал на личной встрече.

— А зачем?

Я все еще смотрю на адвоката и только, хотя напротив кое-кто демонстративно прочищает горло. Я из простых, мне можно не притворяться деликатной, и я упорно игнорирую намек.

— Мои адвокаты, — киваю на своих; они кивают в подтверждение слов, — уверяли, что никаких вопросов не осталось.

— И совершенно правы, — соглашается мужик с бородкой, — но мой клиент...

— Да, — наконец вступает в обсуждение и Яр, — настаивал на встрече я.

— Зачем?

— Хотел увидеть лично, как ты будешь подписывать. Так понятно?

— Неа, — и совершенно точно непонятно. — Хотел увидеть радость, когда буду подписывать документы про бабки или счастье — когда о разводе?

— Без разницы. Хотел увидеть тебя.

Двусмысленность в его словах или...

И я, решившись, позволяю и себе его увидеть. Красивый. Умиротворенно-спокойный. Опасный хищник. Молчит. Чего-то ждет. Молчат и остальные. Да дышат ли они без разрешения хозяина?

А я дышу.

Живу.

И люблю другого.

Мне просто нужно чуточку прийти в себя.

Нужна свобода.

Я не могу так больше.

Отпусти.

И я молчу, но Яр читает по глазам. Я вижу. Знаю. Чувствую его, как прежде. Только...

прежней нет меня. Осталась там, на заднем двореке. А здесь — другая.

Дай мне свободу.

Не могу остаться.

Правда.

Так больно, что и боли нет, и сердце в лоскутках.

И он молчит, и только в темной ночи глаз его — горит огонь. Надежды? Веры? Страха и отчаянья? А мне друг видится лицо бомжихи, что сегодня обрела свой шанс. И вправе ль я лишать его другого? Да — могу. Да — я хочу расплаты. Но вправе ли?

— Где подписать? — я разрываю наш контакт, и падаю, и падаю в водоворот от облегчения, что я решилась; и сомнений, что могла остаться.

Передо мной кладут бумаги, я не читаю, я бегу по строкам, как убегаю от себя и внутреннего страха, только... Стоп!

— Здесь не согласна, — подчеркиваю одну из строк, и три юриста не поглядывают недоуменно, а таращатся, когда читают этот пункт.

— Но... — это голос подает мужик с бородкой.

— Уверены? — а это удивлен мой адвокат.

— Да, — скрещиваю руки, отзеркаливая Яра, и смотрю в упор. Я падаю, мне больше не подняться и вниз: могу лететь без остановки...

Едва заметно тот кивает. Мужик с бородкой захаживается в нервном кашле, осушает несколько стаканов из кулера, и ртом хватает жадно воздух.

— Но... как же... это... ох... — бормочет, и все внимание с меня переключает на хозяина. По-моему, он просто жаждет рассказать всем нам, что Яр сошел с ума. Но разве это новость? Кто платит собственной жене за год в постели бешеные деньги? Я помню, оговаривали, что если не получится, он выплатит мне компенсацию, но я была уверена, что речь шла так, о сумме на первое время, а здесь в глазах рябит от цифр, людей, бумаг, осколков прошлого.

— Ярослав Владимирович, — адвокат восстанавливает спокойствие, — я должен быть абсолютно уверен, что вы абсолютно осознаете, что делаете...

— Абсолютно, — не отводя от меня взгляда, говорит Яр.

— Послушай, — спохватывается его приятель из бара, — твой адвокат, действительно, прав. Это слишком! Да я сам скажу ей...

— Стас, — очень тихо произносит мой муж, — не вмешивайся.

Он не просит, ему просто нет необходимости повышать голос, чтобы требовать.

— Зачем тебе это, можешь сказать? — так же мягко, как с остальными, Яр говорит и со мной. Я знаю, мягкость показная, я знаю, внутри него вулкан, но разум мой убаюкивается самообманом.

— Мне нравится. Я так хочу. Доволен?

— Как хочешь, — неуловимый жест, и адвокаты словно мышки с сеновала, шуршат бумагами, внося мои немногочисленные коррективы. Передают бумаги мне.

— Довольна? — уточняет Яр. И все моими же словами: «как хочешь», и «довольна», я отзеркаливаю жестами его, а он меня — словами. Два близнеца, которым больше не сойтись, у каждого своя дорога.

Я перечитываю измененный пункт, киваю важно, я выторговала, что хотела. Да, довольна, теперь моя фамилия — Самарская, даже после развода!

— Господа, оставьте нас наедине.

— Зачем?! — спохватываюсь, когда конференц-зал пустеет, и остаемся только я, Егорка и сам Яр.

Мой бывший разворачивается назад, переносит со столика шампанское, бокалы, и разливает, игнорируя вопрос и мою жажду к бегству.

— Отметить, — говорит невозмутимо, — и настроиться на интервью.

— Ааа, — Егорка, подмигнув, спешит вслед за юристами.

А я с бокалом, незнамо как возникшим у меня в руке, прилипла к креслу и только и могу, что прошептать:

— Какого интервью?

— Какого? — растягивается лев в оскале. — Эксклюзивного. Один глоток и мы поговорим.

Один глоток... Смогу ли я доверчиво испить из его рук? Сам наливал, сам открывал шампанское, но точно ли шампанское в бокале?

— Злата...

А я смотрю на золотой напиток, на матовый бокал с высокой ножкой, но перед глазами мутный пузырек той жидкости, которую мне влили в рот на кухне. И пощечина... В тугой комок сжимаются все внутренности, мой страх сочится, заполняя комнату, дышать невыносимо, спазмом сводит горло.

— Предпочитаешь другой день, другую обстановку?

О чем он? Я второй раз не смогу... Хотя, что мне терять? Не верю, нет, не верю, но плевать. Представим, что в бокале яд и я умру. И что? Смерть — не страшней, чем жизнь. Когда я корчилась, когда смотрела на лицо потерянного ребенка, когда придумывала ему имя — это жутко. А пустота — приятное лекарство боли.

Поспешно делаю глоток и жду. Минута, две... Спазм отпускает горло, раскручиваются из спирали внутренности, а я дышу свободно. Яр смотрит напряженно, а я расслабленно откидываюсь вновь на спинку кресла. Кручусь на нем по сторонам: огромный кабинет, но как и особняк, не для меня. Уйти бы из него на улицу, под дождик, взгляды посторонних, что не трогают, не задевают. Но поставить точку рано.

Яр ждет вопросов — не разочаровывать же мальчика по новой. Жива и отгребла вот только что нехило капитала, поговорим. Не по душам — нет, а по нервам. Походим по канату над голодной бездной.

Женился он на тихой девственнице, что ждала домой и верила, и так любила, что аж стыдно, а сделал из нее бесчувственно нечто. О чем он думает, я буду спрашивать его? О детстве? Пусть маман его расскажет это будущей невестке. Меня интересует суть, не светлая, не показная — на изнанку.

— Мой первый и единственный вопрос, — включаю диктофон. — Скольких ты отымел, пока я умирала в больнице?

Яр пьет шампанское, разглядывая меня через бокал.

— Мне нравится вопрос.

— И где ответ?

Я слышу, как игристые пузырьки щекочут его губы, а мне — нервы. Еще один глоток, взгляд немигающий, склоняет набок голову и ждет. Или придумывает? Или...

— Подсчитываешь?

— Мне это не нужно, — качает головой, и луч прорезавшегося среди черных тучек солнца запутывается в его волосах. Поспевшая пшеница... Я так любила теряться в ней и пальцами, и взглядом, мне нравилась и мягкость и послушность, и запах свежий с нотками сандала, и нравилось, как заводился Яр, захватывая губы поцелуем. Или устало на колени мне склонялся, а я рукой поглаживала по волосам и думала умиротворенно: так бы вечность, вместе... Но вечность встретила одна, а он ушел к другим. Брюнетка, что улыбкой ведала о скорой свадьбе... Одна она в его постели или по количеству квартир есть и блондинки, и шатенки, рыжие?

— Всех помнишь? — я не унимаюсь.

— Да. — Тяжелый взгляд, и почти сразу: — Нет.

— Так помнишь или нет?

Беру бокал, вновь делаю глоток.

— Я знаю, что ты не простишь, — вдруг говорит мне Яр.

И моя улыбка замерзает, я стыну изнутри, так холодно, что нехотя сжимаюсь в огромный снежный вал. Но через силу задираю подбородок, смотря в греховные глаза, когда-то зацелованные мною.

— Я знаю, что ты мне не изменяла...

Пока он прав, пока я не смогла, но так противно от всего, что говорит. Он думает, что откупился от предательства? Так я легко его разочарую.

— Я знаю, что ребенок был моим...

Удар под дых, но я захлебываюсь в смехе.

Нет, журналистика не для меня. Попробовала раз и хватит. Сидеть вот так, напротив льва, а он вне клетки, он в своей стихии, тогда как у меня дышать выходит через раз? Увольте. Денег мне достаточно, а прогнать скуку может хобби, найду еще какие-нибудь увлечения, займу себя, захочется адреналина — прыгну с парашютом.

Нет, не могу...

Не выдержу...

Так тяжело... с ним... рядом...

Язык как в кресле стоматолога, стал непослушен, в голове гудит, перед глазами пляшут матовые точки, вспотевшие ладони на бокале оставляют влажный след. И Яр все видит: видит, как мне плохо, и говорит, и говорит, а я не в силах залепить ему пощечину, чтобы заткнулся. Подняться не могу, пошевелиться. Практически не слышу слов, смотрю на губы. Я столько раз прокручивала эту сцену, когда скажу в лицо что накипело, вылью злость, свой страх, непонимание. А он раскается, быть может, упадет передо мной на колени и будет слезно умолять...

Прокручивала, зная, что такого быть не может. Во мне перекипело, только страх остался, липкий, вязкий, на животном уровне. Яр не из тех, кого легко представить на коленях, при этом сотрясающим вселенную раскаяньем. К чему слова, когда есть взгляды, шорох пузырьков в бокале и тишина, кричащая меж нами? И разве я прощу, если попросит? Прощение за унижение сильного? Нет, не прощу. Не в силах. Я слабее. Он пьет шампанское, а я хочу глотнуть пьянящей мести. Спасибо, что спонсировал, мой бывший. Держу пари, что ты не пожалеешь.

— Злата...

Он знает, что не изменяла. Я знаю, что он был под действием наркотиков. Вот только знания несут с собой не свет, а поглощающую тьму, и из последних сил держусь, чтобы не упасть здесь в обморок. Бокал я все же отпускаю, ищу в огромной сумочке свой телефон.

— Ты где? — шепчу чуть слышно.

Через секунду позади распаивается дверь. Я выключаю диктофон, достаточно для интервью, а исповеди не по моей части: он прав, я не прощаю, не могу. Егор мне помогает встать, но у двери я оборачиваюсь и смотрю в глаза своему кошмару.

— У нас был сын, — хриплю. — Святослав.

Яр что-то говорит мне вслед, но я в тумане бреду по коридору, еду в лифте, сажусь в салон авто. Макар не задает вопросов, Егор в руках сжимает все бумаги. Я выдыхаю облегченно. Все, в разводе, но нет полета от свободы, лишь тоска.

Я справлюсь, нужно только отлежаться. День — мало, лучше два. Я что-то ем, бываю в душе, я что-то пью, но даже чай не возвращает меня к миру. В квартире появляются чужие люди, уходят так же тихо, как приходят, и вдруг я взглядом натыкаюсь на ребенка, сидящего напротив, глядящего мою руку, как больному, и уговаривающему есть, ведь я нужна ему, ему так плохо без меня.

— О, Боже... — словно просыпаюсь. — Егор, прости.

И обнимаю мальчика, доверчиво прильнувшего.

— Я больше так не буду, — обещаю.

И стряхиваю с сердца лед, которым обернулась. Пусть обожгусь, пусть снова буду чувствовать, пусть перестану притворяться безразличной и жалеть себя.

— Слушай, — выдвигаю предложение, — не навестить ли нам бабулю?

— Бабулю? — вспыхивают темные глаза.

— Ага.

Егорка носится по комнатам с ноутбуком, высматривает рейсы самолетов, а я, смеясь сквозь слезы (вот же ж глупые!), разочаровываю, что в том городе, куда мы едем, нет аэропортов.

— Как так? — не верит.

— Так вот повезло.

Рассматривает в гугле карту, хмурится, вздыхает, переносит поиски на поезда. Пока он возится, звонит мобильный. Макар, и жуть пропущенных звонков! Он спрашивает, как дела, какие планы, говорит, что на мои счета уже переведены все деньги.

— Отлично, — не скрываю радости. Все, хватит притворяться! И вдруг мелькает мысль: не взять ли нам в попутчики Макара? А что, вот будет чем соседям языки чесать, родители порадуются, что не одна. Бабуля знает все, но попрошу молчать. Егор, как лучший друг, потерпит ради дела.

Макар выслушивает предложение без энтузиазма, и мне приходится чуть приоткрыть

задумку. Покажемся с ним на людях, изобразим роман — ну легкий, только с поцелуями, так нужно для статьи, которую готовлю. Редактор не сказал: в каком писать формате, а значит воля, и пальчики зудят от предвкушения. Какие сказки? И какие гномы? Вот где кипят котлы всей преисподней! У меня под боком!

— Так ты поедешь?

— Только на два дня, — сдается, — у меня работа. Устроит послезавтра?

Да, устроит. Он, чтобы меньше времени потратить на дорогу, предлагает не на поезде, а на машине. Я не ломаюсь. Прекрасно въехать в дворик детства в иномарке, с мужчиной, коего запишут мне в любовники, и взрослым мальчиком, которого и злые кумушки при всем старании не смогут записать мне в сыновья. А кто он мне?

Пусть поломают голову!

Итак, вперед, на сбор материала для статьи. Я расскажу премилую историю, и даже вот название придумалось, так, сходу. «Рога на миллион!» Звучит? Еще бы! Поставлю миленькую подпись, и первый раз глотну из чаши мести. Но я не жадная, я поделюсь и после своего дебюта отправлю экземпляр в Голландию, свекрухе.

Все, отпустило, мысли улеглись, а то скакали будто строчки стихотворные...

Прекрасную идею для статьи нужно как-нибудь отметить и мы с Егором идем в ближайший магазин. Рассматриваем полки, мальчик кривится, я тоже в затруднении. У нас забит весь холодильник, но хочется чего-то необычного. Посматриваю на вино, но пить одной — не комильфо, опять купить огромный торт — опять калории. Мне, в принципе, не мешает, Егорка тоже тощий, но полки сладкого обходим стороной, зато единодушно останавливаемся у кокосов.

— Ты ел их?

— Неа, только в шоколадках.

— И я.

Мы с жадности берем по одному на брата, у кассы, не сговариваясь, прихватываем шоколадки, хотя и вряд ли к ним сегодня прикоснемся. Торопимся, один раз наступаем дружно в лужу, хохочем и несемся к дому. А дома ждет сюрприз из неприятных. Кокосы нам не поддаются: ни ножом, ни молоточком для отбивных не можем расколоть хотя бы первый. После всех стараний, после взмахов ножиком, усаживаюсь на пол и над разделочной доской бью по кокосу. Все безрезультатно.

Напротив, у стола, культурненько пыхтит Егор. Я выдыхаюсь первой: кокос не пострадал, на кухне катастрофа, Егор задумчиво следит за моими взмахами с мясным ножом; своим ножом пиляет. Берем по шоколадке, жуем кокосовую стружку, думаем, и озаряет ведь! Причем одновременно!

Егорка тащит ноутбук, выходим в интернет и там читаем инструкцию борьбы с мохнатым фруктом. Оказывается, перво-наперво надо сделать дырочки у основания, там даже метки есть, слить вкусенькое молоко, а уж потом...

А продырявить чем?

Ножом не получается, я вспоминаю вдруг, что где-то видела подобие отвертки, ищу и нахожу, Егор со вздохом просвещает, что в руках у меня шило. Но кое-как дырявлю им. Действительно, выходит, вот только молоко как будто изнутри застряло. Егор трясет кокос в большую кружку, я издеваюсь с шилом над другим кокосом.

— И все? — Мы оба с изумлением рассматриваем муть на дне. Егор по-джентльменски предлагает выпить мне, я отдаю волшебный эликсир ребенку, в итоге мы сговариваемся

сделать по глотку и... Оба прыскаем над раковиной.

— Фуу! — возмущается мальчишка.

— Не буду спорить.

И уже не хочется долбить кокос, не хочется объесться вкусной стружкой, но дело принципа толкает нас продолжить. Я вспоминаю неожиданно, что рядом с шилом видела и молоток, несу, долблю, как дятел — бедные соседи — и вау! Корочка отламывается, как в яйце с цыпленком. Егор выхватывает мой кокос, кряхтя, сдирает дальше кожуру. Не удержавшись, мы отламываем по кусочку мякоти и с перекошенным лицом жуем, рассматривая друг друга. А потом одновременно мчимся к мойке, выплевываем, поласкаем рот от несусветной гадости и облегченно выдыхаем только выбросив покупку.

Пока Егор выносит мусор на площадку, я подметаю, мою раковину, злюсь.

— Хоть шоколадка была вкусной, — утешает мальчик.

— Да уж. Вот мы и поели фруктов.

— А если бы мы были на необитаемом острове?

— Погибли бы от голода, — не сомневаюсь.

— Порадуемся, что мы здесь и живы!

— Ну давай!

Для радости подходят консервированные ананасы, мы уплетаем их за обе щеки. Хоть и заморский фрукт, а как родной, и столько нервов на него не надо и съедобный. Заглядываем в интернет, читаем, понимая, что кокосы были порченными.

Везунчики!

Не жалко заплатить, а жалко сил и времени. Поев, Егор уходит заниматься, а я смотрю в окно, на то, как в сумерках снежинки падают на лужи, как застывают в чьих-то волосах. Сегодня первый день зимы, а за плечами у меня дыхание осени. Из будущего — поездка в город детства — тоже стужа. Но это послезавтра, а пока...

Я набираю на мобильном Ларисин номер, всего лишь два гудка и ее голос захлебывается радостью, что я звоню. Я предлагаю завтра с ней увидеться, пройтись по магазинам.

— Да я, — мнется, — на мели.

— И что? Я развелась, теперь с деньгами.

— Правда?!

— Ну да. Как смотришь, чтобы мы примерили по шубке?

— Натуральной?!

— Ну конечно.

— Ой, правда?

— Повторяешься, — смеюсь.

— Ой, я приду!

Не сомневаюсь, что она придет, и сладостно и горько от ее согласия. За шубой на край света. Купить себе подругу? Я могу. Совсем недорого ведь продается...

Пока Егорка в комнате за ноутбуком, готовлю супчик, вроде бы не пересаливаю. По крайней мере, мой едок нахваливает, когда, отзанимавшись, тянется на запах в кухню. Я посвящаю его кратко в план, он хмурится, пытается отговорить и написать что-нибудь другое, пусть даже более разоблачительное, но не с изменами. Я поясняю, что не собираюсь изменять, а Яр...

— Ты думаешь, он изменял тебе?

— Уверена.

Выдавливаю согласие молчать моим родителям о том, какую роль в моем разводе сыграл Макар и шустро переключаюсь на другую тему. Мы обсуждаем, что возьмем с собой, на сколько едем, что посмотрим интересенького. Все пункты заставляют призадуматься, потому что вещей у меня, подходящих сезону, нет, сколько пробудем в городе — откуда знаю, как мы заскучаем? — а интересенького там не наблюдалось.

— Что, и трамваев нет?! — Егор шокировано застывает с открытым ртом.

— Есть маршрутки, — обнадеживаю.

— С курящими водителями? — заглядывает мне в глаза.

— Других не держим.

— Ну тогда уедем, когда я накатаюсь! Ладно?

Я мысленно прикидываю: максимум три-четыре дня, к тому же, некоторым надо заниматься. Егор мне говорит, что согласует план занятий с репетиторами и все возьмет с собой. Накидываю плюс еще два дня. Неделя? Ну довольно долго, чтобы всех проведать и не так долго, чтобы надоест. Давно к родителям не приезжала и их поездка ко мне сорвалась, а тут такой сюрприз: приеду к ним с Егором. Вот интересно, что они подумают? Представлю как сынишку...

— Я слишком взрослый для тебя, — смеется мальчик.

И я смеюсь, хоть думаю наоборот. Но утром соглашаюсь, что Егорка прав, ведь он как взрослый готовит нам божественный омлет.

— А вкусно, — я нахваливаю.

— Конечно, — отзывается невозмутимо.

Поев, Егор встречает репетитора, а я, переодеваюсь и иду на встречу.

Лариса прибегает с опозданием, запыхавшись, целует в обе щеки и притворяется, что между нами не было плохого: ни подлости, ни недомолвок, ни подставы. Я притворяюсь, что у меня отшибло память и слушаю, как жалуется мне на Яра.

— Ох, — сокрушается, — ты знаешь, прицепился, все выпрашивал, куда я тороплюсь. Ужасно строгий. Вот какое ему дело до обычного салона красоты, если столько компаний в обороте? А нет же, вился коршуном! Ух, ты не представляешь, как с ним трудно!

Не представляю, не была у него в подчинении и, слава тебе Господи, не буду. Я говорю Ларисе, что салон ведь тоже часть его империи, она отмахивается:

— Да я сама справляюсь!

Я прячу взгляд, чтобы себя не выдать, и захожу в бутик. Подруга — следом. Два консультанта, окинув взглядами, воркуют над Ларисой, кружат ее, выслушивают капризы. Она танцует перед зеркалами. Устав, пьет кофе, а я прохаживаюсь по бутику.

— Ты что, себе надумала купить?

Я усмехаюсь, но усмешки за шубейками не видно.

— Да так, присматриваюсь.

— Ой, я не верю! Да и не представляю тебя в шубке, — заливается. — Тебе, мне кажется, плащи и куртки по привычке. Не думаешь?

Я много о чем думаю, но вслух интересуюсь:

— Ты подобрала что-то?

— Да! — указывает на две норковые — черную и голубую — Так обе хочется!

Невинный взгляд, и мой такой же. Раз хочется — кто против?

Я примеряю на себя одну из тех, что выбрала Лариса, она хохочет. Два консультанта

хитро улыбаются, ей вторя. Но я невозмутима. Нет, эта не подходит. И эта тоже. Достая дубленку, натуральную, не с оптового рынка, и замираю удовлетворенно перед зеркалом.

— Нууу, так... — оценивает Лариса.

— Беру, — решаю я.

Два консультанта смотрят на Ларису, не веря, переводят взгляды на меня.

— А эти покупаете? — спрашивают у нее.

— Да я...

А я причем? И я смотрю с вопросом, потом для верности озвучиваю вслух:

— Берешь?

— Ну да, я так давно мечтала!

Пожав плечами, я иду за консультантом, расплачиваюсь карточкой и тут же надеваю на себя обновку. А плащ — в кулек, в плащах уже прохладно. Оборачиваюсь у выхода — ни одного движения; растерянные взгляды, шок, прозренья.

— Так что, — с улыбкой спрашиваю бывшую подругу, — берешь ты шубку? Что, не хочешь? Ну ладно, мне пора. — И открывая дверь, благодарю за прошлое, хотя и не поймет: — Спасибо.

В дубленке так тепло, что не застегиваю. Иду, смотрю на талый снег вчерашний, и улыбаюсь всем прохожим. Глоток из чаши мести так пьянит, что хочется смеяться, танцевать, как бывшая подруга перед зеркалами. В хорошем настроении я обхожу еще три бутика, теперь я вся в обновках, но покупок столько, что еду на такси.

— Ухтышка! — восхищается Егор, когда вхожу в квартиру. Мне кажется, он рад больше меня. И заставляет примерять, и хвалит. Или молчит, что означает — так себе, но ладно. Но прямо расцветает, когда я достая сюрприз и для него — штаны практически из одних карманов и блейзер с иероглифами.

— На удачу, — говорю.

А он кивает, говорит, что в курсе и мне перечисляет все значения: и на удачу, и на привлечение любви, и на здоровье, и на деловую хватку. Мелькает мысль, такой бы блейзер его брату, но мысль и я одновременно в шоке.

Опять я тряпка. Строю планы, а сама...

Чтобы не думать лишнего, вожусь с вещами, раскладываю по шкафам что не беру, а то, что пригодится — определяю в сумку.

— А ты свои сложил? — кричу Егору в комнату.

— Ага! Ко мне Полина приходила.

— Кто это?

Выходит, смотрит на меня недоуменно.

— Вот странно, — говорит, — почему из всех, кто работал в доме моего брата, ты знаешь как зовут только водителя?

Пытаюсь объяснить, что в этом ничего нет странного, Макар возил меня, мы много времени с ним проводили вместе и вообще сдружились...

— Ну да, — поддакивает мальчик, — такие прям друзья-друзья!

Я знаю, что Егор не переваривает Макара, я знаю, что для этого есть основания, но в моих планах мести почему-то нет водителя. Он мог использовать меня, но пожалел. Его ошибка только в том, что не сказал мне, не сказал и Яру, но по полу меня таскал не он. Не он поверил лживому врачу, не он оставил меня в клинике наедине с диагнозом, позором, непониманием и страхом. Не он вливал мне в рот ту дрянь, что унесла жизнь моего ребенка.

Я говорю с Егором, ловко обходя углы, но он отказывается понимать. Прямолинейен, как все в детстве.

— Я, — говорит мне с вызовом, — только ради тебя делаю вид, что терплю его.

— То есть? Только делаешь вид?

— Ну да.

— А что на самом деле?

— На самом деле, Злата, я очень кровожадный и продуманный.

И смотрит так серьезно, что на секунду ему верю, а потом покатывается со меху, заметив мой испуг.

— Да ладно, — машет мне рукой, скрываясь в комнате, — не собираюсь я сидеть из-за него. Мне еще карьеру делать.

Я облегченно выдыхаю, усаживаюсь на диване для подумать и совершенно четко понимаю, что мальчик не солгал. Не во второй раз. В первый. И даже страшно предположить, что он может придумать для расплаты с Макаром.

Не просто это — взрослые дети.

Егорка что-то щелкает на ноутбуке, а мои мысли неожиданно перескакивают на Яра, прокручиваю встречу дня и понимаю, что практически не помню разговора. Бумаги подписала, разбогатела, а что наговорил мне Яр?

Плевался ядом?

Морально подготовившись, включаю диктофон. Так удивительно, мой голос как чужой, немного через нос, простуженный какой-то. Не знала бы, что я — и не узнала. Ага, вот задала вопрос, вот пауза, вот наша перепалка, а вот...

— Я знаю, что ребенок был моим...

Молчание.

— Я знаю, что едва не убил тебя...

Молчание. Все, больше я не помню, но голос Яра продолжает говорить, такой же как и в жизни — ровный, хриловатый, без обнаруженного у меня французского произношения.

— Когда приехал врач, и привел меня в себя...

Он делает паузу, за время которой я успеваю вспомнить, что, действительно, вызывала врача. Странно, позже я о нем ни разу не подумала, а ведь он не подошел ко мне, не оказал помощь. Никто не подошел, кроме Макара.

— Поверить не могу, что сделал это с тобой. Перед глазами красная пелена, изо рта пена, как у шизофреника. Я бросился к тебе, но не смог...

А этот момент я помню: он сказал, что не может прикоснуться ко мне. Еще бы, после охранника, после всего, что мы с ним вытворяли на экране, после якобы моей от него беременности. Чистюля, пальчики боялся испачкать, а я лежала, укрывая себя горстями земли и слушая, как дождь стирает кровь с моих ног. Не могу! Ненавижу! Так хочется, чтобы он понял, через что я прошла, чтобы осознал, что потеряла, чтобы увидел, какой стала благодаря ему. А я смогу прикоснуться к грязи. Не хочу, противно, но смогу.

Но голос Яра с диктофона продолжает начатую фразу и я схожу с ума.

— ... Не смог прикоснуться к тебе после всего, что сделал....

То есть, не прикоснулся не из-за меня, не из-за моей ложной связи с водителем и водевилей, а... потому что сделал со мной... он...

Я выключаю диктофон, оглядываюсь затравленно. Мне страшно, что он может оказаться рядом, подойти и... начать объяснять все со своей стороны. А я не хочу видеть его сторону! Мне бы забыть свою! Мне бы здесь рассчитаться!

Я снова включаю диктофон, и снова голос Яра. О том же. Не мог начать перечислять любовниц? Не мог похвастаться, как хорошо ему без меня? Не мог съязвить, как громко они кончают?

Рвет душу, а я слушаю...

— ... Я — убийца, прикасаюсь к тебе... Я не был уверен, что ты выдержишь это, ты металась на грани, ты бредила, ты проклинала... Ты звала другого мужчину, но мне было все равно...

Я звала Святослава...

— ... Потом мне показалось, что ты уходишь, бросаешь меня, а я... Пытался найти хоть кого-нибудь в этом склепе, пытался отогнать от тебя Макара, даже хотел убить его. Там, на дорожке. Но когда он взял тебя на руки, ты замолчала, я подумал... твоя жизнь была важнее, чем его убийство...

Моя жизнь ничего для меня не стоила, но странно, что он вместо мести обиженного мужчины пытался меня спасти и даже позволил взять на руки моему любовнику. Хотел убить Макара... Да, он мог бы...

— Я не пытаюсь откупиться деньгами. Я знаю, что моя вина... она со мной... Я не пытаюсь оправдать себя... Я просто хочу, чтобы ты попыталась начать жить заново... Без меня, но... Я очень хочу, чтобы ты была счастлива, Злата... И что касается твоего вопроса... Мне не нужно вспоминать и подсчитывать, чтобы ответить... У меня не было женщины после тебя... Хотя, для тебя это неважно и я зря это говорю... но то, что чувствую к тебе... Тебе нехорошо? Прости меня... Я не должен... Злата...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Далее идет моя просьба Егору, слышен звук отворяемой двери и все.

Конец нашей истории и хороший сюжет для разоблачительной статьи о миллионере, который не может довести свою женщину до оргазма — только до реанимации, но вопреки логике не изменяет ей. О миллионере, который оплачивает смерть своего ребенка, а сам блистает в светских хрониках, даже не интересуясь именем малыша. Он даже своего брата спихивает бывшей жене-шлюхе, лишь бы не возиться с ним.

Но почему при одной только мысли облачить всю эту грязь в буквы, мне так паршиво, будто я эту грязь хлебнула?

Я никогда не буду писать о Егоре. Я благодарна, что он со мной. Я никогда не буду открывать наши интимные отношения с Яром, потому что... до сих пор для меня это слишком лично, слишком невероятно. Я никогда не буду писать о том, что произошло тогда в доме, потому что имя моего сына для меня неприкосновенно.

Домой мы все-таки съездим, проветримся, сменим обстановку, пусть бабуля забалует внука, но я никогда не стану ни хорошим, ни плохим журналистом, потому что этой статьи не будет.

Завтра чуть свет вставать и мы с Егором договариваемся лечь пораньше, но это я так

думаю, что договариваемся, потому что когда в два ночи, так и не уснув, встаю попить воды, замечаю тусклый огонек в комнате мальчика. Заглядываю — надо же! — других читать не заставишь, а этот вооружился электронной книгой и зевает уже, а не выключает.

— Егор! — окрикиваю.

Он, ойкнув, выключает книгу и делает вид, что спит давно и видит десятые сны.

— Спокойной ночи, — говорю ему, не сдерживая улыбки.

— Спокойной, — радуется, что не ругаюсь.

А я сижу на кухне, смотрю во дворик, освещенный фонарями, и думаю о записи на диктофоне. Так жаль, если он говорил там правду. Жаль, ведь если бы не кто-то третий, сыгравший с нами злую шутку, все могло быть по-другому.

Но уже не будет.

И даже его фраза о неких чувствах... Так, проскользнуло, а у меня сна ни в одном глазу. Не знала бы я лучше Яра, настроила бы, накрутила и поверила, что все, что говорил, все, что осталось между строк, укладывается в одно-единственное слово — «люблю»...

Макар, как я и думала, ведет машину уверенно, не устраивая бессмысленную гонку со смертью. Егор, по мере приближения к пункту назначения, проявляет больший интерес, чем когда выехали. Возможно, потому что утром после отчаянных зевков, устроился у меня на коленях и подремывал, возможно, потому что виды мегаполиса ему поднадоели, возможно, потому что маленькие городки удивляют своими размерами, мрачностью и простотой.

Когда въезжаем в город моего детства и начинают мелькать частные неухоженные домики, оживленно интересуется, как мне удалось вырваться отсюда и почему так долго с этим тянула.

— Ждала, когда встречу твоего брата, — отшучиваюсь я и тут же прикусываю себе язык. Нет, как отшутиться нормально, а вот как по Фрейду...

Пока мы ехали, я не раз мысленно прокручивала запись с диктофона и думала, что из сказанного правда и на самом деле, а что я вложила в уста Яра. Лучший способ выяснить отношения — поговорить, спросить напрямую, но в нашем случае уже отношений нет и меньше всего мне хочется пересекаться с Яром, тем более доставать его наивными вопросами типа: «А вот ты что имел в виду? То, что я подумала или...»

Какая мне разница?

Даже если он скажет, мол, да, люблю, я что, поверю, растаю, растелюсь ковриком у ног и предложу пройтись по мне снова? Мне не нужен хозяин, не нужен тот, кто решает за меня жить или умереть, тот, кто верит чужому. Я — состоятельная свободная женщина, у меня весь мир на ладони, и я не собираюсь оглядываться. Он хочет, чтобы я была счастлива? Я буду. Хочет, чтобы жила дальше? Пожалуйста.

Иногда я ловлю в зеркале взгляд Макара и кажется, будто он знает, о чем я сейчас думаю. Пусть. Хотеть жить в полную силу — это нормально. Не знаю, смогла бы я так быстро настроиться на новую волну, если бы со мной не было Егора. Он как дыхание, как капелька детства, как стимул не вянуть, а раскрыть подвявшие лепестки. Я справлюсь, вот, наберусь впечатлений на год вперед, уверюсь, что жить здесь не могу и уеду окрыленная.

И не одна, а с маленьким подкидышем, которого безмерно люблю.

Я глажу мальчика по темным волосам и внутри такое тепло разливается: так хочется кого-нибудь сопящего затискать, обнять, потрепать впалые щечки, расцеловать. За то, что он есть, за то, что не бросил, за то, что поверил, даже не зная всей правды и не отвернулся, когда узнал. Это и есть любовь, а то, что чувствует Яр — сожаление, раскаяние, вина, но этого слишком мало, чтобы хотя бы попытаться простить его. Внутри как блок, который не позволяет даже имя его произносить без едкости, без желчи.

Он был в моей жизни. Какое-то время я буду — в его, средства, но не цели мои изменились. А потом...

Машина останавливается у серой высотки. Егор выпрыгивает первым, я выхожу за ним, Макар осматривается, куда бы поставить машину.

— Да пусть стоит у подъезда, — говорю ему и веду в дом.

На третий этаж из-за меня поднимаемся на лифте: ходить еще немного напряжно, но пройдет, а здесь такая экзотика для мальчишки: оплеванные жвачками стены, дыра в потолке, тусклая лампа с прошлогодними мухами и дверь, неприветливо сжавшая Макара.

Лифт не ждет, когда все войдут, здесь правило: кто успеет.

Напоровшись на мужские плечи, дверь одумывается и распаивается, Макар невозмутимо заходит, но Егор заливается соловьем. Я развожу руками. Выходим шустренько, и так как Егор последний, подпихивает меня в спину, чтобы не схлопотать как Макар.

У деревянной двери мы останавливаемся, я думаю, интересно, какие лица будут у моих близких? Мама расстроится, что не предупредили, нечем кормить деточек, хотя холодильник у нас давно не пустует, слава Богу, прошли времена, когда на десятку тянули неделю и мой отец падал в голодные обмороки на работе. Папа обнимет нас с Егоркой, а Макара придирчиво осмотрит, примеряясь: зять или не зять, или будущий зять? Бабуля живет в соседнем доме и когда позвоним ей, прибежит с горячими пирожками. Мне кажется, они у нее есть всегда, хотя она и следит за фигурой.

Тычки в спину намекают, что думаю я слишком долго, и я нажимаю на звонок. Трель в квартире, несколько секунд и дверь распаивается. В коридоре темно, и какое-то время отец не может рассмотреть пожаловавших гостей, а потом наступает момент узнавания, да и я подсказываю:

— Привет, пап.

Обнимаю его за плечи, всегда как в детстве.

— Злата! — он не всхлипывает, еще не хватало! Это за ним в прихожую вышла мама и забрала меня от папы. Вот здесь уже все по-женски. Наобнимавшись, я оборачиваюсь к спутникам, мнувшись на пороге.

— Мам, пап, а я не одна.

— Да мы уж заметили, — отец, как я и думала, рассматривает Макара.

А мама, когда я представляю мужчин, обнимает и того, и другого. Кто такой Егор, она знает, а Макара обнимает так, на всякий случай. Иногда у них с папой подозрительно одинаковые мысли.

— А где бабуля? — разочарованно спрашивает мальчик.

— Сейчас будет, — обещает ему папа и идет к телефону, пока мама обустроивает гостей. У нас трехкомнатная. Папа с мамой резко переезжают в зал, нам с Егором достается большая светлая комната, а Макару, пока его статус не выяснен, отдельная.

— А ты где жила? — спрашивает Егор, пока я разбираю сумки. Сюда Полине слишком долго и дорого ехать, чтобы помочь мальчику.

— В маленькой, — говорю.

— А чо тебя так притесняли?

— Да там удобно, никакие домовые не поместятся, спи себе — не хочу.

Глаза Егора загораются как у вампиреньша, только что цвет не меняют.

— А у вас что, домовые есть?

— А у вас что, нету?

Он так быстро качает головой, что я переживаю, как бы не свернул шею.

— Да был один, — говорю, — может, уже и другое жилье себе нашел.

Мальчик подозрительно осматривает все углы.

— Он всегда выходил из шкафа, — подсказываю.

Шкаф тут же раскорячивает дверцы, но Егор с грустью констатирует, что тесновато тут, и все захламлено вещами, некуда честному домовому деться.

— А ты, — говорю, — ночи дождись.

Ребенок нетерпеливо поглядывает на свои часы — н-да, только шесть вечера, а еще

наговориться, а еще наесться, а еще дождаться, когда все улягутся... Я надеюсь, что ночью он отрубится и не будет, как я в детстве, лежать рассматривая потолок и прислушиваясь к каждому шороху. Вообще, домовой у нас правда есть, ко мне, по крайней мере, приходил, и так — в состоянии то ли сплю я, то ли брежу. Но перестал являться стоило подрасти.

Когда вещи разложены, выходим в зал. Я замечаю, что Егор рассматривает не обстановку, а где просторней, где темней, чтобы приключения сегодня обязательно были. Макар беседует с моим отцом на балконе, мы с мальчиком тянемся на запахи в кухню.

— Ой, мама, — восклицаю, увидев расставленный и заставленный вкусами стол, — когда ты столько наготовила?

— Все было, — улыбается Егору, схватившему котлету, — как чувствовала.

Егор, не дожидаясь общих сборов, ест вторую, мы говорим о пустяках — вот потом, когда все улягутся, когда останемся на кухне вдвоем за чаем, я расскажу ей упрощенную версию своего развода. Я представляю, как не терпится ей узнать, почему с мужем разошлись, а его брат со мной, но это она еще не знает, что мальчик и живет у меня, а так бы побросала свои котлеты недожаренными, выгнала мужчин с балкона и заперла меня там, пока не расколуюсь.

Звонок настойчиво требует открыть дверь. Так нагло удерживать громкую кнопку может только один человек. Иду я, потому что мама и особенно Егорка заняты, на пороге подвергаюсь обниманиям, целованиям, отхватываю большой пакет с горячими пирожками, а потом меня отпихивают с требовательным криком:

— Бабуля пришла!

И бабушка с готовностью забывает о внучке, щедро наделяя лаской мальчика.

— А руки мыл? — заметив в его руке котлету, строго интересуется. И тут же возмущенный взгляд на меня — не уследила.

— Протер влажными салфетками, — заступает за меня Егор.

— Тьфу какая гадость! — еще пуще возмущается бабуля, и они оба идут в ванную, друг другу поливают из ковшика на руки. Егор возвращается почему-то с сухими руками, но влажными волосами и радостно оповещает:

— А у вас вода не идет!

— Мы знаем, — вздыхает мама.

— Даже холодной нет!

— Да, да, — поддакивает мама.

Я ставлю на стол бабулины пирожки, мама заканчивает с котлетами, и мы собираемся за столом. Надо же, какой он маленький, особенно, когда столько людей, и трое из них мужчины. Зато пустеет быстро. Ни Макар, ни Егор не смущаются, что меня радует, а тс уговаривай поест, как маленьких. Папа спаивает Макара самодельным коньяком, бабуля меня — самодельной вишневой настойкой, а Егора — компотом. Мама наблюдает за нами с умилением.

— Я, конечно, рада, что вы приехали, — снова бабулин строгий взгляд на меня, — но разве Егору не нужно ходить в школу?

— Да он с репетиторами дома занимается, — оправдываюсь я.

— Это не дело! Мальчику нужно общение, не все ему, как клуше, с тобой дома сидеть. С ровесниками надо контакт находить.

— Да он легко идет на контакт, — пытаюсь отбиться.

Егор следит за нашим разговором, но говорить некогда — никогда не видела, чтобы он

столько ел, как бы не поплохело. Есть все-таки свои преимущества в том, что я не любитель готовить.

— Злата, — продолжает бабуля, — я понимаю, что Егор — не простой мальчик, но есть же специальные школы, лицеи, гимназии. У вас вообще академия при институте есть, а если Егор в будущем собирается делать карьеру политика, то общение, правильное общение, на всех уровнях, даже на тех, что ниже тебя по статусу, ему пригодится. Ты так не думаешь?

Я вгрызаюсь в отбивную, и бабуля делает вывод:

— Не думаешь. Ты слишком увлекалась саможалением.

— Нет такого слова! — это Егор, правильные слова — по его части.

— Зато есть такое состояние, — не теряется бабуля и так как мальчик умненький, даже вопреки моему кощунственному воспитанию, ему достается улыбка, мне — укоризненный взгляд.

— Да я как-то не думал о школе, — говорит Егор. — Меня хотели спихнуть в Англию, а там программа сильнее, чем у нас.

— А почему ты не учишься в Англии? — спрашивает мама.

— Сбежал.

— Бабуля помогла, — сдаю бабушку.

Она строго машет мне пальчиком и смотрит лукаво, мол, я ведь тоже много чего могу рассказать. Но я не ведусь, она сама не захочет расстраивать родителей и вообще ей нравится быть в курсе новостей единолично.

— Ой, — уйду со скользкой темы, — мы же продукты в машине забыли!

— Я принесу, — поднимается Макар.

— Я помогу, — вызываюсь я.

Он не спорит, и мы выходим на улицу.

— О чем ты говорил с отцом? — спрашиваю у багажника. Оглядываюсь на окна — вроде бы за тюлью никого.

— Интересовался, какие у меня в отношении тебя планы, — усмехается, но по доброму. — Прямой у тебя отец, сразу в лоб.

— Это есть, — соглашаюсь. — А ты что сказал?

— Я тоже сказал ему прямо, что ты мне нравишься, — я едва не роняю пакет с шампанским, — но с твоей стороны этого нет.

Давлю в себе желание оправдаться и раз пошла такая пьянка, тоже говорю откровенно:

— Ты мне нравишься, но...

— Пока достаточно, — обрывает Макар и я заморожено смотрю, как в его глазах загораются зеленые звезды. Наверное, я не права, наверное, не должна чувствовать тихую радость, но я пытаюсь жить заново, и...

Макар не отстраняется, когда поднимаюсь на цыпочки и приближаю к нему лицо, не хватает меня, как колючий букет роз в охапку, а осторожно проводит рукой по щеке и, заглянув в глаза, — уверена ли? — сначала чуть дует на мои похолодевшие от ветра губы, а потом согревает своим теплом. Нежно, так нежно, и так неуловимо, что я невольно тянусь ближе и смутно ощущаю его горячие руки даже сквозь слои одежды и куртку, которую успела набросить перед выходом на улицу.

— Простудишься, — шепчет он, но не отпускает. Только губы его сползают по моей шее жаркой змейкой, чтобы вновь вернуться к губам, но едва проваливаюсь в сладкую пропасть, слышу голос с небес, мальчишеский, очень знакомый:

— Эй, вы скоро там?!

Мужские руки нехотя позволяют мне освободиться, и я задираю голову вверх. Егор приветственно машет рукой.

— Несите уже что-то вкусненькое, а то котлеты заканчиваются! — поторапливает, сверкнув на водителя недобрый взглядом, и скрывается на балконе.

Не успеваю перевести дыхание, что застали за поцелуем, как слышу позади женский голос, трясущийся от волны новостей, которыми не терпится поделиться с другими:

— Никак Злата вернулась? И не одна. С мужем, что ли?

И оборачиваться не нужно, чтобы узнать нашу соседку напротив, прескверную тетку Веру. Она обходит нас с Макаром — так-то заглядывать в раскрасневшееся лицо удобней; упирает руки в бока и качает головой, ахая:

— Хорош! Ах, хорош! Не муж, а картинка! Не боишься, что уведут?

— Не боюсь, — огрызаюсь я.

— А зря! Я-то помню, как в третьем классе тебе мой Витька нравился, а его увела Светка с пятого этажа, охомутала, и как теленочек ей в рот заглядывает. Или вот в пятом ты убивалась по моему Славику, а тоже ведь, не познакомь ты его с Лариской, может, и была бы моей невесткой! И та попользовала и себе не оставила и тебе хорошего парня не дала!

Я морщусь: не хватало мне такой свекрови. Мне, правда, тоже не сахар досталась, но эта бы из нашей со Славиком постели и не вылезала со своими советами. Это если бы мне Славик нравился, но мне ни в третьем, ни в пятом классе как-то не до мальчиков было. Единственный, кто мне действительно нравился так, что сносило крышу...

Стоп!

Не к ночи будет сказано. Я больше не маленькая девочка, чтобы сносить едкие комментарии почти незнакомой тетки, я больше не влюбленная дурочка, чтобы вспоминать сейчас Яра.

— Мне не нравился ни один из ваших сыновей, — поворачиваюсь к соседке, — и хорошо, что они женились, а не ожидали обратного, а то так бы в холостяках и ходили. И нет, я не боюсь, что моего мужа уведут, потому что в разводе.

Пока соседка пытается переварить услышанное и догнать вопросами, а с кем же я тогда открыто целовалась, мы с Макаром уходим. В лифте, — так странно, — смотрю в стену, а он снова на меня: пристально, и так чувственно, что хочется или спрятаться под его взглядом или скинуть куртку. Но я мужественно терплю три этажа, правда, на выходе облегченно перевожу дыхание, что не ускользает от моего спутника.

— Злата, — говорит он у двери квартиры, привалившись плечом к планке, — поцелуй ни к чему тебя не обязывает.

Я киваю и почти распахиваю дверь, когда слышу:

— Надеюсь только, он тебе так же понравился, как и мне.

Не оборачиваясь, захожу в квартиру. На кухне мое появление встречают репликами:

— Ого, сколько всего! — это папа.

— Ой, зачем так много? — это мама.

— И чего так долго? — это Егор.

— Ого, а я и не думала, что на улице так холодно: такие красные у тебя щеки, — это предательница-бабуля. Она ничуть не раскаивается под моим возмущенным взглядом, разгружает пакеты, мои и Макара, усаживает по новой за стол и невинно интересуется у меня: — А хороший коньяк у твоего отца, правда? Такой запах приятный.

— Не знаю, — пожимаю плечами, — я наливку пила.

— Но коньяк-то тоже попробовала, — усмехается.

Отец бросает подозрительный взгляд на Макара, я смотрю в тарелку, а мама пытается разрядить неловкую ситуацию тостом, но при этом пробалтывается:

— Подул сильный ветер, тюль поднялась, и мы ее с бабулей поправили. Выпьем же за безветренную погоду!

Ну да, мрачно думаю я, а поправив и увидев меня с Макаром на улице, отправили мальчика на выручку, на балкон. Интересно, папа тоже в курсе?

— Я курил на другом балконе, — говорит он, но только я успеваю расслабиться, добавляет: — Но у меня слишком хороший слух, чтобы не подслушать, как некоторые громко перешептываются на кухне.

— Что-то ты опять покраснела, — сочувствует бабуля, — а здесь же вроде бы не холодно. Закрою форточку.

Я пыхчу, но держусь. Не буду оправдываться. Я — взрослая женщина и это мое дело, с кем я целуюсь на улице! Пусть видит, кто хочет!

— О, — тянет бабуля у окошка, — что-то наша соседка тараторит подружке с другого подъезда. Никак новую сплетню нашла!

Таки и видели, вздыхаю, но не от того, что сожалею, а потому что некоторым делать нечего, кроме как чесать языками. За новой порцией домашних настоек инцидент с моим походом за продуктами забывается, мы грызем вкусные ананасы, клубнику без сезона и одну за одной уничтожаем конфеты, собирая горку разноцветных фантиков.

— И как с вами фигуру сберечь? — жалуется бабуля, но тянется за очередной порцией сладкого.

— Пойдем покурим? — отец утягивает Макара на балкон, хоть тот и не курит, и я понимаю, что ни черта не забыто.

— Пойду и я, — поднимается бабуля.

— Покурить? — подхватывается Егор.

Она грозит ему пальцем с наманикюренным ногтем:

— Я тебе покурю, внучек! Я тебе покурю!

— А что, уходите? — грустнеет он.

— Недалеко, — успокаивает она, — и ненадолго. Завтра вернусь.

Мальчик не веселеет и бабуля по-девичьи подмигивает:

— А завтра тебя к себе возьму, все мне расскажешь, что у вас там творится. — Бросает укоризненный взгляд на нас с мамой. — Вы то, небось, за ночь наболтаетесь, а по второму разу одно и то же рассказывать — много важного пропускать.

Проводив до двери бабулю, Егор скрывается в комнате с ноутбуком и последней, как уверяет, на сегодняшний день котлетой. Мама так умиляется признанию своих кулинарных талантов, что даже не думает о коврах и обоях, которые могут пострадать от жирных пальцев ребенка. А мне когда-то влетало!

— Кто он тебе? — спрашивает мама, прикрыв дверь.

— Друг, — улыбаюсь.

— Я не о мальчике, — улыбается тоже.

— Друг? — повторяю, но мама улавливает в голосе неуверенность.

— А с мужем... все?

— Да, развелись.

— Ты понимаешь, о чем я.

Понимаю, но начинать сейчас долгую тему, когда мужчины вот-вот вернутся с перекура не хочу, и мы болтаем о пустяках. Правда, их нет так долго, будто они кальян, а не сигарету раскуривают, и мама успевает рассказать, кого видела, пока меня не было, кто из бывших одноклассников передавал привет и кто безжалостно испортил себе фигуру обжорством, но больше — пьянкой. Болезнь маленьких городков — пить от скуки и ничего не делая, и даже думать не хочу, какой стала бы я, останься здесь. Наверное, через пару лет — такой же, как наша соседка — алчной до чужих проблесков жизни.

Когда мужчины все-таки возвращаются, мы уже со стола убрали, но папа все равно находит спрятанный коньяк и наливает по последней чарке себе и Макару.

— С ума сошел! — возмущается мама, но стопки не отбирает, а нарезает лимончик. — Дети еще, может, по городу гулять захотят, а ты их спаиваешь!

Отец присматривается к Макару и трясет уверенно головой:

— Егор в комнате, так что не надо мне тут растление приписывать. А если захотят на прогулку, так здесь на машине не сильно разгонишься, так что пусть она во дворе постоит, я присмотрю.

Егор, будто стоял на стреме, тут же заглядывает на кухню.

— На маршрутке поедем, — говорит.

Ясно, что прогулки не избежать, не ясно только, как впихивать в водителя обещанную мальчику папиросу, если вдруг нам попадется пекущийся о пассажирах. На прогулку нас отправляют все вместе: мама машет рукой, как в последний путь, отец курит на этом балконе, а бабушка кричит с балкона соседнего подъезда, что оделись слишком легко, не по погоде и чтобы вели себя прилично.

— Камень в твой огород, — шепчет мне Егор доверительно, — чтобы на виду не зажимались.

— Или в твой, — не теряюсь, — чтобы не объедался.

Темноволосый ежик, попыхтев, выдвигается вперед, к остановке, а мы с Макаром идем следом, как два родителя. Мелькнувшая мысль поражает своей абсурдностью, но веселит, или это настойка виновата. Поскользнувшись на луже со льдинками, я хватаюсь за руку Макара и так и иду, для безопасности.

— Мне понравилась твоя семья, — говорит Макар. — Простые, душевные. Я теперь понимаю, почему ты такая.

— Какая? — бросаю на него любопытный взгляд.

— Добрая, открытая, нежная, в тебе нет налета мишуры, алчности, злости.

Я снова поскальзываюсь.

— Ты словно не обо мне рассказываешь.

— О тебе, — подхватывает крепче, — ты пытаешься стать другой, но я рад, что у тебя не получается.

— Макар...

— Я никогда не встречал таких, как ты, Злата.

— Ты никогда не встречался с девушкой из глубинки.

— Глубинка не делает человека лучше или хуже. От человека зависит, кем быть. Я видел твою подругу — та еще стерва, а вы ведь вместе учились?

С логикой не поспоришь, и я молчу, да и практически пришли к остановке, где с ноги на ногу переминается Егор.

— Замерз? — спрашиваю я.

— Неа, — машет головой по сторонам, — и где они? На чем мы поедем? Я думал, какую маршрутку остановить и как бы задержать, пока вы налюбезничаетесь, — кривится, — а здесь ни одной!

— А это надо подождать, — учу я.

— Долго?

Пожимаю плечами, сверяю время на часах Макара — восемь.

— Вообще-то должны еще быть, — говорю неуверенно.

Оба смотрят с кучей эмоций во взглядах — что взять с избалованных жителей мегаполиса? Я слежу за дорогой, но первым транспорт замечает Егор. Радует, пританцовывает в нетерпении, а когда маршрутка подъезжает, удивляется, что такая тарбайка еще на колесах, а не на свалке. Подпихиваю его, как в метро, хотя он и протестует, заглянув в салон, что свободных мест нет.

— Постоим, — говорю я.

— Всю дорогу?!

Но в салон подпихивается, кряхтя и постанывая. Стоим. Мне нормально, Егору нудно, потому что водитель с перегаром, но без папиросы, Макар — пригнувшись.

— Дааа, — тянет он, когда выходим на остановке в центре.

— Во-во! — первый раз соглашается с ним мальчик, и оба насуплено провожают взглядом неугодившую габаритами маршрутку.

Городок тоже восторгов не вызывает (так это почти без фонарей, а если бы увидели его при свете?), и я уже придумать не могу, куда их сводить кроме единственной центральной улицы, которую благодаря попутному ветру прошли вдоль довольно шустро, когда Егор замечает на лавочке двух подмерзших девушек в коротких курточках, со снежинками в распущенных волосах, зато накрашенных так обильно, что лицу уж точно не холодно. Таращится на них, и с места его не сдвинуть.

— Не вздумай им дать денег, — одергиваю его.

— Что так? — удивляется.

И как объяснить ему, что девочки на работе и подумают, что не просто так облагодетельствовал, а заплатил за услуги?

— Ты же видишь, что это не бомжи, — пытаюсь намекнуть и утянуть дальше. Сопротивляется.

— Я вижу, что им холодно и они пересчитывают мелочь в карманах.

Вздыхнув, смотрю на Макара. Тот усмехается.

— Да я хоть на чай им дам! — говорит Егор, но я успеваю его перехватить.

— Не надо.

— Почему нет?

— На всех денег не хватит.

Не лучший аргумент, я вижу, как Егор недовольно поджимает губы и понимаю, что ему ничего не стоит вырваться и сделать, что хочет. Кто я ему, чтобы поучать? Единственное, что я могу — не замалчивать, а сказать правду. Он хмурится после объяснений, не сводит глаз с девчонок, а потом с машины, в которую они, радостно пискнув, запрыгивают.

— У нас не так много рабочих мест, — пытаюсь вывести его из транса, — но кто хочет, всегда может устроиться в магазин кассиром или в бар официанткой, или пиццерия недавно открылась — хоть туда. Это их выбор.

— Я понял, — выкручивается из моего захвата, идет вперед, буксует замерзший камешек мне. Я подхватываю. Так и идем, перекидываясь, а я все думаю: интересно, Яр тоже был когда-то таким сердобольным или ему сразу не позволили? Игра прекращается, как только передаю камешек Макару, тот — Егору, а мальчик делает вид, что не заметил.

— Ну что, домой? — спрашиваю приунывшую экскурсионную группу.

— Давай, — соглашаются синхронно.

Ну слава тебе Господи, заговорили! Маршрутку ждать приходится много дольше и я уже посматриваю в сторону такси, когда она подъезжает. Свободная, — нет дуракав гулять по пустынному городу в десять вечера, только трое, так что все расселись, зевая.

— Не помешает? — спрашивает водитель и не дожидаясь согласия, раскуривает на радость некоторым сигарету.

Окно открыто, холодный воздух проникает в салон, но столько счастья в детских глазах от каждой затяжки, что мы с Макаром потерпим.

— Последняя ходка, — говорит водитель, — устал, как черт.

— Понятно, — сочувствует Егор, выдвигаясь вперед корпусом. Я начинаю переживать, как бы дыма не наглотался и не простыл, но того за уши с переднего сиденья не стащишь. Ничего, уж скоро дом, тепло, постель...

Водитель, видя заинтересованность, усмехается и травит байки, собранные за день. Как толстая баба не хотела заплатить за два сиденья, что заняла, как его пытались облапошить пэтэушники и выскочить зайцем, как вот сейчас, буквально пять минут назад, прежде чем подобрать нас, его пытались перехватить две малолетние проститутки.

— Прикиньте, — делится событием, — их из машины выкинули, они так и растянулись в луже. Кросопеты! Одна из них сидит, стонет чета, ногу подвернула, что ли, а вторая выбегает на дорогу и мне наперерез. Я заплачу — кричит, а сама куртку распахивает! Ага, думаю, нужна ты мне после стольких! Уж лучше я с женой... того... погреюсь!

Егор оборачивается ко мне, и я со вздохом считываю по лицу, что домик наш пока не светит, что тепло пока не ожидается и что приключения в маленьких городках с возомнившими себя взрослыми мальчиками — не заканчиваются. Мальчишка после моего кивка просит остановить, выходим черт те где в темноте и вызываем по мобильному такси.

— Надеюсь, здесь водитель некурящий, — хмурится Егор, пока мы ждем.

Ну хоть одно хорошо, думаю устало: кого-то сердобольного очень не скоро потянет на плохие привычки.

Добрые дела выматывают так, будто пытаешься перевернуть с рельсов вагонетку с углем. Не то чтобы у меня большой опыт по этому делу, но ватная голова отказывается искать другие сравнения. Я падаю замертво на диван, закинув ноги на мягкие пуфики. Макар беспрекословно уходит с папой на балкон под коньячок и лимончик. Егор громко вздыхает, показывая, мол, тоже устал — чтобы ему не досталось взбучки.

В поисках попавших в беду девушек легкого поведения мы проколесили час на такси, пять раз объехав вокруг полувывсохшегося городского ставка, три раза вокруг закрытого рынка, просчитав кто сколько насобирал бутылок, и бесчисленное количество раз вокруг заброшенных гаражей. Никого. И все бы ничего, но кое-кто заподозрил, что девочек могли утащить в темные заросли парка. А поиски под одну зажигалку поздним осенним вечером — это я вам скажу и ушибы, и попытки падения, и ссадины и жуткие крики, когда спотыкаешься о казалось бы бесчувственное тело, а потом пытаешься оттащить от него того, кто пытается это тело подхватить и усадить в машину.

— Куда?! — я практически выла, и в пустом парке в потемках этот звук пугал и меня саму и летучих мышей. — Куда ты его притащишь? Ну доведем мы этого алкоголика до своего подъезда, а потом что? Бросим? Так ему тут, под деревьями и в тишине, теплее и безопасней, он потому здесь и прилег.

Я, конечно, сильно сомневалась, что выбор лежанки был сознательным, но мне как-то не улыбалось спасать тех, кто мирно посапывает, когда я сама спать хочу. Нет, с мальчишкой нужно что-то делать, как-то направить его в правильное русло, а то добрался до добрых дел — теперь беды не оберемся. Или подхватит что-то заразное, или нашу квартиру в приют превратит, или совратит бабулю своими идеями и она пожертвует жилплощадью, а сама к родителям переберется.

Я бабушку очень люблю и уважаю, папа вообще ее сын, но во всем нужно знать меру, а она просто без ума от новоиспеченного внука. А если он, — еще хуже, — подхватит не болячки, а привычки спасаемых?

— Горе ты мое луковое, — говорю ему, чуть придя в себя на диване.

— Цыбулькино, — поправляет он с широченной улыбкой. — Ты больше не сердисься?

— Ты еще не видел, как я сержусь, — угрожаю, но эффект совершенно потрясающий. Мальчишка вмиг оказывается рядом, на ковре, и заглядывает лисенком в глаза.

— Хочу увидеть! — просит воодушевленно.

— Так что у вас случилось? — заходит в зал мама, посчитав, что выделила достаточно времени для внутренних разборок.

— Кайся, — указываю Егору, а тот так расползается в улыбке, что губы никак не соберет. Я рычу, громко, страшно, а он покатывается со смеху. Приходится мне под переливчатые звуки колокольчика рассказывать о прогулке, обещавшей быть тихой.

— То-то я думаю, где вы так долго, — говорит мама, и ни упрека в сторону Егорки, что благодаря ему нас водило по лесу (ну почти) ночью (ну почти). — Спать вы собираетесь или нам с папой, как Егору, здесь, на коврик прилечь?

Намек понимаем и уходим. Мне определили место на кровати, мальчику на узком кресле, которое он рассматривает с большим подозрением.

— И не таких выдерживало, ложись, — говорю я и вообще кто-то сегодня провинился. Иду проверить мужчин — стоят, один курит — второй дымом дышит. Папу спасти от сигарет поздно, они для него зло любимое, но у легких Макара еще есть шанс выбраться из города здоровыми.

— Пап, ты так и не перешел на те, что с фильтром? — машу над собой рукой, но дыма столько, будто на балконе жарят протухшие шашлыки. При моем появлении мужчины замолкают, и нет сомнений, о ком говорили.

— Не заскучали?

Машут головами. Ну еще бы, а кто-то осуждает нашу соседку за сплетни.

— Ты спать идешь? — спрашиваю Макара.

Папа деликатно откашливается, и я осознав двусмысленность вопроса, добавляю:

— Мы с Егором уже ложимся.

— Да ладно заливать, — отмахивается папа, — вы просто хотите скорее нас уложить, а сами с матерью за разговорами рассвет встретить. Какая вам разница, где встретим его мы, при условии, что не будем подслушивать?

Вообще-то да, мы с мамой обычно откровенничаем один на один, но папа с возрастом становится как и бабуля — предателем, а раньше я бы с ним в разведку, не раздумывая, а сейчас сильно сомневаюсь. Хотя бы потому, что наше укрытие противник незамедлительно обнаружит по сигаретному дыму.

— Спокойной ночи, — ворчу с намеком.

— Спасибо, — благодарит папа, мало того, что в ответ не пожелав добрых снов, так еще и намек не приняв к сведению.

Ну не растаскивать же двух здоровенных мужиков? У меня столько силы нет! Я иду на хитрость и забираю с балкона коньячок и лимончик, в отличие от мамы я прятать умею. У меня под кроватью — надежно. Поцеловав маму, иду в комнату, где на диване сидит Егор в одежде и прежней позе мыслителя.

— А мыться как мне? — разводит возмущенно руками. — Воды-то нет, а грязным я не лягу!

— Я очень рада, — говорю, уперев для солидности руки в бока, — что ты такой чистюля и осознаешь, что там, где мы прохаживались перед сном, было антисанитарийно.

Иду ставить чайник на кухню, а там уже парует кастрюля с водой. Целую маму и подготавливаю тазик для водных процедур мальчику.

— Иди, — кричу ему, — а то остынет.

Он с громким топотом несется на зов, но в дверях останавливается, как упрямый мул, и морщится.

— В цветочек?! — спрашивает с такой претензией, словно это я тазики по ночам раскрашиваю.

Я подаю ему розовое полотенце, показываю, где стоит гель для душа, и слышу вдогонку:

— Фуу, я буду пахнуть, как девчонка!

— Зато ты будешь чистым, — усмехаюсь и закрываю дверь в комнату, чтобы не слышать возмущенного пыхтения. Пока он моется, сажусь за свой ноутбук — надо как-то состряпать редактору письмо с извинениями, сказать, что нет эксклюзивного интервью, нет статьи — в общем, не справилась. Но только и делаю, что пишу и стираю. За этим занятием меня и застаёт пахнущий пачули и абрикосом Егор. Подходит со спины, читает.

— Так дело не пойдет, — садится по-турецки на разложенное кресло со своим

ноутбуком, что-то высматривает и продолжает поучать: — Нельзя отказываться, не попробовав. Ты напиши, а если редактору не понравится, он сам от тебя откажется.

Не улыбается мне прослушивать в который раз диктофон, на котором нет ничего для статьи подходящего, и я настойчиво сочиняю извинения и все такое.

— Ага, — говорит Егор, — я молодец, кто бы сомневался! Смотри, что мы сделаем: если не хочешь писать то, что сказал тебе мой брат в конференц-зале, напиши совершенно другое, но о нем же. Так ты и задание выполнишь, и кое-что новенькое сама о нем узнаешь.

— Интересно что? — оборачиваюсь.

— А что ты знаешь о его детстве? — усмехается довольный, что заинтересовал. — Никто не знает, так что будет эксклюзив. Давай, я буду рассказывать, а ты слушай и пиши, потом оформишь как надо. А у меня в ноутбуке и фотографии есть.

— Ты что, заранее подготовился?

— Я же говорил, что взял с собой все, что нужно, — удивляется моему удивлению. — Готова?

— Да ночь вообще-то, — не хочется мне слушать о детстве бывшего. Жутко любопытно, но... боюсь узнать что-то, что расположит меня к нему. Боюсь, что будут моменты, которые меня разжалобят, что ли.

— А ты — сова, — возражает мальчишка, — ты вон и не зеваешь даже. Так вот, родился он...

Начало расслабляет — ничего жалостливого, все как у всех. Родился, рос, учился, хотя и не в обычной школе, но для положения его родителей это нормально. Его отец был дипломатом, мать работала в Конституционном Суде, тоже не на последней должности. А вот потом, когда мы перешли к взрослому Яру... Меня, действительно, поражает, как много мальчик знает о своем брате, и как спокойно говорит о его женах, об их отношениях. Нет, без интимных подробностей, — не хватало, — но в каждом слове проскальзывает легкое разочарование. Я начинаю понимать, что каждый новый брак Яра был надеждой и для мальчика, буквально вижу, осязаю, как он ждал, что что-нибудь изменится и для него, что его полюбят или хотя бы просто заметят. Но первая жена была помешана на сексе и мужчинах, вторая — на себе, а третья, — то есть я, — ушла, потому что...

— Не надо, — прошу мальчика, и он кивает, переключаясь на другое. Рассказывает, чем вообще занимается Яр, какой у него бизнес, тему друзей проскакивает, пожимая плечами.

— Да нет их, — поясняет, когда спрашиваю.

— Как нет? А Стас?

— Он — прихвостень.

— И больше никого?

— Еще такие же. Их много, Злата, очень много. Яр — как акула, возле которой вертятся мальки. Пока в движении — под ним, а захлебнется — так и растащат по кусочку.

Я быстренько строчу черновик: пока не знаю, что в нем пригодится, но все же. Мальчик медленно рассказывает дальше и чем больше он говорит, тем больше я втягиваюсь. Строчу по клавишам, как из пулемета, и пытаюсь уловить одну мысль.

А, вот... прерываюсь... вспомнила!

— Слушай, — говорю, — ты сказал, что каждой жене Яр платил большие отступные.

— Ну да, — поддакивает, — не столько как тебе, конечно, но приличные.

— Но разве их платил он? Не твои родители?

Мальчишка хлопает глазами и ухает, как филин.

— Ух! Ну ты придумала! С какой стати моя мама будет платить тем, от кого хотела бы избавиться?

— Как раз поэтому.

— Ну да, конечно, и где логика? Без денег человек слабее, зависимей, зачем делать своего противника сильнее? Она не для того подначивала папу сделать капитал, чтобы им разбрасываться.

И вот теперь вопрос: как принимать слова Макара? Он говорил, что отступные платила бывшая свекровь. То ли не знал — в конце концов, он был простым водителем в их доме, то ли солгал, то ли перепутал? Или Егор не знает всей обстановки? Сомнительно: внимательный и умный мальчик, его родители ему не посторонние люди, повадки изучил. Второй вопрос: кому мне верить? И номер три, последний, самый главный: а мне какое дело? Ну заплатили девушкам, те не в обиде, я на финансовую сторону развода тоже не обижаюсь. Проехали. Пишу, пока пишу, как говорит Егор, а когда буду править, может вообще это вычеркну.

— И вот еще, — я снова вспоминаю, — а как на счет той девушки, на рисунках?

— А что с ней?

— Ну вот действительно, что с ней? Ты о ней ни слова.

— Так он же не был на ней женат! — Заметив интерес, Егор меняет местами ноги, чтобы поудобней, упирается подбородком в локоть и смотрит какое-то время задумчиво. — А, ладно, — говорит, — если и скажу, нет здесь ничего такого. Та девушка...

— Наталья, — подсказываю и заодно проверяю: узнал ли он тогда мою соседку по палате.

— Наталья, — соглашается с улыбкой, — она ведь как мечта была, просто как призрак. Увидел, девушка понравилась, пытался даже найти, она казалась ему не такой как все. Но девушка то ухажеров меняла, то беременела, то вообще исчезла из города. Она, конечно, ничего, но думаю, если бы они все-таки познакомились, ничего бы у них не вышло.

— Почему?

— Она бы попыталась давить, возможно, перевоспитывать, да и увлечения Яра ей бы не понравились. Это позже он сменил круг одних прихвостней на других, а тогда... — вздыхает. — Наталья слишком жесткая, слишком свободолобивая, а Яр по своей натуре защитник. Знаешь, до фанатизма. Тебя вон попросил с работы уйти, но если у тебя есть хобби, твои сказки, то у Натальи работа — цель, она так самоутверждается. Они бы не сошлись, я точно говорю, а вы... Ты знаешь, я когда на вас смотрю, мне верится в ту притчу про две разделенные половинки.

Я хмыкаю, а Егор продолжает:

— Но там ведь не говорится, что когда две половинки встречаются, происходит стопроцентное идиллическое совпадение, верно? Они даже могут разойтись снова, только им будет друг друга не хватать. Потому что когда знаешь, что теряешь, больнее, верно? Взять к примеру меня... — усмешка для бравады. — Я так привык, что ты желаешь мне добрых снов, и Яр вот тоже...

Яр? А вот это для меня приятная новость: им давно пора наладить теплые отношения.

— ...И если всего этого не будет, — продолжает, рассматривая свои ноги, — я, конечно, переживу, но... Ты понимаешь, о чем я?

— Да.

— Вот так и вы с Яром, — вздыхает. — Он никогда не поднимал руку на женщину,

Злата. Они такое вытворяли, а он отпускал — и все, даже не кричал. Давал им денег, чтобы жили как хотели. А тебя не хотел отпускать. Даже после того, что ему там в больнице наболтали, он добирался на такси, а тебя доверил своему шоферу. А после того, как увидел пленку? Отпустил?

Я помню, как Яр шептал мне жаркие слова, как зацеловывал, ласкал, выжимал из горла сладостные крики. Не отпустил. Не хотел отпускать, даже после того, как два часа мотал по кругу запись с моей изменой ему.

— То-то же, — замечает Егор. — И кто-то прекрасно знал все это и перестраховался, подсунув ему наркотики. А теперь представь, каково тому, кто привык оберегать самое дорогое, прятать за стеной — взять и разбить? Самому: и защиту, и это самое дорогое. И собрать и вернуть невозможно? Это сильный удар по вам обоим, Злата, но я не знаю, по кому больше. Ты пытаешься восстановиться, а он продолжает себя разрушать.

— Ты говоришь слишком серьезные вещи для мальчика тринадцати лет.

— А что, по-твоему, я должен играть в игры на компе и делать вид, что ничего не вижу в реальности?

— Думаю, большинство мальчиков твоего возраста так и делают.

— Не все же мальчики моего возраста мечтают стать послами, — замечает резонно. — А ты чем в этом возрасте занималась?

— Да тем же, — усмехаюсь, — писала сказки. Так, ладно, отвлеклись не по теме. Давай лучше дальше. Что там ты рассказывал о Яре? На чем остановились?

— На тебе, — улыбается, откидываясь на подушку. — Да все уже. Дальше ты закончи историю, как сама хочешь. От тебя зависит.

Он укрывается одеялом и отворачивается к стенке, а я играю в гляделки с экраном ноутбука. И что мне написать в конце? Не знаю, ставлю троеточие...

Опять возвращаюсь к началу. Перечитываю написанное в сотый раз, правлю, привожу в более-менее читабельный вид, но к сожалению, не газетный. Скорее, размышлизмы или легкий рассказ — что-то у меня в эту форму сдвинулось. Эх, вряд ли это подойдет, но если просто перечислить факты о Яре, эксклюзивная статья окажется ничуть не увлекательней википедии.

Когда пишу о бизнесе, прозрачно намекаю, что если хочешь денег — нужно много работать, потому что мне ли не знать, как поздно он возвращался и каким утомленным. Пишу о детстве, намекая, что о будущем надо думать с пеленок. Пишу о прошлом, с удовольствием описывая, что он щедро делится отступными с бывшими женами, но из каких-то ложных принципов умалчиваю о самих причинах развода. Пишу о нашей встрече — все как было, кроме расставания. Так, разошлись — и все. Пишу о настоящем Яра и... не удерживаюсь от шпильки, которая и заменяет троеточие.

«... Итак, делаем закономерные выводы: Самарский Ярослав Владимирович — не просто состоятельный бизнесмен. Он — один из самых богатых людей нашей страны, миллионер. В меру симпатичный, что легче всего отметить по детским фотографиям, к статье прилагающимся и... внимание!.. Он — холост!

С учетом того, что он был женат трижды, разрыв между разводом и новой свадьбой составлял не больше года, а с последнего развода прошло уже несколько дней, у жаждущих стать новой женой олигарха не так уж много времени, чтобы перехватить его.

Из проверенных источников (внимание на подпись автора статьи) добавлю, что в

настоящее время сердце и безымянный палец Самарского Ярослава Владимировича свободны. Так что желаю вам удачной охоты, милые дамы!

Самарская Злата Юрьевна»

Удовлетворенно хлопаю крышкой ноутбука, прислушиваюсь к тишине в квартире и прикрыв осторожно дверь в комнату, где посапывает Егор, выдвигаюсь на кухню для нелегкого разговора с мамой. Она встречает меня дымящейся кружкой зеленого чая, сама уже попивает с шоколадным сырком. Мы закрываем от шпионов дверь.

— Не хочешь говорить о нем? — участливо спрашивает мама и я, вздохнув, рассказываю. Все с самого начала: о том, как познакомились, о том, как вышла замуж в, кажется, чужом платье, о том, как было хорошо мне с мужем, пока... я не влюбилась, и пересилив боль, рассказываю о причине развода. Я не хотела говорить о роли Макара, но здесь или говорить как есть или не начинать, потому что мама слишком меня чувствует, а я прескверно лгу.

Она слушает не перебивая, разве что неосторожными вздохами. Мне кажется, она не понимает, почему я привела в дом человека, не без помощи которого разрушился мой брак. Но если бы не он, меня могли действительно использовать, по полной, и тогда я бы чувствовала не злость и ненависть к мужу, а презрение к себе и своему телу. Оно и так... непослушно в постели, но вряд ли я смогла бы другому мужчине прикоснуться к себе после всего. А так... целуюсь на ветру.

— Ты защищаешь его, — замечает мама без осуждения и попытки навязать свое мнение.

— Да нет, — оправдываюсь, — пытаюсь объяснить.

— Скажи, я правильно заметила, что ты к нему что-то чувствуешь?

— Да, — не скрываю, — он мне нравится, но я пока не думаю о новых отношениях.

Когда-нибудь... возможно... я не знаю, мам.

— А муж?

— Что муж?

— Что ты к нему чувствуешь?

— А почему ты думаешь...

— Я же не слепая, — вновь вздыхает, — и у меня большие подозрения, что ты все еще его любишь.

— Нет, — говорю.

Она не давит, не тянет из меня все жилы, а подливает в кружку чай.

— Я не могу верить мужчине, который меня предал, — говорю я. — Не могу спокойно смотреть на того, кто пытался поднять на меня руку. Нет, — поспешно успокаиваю маму, — он не избивал меня...

Там все гораздо хуже, но это опускаю. Не хочу передавать маме свою боль, а на моих щеках как в ту треклятую ночь уже горит пощечина.

— Я просто больше не могу... — перевожу дыхание. — Он выбросил меня из дома, как лишайную дворняжку, которую подсунили на птичьем рынке вместо здоровой и породистой. Он не поверил, когда я пыталась поговорить о ребенке...

Мама всхлипывает, но держится.

— У меня вообще блок на применение силы со стороны мужчин, любой, даже грубых слов, даже пощечины. Я никогда не смогу простить, если бы и хотела. Меня распирает от

жажды мести, мне хочется избить его, мне хочется скрутить ему руки, заткнуть в рот кляп и... — машу головой, отгоняя тупое раздражение. — Иногда меня посещают жуткие мысли, если я начинаю об этом думать. Причем не обязательно применительно к себе, мне достаточно увидеть что-то такое по телевизору, как меня заносит: муж избивает жену, или брат сестру... В общем... Я не умею прощать. Не дается мне это.

Какое-то время слышно только наше с мамой дыхание, и сказать нечего, суматошно мечутся мысли и замирают, не оформившись. Наверное, мой лимит откровений на сегодня исчерпан, и пора спать, а утром все воспримется проще и для мамы. Я знаю, позже, скорее всего, когда мы уедем, она поделится грустью с папой, а я не смогу. Мне иногда с ним слов не хватает. Родной, близкий, но при нем я боец, а бойцы, даже мирные, не расквашиваются.

Но дверь кухни вдруг открывается и на пороге возникает отец. Взлохмаченный, чуб матюком, в одних спортивках, смотрит на меня так пристально и с таким страданием, что тянет начать хлюпать носом. Но я держусь. Бойцы, даже девочки, даже с подбитыми крыльями, при папах не плачут.

— Прости меня, — выдавливают отец, делая шаг и замирая надо мной. — Прости меня, доча.

И я вот так, в одну секунду, переношусь на виток прошлого и отгоняю непрошенные слезы. Тогда мне было девятнадцать. Я училась на третьем курсе платного вуза, оставалось каких-то несколько лет до заветного обладания престижным дипломом, но однажды приехав домой, я узнала, что отец бросил работу. Он сказал, что в шахте за ним начала гоняться смерть, при нем порода завалила двух лучших друзей, одного едва успели спасти, но с ужасными травмами. Отец сказал, что чудом спасся, что думал уж не выживет, за ним тетка с косой ходит. А я тогда вместо того, чтобы поддержать, вместо того, чтобы обрадоваться, что жив и теперь в безопасности, испугалась что не смогу окончить образование: денег не хватит, одна мама не потянет и нас и мое обучение.

Я кричала отцу обидные вещи: что он сопьется, как его лучший друг, что превратится в бомжа, в ничто, в мыльный пузырь. Кричала, что он трус... Отец дал мне пощечину. Единственный раз поднял на меня руку, никогда в детстве не кричал, не бил, а здесь — взрослая девушка, и пощечина...

Я не смогла простить.

Да, не напоминала, мы заново учились разговаривать друг с другом, но никогда я больше не говорила всего, что думаю. Никогда не общалась свободно, как с мамой. Была я — спокойная, рассудительная, открытая для всех. Была я — противоречивая, о которой мало кто знал.

Между мной и отцом стеной стояла пощечина. У меня после нее как блок, не переношу насилия: меня типает, трусит, лихорадит, бесит, выводит из себя даже намек. И он, подслушав наш разговор с мамой, понял, из-за чего все. Понял и опять, спустя три года, возвращается к болезненной для нас обоим теме. А я могу соврать, что все нормально, могу попробовать сыграть — в больнице насмотрелась сериалов, могу действительно попробовать простить.

— Пап... — Я поднимаюсь на негнущихся ногах и крепко обнимаю его. Как в детстве, доверяя, зная, что не бросит, не предаст, простит. И я не чувствую при этом себя слабой, тряпкой, о которую удобно вытирать ноги. Наоборот, какой-то прилив сил появляется, легкость. Сон как рукой снимает, и за разговорами мы только перед рассветом расходимся спать.

Дверь в комнату Макара плотно закрыта, и я бесшумно проскальзываю мимо. Мой мальчик крепко спит, а я смотрю на него и такое душит безумное счастье, что хочется защекотать. Сдерживаюсь, ложусь в кровать и вскорости засыпаю. Мне снится странный сон, как будто в сумраке я ищу выход к свету, а мне указывает его чей-то голос. Иду сквозь трупы, стонущих, просящих, ступаю по кровавым лужам... Жутко и правдоподобно: и кровь, и голос...

Вот только странно, думаю с утра, обычно видеть во сне кровь — к встрече со своими близкими, родственниками, а мы ведь уже встретились. Сомнительно, что нагрянет без предупреждения мамина родня с Севера.

А вот о мужском голосе из сна старательно не думаю.

А зря.

Как оказалось позже, сон был в руку.

Пока я спала, бабуля заманила Егора к себе пирогом с потрохами. Не думаю, что золотой мальчик будет такое есть, разве что из тяги к сомнительному экстриму...

— Ой, кто бы говорил! — встает на защиту мальчика и бабули мама. — Кто нашел у бабушки пакетики с «Юпи» и напился этой гадости, а?

— Действительно, — не спорю, — была такая девочка. А кто не дал ей закусить эти порошки с самодельными напитками жвачкой «Бубль Гумм»?

— Да той жвачке лет десять было, не меньше! — возмущается мама.

— Но она же была целая! — возмущаюсь я.

На кухонный стол между нами примирительно ложится пачка ментоловых жвачек.

— От сердца отрываю, — говорит папа.

— А кстати, — беру одну подушечку, — бабуля выкинула «Буль Гумм»?

Родители пожимают плечами, а я таки надеюсь, что выкинула, потому что одно дело когда Егору поплохело от прыжков на батуте и я его не любила, и другое — если в моем доме, и он — чудо мое цыбулькино.

— А Макар еще спит? — спрашиваю папу, он встал последним, может, слышал. Папа вчера решил, что вмешиваться в наши отношения не будет и что водитель не такая сволочь, как мой бывший, так что я спокойно произношу это имя в доме. Имя Ярослава под запретом, можно проболтаться только Егору — по родственному, по юности и по скидке, потому что он о табу не знает.

— Да нет, — говорит папа, — кажется, встал уже. Не знаю, чего не выходит. Зайти к нему?

Присматриваюсь с подозрением: вроде бы не настроен для серьезной беседы, но лучше я сама. Не расхаживает же он, я думаю, в пижаме со слониками? Стучусь на всякий случай, Макар открывает дверь, и я, произведя невольный осмотр, убеждаюсь, что пижамы нет, слоников тоже, а есть босые ноги, брюки и оголенный торс.

— Войдешь? — и наглость есть, с которой мне так соблазнительно улыбаются.

— А ты выходить не собираешься? — интересуюсь. — Я уже, например, позавтракала.

— Молодец, — медленно, чтобы было время отпрянуть, протягивает руку и гладит по волосам. — Я не голоден, спасибо.

Он оставляет открытой дверь, а сам отворачивается, и только теперь я замечаю, что он складывает в сумку вчерашнюю рубашку. Свежая висит на спинке стула, дожидается, когда окажется на его сильных плечах.

— Уезжаешь?

— Да, я же говорил, что могу только на два дня, а с учетом дороги я и так задержался.

— А Егора уже нет, — почему-то говорю я.

— Я знаю, слышал, как он уходил.

Пока Макар надевает рубашку, я рассматриваю узоры на ковре.

— Проводишь?

Ну вот, собрался, можно и в глаза смотреть. Я только одного человека знаю, которому так же идет красный, но ни одного больше — о котором бы мне хотелось сейчас думать. Я топаю к двери, жду, пока Макар распрощается с моими родными и под его вопросительным

взглядом иду к лифту.

Макар не спорит, усмехается чуть заметно, видя мою воинственность. Это у меня с утра бывает, и когда волнуясь, и когда вперед пытаюсь защититься от любого, даже словесного, нападения. Пока Макар забрасывает сумку на заднее сиденье, я без удивления замечаю выскочившую из подъезда соседку — тетя Веру. Ну да, с балкона видать-то хуже, а надо в подробностях, чтобы живописать другим сплетницам.

Но мне все равно. Помнится, я и хотела оставить в городе побольше сплетен. Пусть смотрит, пусть завидует. Я подхожу ближе к Макару.

— Пора?

— Пора.

Между нами расстояние в несколько сантиметров и сотни взглядов из зашторенных окон. Между нами прошлое, через которое переступить не могу и его надежда, что однажды я это сделаю. Между нами так много всего, что сказать нечего. А сейчас между нами встанут города, и чем дальше он будет ехать, тем больше чужих лиц, чужих судеб, мимо которых зачем-то проносишься... И я признаюсь сама себе, что была бы не против, останься он еще на немного: день, два. Мне бы хотелось узнать его лучше, хотелось попробовать с поцелуями или чуть больше...

А, впрочем, что мне мешает сейчас?

Теть Вера? То, что Макар спешит? Нет, мои страхи. А если ступлю на них? И каблуком? Если не услышу их яростного шипения?

Поднимаюсь на цыпочки, медленно обнимаю за шею, чтобы мог отстраниться, но... он прижимает сильнее и целует лицо, губы, волосы, целует мои ресницы. Легким прикосновением, огненными точками. А я, захлебываясь проснувшейся жадностью, беру в плен его губы. Один из нас издает тихий стон, другой повторяет как эхо, и мы дышим с трудом, когда оставляем губы в покое. Мое лицо у него на груди — не стыдно, просто... приятно, удобно. Его лицо в моих волосах, а губы над ухом.

— Мне нравится, когда твое дыхание пахнет зеленым чаем, — говорит Макар с едва уловимой грустью. — Кофе для тебя слишком... горький.

— Пропажа кофе у меня из дома — твоя работа? — осеняет меня.

— Да.

— Зачем?

— Это то, о чем я тебе говорил, — смотрит в глаза. — Ты пытаешься измениться, думаешь это легче сделать, заменив свое чужими привычками. Но на самом деле тебе кофе даже не нравится. Когда ты его не нашла, вернулась к чаю. Легко. Непринужденно. С удовольствием. Если бы ты, действительно, хотела кофе, ты бы уже его купила. Я прав?

Макар уезжает, а я все еще стою на улице, кутаясь в дубленку, и смотрю на опустевшую дорогу. Я поняла, что он хотел сказать, но больше не из слов, а по взгляду. Он говорил о чае, кофе, моих вкусовых пристрастиях, а имел в виду наш невидимый треугольник.

— Проводила, да? — бормотание за спиной выдергивает меня из раздумий. — И так легко отпускаешь, а если он торопится к другой? А? Не переживаешь?

— Нет, — говорю соседке, — вот если бы он к вам торопился, я бы волновалась за его психику, а так все в порядке.

И ухожу, пока она придумывает, что ответить. Я не против словесной баталии, но не мерзнуть же, если человек туго соображает? Дома я закрываюсь в комнате, устроив тет с ноутбуком, но кроме одной опечатки статья не правится. Или гениально написала, или

безнадежно. Тихо так, спокойно, шуршу на сайте копирайтеров, прикидываю: взяться-не взяться, смогу-не смогу, и вдруг чьи-то вскрики...

Прислушиваюсь — в нашей квартире. Судя по всему, мама. Подрываюсь на помощь, на пару секунд опережаю не столь сердобольного папу, и... впечатываюсь в его грудь, когда торможу.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоит Егор, за ним — бабушка. У мальчика теплая куртка нараспашку, но посередине — как дыра, потому что молния разъехалась, карманы навыворот, пушистый воротник держится только потому что лежит на голове, а так безнадежно от куртки оторван. Но это ничего, а вот когда он поднимает расплывшееся от фингала лицо — вот где страхи! Справа, под самым глазом уже виднеется фиолетовое марево!

— А если бы выбили? — спрашиваю его, отдышавшись после пробежки и первого шока.

— А если бы посчитали девчонкой? — спрашивает меня.

Бабуля за его спиной принимает вид полководца и чтобы ей не досталось за соучастие, холодно поясняет, что отпустила мальчика во двор, погулять с ровесниками, дабы начать устанавливать контакт и привыкать к нелегкому посольскому делу. Глаз не спускала, мерзла во благо внука на скамеечке на балконе, и все шло мирно: обычная перебранка мальчишек, а потом закрутилось, завертелось...

— Но, — она поправляет скрюченный бантик на голове, — мы победили!

— Это что за «мы»? — интересуюсь. — На тебя сейчас не придут жаловаться родители?

Егор хихикает, бабуля угрожает предателям расправой, а я раздумываю, надо ли принять какие-нибудь воспитательные меры.

— А чем они тебя зацепили? — спрашиваю мальчика, помогая раздеться. Легче всего снимается капюшон — стащил с головы и все, замок не сдается, и куртку стаскиваю через верх. Пусть кряхтит и сопит, что жарко, ага, пусть его воинственность слегка сдуется. Но когда неожиданно понимаю, кого он мне напоминает своими вспышками, не могу удержаться от улыбки.

— Сказали, что я слишком красивый, — пыхтит он под курточкой, — как девчонка! И что наверняка за длинными ресницами я ни черта не вижу! Фух!

— Хм, — я отдаю курточку папе, — странные у нас во дворе мальчишки завелись. Какая им разница, как ты выглядишь? Другое дело, если бы ты действительно был девочкой... А что красивый, так и есть. И про ресницы тоже — я сама тебе завидую.

— Правда? — улыбается, довольный, но не от похвалы, а потому что не злюсь.

— Конечно. Хочешь — поменяемся?

— Неа, — машет головой, — твои покрашенные! Я ща! — несется в нашу комнату, а я иду на кухню, где мама деликатно отчитывает провинившуюся бабушку. Но та не кается, грозит доказать всем, что еще одного мальчика воспитает спокойно, если никто не будет вмешиваться!

— Нет, бабушка, — говорю ей, — Егор — не игрушка, чтобы передавать его из рук в руки. Он будет жить со мной, и эта тема закрыта.

— А ты изменилась, — замечает бабуля.

— Знаю, — соглашаюсь с очевидным, — только этого мало.

И ничего не объясняя, оставляю взрослую шкodu на попечение родителей. Иду за малой шкодой. Что-то он притих совсем А, нет, сидит в комнате, по телефону кому-то доверительно шепчет, и так увлекся, что меня не замечает. Я останавливаюсь у него за

спиной, ну и невольно (нет, это не семейная привычка) прислушиваюсь.

— Ой, это так здорово! — шипит мальчик в трубку. — Я так ударил одного рыжего, что с него шапка слетела! Я тогда и понял, что он рыжий, а дразниться не стал! А он потом поднялся и на меня бросился — блиин, дал мне в глаз! Но не больно! Только синяк, бабуля говорит, будет большооой!

Интересно, кого он радует приключениями? Надеюсь, маму? Хоть раз за все время она могла позвонить ребенку? А то только единожды и звонила, после сказки в журнале, да и то — мне. Удивительная в своей черствости женщина.

— Да не, не больно, говорю же, — шепчет дальше Егорка, и по вольному тону я понимаю, что вряд ли бы он так говорил со строгой дамой-торшером. Она бы уже пищала, визжала, что ее сына пытались убить снежком, как будто ей и впрямь есть до него дело. — И вообще, битвы мужчин закаляют! Я сейчас поем и опять пойду — вдруг они еще там?

Да, точно не с мамой, но новости о новой битве не радуют уже меня. За одного переживай, второй готовь валерьянку в случае проигрыша в войнушку — уж очень она азартная. Ага, так я и дала этим шкодам вольную.

— Интересно, — спрашиваю, — кто тебя отпустит?

— Ой! — мальчик отключает телефон и смотрит так добропорядочно, что не слышала бы — не поверила в его планы намылить шею безобидным рыжим мальчишкам со двора.

— Без меня ни шагу, — грожу для устрашения пальцем.

— И в туалет? — хлопает длинными ресницами.

— Из дома без меня ни шагу, — вношу поправку.

— А, ну ладно.

И вот подумалось мне, что как-то подозрительного быстро соглашается, но разве я могла предположить, что он слова мои к сведению примет, но прокрутив их как в 3-D формате, найдет лазейку? А я сижу, спокойно наминаю бабулин пирог (удивительно, что мне оставили), ворчу, что развелось в районе хулиганья — вон, орут во всю плотку за окном, никого не стесняясь, а бабушка мне подмигивает и участливо спрашивает:

— Не так-то просто воспитывать ребенка, да, Злата? Может, передумаешь еще?

И вот тогда-то меня и осенило. Да и голосок, наконец, узнаю. Отодвигаю в сторону надкушенный кусок пирога, иду на ультразвук и прямиком — к балкону, где Егор, скрутившись через высокий бортик, дразнит рыжего мальчишку. Тот беснуется, подпрыгивает, как кот за фантиком, а этот заливается и машет шапкой-трофеем.

— Хоть бы сам оделся, — ворчу, сбрасывая с балкона шапку, — ладно этот, за него пусть другие волнуются. Обо мне мог подумать?

Ластится котиком, только что хвостиком не виляет.

— Ладно, — говорю, — пошли греться.

— Чаем, что ли? — тянет без охоты, но идет следом.

— Котлетами.

Опережает меня на повороте и первым усаживается за стол. Н-да, надо бы с собой, как уезжать будем, захватить штук... десять — авось, во время пути не оголодает. Егор ест и одновременно делится новостями, как отомстил обидчику; все слушают так, будто понимают его речь с забитым ртом.

— Ешь молча, — говорю ему.

— А фо... фо... мо-л-фа? — спрашивает, жуя. — И фо... я фо-ма? Нта-ка-фан? А фам снефоок пофоол!

— В снежки поиграем, — соглашаюсь милостиво, потому что знаю, что первый и даже второй снег никогда не выпадает в таком количестве, чтобы им бросались.

Пока ребенок ест под благодушными взглядами, я думаю, что бы сообразить себе к пирогу? Даже настроение приободряется когда представила в руках огромную кружку. И так, чего я хочу? Кофе? Или чая? С учетом слов Макара, простой вопрос заставляет призадуматься, и я незаметно доедаю кусок пирога всухомятку. Егор просится на улицу, в снежки, я с тоской режюмирую через окно, что снег стелется, не жалея ни себя ни меня, но раз пообещала — иду. Мальчишка носится с недавними противниками, я переваливаюсь с ноги на ногу у подъезда, пока кто-то не въезжает мне снежком в рот.

Рыжий! Узнаю по шапке и наглому взгляду! Ну, держись, гусь!

Набираю снежков на скорую руку и мчусь к нему. Не уйдешь! Не спрячешься в моем районе! Прижимаю мальчишку к дереву и крошу снежок на светлые ресницы и брови — что-то жалко его, расплчется еще, если с такого расстояния двинуть снежной пулей.

— За что? — отплевывается тот. — Это же Егор в вас попал! А мой снежок пролетел мимо!

— Ага, — усмехаюсь, — ври больше!

Но на всякий случай оглядываюсь и ловлю такой невинный взгляд, что мгновенно отпускаю рыжего. Но не каюсь: а если бы попал еще и он, оправдываю себя, ведь целился же!

Я пару раз мечу в Егора, но тот уходит от мести. Может, и хорошо, а то прям и не знаю, как бы везла его домой с двумя фингалами. Наотдыхались, называется. И так смешно подумать, какие лица будут у его репетиторов, когда вернемся. Вот хохма! Надеюсь, они придут не слишком рано, и я их не просплю.

Моя дубленка в снегу, сапожки вообще не скажешь какого были цвета, я с непривычки выдохлась, а Егору еще бы носиться и носиться. А правду говорят, что лучший лекарь — природа, я и не заметила, как перестала мысленно стонать от боли при резких движениях.

— Все, закругляемся! — зову Егора.

Он прощается с новыми друзьями и бежит к подъезду.

— Ну, что, замерз? — спрашиваю.

— Неа, — качает головой, и утыкается мне в грудь, откуда шепчет: — Знаешь, я никогда так хорошо не отдыхал. Так... весело, по-семейному...

— А ты и есть моя семья, — глажу темную голову и чтобы не удариться совсем в сантименты, говорю ему: — Бабуля угрожала забрать тебя к себе, но кто бы ей позволил, интересно?

— Никто?

— Никто.

Он обнимает меня так крепко, что отголосок боли на секунду возвращается. Иногда он ведет себя совсем как взрослый, и я забываю, сколько ему лет. А я ведь даже не знаю, чем было занято его раннее детство. Учеба, Нидерланды — помню, а чем была наполнена жизнь? Кем? Сидел ли он один в большом освещенном доме и ждал, пока родители вернуться со званого вечера? Или на званом вечере делал строгое лицо благовоспитанного мальчика и пытался оправдать чужие надежды, как Яр?

Егор не рассказывает, я не пытаю, он здесь, со мной, в настоящем. Захочет — уйдет, наверное, родная кровь все равно притянет, но не хочу думать о плохом.

— Пойдем, — заметив двух бомжей, пьяно пританцовывающих под ручку к мусорному

баку, пытаюсь увести Егора. Он оборачивается, рассматривает их недолго, и заразительно хохочет, глядя мне в глаза.

— Неа, — говорит, отсмеявшись, — этим я бы денег не дал, зря волнуешься.

— Почему это? — присматриваюсь к мужикам: пьяные, без денег, что с ними не так?

— А потому, — поясняет невозмутимо, — что их двое.

— И что с того?

— Ну, как ты не понимаешь, Злата? Их двое! Они есть друг у друга! Они кому-нибудь да нужны, а те, кому я давал денег... Они... как я раньше... сами по себе, понимаешь?

— Да.

Согревает одно маленькое слово — «раньше», значит, мальчик действительно осознает, что больше не сам по себе, а со мной, с нами. Домой идем, как корефаны, держась за руку. Переодевшись, расходимся по облюбованным территориям. Отец в курилку на балкон, мама на кухню — готовить очередные вкусности, угрожая, что как только мы уедем, пересадит папу на супчики; бабуля и Егор играют в лото на деньги в большой комнате, а я уединяюсь с ноутбуком.

Хорошо, ничего не отвлекает.

Еще раз перечитав статью, решаю отправить ее редактору. Откажет — так откажет, это лучше, чем ждать и накручивать себя. Эх, была-не была. Подключаю медленную флэшку, ага, пошло, есть связь. Ну в добрый путь!

Но отвлекают какие-то потасовочные звуки — судя по всему, опять все самое интересное происходит в нашем коридорчике. Глухой удар, негромкий вскрик. Сижу, прислушиваюсь, и никаких предположений, кроме нелепости, что Егор с бабулей за копейки подрались. Вообще есть еще одно, но нелепей предыдущего: что кто-то промахнулся и вместо двери попытался выйти на улицу через стену. Иду посмотреть, но увиденное оказывается гораздо нелепей того, что насочиняла.

У порога, прожигая взглядом моего отца, стоит Яр. За папиной спиной выглядывает мама. За мной подтягиваются бабуля с Егором. А тишина такая, что и продажному менту родиться страшно. А мне спокойно, такое чувство вдруг мелькает, что я догадывалась о приезде Яра. Более того — что знала.

Похудел он что ли, или из-за черного пальто так кажется? Странно видеть его у себя на пороге, он совершенно в обстановку не вписывается. И его дорогие туфли на зеленом паласе, и длинное пальто на фоне обоев в ядовитые цветочки, и пронзительные глаза оттенка наступающей ночи — все как из другой реальности, из полузабытого сна. Нет, из вчерашнего...

— Ты зачем приехал? — спрашиваю бывшего.

— А вариант «соскучился» не принимается? — спрашивает меня.

А голос, чуть насмешливый, завораживающий мягкостью и глубиной, не изменился. Как острый меч щекочет мое сердце, даже дышится через раз.

— Нет, — но вроде бы не выдаю себя.

— Я так и думал, — косится на папу, потирая скулу. — Егор, надеюсь, не тем же способом синяк заработал?

Перевожу взгляд на отца — тот пожимает плечами.

— Ты еще легко отделался, — говорю Яру, — мой отец профессионально занимался боксом.

— У меня черный пояс по каратэ, — говорит Яр, — но я все же за традиционное

знакомство.

А это он зря расслабился, и улыбнулся мне так порочно при отце — тоже зря. Удар — и снова светловолосая голова дергается в сторону и звук такой — кажется, и зубы треснули. Нет, перевожу дыхание, это Яр так сильно челюсти сжимает, чтобы не дать сдачи. Не привык, видимо, вместо приветствий и раболепия — да по морде.

— Моего отца выперли из бокса за игру без правил, — запоздало поясняю.

— Я уже понял, — Яр тяжело смотрит на отца. — А у меня есть некоторые правила, которые не хотелось бы нарушать, но если вы еще раз позволите себе вообразить мое лицо боксерской грушей, я вас разочарую.

— Убирайся из моего дома, — цедит сквозь зубы отец. — Чтобы ноги твоей здесь не было!

— Я понимаю ваше отношение, — Яр не тушует, не скатывается к самоуничтожению, мол да, я заслужил, давайте! — Но прежде я хочу поговорить со Златой и Егором.

— Нет, — упрямится отец.

— Да, — давит Яр. — Поверьте, я в своем праве увидеть, в каких условиях живет мой брат равно как и пообщаться с человеком, у которого он проживает.

Отец переводит на меня вопросительный взгляд. Я злюсь, ужасно злюсь, но ничего не могу сделать. Формально Яр прав, он может вообще забрать у меня Егора. Я не опекун, не родственник, я мальчику — никто. Кого волнует, что он для меня значит?

Я отхожу в сторону, рукой показываю — мол, входи, чего уж, и жду, пока разуется на моем пороге, пока выпрямится, пока уберет с глаз непослушную прядь. Егор смотрит настороженно, губы дрожат в смущенной улыбке, но видно, что сам опасается визита брата, понимает, чем может обернуться. Поглядывает на него и на меня, но чтобы не предавать выбором, держится с бабулей.

— А я бы тоже надавала вам пощечин, молодой человек, — говорит она, когда Яр приближается, — и рука бы не дрогнула.

— Не сомневаюсь, — говорит Яр.

— Вы сильно обидели мою внучку...

— Знаю.

— Испортили ей жизнь.

— Да.

Она бросает на меня быстрый взгляд. Сейчас она не кажется милой бабушкой, выпекающей по утрам пироги, в ней не узнать проказницу, что приучала внука к суровой правде жизни и отбивала от мальчишек. Глава семьи, воительница.

— Неужели вы не понимаете, что вас никто не хочет здесь видеть? — вздохнув, возвращается к Яру. Не знаю, что она прочла по моим глазам, но говорит удивительно мягко. Перегорела? Поняла, что нет толку ворошить прошлое? Или дает нам шанс самим разобраться? — У нее только начинается новая жизнь, новые отношения, и вот опять нарисовываетесь вы! Неужели вам трудно понять, что самое лучшее, что вы можете сделать — это убраться из жизни моей внучки?

— Нет, — Яр оборачиваясь ко мне, и я не могу понять, к чему относится его ответ.

Он говорит, что и у него на меня никаких планов или протестует против моих новых отношений? Не его дело, потому что... Ох, не нужно мне было смотреть в его глаза...

— Давай скорее закончим этот фарс, — я даже нахожу в себе силы беспечно улыбнуться. — Ты хочешь посмотреть в каких условиях живет твой брат?

— Я могу посмотреть. Если ты хочешь, чтобы посмотрел.

— Яр! — злюсь, серьезно злюсь, чего давно за собой не замечала. — Давай ты перестанешь юлить! Зачем ты здесь? Ну, явно не из переживаний по поводу синяка Егора — ты ничуть не выглядишь встревоженным. Мне вообще кажется, что ты здесь не из-за Егора — уж прости мое самомнение. Ты даже до сих пор не обнял его, не сказал простого «привет»...

— Сказал, — остужает мой пыл, — по телефону.

— Когда?

— Когда самолет приземлился.

— А я тогда впервые узнал, что самолеты здесь все-таки есть, — громко вздыхает Егор, — и нам не обязательно было ехать в машине... с некоторыми...

— Самолеты летают, но в областной центр, а оттуда полтора-два часа на автобусе, так что машиной было гораздо комфортней.

— Я бы так не сказал, — рассматривает ковер Егор.

— Тебе просто не нравится Макар.

Яр хмыкает, Егор, потеряв интерес к коврику, признается:

— Он мне гораздо больше чем «просто не нравится».

— Мы обсудим это позже, — обещаю.

— Мы обсудим это сейчас, — мой бывший скрещивает руки на груди. Такой невозмутимый, такой недосягаемый, такой спокойный, что мне хочется кричать, ударить, выставить его за двери. — Может быть, — продолжает, — тебе, действительно, не стоит взваливать на себя чужую ношу? Твои родные хотят, чтобы ты начала новую жизнь, и это куда проще сделать без Егора, тем более, если ему твой выбор не нравится.

Нет, понимаю я, зверея: я не хочу выставить его за двери. Я хочу его скинуть с балкона!

— Ношу?! — переспрашиваю. — Ношу?! Ты так думаешь о своем брате?!

— Я вовсе так не думаю, но, возможно, тебе будет без него легче. Сама подумай, у тебя какие-то там отношения. Егор этого... человека, мягко говоря, не переваривает. Какие перспективы? Как минимум, холодная война. Зачем, если этого легко избежать?

— Да я люблю его, понимаешь? — взрываясь, перехожу на крик. — Люблю, как родного человечка, как солнышко, а ты называешь его чужой ношей и так просто, как тряпку с рынка, предлагаешь отдать?!

— Злата, — Яр делает ко мне крупный шаг, — поверь, мне нужно было спросить.

— Не хочу слушать этот бред! — отодвигаюсь.

— Злата, — уговаривает как маленькую, — я не просто так поднял эту тему. Послушай меня, — кладет руки на плечи, но я в таком негодовании, что одним раздражающим фактором больше — одним меньше — без разницы. — Да, Егор позвонил мне и похвастался, что получил первый синяк в жизни. Ты думаешь, я бы сорвался ради этого? Нет, я бы дождался, когда вы вернетесь в город и полюбовался этой красотой позже. Мой приезд и вопрос, не лучше ли тебе жить без Егора напрямую взаимосвязаны.

— Не понимаю. Не вижу связи. Ты хочешь забрать Егора?

— Не я, — качает головой. Взгляд удивительно участливый, но мне дурно, и все еще мелькает желание ударить. — Злата, завтра за Егором прилетает мама.

У меня заберут Егора, я снова останусь одна в прожорливом мегаполисе. Но как я отдам свое солнышко?! Темнеет в глазах, в ушах хлопок, словно кто-то проколол мятный пузырь старого «Бубль Гумма». Егор стоит бледный. Я говорю ему, что все будет хорошо, что он

останется со мной, но он не верит. Наверное, потому, что я не могу выдавить ни слова из пересохшего горла.

Ноги слабеют, я тщетно пытаюсь найти, на что опереться, и вдруг мир, покачнувшись, ввергает меня объятиям Яра...

Я стараюсь не думать о том, что у меня заберут Егора. Я стараюсь не смотреть на Егора, бессвязно отсчитывая последние минуты до завтра.

Завтра за ним приедет мама.

А я?

Я — чужой для него человек, знаю. Сама виновата, что прикипела, но... мама есть мама, даже такая, с торшером на голове.

Зачем ей понадобился Егор? Я не знаю. Но ребенку, наверное, с родителями будет лучше, они создадут для него должные статусу условия, а я...

А я переживу. Одиночество — это не страшно. В конце концов, я всегда могу вернуться сюда, в город детства, и здесь спокойно себе зачехнуть. А что? Цвести я ни для кого больше не собираюсь, пускать корни — тоже. Быть перекасти-поле легче, веселей, а я иногда грежу о беззаботности. Мне двадцать два, а внутри все мертвое, и я почти физически ощущаю, как мертвеет еще одна часть меня.

Не больно.

Пусто, холодно, но не больно.

И слез нет. Наверное, они остались там, под дождем осени...

— Злата, — Яр берет мои руки в свои, а я не спорю.

Двигаться не могу. Дышу — и ладно. Говорить совсем тяжело. Слышу — и хорошо. Еще бы что-то понять...

— Злата, — повторяет он, и я по голосу различаю, что он рядом, скорее всего, сидит на корточках, но почему-то не вижу его, перед глазами белая пелена, — я приехал не для того, чтобы сказать тебе, что Егора заберут.

Нет? Странно. Разве не он сказал мне об этом. А впрочем, какая разница кто... Руки Яра такие горячие, но убрать ладони не могу. Не хочу. Не получится. Он не отпустит.

— Я приехал, чтобы сказать: если ты хочешь оставить Егора... если вы оба хотите... есть шанс. Мы можем попробовать...

Есть шанс? Я не верю. За ним приезжает мать. Сама... Приезжает...

А я в двухкомнатную квартиру вернусь одна. Наверное, это к лучшему: и не придется ставить перегородку, и по утрам никто не разбудит, и никто не будет бухтеть, что так долго можно делать в ванной, и никто не будет сидеть напротив меня, разбивая кокос и мчаться по лужам за тортом... А утром никто не попросит завтрак и не сварит кофе так, чтобы заляпать белую печку. Никто спросонья не поцелует в щеку, думая, что я сплю и не прошлепает на кухню, дожидаясь когда я встану, замечу босые ноги и заставлю идти за тапками в комнату. Никто не будет ежедневно у магазина проверять в банкомате карточку — не пришел ли наш гонорар. И мне некому будет пожелать: «Добрых снов, непослушное солнышко» и услышать притворное: «Ага, нашла солнышко! Я не такой пока круглый!» И не с кем будет стоять у окна и смотреть на пушистый снег, что, кружась, прячет серую осень.

Зима пришла.

Холодно.

Мне бы согреться...

— Мы можем попробовать... — это Яр повторяет или я застыла во времени? Столько

всего передумала, а прошла лишь минута — так чудно. Мир становится четче, начинаю различать освежающе-горьковатые запахи и... отодвигаюсь. Спина устала, а так легче, и можно закрыть глаза и...

Стоп!

Разве прятаться от проблем — это выход?

Мы можем попробовать... И пусть меня пугает случайное «мы», оно несет в себе перспективы. Проще сидеть вот так, откинувшись на спинку дивана, делать страдальческое лицо и сожалеть о том, что случится завтра. Сложнее попробовать изменить завтрашний день, или, по крайней мере, встретить его с открытыми глазами.

Ну, начинаем?

Рядом мама, папа, бабуля, за ней переминается с ноги на ногу молчаливый Егорка, а глаза в глаза... напротив меня Яр.

— Попробовать? — спрашиваю его, и вижу, как оживляются лица родных, как пытается улыбнуться Егор, заметно расслабляется Яр. Мой бывший меня боится? Или, что вовсе невероятно, я вела себя так, что он... за меня боялся?

— Да, — Яр выпрямляется; надо же, я успела забыть, какой он высокий.

— Как?

— Есть один способ.

Явно тянет, значит, способ мне не понравится, но, может, я смогу... ради Егора? Вон как он глазищами умоляет решиться, но опасается, что предпочту отсидеться в теньке. Может, думает, что был нужен мне только вытрясти деньги из брата?

Я бы подумала так, наверное, если бы от меня отказались без боя...

Неужели я действительно когда-то считала себя мирным воином? Надо же. А сейчас рвусь драться, подбираю оружие... Но пока не могу и представить, какой выход увидел Яр. Его мать, наверняка, знает, что мы в разводе, кто-то из бывших слуг шепнул, что хозяин всех разогнал, а Егор живет не с ним, а со мной, и она решила эту тяжкую ношу взять на себя. Ношу... Вряд ли вдруг вспылала чувствами к сыну. Хотя бы к одному из них...

— Да, — подтверждает Яр, — она знает, что Егор живет с тобой. Она так же знает ваш адрес и знает, что... мы с тобой в разводе. Но, — Яр какое-то время рассматривает занавеску в зале, а потом упирает в меня такой тяжелый взгляд, что удивительно, как занавеска не изменила карнизу с ковром, — она понятии не имеет, где живу я.

Не дождавшись моей реакции, Яр вкрадчиво продолжает мысль:

— Мы можем сделать вид, что я живу с тобой.

— Не хватало!

— Мы можем сделать вид, что я живу с вами.

— Нет!

— Мама уверена, что Егору нужна семья...

— Ты не был женат, но твой брат все равно жил с тобой!

— Да. Со мной.

И я, наконец, считываю между строк. Он — семья для Егора, я — никто. И даже такая мать предпочтительней, чем никто.

— Это займет несколько дней, — говорит Яр. — Она увидит, что мы вместе — какая разница, где мы живем? А потом... я могу съехать...

Могу...

То есть, может съехать, а может остаться?!

— Ты съедешь! — выпаливаю.

— Как скажешь, — поспешно соглашается, а до меня доходит, на что я только что подписалась. Это же... Яр будет жить в моей квартире... В нашей квартире с Егором... И как не сойти с ума?

Я не выдержу. Не смогу. Я все-таки сброшу его с балкона...

Егор мгновенно оказывается рядом и обнимает и шепчет что-то ласковое, от чего успокаиваюсь. Подняв глаза, смотрю на Яра: а он не кажется довольным перспективой жить со мной в тесных квадратных метрах. Наверное, зря я вижу во всем тайные умыслы, но все же...

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю его.

— Егор тебя любит, а ты любишь его.

— Только поэтому?

— Любовь — слишком редкое чувство, Злата, чтобы им разбрасываться.

Что он может знать о любви, если сам не любил, не любит? Что могу знать о любви я, если опустошена? Скользящая тема. Не для меня. Не с ним.

— Ты уверен, что не хочешь уехать в Голландию с мамой? — спрашиваю Егора.

Тот качает головой раз сто, не надеясь на мое быстрое понимание. Вся родня копирует синхронный узор напольного ковра, вроде бы и есть, но незаметны: молчат, не вмешиваются, только дышат громко и не в унисон, выдавая свое присутствие.

— Хорошо, — подтверждаю согласие, — если ты думаешь, что это сработает...

— Заеду завтра в пять, — посмотрев на часы, объявляет Яр и раскланивается с моими родственниками. — Мама, вы, как и ваша дочь, изумительно красивы... Папа, я как и вы, не могу сказать, что очень рад знакомству, не скрещивая за спиной пальцы... Бабуля, ваш бантик очаровательно молодежен.

Он уже практически у двери, когда меня осеняет, что он уходит. Один. В ночь. В чужом городе. Догоняю его, когда обувается.

— Ты куда?

Мне, действительно, интересно, где он планирует провести ночь — не из ревности, а потому что теперь он мне нужен, предпочтительно живым, а в нашем городе нет ни одной гостиницы и посуточно квартиры не сдают. Было бы лето — перебился, а так — снежок, и в квартире не тропики, на улице и подавно. Простынет, и отпаивай его потом чаями и микстурами, вместо нескольких дней проваляется в нашей с Егором квартире неделю, и мне что, самой прыгать с балкона от такого соседства? Нет уж, пусть объясняется.

— Самолет только завтра утром, так что поищу, где остановиться. Завтра, как и сказал, заеду за вами. Успеете собраться?

— Да, — киваю, — но вряд ли ты за это время успеешь найти ночлег.

— Очень мило, что ты за меня переживаешь, но я справлюсь.

Я оглядываюсь на родителей. Те — ждут развязки событий. А бабуля, качнув седовласой головой и, соответственно, бантиком, решительно объявляет:

— Ну вот что, молодой человек, куда вы не пойдете!

— Неужели? — заинтриговано оборачивается Яр.

— Да, — гремит бабуля прорезавшимся сопрано, — у меня переночуете.

— К чему такие сложности?

— А к тому, — бабуля упирает руки в стройные бедра, — что чем ближе вы ко мне будете, тем больше у меня шансов надавать вам заслуженных пощечин.

С минуту они рассматривают друг друга, и когда я уже думаю, с кем разыскивать Яра с утра пораньше — с милицией или родней (от него за версту разит деньгами, а у нас народ простой: если денег много, ими надо делиться), он с улыбкой отвечает полупоклон и очаровывает бабушку обещанием:

— Буду рад рассказать вам свою версию за чаем с баранками.

И вот интересно, как он узнал, что по ночам бабуля коротает бессонницу чаем с бубликами и сухарями? По ее фигуре такое не скажешь. Но слова Яра не только радуют бабулю — как же, вдвоем и ночь не длинна, — Егор носится по комнате постреленком, а родители, многозначительно переглянувшись, скрываются на кухне.

— Давайте, обсудите что там у вас с глазу на глаз, — советует Яру бабуля, — и пойдём ко мне. Сомневаюсь, что здесь вас накормят.

— Сомневаюсь, что он от этого умрет до завтра, — усмехаюсь я.

— Сомневаюсь, что даже если и умру, ты это заметишь, — громко вздыхает Яр.

Бабуля тоже ретируется на кухню, мы остаемся втроем.

А и... терпимо... Переносимость нормальная, по крайней мере, у меня скулы не сводит и я не шарахаюсь от каждого жеста. Пожалуй, несколько дней выдержу, да и не будет Яр сиднем дома сидеть — так, для вида разок заночует. И то... если не будет занят... на одной из квартир...

Но только я расслабленно перевожу дыхание, как слышу за спиной:

— Яр! А мы про тебя статью написали! Я кое в чем немного усомнился, а так все знал! Может, проверишь?!

Всерьез прикидываю варианты: скончаться не сходя с этого места или совершить двойное убийство, когда дальнейшие слова Яра в одну секунду превращают меня в огонь, а в следующую — уничтожают до состояния пепла.

— Конечно, — говорит он, прожигая душу темными глазами, — я с удовольствием почитаю.

Мальчик сверкает, как наливное яблочко и то ли действительно вспомнил, что я принимала участие в написании статьи, то ли из вежливости спрашивает не против ли я, чтобы ее проверили на ошибки. Момент, когда можно соврать, что статья отправлена редактору, безнадежно упущен, и вот я сижу в комнате, смотрю в спину, закрывающую мой ноутбук, жду непонятно чего.

— Ты собиралась это отправить? — спрашивает Яр, не оборачиваясь.

— Да, — говорю его спине. — А что, нашел несоответствия?

— Всего два, одно из них пустяковое. — Он быстро вносит поправки, и я не выдерживаю. Подхожу, всматриваюсь в экран. — Вот здесь, — показывает, — я стажировался в Англии, а не Голландии. И не два года, а три.

Как по мне, обе поправки пустяковые, но спорить — это тратить на Яра время, и вообще... Я не хочу... мне неудобно... в общем, я не могу видеть его в своей комнате, не желаю терпеть его присутствие больше, чем это необходимо.

— Ну ладно, — Яр отворачивается, — думаю, теперь это можно отправить.

— Я сама.

— Как знаешь, — легко соглашается, но не отходит, пока я, бегло просмотрев изменения, не отправляю письмо редактору. — Могу прогнозировать, что статью не только утвердят, но и закажут новый материал.

Я вовсе не собираюсь обсуждать с ним карьерные планы, но молчать с ним

невыносимо.

— Сомневаюсь, — пожимаю плечами.

— Зря, — улыбается он.

Улыбается так, что мне хочется хлопнуть перед ним дверью, да так, чтобы задеть хотя бы кончик носа.

— Злата, — прищуривается, рассматривая меня, — я знаю, что ты вольна жить как хочешь...

— Вот именно, — вскидываюсь, думая, что начнет говорить о Макаре.

— Но с тобой ребенок.

— И, поверь, я о нем не забываю.

Егор кивнув, отворачивается к балкону. Что он там высмотрел? Окурки моего отца? Морозные узоры на стекле? Вот же притвора!

— Уверен, что это так, — говорит Яр. — Да и Егор не даст забыть о себе, но... Иногда кажется, что это единственный выход, но это тупик, Злата.

— Моя личная жизнь тебя больше не касается.

— Да. И нет.

Он резко поднимается и мне на долю секунды кажется, что надо мной одна из моих надуманных башен, и что если я закрою глаза и смогу убедить себя, что ничего нет, башня рассыплется. Я раньше так делала, правда, тренировалась подолгу, чтобы по кирпичикам разрушить провинциальные комплексы. Потом или устала, или обленилась, или привыкла к себе. А башня не унимается, вторгается в личное пространство, у меня в ушах звон колокольни, а ей хоть бы что — снова сильна и как шпала прямая.

— Хотя бы ради Егора, Злата, не ради меня...

Говорящая...

Пока я раздумываю над странной фразой, Яр приседает у моей кровати и достает забытый коньячок и подсохший лимончик на тарелочке.

— Отдай.

— Уверена?

— Дай сюда.

— Злата...

— Это не мое!

— Но ты так рьяно это оберегаешь...

— Да! Я пью! По ночам! Доволен?!

Яр скрещивает на груди руки, склоняет задумчиво голову.

— Доволен, — говорит, — теперь я уверен, что это не твое.

Довел меня до точки кипения и теперь он доволен. Ужасный человек. Невыносимый. Неуютный. Как я могла считать его добрым и ласковым? У него же на лбу написано — «Осторожно, голодный хищник!». Представляю, сколько таких же овец, как я, подпортили из-за него свои шкурки.

— Ненавижу, — шиплю в лицо, и хлопаю дверью, относя папину радость на кухню. А вслед мне слышится такое же, едва различимое, как моя ненависть:

— Да. И нет.

И что это значит?

Если он думает, что мне нечем заняться только как ребусы его словесные разгадывать, так ошибается. Это его «да и нет» — это что? Согласен, что я его ненавижу, но сам

относится ко мне лучше? Или не верит, что я говорила всерьез?

Удивительное самомнение.

Он отравил мне поездку, из-за него я мчусь сломя голову в играющий судьбами мегаполис, не проведя с родными даже недели. По-моему, ненависть — самое логичное чувство.

Да?

Или нет?

Отец припрятывает коньяк до следующего приезда подходящего зятя. Мама пытается реанимировать лимон, но осознав, что дело бесполезное, а продукт жалко, уговаривает папу на вечернюю чашку чая. Бабуля запасается котлетами, двумя порциями картошки в горшочках и уходит с моим бывшим. Я держу открытой дверь, пока они садятся в лифт, потому что в подъезде опять кто-то выкрутили лампочки.

В окошко провожаю две удаляющиеся фигуры. Идут под руку, что ли? Городу явно не помешал бы хоть один фонарь вне центра, а то не люди на улице, а одни суетливые тени. Экономят себе в карман, а потом умильно рассказывают, что у нас высокая преступность.

Едва не вывернув шею, все-таки замечаю, что у соседнего подъезда Яр оборачивается. Не то чтобы мне есть до него дело, просто загадала: если обернется, то...

А впрочем, все это детство и все не важно.

Да, прекрасная мантра: не важно... пустое... мне все равно...

Только устаешь от нее быстро, словно ты-фрукт, а мантра — соковыжималка. Для морального отдыха нет ничего лучше однотипных сериалов или передач о звездах — не запоминаются, не откладываются в подсознании, не давят на мозг. Так, картинки мелькают. Говорящие куклы.

Мы семейно усаживаемся в зале перед телевизором, хотя они стоят в каждой комнате. Время от времени разбавляем молчание комментариями. Егор в кресле корпит с ноутбуком, убеждает, что делает домашнее задание, но с чего бы такая улыбочка? А, ладно, завтра наша вольная жизнь заканчивается, завтра мы оба под микроскопом его мамы и брата.

И почему я не выбрала пятикомнатную квартиру, в которой есть минимальный шанс затеряться? Если продержимся без убийства хотя бы два дня, то...

Нет, это тоже неважно. И невозможно. И зря.

— Ты могла бы как эти звезды, — говорит отец, насмотревшись о светской жизни, — а мы бы с матерью тобой любовались. Гордились, что у нас такая дочь получилась.

— Любуйтесь сейчас, — отбиваюсь, — пока я рядом и не накрашена.

Егор хихикает и у меня все больший соблазн заглянуть в его ноутбук. Мама по-доброму улыбается, прильнув к папиному плечу. Отец не сдается.

— А вот серьезно, — рассуждает на полном серьезе, — ты же сейчас с ними на одной ступени. Ты тоже можешь ходить на все эти презентации, открытия выставок, делать умное лицо и крутиться перед камерами. Разве нет? Ты ничем их не хуже.

— Давай я куплю тебе видеокамеру и дам эксклюзивное интервью, если ты хочешь любоваться на меня с телевизора. Еще и накрашусь, чтобы больше повода для гордости. Хочешь? А могу уговорить дать интервью Егора. Представляешь? Наследник династии Самарских! И денег у него, наверняка, побольше, чем у меня.

Егор хмыкает, но не ведется на провокацию, отец упрямуствует в слепой любви к дочери, и тогда мне приходится сдать карты.

— Пап, я понимаю, что для тебя и мамы я самая лучшая в мире и все такое. Но куда мне

до светских тусовок? Я была один раз с Яром на выставке — ничегошеньки там не понимаю; ходила, хлопала глазами от страха, что что-нибудь спросят, и я его опозорю. Так то был шанс опозорить мужа, а сейчас-то себя. Насчет того, что я не хуже звезд... Ты знаешь... я думаю, что по меньшей мере, не лучше. Они чего-то добились, они сделали себе имя, — неважно какими путями, — а кто я? Ну, есть у меня деньги, но разве я сама их заработала? Нет. Сама я кто? Начинаящий журналист? Думается, моя карьера закончится после первой статьи. Начинаящий копирайтер? Так я постоянно ищу отмазки, чтобы не браться за очередное задание на сайте: некогда, не мое, не успею, не выйдет...

— Ты — сказочница! — отвлекается от ноутбука Егор.

— Да, — пытаюсь не передать горечи, — когда-то давно я правда верила в сказки.

— А сейчас? — осторожно спрашивает мама.

А сейчас я и в жизнь не верю. Но вслух, конечно, этого не говорю, вру, что устала, хочу спать, сворачиваю беседу и пытаюсь разлучить свое чудо с ноутбуком.

— А купаться? — возмущенно напоминает он, и пока я иду ставить воду, пока вода закипает, получает отсрочку. Видимо, недостаточную чтобы завершить уровень игры, ибо по-джентльменски настаивает, чтобы я посетила ванную первой.

Такое купание не в удовольствие, а необходимость и я справляюсь быстро, а мальчишка с кислой рожицей уходит к тазику с цветочками и пахучему гелю для душа.

— Вот интересно, — бурчит недовольно, — зачем гель для душа, если душа у вас нет!

— Ты прав, — соглашаюсь и меняю гель на кусок хозяйственного мыла. — Так лучше?

— Тьфу, — понюхав, отплевывается, — что это за вонючка?!

Вывав у меня из рук флакончик с запахом пачули и абрикоса, выпроваживает и поспешно закрывает дверь, ворча, что это ж надо придумать террористическое испытание, что от такого мыла и крысы подохнут, уж лучше пахнуть цветочками, хоть и тоже противно...

На выходе я встречаю его с тюбиком мази. Всю аптечку перелопатили, пока нашли подходящую мазь. Аптечка — это три пакета, о которых все в семье знают, и два припрятанных от фашистов, наверное.

— Да ну, она вонючая! — вместо благодарности упирается мальчишка и пытается выбить мазь у меня из рук. — Не хочу такую под глаз!

— Иди сюда, чемпион, — маню пальчиком, — а то завтра мама тебя не узнает.

— А можно подумать, за ночь все пройдет, — бережно гладит свой фингал, отскакивая в сторону. — Нет же? А так я буду с синяком и еще и дурно пахнуть! Мама точно подумает, что я у вас бесхозный! Нет, не хочу этим мазаться!

— Как хочешь, — смиряюсь, хотя родители неодобрительно хмурятся.

Плохо меня знают, что ли?

Мальчик довольный усыпает, и тогда я крадусь к нему с тюбиком, на ощупь все-таки щедро мажу под глазом. С чувством выполненного долга сладко засыпаю.

Не знаю, что меня разбудило. Шаги? Шорох? А после подозрительная тишина? Бросаю взгляд на расстеленное кресло — так и есть, пусто. Тапочки не пытаюсь найти — в такой темноте безнадежно. Иду скорее по ощущениям, хотя и некий больничный запах притягивает. Нашла. На кухне, забравшись на стул и уткнувшись в окно, сидит Егор и так громко, вздыхает, что хочется повиниться. Эх, я стала не просто бесчувственной — черствой... Наверное, учуял запах мази и от этого проснулся.

Останавливаюсь за его спиной, чтобы не напугать, тихо спрашиваю, почему не спится, а

в ответ слышу такое, что у самой мурашки по коже:

— Домовые замучили.

Оглядываюсь — никого. Фуух... Но свет не зажигаю, чтобы остальных не будить, ближе к Егорке подтягиваюсь, тоже утыкаюсь в окно. Темень улицы чуть разбавляет снег, пока еще белый, машинами не объезженный.

— Скину одеяло на пол, — жалуется Егорка шепотом, — потом просыпаюсь от духоты, а оно опять на мне! Перевернусь на бок, а меня кто-то махнатой рукой по лицу гладит! А темно так, что не разглядеть ничего! Жуть!

— Сильно испугался? — Глажу его по спине, успокаивая.

— Ты что? — сверкает возмущенно глазами. — Да я специально нашел где потемней и пришел сюда! Там-то темно, но ты рядом, и сколько я потом ни ждал, домовой не вышел. А здесь, пока я один, думал, может, покажется?

— Давно ждешь?

— Да больше часа точно! Спать, что ли, он ушел?

Я поддакиваю, чтобы уговорить Егора вернуться в комнату. Идет неохотно, укладывается еще неохотней, но засыпает быстро. Наверное, дольше простоял у окна, чем час, и подмерз маленько — вон как завернулся в одеяло. А тайна с домовым раскрывается утром, когда проснувшись с рассветом, я застаю папу, складывающего в аптечные пакеты тюбики с мазями от синяков и ссадин. И вообще-то... его руки можно назвать махматыми, хоть он и мой папа. Через минуту раскрывается тайна самоползущегося одеяла.

— Так спит беспокойно твой мальчик, — сетует мама, выходя из ванной, — на пол одеяло сбросил и мерзнет! Я два раза вставала и два раза одеяло на полу!

Но Егору я, конечно, ничего не сказала — пусть пока еще есть возможность, чуть-чуть поиграет в сказки: их очень мало в нашей реальности. Но бывают. И не всегда закачиваются свадьбами, а иногда только с них и начинаются. Могла ли я, к примеру, подумать, что выйду замуж за миллионера, разведусь, а потом буду еще статьи о нем писать, как о великом герое?

Все-таки хорошо, что редактор меня «зарубит» после первой статьи... Кстати, надо набраться храбрости и заглянуть на почту — вдруг я уже свободна и от работодателя и от агента? Расстроится мальчик, но мы с ним другое общее хобби найдем.

Стараясь не разбудить Егора, тяну ноутбук в зал, усаживаюсь в кресло, захожу на почту. Пришел ответ от редактора. Ай... боязно немного... пусть даже это и не работа всей моей жизни, но когда посылают, все равно как-то неудобно и переживательно. Открываю письмо, начинаю читать и... И поверить не могу, что редактор не упал с дуба, когда это писал: «Превосходно! Легкий слог! Оригинально!» Это он обо мне, точно?

Открываю отправленный файл, читаю. Да ничего особенного — родился, учился, стажировался... Ну, пусть и легкий слог, но сюжет-то скучнейший! Или я чего-то не понимаю?

Читаю дальше, практически дохожу до конца, и...

— Мамочки!

Мама тут же оказывается рядом, а с ней отец и взъерошенный Егор. Со всех сторон заглядывают в ноутбук, нависают на плечи, и дышать тяжело. Пытаюсь спихнуть их — не поддаются, охватывают лианами и читают.

— Н-да, — говорит отец, с подозрением поглядывая на меня.

— Вот оно как, — говорит мама, поглаживая меня как маленькую по голове.

— Ухтышка! — целует в щеку Егор.

Удовлетворив любопытство, они расходятся, а я в который раз перечитываю треклятые строки из своей (моей ли?) статьи, и теперь мне понятны реверансы редактора.

Есть две версии статьи, та, что моя и... эта.

В моей концовка выглядит так:

«... Итак, делаем закономерные выводы: Самарский Ярослав Владимирович — не просто состоятельный бизнесмен. Он — один из самых богатых людей нашей страны, миллионер. Довольно симпатичный, что легче всего отметить по детским фотографиям, к статье прилагающимся и... внимание!.. Он — холост!

С учетом того, что он был женат трижды, разрыв между разводом и новой свадьбой составлял не больше года, а с последнего развода прошло уже несколько дней, у жаждущих стать новой женой олигарха не так уж много времени, чтобы перехватить его.

Из проверенных источников (внимание на подпись автора статьи) добавлю, что в настоящее время сердце и безымянный палец Самарского Ярослава Владимировича свободны. Так что желаю вам удачной охоты, милые дамы!

Самарская Злата Юрьевна»

А в новой версии:

«... Итак, делаем закономерные выводы: Самарский Ярослав Владимирович — просто бизнесмен. Не самый богатый человек нашей страны, хотя и один из самых трудолюбивых. Он очень красив, невероятно харизматичен, что легко отметить даже по детским фотографиям, к статье прилагающимся, но... внимание!

Увы, не свободен!

Из проверенных источников (смотрим на подпись внизу статьи) известно, что в настоящее время сердце Самарского Ярослава Владимировича безнадежно занято. С учетом всего вышеперечисленного, для жаждущих стать женой олигарха в следующей статье будет составлен актуальный список свободных миллионеров.

Удачной вам охоты, милые дамы!

Самарская Злата Юрьевна / Самарский Ярослав Владимирович»

В комнате никого, кроме нас двоих.

Когда Яр пришел, все притворились безумно занятыми и впихнули нас в замкнутое пространство. Дверь в комнату никогда так плотно не закрывалась и предполагаю, с той стороны ее придерживают как минимум шесть ушей.

— Ну? — Яр безразлично смотрит на ноутбук и с интересом переводит взгляд на меня. — Что ты хотела мне сказать такого срочного?

У меня много слов. Очень. Но все только для Яра, а не для ушей за дверью: родители меня воспитывали скромной приветливой девочкой и с учетом моего знака зодиака не сомневались, что достигли успеха. Но сейчас у меня буквально темнеет в глазах от желания подпрыгнуть баскетбольным мячом к его шее, схватиться за нее и скрутить как рождественскому гусаку.

— Статья, — выдавливаю через силу.

Единственное слово, а дается с таким трудом, будто я кричу с высоченной башни на последнем глотке воздуха.

— Ее приняли? — Яр более благосклонно смотрит на ноутбук и менее заинтересованно на меня. — Если помнишь, я был в этом уверен.

Уверен. Он слишком самоуверен. Во всем. И меня это дико злит. И буквально выводит из себя его спокойствие. И темный взгляд. И мелькнувшая на устах улыбка. И запах, знакомый, любимой мной запах сандала с грейпфрутом — сегодня он более ощутим, чем вчера. Сегодня он такой сочный, словно кто-то всю ночь не баранками да рассказами баловался, а высиживал на сандаловом дереве с большим красным фруктом в зубах.

— Ты внес в мою статью свои правки, — я могу говорить менее эмоционально и не размахивать перед лицом руками, но не в этот раз и не с этим собеседником. — Ты... посмел...

— Да, — а он только что не облизывается — настолько собой доволен, — я посмел.

И ни грамма раскаяния, вранья, что так вышло случайно, что он не хотел, что это шутка, и он постарается все исправить. Шаг ко мне, так близко, что и ладонь не пролезет между телами. Его дыхание горячит мне макушку, мое согревает грудь в рубашке треклятого красного цвета.

Я не сделаю шага назад. Я знаю, что лучше не провоцировать хищника. И не смотреть в глаза.

Лев. И овца.

Странно, но страха нет. Только злость, одурачивая своей беспомощностью. И легкое сожаление непонятно зачем, отчего. Если он думает, что запугал, если уверен, что ему все позволено по праву силы...

Легкое прикосновение к волосам умиряет зародыш воинственности. Тоже мне... взяли моду... как маленького ребенка...

— Злата...

Я не буду смотреть. Не когда он так близко. Уворачиваясь от жарких пальцев, поднимаю случайно глаза и... Я смогу, я выдержу, не расплачусь от обиды и слабости, и не буду подсчитывать ресницы, как считала, пока он спал у меня под боком... когда-то...

— Я не знаю, что хочу с тобой сделать... — признаюсь.

— Знаю.

— Я не знаю, как выдержу эти несколько дней.

— Знаю.

И меня просто бесит это его всезнайство и жалость в глазах. Он уверен, что загнал меня в угол, и я буду ждать, когда он меня прикончит? Черта с два! Я усвоила урок и с тех пор быстро бегаю. В прошлый раз долгие разговоры привели к смерти моего сына, а сейчас под сочувственным взглядом Яра медленно умираю я. Сердце бьет камнем по ребрам, ноги ватным коконом тянут вниз, но я спрашиваю безразлично:

— Знаешь «что»?

— Знаю, что ты хочешь со мной сделать на самом деле. Знаю, чем закончатся эти несколько дней. Знаю, что с тобой хочу сделать я.

— Не могу поверить...

Я хочу сказать, что поверить не могу, что встречаются в мире такие самоуверенные и наглые типы, но Яр опережает меня. Он говорит нечто невероятное, нечто такое, от чего холодит все внутренности и хочется убежать, спрятаться, забиться в темный угол под мохнатую руку домового из детства.

И я бегу, прячусь...

Нет, мне только кажется так. Я стою напротив и слушаю, слушаю...

— Тебе не нужно верить мне, Злата. Для тебя это пока слишком сложно. Лучше я докажу на деле.

— Докажешь мне «что»? — пытаюсь хотя бы отодвинуться, и тут же упираюсь спиной в руку Яра. Когда он успел обнять меня? И почему рука его забирает мой холод и страх, и отчаянье? Нет, конечно же, мне только кажется так...

— Все мое время, — усмехается Яр и склоняется так низко, что я от греха подальше поджимаю губы. — Возможно, ты возненавидишь меня еще больше, но я все равно это сделаю.

Станный у нас разговор. Да и не разговор, а скорее танцы над бездной.

— Сделаешь «что?»

Усмешка Яра оборачивается лучезарной улыбкой, будто только и ждал этого вопроса, более того — уповал на него надежды.

— Для начала я сделаю это, — произносит с придыханием у моих губ и прикасается к ним большим пальцем. Обводит по контуру мягкой подушечкой и медленно, не отпуская моего взгляда, ныряет неглубоко внутрь.

Я дергаю головой, но мне только кажется так — я просто склоняю голову к его ладони. Я с силой отталкиваю его, но мне только кажется так — мои ладони лежат на его груди и поднимаются и опускаются вместе с его дыханием. Я ударяю его коленом в пах, но мне только кажется так — мои бедра вжимаются в его и продолжают уже без меня дикий танец.

Перед глазами вспышками мелькает ночь и прохладная стена одного из обычных баров. Я лгну к мужчине с пшеничными волосами и мысли взлет — неважно кто он, чей. Он мой. Безмянный. На одну только ночь. Мой палец исследует рот мужчины, а потом...

— Да, — шепот Яра рвет на кусочки мои бастионы и барабанные перепонки, — ты помнишь...

Яр медленно убирает большой палец, выскивает что-то в моих зрачках, и видимо обнаружив искомое, припадает губами к моим, обновляя сумасшедшими поцелуями мою

память.

Да, я помню наше знакомство...

Помню странную свадьбу и ночи вдвоем. Поначалу. Пока не проснулась любовь. А потом...

С силой прикусываю его язык и отпихиваю от себя. Прочь! Не могу! Я не верю! Не хочу больше!

Яр облизывает губу. Я вытираю рот ладонью. Никогда больше я не позволю ему или другому мужчине себя топтать. Никогда не позволю себе любить слишком сильно, без оглядки, без остановки.

— Никогда больше... — говорю ему, — никогда...

И троеточие.

Нет нужных слов.

А он спрашивает из любопытства, так, мимоходом: выдержи ли я столько, потому что никогда — слишком долго. Мы сплетаем дыхания, взгляды переплавляем в тяжелые цепи. А я выдержу: я свободно живу без него, и когда его нет, боль, жалея меня, пульсирует, но не вьет из меня веревки.

Но как выдержать с ним?

Как суметь притвориться, что мы все еще вместе, просто сменили жилплощадь? Типа вместе ведь можно быть не только по паспорту и прописке...

Как мне выдержать его мать, не стащив с ее головы безумную шляпу? Как не плюнуть в лицо, не ударить, ненавязчиво не подтолкнуть к распахнутому балкону?

Злость отвратительно закипает огненной лавой. Нет, уйди, оставь меня, не могу...

Оседая на пол, чувствую теплые руки и так близко дыхание человека, которого ненавижу.

— Я не выдержу... — говорю ему.

— Выдержишь.

— Я не смогу...

— Сможешь.

Я не плачу, я не дрожу, я не бью его в грудь кулаками, не царапаю щеку, не рвусь из объятий металла. Он не просит ударить еще, не требует, не подстрекает, не пытается вытолкнуть мою боль, не стирает пальцами мои слезы. Это просто кажется так...

— Дыши, глубже дыши. Стало чуть легче?

— Все прекрасно, разве не видишь?

— Вижу, — его влажный палец ползет по моим щекам, или щеки мои были влажными отчего-то. — Все, теперь ничего не заметно.

Поднимаемся, приводим в порядок одежду, осматривая друг друга. Где моя пудреница? Ладно, видели и похуже.

— Все? Готова?

— Да, — киваю, — только у меня есть условия.

— Хочешь их обсудить прямо сейчас?

— Пока не обсудим, я даже с места не сдвинусь.

— Занимательно.

Он приваливается к двери, я не двигаюсь как обещала.

— Первое. Ты никогда больше не вмешиваешься в мою жизнь.

Яр пожимает плечами, мол, что вы мне здесь приписываете?!

— И второе будет? — спрашивает пораженно.

— Даже не сомневайся. Завтра же ты составляешь обещанный список холостых олигархов.

— Не терпится снова замуж?

— Не терпится посмотреть, как ты будешь выкручиваться из той ямы, в которую сам себя и загнал.

— Из какой же? — осматривается.

— Как ты думаешь, — мне нравится его злить, только он вовсе не злится, — что скажут, — по меньшей мере, скажут, — тебе твои приятели-олигархи, когда меркантильные дамочки начнут на них охоту?

Неожиданный хохот Яра сотрясает дверь, и ее пытаются приоткрыть с той стороны для лучшей слышимости.

— Злата, — говорит он, отсмеявшись, — иногда я забываю, насколько ты не искушена в этих вопросах. Да ничего они мне не скажут. Ничего из такого, о чем ты наивно подумала. Возможно, подарят коллекционный коньяк, возможно, новый кий для бильярда. Если дамочки будут этого стоить. Мои приятели-олигархи, как ты их называешь, с удовольствием поиграют с меркантильными дамочками в «рыбалку». Но скажи: где ты видела, чтобы акулы ловили на удочку?

Акулы — точное слово, и одна из акул — Яр, небрежно-спокоен, гипнотизирует меня взглядом, зная, что не он — я на крючке.

— Завтра у тебя будет список, — говорит будто делает одолжение.

Не уверена, что теперь он мне нужен. Пусть бы сам сочинял статью, так нет же, подставил и вроде бы так и надо. Это редкий талант, превратить «никакое» настроение в «просто ужас». Поскорей бы избавиться от соавтора — я его к сотрудничеству не приглашала. Но единственное, что могу сделать прямо сейчас — освободиться из замкнутого пространства.

— А что это у вас с лицом, молодой человек? — интересуется бабуля, когда мы выходим. Но косо поглядывает на меня. — Кошек у нас никогда не было, а выглядите вы, будто пытались стащить соседскую, да она не давалась.

— Да уж, — папа радостно потирает руки, любясь бывшим зятем, и с гордостью выпячивает грудь, подмигивая мне. — Моя школа! С детства еще говорила мне, мол, папа, я не казачка! Я — казак!

— Было такое, — вздыхает мама, обнимая отца.

— Ухтышка! — восхищается Егор, поглаживая свой синяк для сравнения.

Яр и правда выглядит не так эффектно, как до прибытия в город, рубашка не идеально выглажена, лицо в свежих царапинах — но это вам не по курортам заграничным ездить. Это провинциальный городок и народ здесь простой, не жадный на искренние эмоции. Как говорится в одной рекламе: «Любите Родину, мать вашу!»

А хмурится-то как перед зеркалом в прихожей! Но не жалуется и не сдает имя несговорчивой кошки.

Пока выкатываем чемоданы в тесный коридор, бабуля преследует нас с пакетом, полным свежееиспеченных пирожков. Причитает, что зря что ли, встала ни свет ни заря, но мы держимся группкой и отказываемся: до аэропорта часа полтора ехать, лететь всего два часа, есть не хочется, тут бы проснуться... Но точно знаю, что пожалею, когда прилетим, потому что мы-то собирались в гости надолго и даже холодильник разморозили. Радую и

себя и бабулю и беру пирожки, мне же не пешком до самолета идти.

Целую, распушиваю ее новый бантик, все счастливы, все довольны. Но в коридорчике только прелюдия: спускаемся на улицу, постоять на холоде у такси, помолчать, еще раз пообниматься. На это семейное мероприятие поспевают соседка тетя Вера и так вздыхает, что почти перекрикивает папу, как бы вскользь и как бы никому угрожающему, что если что, то и приехать не трудно, он бокс не забыл, а правила его и раньше не особо волновали.

— Я понял, — говорит Яр, — но вы меня, надеюсь, тоже услышали.

Отец безбоязненно повторяет угрозу, но Яр дважды не реагирует: о чем-то переговаривается с бабулей, пока Егор прощается с дворовыми ребятами. Мне мерещатся заговоры и переглядывания, и немного легчает, когда Яр отходит чтобы поставить в багажник наши чемоданы и по другую сторону от машины наблюдает за нашими проводами.

— О чем шептались? — невзначай оказываюсь возле бабули.

— О тебе, — признается без обиняков. — И всю ночь о тебе говорили.

— А баранки хоть ели за увлекательной беседой или некогда было?

— Знаешь, хватит ерничать, Злата, — совершенно неожиданно получаю выговор. — Я знаю, что случилось, знаю не только с твоей позиции, но с двух сторон. Нет, он не наговаривал на тебя и себя не выгораживал. Наоборот. Так вот, Злата, к чему веду: если уж простить не в силах, не лучше ли наказать того, кто все это с вами сделал, чем друг друга?

Я смотрю на снег, на тетя Веру, на унылый подъезд, чтобы не видеть глаз бабули и чтобы не сдаться. Она права, во всем права и так бы, непременно, поступил более сильный человек, а я...

— Я не могу...

Кричу Егору, что пора. Он машет мальчишкам, и бежит ко мне, обнимая с разбега, потом одумывается и обнимает маму, папу, бабушку. Они так радуются, будто я их никогда не обнимала, мамуля даже смахивает слезу.

Жаль, что нельзя растянуть минуту в час. Последний раз обернувшись, ныряю в распахнутую дверь машины и все смотрю, смотрю...

— Не расстраивайся, — слышу голос Яра.

Понятия не имею когда и зачем они поменялись с Егором, но он рядом, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не вытолкать его в двери, осуществив навязчивую мечту. Мне хочется причинить ему боль, хочется отплатить за свою, но я не могу. Да и бабушка... лучше бы она не говорила того, что сказала у машины.

Не лучше ли наказать того, кто все это с вами сделал, чем друг друга?

Лучше, но я так и не знаю, кто это был и за что. Мама Яра, которую завтра увижу? Повариха? Семейный врач? Или кто-нибудь, кого я не знаю? О ком даже не слышала?

Я понятия не имею, как подступиться к разгадке, а Яру плевать.

Не то, чтобы мне нужна его помощь и не то чтобы я думала, что для него это важно, просто... надеялась. Надеялась, что он захочет как минимум потешить свое эго. А, впрочем, зачем ему тратить жизнь на поиски неизвестного, если с моим уходом ничего не изменилось? Он не любил меня, ребенка считал чужим, денег дал достаточно, чтобы теперь я выбирала любовников. Это я брожу в прошлом, путаясь у людей под ногами, отвлекая от миллионов, эффектных брюнеток, считающих, что он должен на них жениться хотя бы за перенесенные пытки силиконом.

Пусть целует надутые губы, пусть мнет искусственную грудь, пусть куклы рожают ему детей...

А я своими глазами увижу, как он мучается в тесной двухкомнатной квартире после своих хоромов, как мерзнет даже на застекленном балконе. Не моя вина, что сейчас не лето. Одна комната занята Егором, в зале сплю я, так что только балкон или кухня. Но кухню я не отдам.

Представляю себе эту картину: толстосум, свернувшийся эмбрионом на моем балконе! Сенсация, да? Может, позволить увидеть это кому-то, кроме себя?..

Зажмуриваюсь довольно и тут же слышу ласковый голос Яра. Ласковый, в противовес моей злости:

— Поспи.

Из духа противоречия открываю глаза как раз в тот момент, и вижу, как он проводит ладонью по своему бедру. Это... что... он... Надеюсь, он не думает, что я лягу ему на ногу?!

— Надеюсь, ты не думаешь, что я позволю помять свои отглаженные брюки? — поражается Яр, заметив мой пристальный взгляд.

Он проводит рукой по черным брюкам от английского портного, снимает невидимую соринку, и отворачивается к окну. А я все еще смотрю на его бедро. Конечно же, это просто дань таланту портного.

— Откинь голову назад, здесь довольно мягкие сиденья. Ехать почти два часа, а ты ведь любишь поспать подольше до первой чашки чая.

Перед глазами мелькает комната с белым ковролином, огромная кровать с красными простыням, и одуряющий запах жасминового чая. А рядом, на тарелочке...

— Не спится? — Яр достает термос, наливает в мою старую глиняную чашку зеленый чай и почти делает глоток, но заметив мой ошарашенный взгляд, спрашивает: — Хочешь? Или поспишь?

Он снова проводит рукой по своему бедру, только медленней, гораздо медленней, чем в прошлый раз и сколько ни присматриваюсь, я не вижу и намека на соринку.

— Как знаешь, — говорит Яр и налив чая в картонный стаканчик Егору, нагло пьет из моей кружки. Но как будто этого мало, достает из пакета сырок в шоколаде, разворачивает и беспардонно ест у меня на глазах. Егор от сырка отказывается. Меня никто не спросил. В расход идут бабулины пирожки, и за тремя мужчинами, — водитель даже из вежливости не отказался, — я едва успеваю отвоевать один для себя, вкусный, с мясом, как я люблю, но сухомятку немного саднит горло.

— Налей мне чая, пожалуйста.

— Пожалуйста, — наливает в кружку, из которой только что пил.

Наверное, картонный стаканчик был один, и я не спорю, хотя это не гигиенично, не эстетично и слишком интимно для тех, кто терпеть друг друга не может.

— Есть еще один шоколадный сырок, хочешь?

— Да, спасибо.

Пусть наша любезность будет репетицией к предстоящему спектаклю. Если повезет, мамаша Яра надолго не задержится и тем самым спасет своего старшего сына от обморожения.

Наевшись, все-таки засыпаю и видимо, без оглядки на принципы, потому что открыв глаза, обнаруживаю свою щеку на плече Яра, а свою руку на его бедре.

— Как брюки? — спрашиваю сонно. — Не примялись?

— Наоборот, немного разгладились, — говорит он, выходя из машины.

Я тоже выхожу, совсем не спорю, когда Яр расплачивается и выгружает чемоданы. Пока

он кому-то звонит, а мы с Егором топчемся у машины.

— Подмерз! — хвастается мальчишка. — Думал уже будить тебя. Сначала было интересно, а потом ужасно нудно, такой аэропорт никакой. Но когда я с пилотом разговорился, немного увлекся.

— С каким пилотом?

— С нашим, я сбегал к самолету, поздороваться.

— И тебя пропустили?

— Конечно.

— Подожди, — немного торможу со сна, — а почему меня не разбудили?

— Не давали, — шепчет доверительно и делает вид, что ничего важного не сказал.

— А долго не давали?

— Да час почти! Я же говорю, успел заскучать!

Закончив разговор, Яр подходит к нам.

— Мы что, — провожаю взглядом отъезжающее такси, — из-за меня опоздали на самолет?!

Егор хохочет, Яр невозмутимо говорит, что никогда не опаздывает, а меня накрывает паника. Самолет раз в день и если мы опоздали, как же дама с торшером?!

Паника никого не трогает из моих спутников, а двое мужчин в летной форме едва ли вообще меня замечают. Катят наши чемоданы, а мы идем следом. Встречные пассажиры смотрят завистливо и зло, а у меня такое чувство, что я единственная ничего не понимаю.

На бесконечной взлетной полосе, где асфальт нагло целуется с небом в облаках, раскинула крылья белая металлическая птица. Кроме нас не видно, чтобы кто-то спешил к ней. Вообще кроме нас никого не видно. По мере приближения, начинаю беспокоиться и несу всякую чушь:

— Мы на этом летим?

— Да.

— Билеты у тебя?

— Нас впустят, — усмехается Яр.

И, действительно, стюардесса так счастлива, будто нас только и ждали. Могут ведь наши улыбаться приветливо, а не в натянутом оскале, могут, даже радостно за родину. Зря меня пропускают вперед, потому что я остановившись в дверях, смотрю на мягкие кресла, белоснежный ковер, бутылку шампанского в ведерке со льдом, матовые высокие бокалы, нарезки, и безуспешно пытаюсь высмотреть хоть одного пассажира.

— Это твой самолет? — выхожу из оцепенения.

— Нет, моего знакомого.

— Иногда я забываю кто ты и насколько богат.

— Знаю. Я мог бы устроить возвращение на трамваях, но они есть не в каждом городе, не говоря о селах. Мы бы прилично опоздали, а я терпеть этого не могу.

— Это я помню, — ворчу.

— Пойдем! — Егор подпихивает меня вперед, как я его в общественном транспорте, устраивает краткую экскурсию, водя за собой. — Это маленький самолет, — говорит он, — ты не потеряешься.

— Надеюсь, — встречается в разговор его брат.

— Вот смотри, — продолжает мальчик, заговаривая меня, чтобы не успела ляпнуть Яру что он заслуживает, — здесь комната для отдыха, здесь ванная, а здесь столько вкусного, что

я даже спать расхотел!

Перекинув из шкафа на одно из кресел шоколадки, жвачки, конфеты, втискивается между вкусностями сам.

— Даже не думай, что я позволю тебе испортить зубы и желудок. — Оставляю только черный шоколад, если обертка не врет — швейцарский, и сок.

— Ну, Злата! — просится котенком. — Я же умру от голода, а ты потом будешь скучать! Очень скучать...

— Это аргумент, — соглашаюсь, — скучать мне не хочется.

Достаю из сумочки мамины котлеты, при виде которых жалобы и шоколадки забываются. Уминая, Егор делится двумя с братом. Я напряженно всматриваюсь в окно, пока не взлетаем, а после поминутно посматриваю на часы Яра.

— Расслабься, — он подает мне бокал с шампанским и внимательно наблюдает: возьму-не возьму. Я отпиваю, когда он делает крупный глоток. — Хотя бы так...

Я оставляю его замечание без ответа. Яр тоже больше не заговаривает. Зато Егор тарыхтит всю дорогу, перебивая радио, где «Смысловые Галлюцинации» предлагают за звезду полжизни. Не вовремя эта песня... Тут и так, небо и облака, год жизни точно слизал страх, а еще эта песня... С сотней других пассажиров мне бы было спокойней, а так мне кажется — мы особо уязвимы.

...А Гагарина зря обидели

Принесли похоронку матери... — обреченно накатывает песня.

Нет, это выше моих сил!

— Послушай вот это, — Яр вставляет мне в уши наушники, и я расслабленно улыбаюсь под музыку моря, подумав, что поспорить могу в другой раз.

А к этому можно привыкнуть...

Наверное...

К шуму моря, я имею в виду...

Интересно, если бы я не проснулась, меня бы разбудили или опять выжидали час? Уже не узнаю, притворяться под гипнотизирующим взглядом сидящего напротив мужчины довольно сложно.

Странно, что нас не встречает машина — или когда горничная сказала, что Яр всех уволил, он уволил абсолютно всех? Ладно здесь, берем такси, а кто теперь за рулем его вишневой машины?

Пока едем, Егор успевает похвастаться, что разбирать чемоданы не собирается, а позовет Полину. Я не отговариваю раз он хочет потратить немного денег своего брата. Тот вообще думает о другом.

— Ты найдешь место для моих вещей?

— Только если ты принесешь самое необходимое.

— Самое необходимое — ноутбук, без остальных вещей, даже без карточек, я могу легко обойтись. Но будет правдоподобней, если несколько моих рубашек потеснят твои блузы, ну и средства гигиены, согласна?

— Фен можешь оставить дома, если что, можешь пользоваться моим, — не удерживаюсь от колкости, а то подозрительно все у него четко.

— Хорошо, — говорит он, — я возьму с собой свои бритвы, если что, можешь опять ими воспользоваться.

Значит, он тогда заметил, что я пользовалась его бритвой. Заметил, но ничего не сказал,

хотя я слышала: мужчин это жутко раздражает и бесит...

Машина останавливается у подъезда, Яр расплывается, пока я с восторгом смотрю на окна квартиры. Она пока не знает, что я подумываю выкупить ее у хозяев, но кажется, что уже ждет: уютной тишиной, покоем, обещанием домашнего счастья.

Яр помогает занести наши чемоданы, но сам не заходит.

— Думаю, вам лучше немного отдохнуть пока, а позже мы прогуляемся.

— В смысле?

— У нас нет ни одной фотографии. Тебе не кажется, что правдоподобней, если они будут?

— Даже не знаю, если честно. А мы успеем до визита твоей мамы?

— Конечно.

— А если она нагрянет, а мы как раз распахиваем фотографии в спешке или сортируем твои трусы?

— После последнего своего визита она не нагрянет без предупреждения. Ты же видишь: сказала раньше на несколько дней, что прилетает.

Да, последний — он же первый для меня визит свекрови начался и закончился отвратительно — сплошная серая полоса с единственным проблеском, когда я попыталась спуститься по веревочной лестнице с балкона, а она верещала, что я это назло, чтобы ее сын обвинил свою мать в убийстве жены.

— Злата, — чувственная усмешка Яра выдергивает меня из воспоминаний, — я позволю тебе рассортировать свои трусы, если тебе этого так хочется.

Яр уходит, а я все еще стою на пороге, думая, а что это было вообще?! Это так вот он не вмешивается в мою жизнь?! Да он буквально душит меня своим присутствием и намеками! И ведь обещал... Нельзя ему верить... нельзя... А ведь как обещал проникновенно, как...

Стоп! А как именно он обещал?

В упор не могу вспомнить.

Начнем по порядку. Я выдвинула два условия, первым из которых было не вмешиваться в мою жизнь, а он...

А он согласился составить список миллионеров и проигнорировал мой ультиматум!

Ух...

Хорошо, что сумму отступных оговаривал Егор, а то бы я, наверное, пожизненно выплачивала компенсацию холодному, расчетливому, коварному и мнящему себя харизматичным и красивым, прохвосту-миллионеру!

Он вернулся через час, как ни в чем не бывало, с одним чемоданом и Полиной. За двойной тариф девушка бросилась активно заполнять мои полочки мужскими вещами, а я как не у себя дома — честно слово. Сижусь сиротой на диване, смотрю как мои кофточки теснятся рубашками и так мне их жалко...

— Ты обманул меня, — говорю спине Яра.

— А, — говорит он, присмотревшись ко мне, — ты, наконец, поняла, что провалила переговоры.

— Ты обманул меня, — повторяю упрямо.

— Нет, я просто отстаивал свои интересы, а то условие, которые выдвинула ты, было бессмысленным даже для тебя самой, поэтому ты о нем и забыла. Подумай о том, чего ты хочешь на самом деле, и мы опять поторгуемся.

И я начала думать.

Смотреть в спину, обтянутую красной рубашкой, и думать...

Нет, у меня, конечно, было предчувствие, что прогулка ничем хорошим не закончится, но чтобы настолько...

Вышли из дома в разном настроении: Егор задорно бегал вокруг меня и Яра с снежками, угрожая если не улыбнемся — бросить их куда попадет. Яр делал вид, что верил, я — что не слышала угрозы. Цель затянувшейся прогулки, как нам объявил фотограф еще у подъезда — поиски живописных мест для семейного снимка, но маленькие островки снега перемеживались с грязью и обыденностью и, видимо, новомодную фотокамеру не вдохновляли.

По-моему, я единственная страдала предчувствиями, из-за чего временами нервно оглядывалась и отставала. А в общем, было скучно, холодно, но терпимо.

И вдруг...

Подумав, что Яр и Егор остановились, предлагая мне скорее догнать их, я прибавляю ход, и что вижу, отпыхавшись? Собаку. Огромную мохнатую собаку неопределенной расцветки с комьями в шерсти, инеем на спине и сосулькой вместо носа. Собака лежит, дрожа и рыча под взглядами моих спутников, а они о чем-то переговариваются, причем гораздо тише после моего приближения.

— Ну, — говорю, — возле собаки что ли будем позировать?

Оба смерили меня странными взглядами.

— А она нам по стилю подходит, — хохотнув, говорю я, — у меня глаза узкие от недосыпания, у Егора фингал, у... некоторых на лице отпечаток тракторной борозды, а у собаки все сразу. Прямо как член семьи.

Яр и Егор виновато прячут взгляды, словно это они довели собаку до ужасного состояния. Я пока все еще ни о чем не догадываюсь, а потому весело продолжаю:

— Так что? Кто возьмет ее на руки? Скажем вашей маме, что это у нас комнатная болонка — все равно породу невозможно проверить.

— Злата... — начинает Яр.

— Златочка... — нет, Егор, конечно, у меня ласковый котик и все такое, но не подлиза, и все же я даже в тот момент не напрягаюсь. Смотрю на небо, бросившее горсть белых перьев, на торопливо пробегающих мимо прохожих, на своих подозрительно тихих мужчин.

— Да-да? — подбиваю хоть одного из них развить свою мысль.

Они снова переглядываются, и вроде бы собираются в чем-то признаться, но не решаются.

— Ты действительно хочешь сфотографироваться с собакой? — вместо этого спрашивает Яр.

Не знаю, удалось ли мне взглядом передать, что я думаю о его сообразительности, но на ответе Яр не настаивает.

— Она вообще-то красивая... — заступает за брата и собаку Егор.

Ребенка я не могу послать даже мысленно, поэтому просто пожимаю плечами.

— Правда-правда! Ее только проверить у ветеринара, отмыть и она знаешь, какая благодарная будет?

— Не думаю, что выставить мокрую собаку на улицу в мороз сострадательно. Егор, от

кого, кого, но от тебя такого не ожидала. Так что, мы будем фотографироваться или идем домой греться?

— А ты ничего не имеешь против сострадания Егора? — подозрительно мягко спрашивает Яр. Впрочем, это сейчас я понимаю, что подозрительно, тогда подумала, что — ну, должен же он лучше знать, с кем живет его брат. Сам-то так и не понял меня.

— А почему я должна быть против? — удивляюсь. — Он же свои деньги на это тратит.

— То есть... весь вопрос в деньгах? И если, скажем... надо купить корм этой собаке...

— Магазин у тебя за спиной. Надеюсь, ты не думаешь, что сбегая я?

Яр и Егор топчутся возле собаки, и та, видимо, пообвыкнув, перестает рычать, а тоже посматривает на меня поочередно с ними.

— Я могу сам купить, Злата! — тараторит Егор. — Вопрос совсем не в этом! Мне не трудно! Ты же знаешь, какой я ответственный!

— И такой же скромный, как твой брат.

Оба растягиваются в довольной улыбке, а у собаки отпадает сосулька с носа от их дыхания, и она громко чихает.

— Простудится, — сокрушается Егор.

— Да, здесь холодно, — печально поддакивает Яр.

Собака громко и долго вздыхает.

— Поэтому не мешало бы сфотографироваться, наконец, и вернуться домой, — замечаю я.

Они медлят, а потом, видимо, туго соображая от холода, признают мою шутку на счет фотографии с собакой удачной и на полном серьезе обговаривают, кому где становиться. Мне выделяют место справа от псины.

Уверена, на снимке у меня не будет узких глаз, потому что я в шоке.

Яр щелкает раз, второй, меняет нас с Егором местами и снова щелкает. Потом бесцеремонно сует деньги бегущему мимо мужчине с просьбой запечатлеть нас и успевает обнять меня до того, как я закричу.

Мы снова меняемся, неизменна только собака и подкупленный прохожий. Яр просит улыбнуться, и пока я выправляю оскал, целует под вспышку камеры. Второй кадр, наверняка, лживо продемонстрирует, как мы обнимаемся, но не заметит как сильные мужские ладони сжимают мои кулаки. А в третьем — пока мы выясняем отношения, а Егор подслушивает, главенствует только собака.

Я прихожу в себя, когда фотограф отдает камеру, справедливо решив, что отработал оплаченную услугу, в которую семейные разборки не включены.

— Дома поговорим, — угрожаю Яру, чтобы не думал, что легко отделался.

— Да, — поддакивает Егор, — домой бы...

А в глазах такая тоска, что разрывает мне сердце. Эх, померзну еще пару минут для счастья ребенка!

— Ты хочешь сбежать купить ей что-нибудь? — киваю на собаку. — Давай, мы подождем.

— Да нет, — мнется, — толку? Она поест, и все равно будет лежать здесь, на холоде, вся грязная, никому не нужная...

— Ну, а что мы можем сделать? — развожу руками, и вот здесь начинается худшее!

— А ты бы хотела что-нибудь сделать для собаки? — допытывается Егор.

— Злата, ты серьезно? — восхищается Яр.

— Не то, чтобы я рвусь в волонтеры, — предупреждаю на всякий случай, — я вообще ведь журналистом работаю.

Правда, я планирую написать еще только одну статью, но четко чувствую, что лучше сейчас это не уточнять.

— И еще, — набираю обороты, — хочу всерьез заняться копирайтерством. И вообще у меня много планов... Но если в моих силах помочь... дать денег на «Вискас», к примеру — почему нет?

— Твоя бабуля все-таки мало осведомлена о кошках в вашем доме, — потирая ссадины на лице, улыбается Яр, — зато ты явно в теме. «Вискас» — кошачий корм. Но не думаю, что эта собака переборчива, не похожа она на избалованную жизнью.

Вообще-то собака чем-то похожа на меня, но я в этом никогда не признаюсь.

Взглядом, что ли? Или намеком, что шерсть не такая темная, как кажется, а скорее, русая, с рыжиной? Или тем, что лежит в грязи, на холоде, как и я когда-то?

— Мы сегодня идем домой? — спрашиваю, подавив ком в горле.

— Да, конечно, — говорит Яр и после дирижирования Егора, выбивает у меня почву из под ног: — Злата, к вопросу о сострадании... Ты бы согласилась взять эту собаку к себе?

— Нет! — в ужасе выпаливаю я. — Нет! — повторяю, чтобы перестали смотреть так жалостливо мои спутники. — Нет! — говорю специально для заскулившей псины.

А ровно через час, после того, как псина объездила с Яром и Егором половину города в шикарном авто, посетила дорогого ветеринара и вернулась из собачьего салона, я заставила ее вытереть лапы об коврик и улечься на него в прихожей, поближе к выходу, на случай, если я все же одумаюсь.

— Спасибо! — лезет с обнимашками Егор.

— Гулять с ней три раза в день, не забывать кормить и самое главное — никогда не купать в ванной, — не поддаюсь на ласку.

— Все сделаю! Все запомню! — смеется он и забирает псину показать ей новый, или кто знает — первый в ее жизни — дом.

— И как это называется? — спрашиваю у Яра.

Вообще-то вопрос не к нему, просто мысли вслух, а Яр так, случайно рядышком стоит, вот и попался под руку. А я ведь помню о поцелуе на улице, так что хоть так отведу душу, выскажусь.

— Мой авторитет рушится на глазах, — жалуюсь. — Я сказала собаке лежать, Егор увел ее на экскурсию. Как думаешь, кого в следующий раз она будет слушать?

Иду в зал, сажусь с ногами на свой диван и смотрю, как два бесенка мечутся в соседней комнате. На душе как-то теплеет, хотя подозреваю, проблем у нас с собакой будет море. У меня в детстве даже неприхотливые хомячки не приживались, а здесь такая зверюга с характером!

— Она явно уже выбрала себе хозяина, — говорю я присевшему рядом Яру.

— Она выбрала себе друга, — с улыбкой говорит Яр.

— Послушай, в тему о друзьях... — вспоминаю наставления бабули, что совсем не думаю о будущем мальчика, и пересказываю их бывшему. Может, и правда Егору начать в школу ходить, пусть в элитную — их хватает в городе, но главное, чтобы с ровесниками общался, а то сидит в четырех стенах и со мной — разве я компенсирую ему всех?

— Злата, ты компенсируешь ему самое главное, — говорит Яр, внимательно меня выслушав, а я тихо млею от его слов, не знаю почему. — А что касается школы... Твоя

бабуля права. Она вообще очень мудрая женщина. Планировалось, что Егор уедет в Англию, но сомневаюсь, что он теперь туда захочет, если он и раньше не рвался.

— Из-за собаки?

— Теперь и из-за собаки тоже, — улыбается мягко, совсем как прежде, и ощущения у меня рядом с ним немного меняются. Нет жуткого желания оттолкнуть, отодвинуться, отсесть подальше. Мне комфортно, хотя он явно преодолел мое личное пространство. Так странно, зима на улице, холод, а я начинаю оттаивать.

— Я тряпка, — делаю вывод, не сразу заметив, что произношу это вслух.

И, наверное, достаточно громко, потому что и псина, и Егор тут же оказываются в зале, садятся передо мной на ковер. Один из них по-турецки, подперев кулаком подбородок. Вторая — вразвалку, но задумчиво почесывая мохнатой лапой стриженный лоб. А Яр, расположив руку вдоль спинки дивана, едва ли не касается пальцами моей шеи, и мое тело мурашками реагирует на его близость, даже при стольких свидетелях, даже прекрасно помня, чем у нас все закончилось в прошлом...

— Да, тряпка, — ставлю окончательный диагноз и самое время расплакаться, жду только намек на согласие, жалость, да хотя бы кивок, а они на меня смотрят — все, даже псина, даже Яр, глаз которого я физически не могу сейчас видеть, — смотрят недоуменно и осуждающе, что ли.

— Ты — добрая, — наконец, говорит Егор, но серьезно, по-взрослому, ни капельки при этом не ерничая.

— Ты — искренняя, — говорит Яр, щекоча горячим дыханием шею.

Я с сомнением смотрю на псину, но она только трет лапой лоб, видимо, пока еще не составила своего мнения, присматривается.

— Ты так раскрашиваешь настоящее, что в нем хочется жить, — говорит Егор, ловя мою ладонь и пожимая ее на весу. А приподнявшись, хлопывает мне пальцами рот.

— Интересно, а как это я раскрашиваю настоящее? — спрашиваю, чтобы отвлечь их от своих красных щек. — А, поняла, — дурачусь вместо Егора, — я же сказочница!

Но моя шутка производит странный эффект. Егор рассматривает меня как экспонат в музее. Собака, собиравшаяся уйти, видимо, устав от моего самоедства, оглядывается и громко шлепается на зад. А Яр оголяет все мои нервные окончания легким (случайным) касанием языка моей мочки и шепотом в самое ухо:

— Нет, ты не сказочница, Злата. Ты — сказочная.

А я так и сижу, поджав ноги и не оборачиваясь, чтобы никто не заметил, как я дрожу. И не понял, как странно мне слышать такие слова.

Милая, хорошая, умница — простой набор для всех девушек помню, а чтобы именно для меня... Не было, как и чувств...

Егор, поднявшись, с усмешкой закрывает мне рот.

— Не забывай про муху, — говорит, бросая меня с братом наедине, — сегодня у нас день сострадания, было бы жаль насекомое.

И псина, гавкнув в знак согласия, сбегает за ним. Дверь в комнату закрывается. Ну, вот... собственно... а мы расселись вдвоем на диване...

— Вы сделали фотографии? — хвалю себя, что ловко придумала, как разбавить затянувшееся молчание.

— Да, — потянувшись через меня, Яр достает фотографии. Оказывается, все это время они лежали на тумбочке, справа от дивана, и их никак нельзя было достать, случайно не

задев моей спины длинными пальцами.

— А рамочки купили? — спрашиваю важно.

— Ты во мне сомневаешься? — и снова, потянувшись, Яр задевает мою спину и с тумбочки достает рамочки для фотографий. Самые простые, как я и просила, чтобы их потом не жалко было выбрасывать.

— Может, вставим? — Пытаюсь выбрать из горы снимков хоть один удачный, но то акцент на фингал Егора, то на царапины на лице Яра, то на мои неестественно круглые глаза. — И вставить-то нечего. Даже не знаю, что и делать... Может, так?... Ох, хоть бери и задом переворачивай... Просила же попроще.... Чтобы раз — и вошел, а здесь... Я уже и запыхалась... Нет, в этом определенно нужна практика! Ты ничего не хочешь сделать?

Оборачиваюсь и... прикипаю к темному взгляду. Цвет сини словно растворился, одни зрачки, пожирающие меня алчно, долго и в свое удовольствие.

— Хочу, — чуть хрипло отзывается Яр, но не берет снимки, а легким движением отправляет их на пол. — И да, ты права, тебе определенно не мешает возобновить практику...

И прежде чем я успеваю пискнуть, губы Яра нежностью давят мое сопротивление, но оставляют до того, как я сквозь сладостную дымку начинаю строить планы броска мужчины через балкон.

— Еще хоть раз... — шиплю ему возмущенно.

— Еще не раз... — улыбаясь, обещает он и я, уверена, с наслаждением, любитесь моими покрасневшими щеками.

— Послушай...

— Успокойся, Злата, — потягивается, умудряясь задеть горячими пальцами уже не только спину, но и грудь, — я поцеловал тебя не для того, чтобы соблазнить.

— Нет?

— Нет, — невинный взгляд. — Я поцеловал тебя, чтобы ты не шарахалась от меня при матери.

— Подожди! Она что, будет смотреть как мы целуемся?!

— Сомневаюсь, что она попросит это продемонстрировать, — утешает Яр, — но вдруг придется, исключительно для правдоподобности.

Его слова меня остужают не более чем морось — бушующий пожар.

— Я укушу твой язык, — предупреждаю его.

— Соблазнительно.

— Сильно укушу.

— Я никогда не был приверженцем БДСМ, но если ты настаиваешь попробовать...

— Яр!!!

— А что еще, кроме ультразвука, входит в эти игры? — спрашивает, потирая свое ухо. — Может, выберем что-нибудь другое?

Пытаюсь высказать ему все, что думаю: все, без прикрас, но эмоции захлестывают, слов — океан, и в итоге я издаю только грозный рык.

— О, нет, — притворно шарахается Яр. — Зоофилию я не одобряю!

Я на пределе, а балкон так соблазнительно близок...

— Послушай, Злата, — Яр медленно встает с дивана, и отступает к комнате брата, — сегодня же такое событие... праздник... новый член в доме...

— Хорошо, что напомнил, — говорю я, следуя по хрустящим фотографиям за

намеченной жертвой, — ты мне сейчас не только за поцелуи, но и за собаку ответишь!

— Я, вообще-то, имел в виду себя, — говорит он, уже практически придвинувшись к спасительной двери. — Злата... Злата... ты перевозбудилась... Это очень даже хорошо... я всегда за... только... может, используем это как-то иначе, мм?

Я наступаю. Я так близко к нему, что снова чувствую легкую волну дыхания. Еще один шаг и...

— Сегодня день сострадания! — напоминает он.

Я не ведусь. У него только два выбора: сдаться мне или спрятаться в комнате Егора. Уверена, он не будет впутывать в наши разборки ребенка, и прелюбопытно, как же он выкрутится?

Его глаза сверлят мои, дыхание греет лоб и макушку, потому что смотрю на него, задрав подбородок. Все, он в ловушке.

— Привет, — говорит Яр, растягивая губы в улыбке и прижимаясь ко мне непозволительно близко, — попалась.

Руки его складываются за моей спиной в надежный замок, а большие пальцы рисуют непонятные иероглифы. Жарко. Холодно. Снова бросает в жар. И как можно было подумать, что я льва загоняю в угол? Он — хищник. Он играет со мной. Ну а я не боюсь, не дрожу, не бегу и не вырываюсь.

Захотелось тебе поиграть?

Ну давай, поиграем, большой непослушный котенок...

Прячу взгляд, прикасаюсь грудью к его, принаравливаясь к дыханию, дышу в унисон. Его сердце так громко стучит... Как мое... Интересно, мое он слышит?..

— Яр... — мои пальцы медленно спускаются от его уха вдоль шеи, ощущая как ускоряется пульс. — Помнишь, что я тебе говорила?

Прислоняется ртом к моим волосам на макушке, делает вдох, словно скучал, словно не виделась вечность, словно пытается вспомнить. Только вспомнить-то нужно другое...

— Яр, — обнимаю одной рукой, а второй глажу его от ключицы к ключице. — Помнишь, что я предупреждала тебя? Трижды. Помнишь?

Он целует мой лоб, он губами спускается к уху — это очень опасно, это больше того, что я смогу выдержать. Позволяю понежиться себе только секунду, дарю один стон сожаления о невозможном и... как папа меня на днях научил, нажимаю всего на одну точку, и едва успеваю подхватить тело Яра, чтобы кулем не грохнулся на пол.

— Полежи, — говорю ему, хотя он и не слышит сейчас, — и подумай над своим поведением.

Только успеваю подняться с колен, как из комнаты выбегают Егор и собака.

— Ой! — мальчик в шоке, обнаружив брата под своей дверью. — Это что вы, опробовали новый метод перемирья по типу «зацелую тебя до смерти»?

— Егор! — поражаюсь познаниям, а тот отмахивается, мол, да ладно, можно подумать, он не умеет включать телевизор и пользоваться интернетом.

Склоняется над Яром, пробует пульс, осознав, что с тем относительно все в порядке, сбегает на кухню в тщетных поисках вкусенького. Он так занят, что звонок в двери призывает только меня. Посомневавшись переступить или обойти неудачливого героя-любовника, крадусь возле стеночки, приоткрываю дверь, чтобы глянуть кто там не вовремя, и, конечно, — ну, даже сомнений не было, — вижу на пороге сначала огромную шляпу, а потом и свекровь. Бывшую — слава Богу.

Я едва не ляпаю, почему без предупреждения?! Но одумываюсь. Сказать нечто приветливое не могу, правду — тоже, поэтому молча смотрю на нее. Она тоже не спешит здороваться и уверять, что рада меня лицезреть. А потом замечает кое-что за моей спиной и, вскрикнув, тревожит уснувшую шляпу.

— Мой сын! О, Боже! Что ты с ним сделала?!

Так, понятно, думаю я, надо было перетащить Яра в зал, да кто же думал, что его мамаша снова заявится так не вовремя. Прямо и не знаю, какое из двух ее появлений хуже: первое, когда застала лежащими нас с Яром в постели; или второе, когда он один отдыхает без сознания в коридорчике на собачьем коврикe?

Делать нечего, открываю ей двери, покаянно вздыхая.

Она делает шаг, и я вижу, как шляпа снова качается в шокe из стороны в сторону, а потом только перевожу взгляд на ее лицо: рот распахнут, хоть трамваи пускай по такому тоннелю, глаза как две гальки у моря — вроде одно и то же, а присмотришься, и размер разный, и цвет, и какая-то странная форма.

— О, Боже! — повторяет она. — А что ты сделала с Яром?!

То есть... получается, в первый раз она имела в виду Егора? А что с мальчиком, интересно, может случиться? Оборачиваюсь, и застаю занимательную картину: неподалеку от Яра на полу лежит горсть желто-белых хлопьев, которыми жадно похрустывает собака. Рядом сидит Егор и жует точно такие же хлопья. Никаких опознавательных знаков, что это мои диетические хлебцы, понятно же, нет. Именно это поразило ее поначалу, а потом она увидела лежащего рядом с собакой Яра и...

— Один с синяком в пол-лица и собачьим кормом, второй весь расцарапанный и не знаю, дышит ли вообще... Ты... их... О, Боже... Это ты их!

Выходит, что я. Но самое интересное, что помогать-то она ни одному, ни второму не рвется, только дышит, как рыба, брошенная об лед, и стоит в красивой позе ослепленной своим отражением медузы. Мол, любуйтесь мной, я так переживаю, я в ужасе, я безутешна!

Яр, простонав, дергает рефлекторно рукой, приоткрывает глаза и начинает осторожно, с помощью устойчивой стеночки, подниматься.

— А вы помочь не хотите? — интересуюсь у свекрови.

Нет, не хочет. Вместо этого поправляет шляпу и сумочку.

— Что это было? — тряхнув головой и, уверена, пожалев об этом, спрашивает меня Яр.

— Забыл? — огорчаюсь. — Пока Егор был в комнате, мы ловили друг друга по коридору. И, кажется, кто-то попался.

Взгляд Яра, наконец, проясняется, и вообще он быстро приходит в себя. А заметив охающую мать, почти неуловимо примеряет маску хозяина жизни, мол, так все и было задумано. С минуту они рассматривают друг друга, но нет ни приветствий, ни объятий, как в нашей семье.

— Ты снова пришла без предупреждения, — наконец, говорит Яр.

— Прости! Я уже поняла, что попала в разгар ваших игр!

Яр в два шага приближается ко мне, опутывая руками и нежным касанием пальца к шее. Я прижимаюсь к нему спиной, случайно наступив на ногу, но его это не расстраивает. Он просто расставляет ноги, взяв в плен мои, а палец и губы при этом никуда с моей шеи не исчезают.

— Может, хватит уже этих нежностей? — справедливо возмущается свекровь.

И я бы поддакнула ей, если бы не старалась сыграть в семью ради Егора. Я бы с таким

удовольствием заехала кое-кому в прижимающийся пах, но... А это жарко в комнате или только мне?

Свекровь, кажется, подсчитывает количество ударов моего сердца — так внимательно присматривается, склонив голову на бок, и очень сосредоточенно вслушивается. Нет, это не я дышу как загнанный конь! Не я! Но по взгляду свекрови вижу: вряд ли поверит. А когда я подозреваю, что свекровь доходит до точки кипения, чтобы высказать мне, что думает, без реверансов, выручает Егор, как раз дожевавший хлопья.

— Привет, мам! — говорит он, и поучает своего друга-псину: — Поздоровайся с моей мамой. Ну?

Псина, косо посмотрев на шляпу, потом на женщину, играет в игру-молчанку, а мальчишка, поглаживая ее, уговаривает:

— Ну, пожалуйста. Что тебе, сложно? Может, она увидит какой ты хороший и возьмет тебя с нами в Нидерланды. Мама приехала за мной, а я без тебя никуда не поеду. Ну, давай, гав-гав! Попробуй! Гав-гав!

— Это ты! — палец свекрови пытается проткнуть насквозь разделяющее нас пространство. — Ты научила моего сына гавкать и использовать дешевый шантаж!

И пока я придумываю, как мягче послать, слышу как сзади, по-прежнему удерживая меня, чтобы не вырвалась и никому не навредила, Яр подливает масла в огонь.

— Мур-мур, — говорит он, лизнув мою шею, — мур-мур.

А мурлыканье и правда на кошачье похоже, даже невольно желание мелькнуло, обернуться и дернуть за хвост.

— Ну, теперь, по крайней мере, понятно откуда у Ярослава эти царапины, — дама в шляпе облегченно вздыхает. — Но почему у Егора синяк?

— Да подрался! Мы к Злате домой ездили, меня ее бабуля отпустила с мальчишками во дворе поиграть, вот я с ними и познакомился! — честно палит контору Егор, а потом, будто этих признаний мало, добавляет: — А я решил в школу пойти с новой четверти, в обычную, для всех. Хочу быть поближе к народу!

Свекровь поразительно долго держится после новостей и увиденного на высоченных каблуках, и даже пытается усвоить новую информацию.

— А это у вас кто? — тычет острым когтем в задумавшуюся собаку. — Как зовут?

У меня почему-то кружится в голове песенка «...За звезду полжизни... За Луну свободу...», и я после недоуменных переглядываний, выдаю:

— Звезда!

Мурлыкающий кот позади меня пораженно застывает. Егор распахивает рот, забыв, что сегодня день сострадания даже к мухам. Свекровь с протяжным стоном снимает шляпу. А Звезда, как говорится, в шоке.

Механическая кукушка, высунувшись из часового домика на кухне, разбавляет затянувшуюся паузу. Свекровь делает шаг к псине, склоняется вовсе не как леди, на всякий случай прикрывая стратегические места широкополой шляпой, и с изумлением вопрошает:

— Подождите, но разве это не кобель?

Возмущенно гавкнув, псина вынуждает ее отшатнуться и убрать от чуткого носа пропахшую цитрусовыми духами шляпу, а сама при этом ложится, не позволяя мне проверить слова свекрови. Я кошусь на Егора, который мне усиленно кивает — ага, значит, спина у нас мужчина, попутно отбиваюсь от пальцев Яра, исследующих мою шею, и на ходу придумываю, как выкрутиться из ловушки.

— Ну да, — сообразив, соглашаюсь, — кобель и что?

— Но ведь Звезда — женского рода! — Свекровь стучит костяшками пальцев себе по лбу, но намекает явно на мои умственные способности.

— И что? — упрямо повторяю я. — А Сириус?

— Что Сириус?

Она не ждет от меня вразумительных пояснений, будто в курсе, что у нас в школе астрономию заменили дополнительными уроками физики. Но вводный-то урок, на котором заставили кое-что вызубрить намертво, у нас по астрономии был! Вот опираясь на него, я и поясняю свекрови:

— Сириус — мужского рода, но ведь звезда. Альдебаран — мужского рода, и звезда. А Бетельгейзе — вообще среднего, и что?

После моих пояснений, псина гордо выпрямляется и гавкает, усаживая свекровь на подвернувшийся в прихожей пуфик. С сегодняшнего дня собачий пуфик, но дама этого не знает, а потому сидит спокойно, даже величаво, выпрямив длинные ноги, и помахивая шляпой, как ручным вентилятором.

— И что же это у вас за порода? — спрашивает, скривившись, — гончая дворовая?

— Болонка, — ляпаю я, как и угрожала на улице.

И нечего так на меня смотреть! Предупреждала ведь? Предупреждала! Не нужно было меня провоцировать и приводить собаку в дом, при этом даже не объяснив, что у нас станет на одного мужчину больше. Я-то подумала, что будет у меня сообщница, защитница, а здесь... А отбиваюсь от свекрови я, как будто это я сегодня день сострадания устроила! Нет, странно все-таки, почему зачинщики молчат? Собака мне нужна или кому? Такое ощущение, что в песике нуждается свекровь, и потому выпрашивает все, выпрашивает, а я как тот торговец, что корову продавал, увиливаю и лгу.

— И давно? — не унимается свекровь.

— Ну... — прикидываю, и снова чисто наугад, — около двух месяцев.

— Около двух месяцев живет у вас или около двух месяцев ОН — болонка?

Такое ощущение, что это член гестапо, удачно переживший Великую Отечественную. Притворяюсь партизаном на допросе и молчу. Свекровь выжидающе смотрит, но я молчу. Отвлекаюсь на тиканье часов на кухне, на шум города за морозными стеклами, на иероглифы, которые Яр вычерчивает пальцем на моей шее.

— А документы у него есть?

— Оформляются, — говорит Яр.

Ну, наконец-то мы заговорили, а то отмалчивается, типа, не отвлекайте, занят творчеством. Я уступаю диалог ему, ну, должен же когда-нибудь и сын пообщаться с мамой, а я — как и Егор, выбираю позицию: я с вами, все вижу, но не говорю.

— Хотела бы я посмотреть, что там нацарапают в паспорте, — прищуривается свекровь. — За деньги они ему и королевскую родословную придумают.

— Титул не был решающим, когда мы выбирали собаку, — говорит Яр, вкладывая в эти слова некий смысл, который я улавливаю, но не понимаю. — Оформление займет несколько дней, но вряд ли ты оставишь отца одного так надолго.

— Конечно! — вскидывается свекровь. — Если бы я оставляла его одного больше чем на день, давно бы уже была в разводе!

— Поэтому...

— Поэтому твой отец тоже приехал, но мотается по делам. Вы увидите с ним за ужином. Вы ведь собирались нас пригласить на ужин? Или этот разговор в коридоре — максимум гостеприимства и мне нужно было позвать твоего отца с собой, посидеть у двери на коврике?

Если это был намек на ужин в моей квартире, то нет! Никто не собирался и не собирается приглашать их! Пусть я буду плохой невесткой — я бывшая, мне уже можно, пусть я разорюсь на каком-нибудь новомодном ресторане, но я даже ложкой не пошевелю, чтобы готовить для нее, а мои диетические хлебцы, которых не жаль, уже съедены.

Сделав вид, что ни минуты не могу без прикосновений Яра, ловлю его ладонь и больно — надеюсь на это — впиваюсь ногтями, без слов выражая свой протест.

— Я был уверен, что и с тобой мы увидимся не раньше ужина, но ты не оставила привычку врываться без предупреждения. — Во взгляде, брошенном на меня, мелькает намек на еще одно подтверждение моей склонности к БДСМ, но с матерью говорит невозмутимо.

— Да ладно! — женщина капризно надувает покрашенные губы. — Я за два дня предупредила тебя, чтобы ты успел все уладить, а ты...

Поднявшись с пуфика, она обходит Егора и рычащую псину, и в замешательстве осматривает зал.

— У вас так...

Проходит вглубь, склоняется над разбросанными снимками, нашими снимками, где каждый отличился лицом, и я уже предвижу, с каким удовольствием она пройдет по фотографиям каблуками — как бы случайно, все равно ведь валяются... Но нет. Ни шага дальше. Задерживает взгляд на приоткрытой дверце шкафа, где сложена наша с Яром одежда. На огромном диване. Усмехнувшись, проходит в комнату Егора.

— У вас так...

Отбрасывает шляпу на кресло, долго молчит, вновь осматривая учиненный нами бардак, а мне так не хочется оправдываться, играть роль любящей, терпеливой, сдержанной, а главное, незаметной.

— По-домашнему? — подсказываю я.

— Непривычно.

— По-домашнему, — настаиваю, — поэтому и непривычно.

Свекровь эффектно разворачивается на каблуках, сверкает в гневе глазами, как амазонка, которой приказали немедленно выйти замуж.

— То есть, — чеканит каждое слово практически по слогам, — ты хочешь сказать, что эта конура и есть дом?!

Еще недавно я могла только мечтать о какой-нибудь конуре, пусть гостинке, пусть комнате в коммуналке, но своей, собственной.

— Да, — говорю, — я действительно считаю эту квартиру домом.

— Для моих сыновей?! — Ее пальцы рисуют возмущенные пируэты, а соболиная шуба насмешливо искрится сединой, подчеркивая окружающую простоту. — Ты считаешь, им подходят эти условия?!

Я смотрю поочередно на Егора и на Яра, и я говорю уверенно за всех нас.

— Почему нет? Не слышала от них жалоб.

Егор хихикает в собачью шею, Яр сжимает мою ладонь и целует за ухом, пока моя воинственность направлена на борьбу не с ним.

— Они рождены для другого, — внушает свекровь. — Для другого, но ты, кажется, так и не поняла этого. Ты вообще не поняла, куда залезла в деревенских лаптях! Это высшее общество! Это цвет нации! Это элита! Это политика! Это деньги!

— Правда? — улыбаюсь ей мягко, хотя негодование просто раздирает на части. Меня несет, можно сказать, заносит на поворотах, но я упорно продолжаю жать на газ, игнорируя тормоза. — Я не буду касаться политики, потому что если у нас прокуроры насилуют девушек и спят со шлюхами в банях, это, конечно, цвет нации — никто даже не спорит. Я не буду касаться судей, которым граждане добровольно посевают кабинеты тысячами долларов — это всего лишь деньги, никто даже не спорит. Я не буду касаться высшего общества, потому что это и политики, и судьи, и прокуроры, которые, конечно же, неприкосновенны, не дай Бог замарать этот цвет нации, но! Скажите мне, для чего рождены ваши дети? Именно ваши? Потому что пока мне кажется, что для одиночества. В огромном доме, безликом доме, забитом слугами, которым все равно.

— Да ты... как ты...

— Вы знаете, как выглядела комната Егора? — перебиваю я.

Женщина хлопает наращенными ресницами, они такие длинные и большие, что не хуже широкополой шляпы гоняют воздух.

— Знаете? — повторяю я. — В том самом, огромном доме со слугами...

Прикрыв на секунду глаза, я мысленно вижу ту комнату и безошибочно перечисляю:

— Коричневый ковролин, практически черный, кровать, заправленная темным покрывалом, зеркальный шкаф, пустые полки на стенах и ноутбук. Ах да, еще ужасно мрачные картины с омаром и чайником на столах.

— Это Бейерен и Хеда — известные нидерландские художники семнадцатого века! Это мастера натюрморта! Но ты этого, конечно, не знаешь. Здесь нужен вкус, чутье. Эти картины бесценны. Ты хочешь сказать, что Егор нуждался в чем-то еще? Ты намекаешь, что мы не можем позволить ребенку все, что он хочет?

— Нет, я хочу спросить: что в комнате было лично Егора? Кроме ноутбука. Что говорило о том, что там живет пыливый, сообразительный подросток, который считает своим долгом искоренять несправедливость в отношении всех, кто никому не нужен?

Женщина застывает с очередной гримасой, словно не может придумать рассмеяться трагикомично или устроить скандал. И мне становится понятной причина ее замешательства.

— Вы когда-нибудь видели его комнату?

— Ах, ну конечно! — все-таки выбирает смех, истеричный, надрывный, искусственный.

А мне не смешно. И троем зрителям этой сцены тоже — ни капельки. Егор смотрит в пол, прижимая сильнее собаку. Яр сжимает и разжимает мою ладонь, напоминая, что он здесь, рядом, и как только я захочу или кто-то из нас перейдет за грань, вмешается. Мне так обидно за мальчика, что нет торжества над врагом.

— Его комната всегда запиралась на ключ, — говорю я.

И свекровь снимает маску заботливой мамы — слишком она для нее тесна, слишком давит, сдирая грим. А пока тщетно ищет другую, я спрашиваю:

— В доме Яра было несколько лестниц, но Егор любил спускаться по одной из них. Вы знаете по какой? По главной, боковой или...

— Да Господи! — взмах рукой. — Да по главной, конечно! Не будет мой сын, как прислуга, красться по запасной! Ты понимаешь это?!

— По веревочной, — говорю я. — Егор около двух лет занимается скалолазанием, вы знаете? Нет, по глазам вижу, что нет. А дом Ярослава — настоящий каменный замок, в котором только тени и ни одного человека, когда они так нужны. Вы знаете об этом? Да, по глазам вижу, что знаете. А эта квартира — да, в ней тесно... сейчас... потому что нас трое, не считая собаки, но мы есть... живые... И что бы там не было... Вы ведь знаете все, что случилось, верно? По глазам вижу, что да... Все мы больше чем просто небезразличны друг другу...

Что-то мелькает в глазах свекрови — глазах, таких похожих на глаза моего маленького темноволосого защитника и бывшего мужа, и я хватаюсь за эту соломинку.

— Вы мне не нравитесь. Я знаю, что это взаимно. Но пожалуйста, — говорю я осипшим голосом, — оставьте... с нами Егора...

Не знаю, заметила ли она невольную паузу. Мне главное, чтобы мальчика не отняли против его воли. Мне противно, мне плохо, мне не хочется ни о чем просить эту женщину, но я повторяю просьбу.

— Я могу купить такой же огромный дом, как у Яра, — говорю я, с благодарностью кутаясь в его объятия, прогоняющие холодящий страх, что меня не услышат. — Могу купить еще больше — было бы для кого. Пожалуйста, оставьте мне Егора, оставьте хотя бы его...

Яр притягивает меня ближе, беря на себя мою усталость, и я позволяю себе эту вольность, слабость — если угодно. Я слаба. Пусть так. Но несмотря на пересохшее горло и готовые вырваться на свободу слезы, я с усилием продолжаю просить своего врага.

— Пожалуйста... — Я уже не одна. За моей спиной живая опора. По ладони ползет энергия темноволосого мальчика. А у ног рычит мохнатое чудище. — Пожалуйста, не забирайте Егора.

Свекровь быстро-быстро моргает, прячет взгляд на секунду и пронизывает им меня, словно длинными спицами моток с пушистыми нитками. Я сказала ей все, что думаю, а теперь говорит она. Я могла промолчать, но что толку? От того, что я буду казаться молчаливой овцой, волк не перестанет облизываться и быть голодным.

— Я готовила для Ярослава жену, порядочную, милую, воспитанную, богатую, которая бы считала его своим собственным Богом. — Это она повторяется, это я уже слышала. — Но он выбрал тебя.

Он меня же и выбросил, но об этом я не хочу говорить. Не с ней. Не сейчас. Никогда.

— Ты ему не подходишь.

Это тоже не новость.

— Я решила так в первый день, как только тебя увидела, и мое мнение не изменилось.

А вот мое — кардинально.

Тогда я почти была уверена, что у нас все получится с Яром. Я так хотела этого, так мечтала... А сейчас я согласно с бывшей свекровью: мы с ним не подходим друг другу. Но хватит того, что так думаю я. Она этого не узнает. Хватит того, что обо всем знает Яр. В отношениях только двое, а мешанина на оптовых рынках.

— Ты могла бы скрасить будни какого-нибудь фермера или лесничего, — рассуждает она. — Такого же, как и ты, простака в лаптях. Ты не знаешь, как вести себя в приличном обществе, как держаться, да самое элементарное — что говорить свекрови...

— Предпочитаете лесть или комплиментов достаточно?

— Не поможет. Ты — не та невестка, о которой я когда-то мечтала.

— Да и вы, — не удерживаюсь от ответного комплимента, — не свекровь-идеал!

— Вот видишь! — подхватывает она. — Ты не считаешь нужным умаслить, даже если тебе что-то нужно... А жена такого человека, как Ярослав, должна создавать не проблемы, а связи. Я была уверена, что максимум, что между вами возможно — интрижка, а он взял и женился! Женился по-настоящему! И я не могла не приехать... Я хотела остановить весь этот фарс... Яр... подумай...

— Не понимаю... — оборачиваюсь к нему.

Его мать так возмущается, словно это свежая новость, а как же новость о нашем разводе?

— Не волнуйся, — улыбается мне и дышит холодом в сторону матери: — Ты забываешься.

— Ах, наверное, — мгновенно остывает она, — для меня пока еще непривычно, что все зашло так далеко... Я надеялась, что как и раньше...

— Нет, — обрывает надежды Яр.

— Ты просишь оставить Егора, — переключается на меня свекровь, — а я понять не могу, почему именно ты... Почему один мой ребенок хочет жить в этих жутких условиях вместо того, чтобы улететь в Нидерланды? Почему второй вместо свободы держится за тебя? Что в тебе есть особенного?

Она явно ожидает ответ, а я не знаю, что ей сказать. Лапти я не ношу, даже этим от прочих приезжих не отличаюсь. Что во мне есть особенного? Шаткий сказочный мир, в который иногда ускользаю? Жажда мести и в то же время нежелание мстить?

— Она просто нас любит! — разрывает давящую тишину Егор.

Да. Люблю. По-крайней мере, одного из вас точно, а второго... я не знаю, не хочу знать, не сейчас, слишком больно...

— А я?

Женщина делает к мальчику шаг, хочет погладить, но псина рычит, готовясь к прыжку. Прочь! Прочь! Чужой! И Егор не пытается пса успокоить, и не мчится к матери за объятиями. Взрослый, умный, лишенный ее любви, не спешит за подачкой.

— А ты любишь папу, — отвечает Егор.

— Да, конечно... я люблю твоего отца... — Опускает глаза на секунду, но вот снова вверх летит светлая бровь, снова маска воинственности на лице, примеряет латы, выбирает меч, рассматривая меня, видимо, недоумевая почему на мне домашние тапочки, а не лапти. — Что бы ты там себе ни думала, я люблю своих сыновей.

Я не спорю. Может быть, любит, по-своему. Может, у нее только один объект

ненависти — я.

— До вечера, — угрожает она ровным голосом, и уходит по-королевски, без малейших эмоций на красивом лице, и что вовсе невероятно — даже не вспомнив о шляпе-торшере, отдыхающей в кресле.

После пережитого стресса, не сговариваясь, плетемся на кухню. Я завариваю зеленый чай. Егор быстро сооружает на всех бутерброды, благо помимо собачьей еды они успели купить человеческую. Яр высматривает что-то в окно. Звезда, не дождавшись компании, хрустит честно заработанным кормом, тыкая мордой в яркую миску.

Ко мне возвращается чувство реальности и речь уже после первого бутерброда.

— И что это было?

Егор присматривается к салям, но я качаю головой.

— Да нет, — говорю, — я о дружеском визите вашей матери. Кто-нибудь понял, что значили ее слова, брошенные перед уходом? Я люблю своих сыновей... что бы я там не думала... Можно подумать, я утверждала обратное.

Хотя, да, намекала, если быть честной, но больше не на то, что не любит, а что совершенно не знает. И не хочет знать — вот что прискорбно.

— Ладно, — говорю, потому что все равно никто не ответил, — вопрос был риторическим.

С минуту жуем, пока Егор осознает, что понял, но не поверил. Он тут же получает щелчок по носу от своего брата и заверения, что ничего он не понял, а мать его, действительно, любит.

— Ну да, ну да, — Егор давится бутербродом. — Любит так, что к тебе отправила, а тебе я даром не был нужен. У тебя свадьбы-женитьбы, жены и их ухажеры, а тут я, Карлсон, который живет под крышей.

— Балда! — моя очередь дать ему по носу щелчок и обнять заодно.

— Просто я говорю правду, — тянется за еще одним бутербродом.

— Просто мама, — заступается Яр, — не всегда может показать свои чувства. Как и я.

— Ты хотел сказать никогда?

— Я сказал то, что сказал. Ты — мой брат и хочешь ты этого или нет, могу я показать это или нет, но никуда ты от меня не денешься.

— Денусь! К Злате!

— Злата тоже никуда... — умолкает на полуслове, улыбается, заметив мою растерянность. — Что касается матери, она всегда была строгой, уравновешенной, считала, что все эмоции, абсолютно все, настоящая леди должна скрывать.

— А она, конечно, считала себя настоящей леди, — я не спрашиваю, это и так понятно. — Не удивлюсь, если в предках у нее окажется кто-то с титулом.

Оба Самарские подозрительно замолкают.

— Нет, не говорите мне, что так и есть. Я уже поняла, что мой круг общения — лесничий и фермер, да и те, наверное, преуспевающие алкоголики; не топчитесь по моему сомнению еще больше. Или хотя бы лапти обуйте!

Егор хихикает, Яр успокаивает, что нет у его матери никаких аристократических корней, но, видимо, чтобы я не злорадствовала даже мысленно, добавляет:

— Они прослеживаются у нашего отца.

— Серьезно?

— Да, но такие дальние, что верит в них только мама.

— И кто же согласно древней родословной?

— Если бы мы жили в те времена, ты бы обращалась ко мне не иначе как «ваша светлость», или милорд — но это более личное и с моего позволения.

— Занимательная история, ваша светлость, — говорю я, поднимаясь из-за стола. Егор поспешно вскакивает за мной и бежит к себе в комнату. Псина, оставив на полу крошки, тоже махнула хвостом. — Но в нашем мире жестокие правила и дедовщина. У вас, милорд, дежурство по кухне.

— Без вопросов, — смиренно соглашается Яр, и я вот и думаю про себя, что что-то здесь мутновато, но никак понять не могу, в чем подвох.

Устало примостившись на диване, все думаю, думаю — о нас, о том, как странно вновь переплетаются судьбы — точнее, и не расплетались вовсе, как спаянные. И вдруг меня осеняет.

— Яр! — пытаюсь докричаться через характерные звуки уборки на кухне. — А зачем тебе вообще здесь оставаться?!

В общем-то, логичный вопрос и странно, что озарение снизошло только сейчас. Мать Яра убедилась, что мы якобы вместе живем, то есть, ребенок в семье — ее ведь именно это беспокоило? Вечером у нас совместный ужин. Но ничего не указывает на то, что Яр должен жить здесь. С таким же успехом он может просто подъехать на встречу, и мерзнуть на балконе не придется.

Логично?

Вполне.

Мы живем вместе. Ничего не подтверждает этого больше, чем бардак, который она застала свекровь. Теперь вопрос в том, оставит ли она нам Егора, раз выполнено главное условие, или плевать ей на наше совместное проживание.

Не будет же она отслеживать, спит со мной Яр или нет. В конце концов, это наше личное дело.

А если будет?

А если попытается опять доказать Яру, что я не подхожу ему, используя все тот же метод? И пока кто-то спрячется с видеокамерой на балконе, я буду лежать, сонная, беззащитная, открытая для разврата помимо воли?

Что если Егор — только предлог, а приехала она довести начатое до конца?

Моего конца, сведя в могилу...

Макар мне говорил, что если не надумаю вернуться к мужу, я в безопасности, а я... Я не вернулась — нет, но ведь со стороны все именно так и выглядит. Мы вместе, пара, с нами ребенок и вон даже собака...

— Тебе плохо? Злата! Что с тобой? Тебе плохо?

— Она не оставит Егора, — пытаюсь удержать скулеж, чтобы ребенка не пугать, — она вернулась, чтобы забрать и его...

— Злата... — Яр ложится рядом, так странно чувствовать его снова. — Злата, ты помнишь, я говорил, что постараюсь на деле доказать тебе, что ты для меня значишь?

— Разве ты это говорил?

— Почти. Другими словами. Не важно. — Обнимает меня, притягивает к себе, гладит по спине, успокаивая, разрушая не по кирпичику, а целыми блоками новую башню страха. — Я никогда не позволил бы тем, кто сделал это с нами, войти в твой дом. Никогда, слышишь?

Я слышу. Но я не понимаю.

— Ты знаешь, кто это был?

— Да.

— Ты хочешь сказать, что...

— Моя мать не слишком любит тебя — это правда. Она вообще не способна любить. Я так думаю. Только, пожалуйста, не говори Егору. Я солгал ему, и солгу еще много раз, если будет нужно. Я хочу, чтобы у него была мать. У каждого ребенка должна быть мать, которая его любит.

— Да, — говорю я, а перед глазами стоит лицо моего мертвого мальчика, — должна.

— Моя мать не делала этого, Злата. Я бы не привел ее в твой дом. Я хотел, чтобы ты сама поняла это, сама увидела.

— Не она?

— Нет.

— А кто?

— Я сам разберусь с ними. Они уже знают, что я знаю. Это большие деньги, Злата, и зависть. И еще любовь.

— Любовь?

— Я хочу, чтобы ты пока никуда не выходила одна.

— Почему?

— Потому что они могут попытаться забрать тебя снова.

— У кого забрать?

— У меня.

Он так странно говорит, я слышу и тут же забываю его слова. Они не складываются у меня в картинку. Может быть, отвлекает его дыхание у моего виска, может быть, его легкие набережные поцелуи моих пальцев, может быть, я немного устала и мне только мерещится его взгляд, полный раскаянья.

— Это Стас?

— И он тоже.

— И Лариса?

— И она.

— Почему?

Он молчит, только дышит тяжело, и целует, но уже не пальцы, а мои губы.

— Только двое или кто-то еще?

— Остальные к тебе не приблизятся. Не посмеют. А они... никогда не встречайся с ними одна, слышишь? Никогда без меня.

— Долго прятаться?

— Нет.

— Что ты сделаешь?

— Разберусь. Ты увидишь. Чуть позже.

— Я сама могу разобраться, — обижаюсь, хотя знаю, что это глупо, но с другой стороны — не более глупо чем спокойно лежать в объятиях Яра и нежиться в них и черпать удовольствие горечи, зная, что будущее с ним невозможно. — Я могу уложить твоего Стаса. Как тебя в коридоре. Легко.

— Да, на счет коридора... Я тогда притворялся.

— Что?!

— Я могу поиграть с тобой в эти игры... — мурлычет мне в ухо. — Только я. Могу

поиграть и в другие, но не строй из себя камикадзе с кем-то еще. Это опасно.

— Ты притворялся?!

— Мне хотелось увидеть, что ты сделаешь со мной на самом деле, когда думаешь, что я в твоей власти.

— Я не выбросила тебя с балкона.

— Нет, не выбросила. Вместо этого поцеловала.

— Ты врешь!

— Егор бы поправил, что правильно говорить «лжешь», — просто расплывается в довольной улыбке, по которой становится ясно, что поцелуй был: мой, самовольный.

— Егора заберут у меня?

— Нет. Он останется с нами.

— Но я... мы...

Закрывает мне рот поцелуем. Я пытаюсь сказать, что не надо, что я не хочу. Я пытаюсь его оттолкнуть. А потом устаю врать самой себе и целую в ответ. Ненавидя — целую.

Или снова я лгу?

Я не знаю. Мне так хорошо, что не хочется проверять реальность или сон со мной рядом. Мне так странно, но не хочется приходить в себя, уговаривать мстить и продумывать планы мести.

Те, кто думал меня растоптать, не должны управлять моей жизнью. Хватит! Не позволю им больше! Я хочу целовать — я целую. Я хочу обнимать — обнимаю. Я хочу задышаться от пьянящих мужских поцелуев — пусть так. Пожалее? Возможно. Но не буду марионеткой в чьих-то руках.

Я сама собой управляю.

И мужчиной, что льнет ко мне, просит о поцелуях...

— Блиин... — раздается у нас за спиной недовольное фырканье и совет перед уходом на кухню: — Шли бы вы со своими массажами в ванную!

Мы почти синхронно восстанавливаем дыхание. Бок о бок. Рука к руке. Два взгляда в один потолок.

— Представляю, что бы по этому поводу сказала бабуля, — бормочу я.

— Как мудрая женщина, она бы предложила нам всем переехать в квартиру побольше.

— Кстати, — встаю, привожу с помощью зеркала и пудры лицо в более-менее не смущенный вид, — я хотела поговорить с тобой по этому поводу.

— Ну-ну? — приподнимается на локте, наблюдая за мной.

— Тебе ведь вовсе не обязательно жить с нами в этой квартире!

— Ты так думаешь?

Киваю уверенно и привожу все свои доводы. Яр слушает с милой улыбкой, но так, снисходительно, то есть, сомнительно мне, что он услышал хоть слово.

— Я подумывал приставить к тебе охранника, но с недавних пор я больше не доверяю охране. Ты правильно подозреваешь, что приезд матери — только предлог, чтобы я мог перебраться к тебе поближе. Они попытаются взять реванш, Злата. А я попытаюсь им этого не позволить.

— Не понимаю, зачем им я.

— Здесь как раз все очень просто.

— Правда?

— Да, — поднимается с грацией льва, подкрадывается и рассматривает меня, медленно

склоняя голову на один бок. Налюбовавшись — на другой. — Не так-то просто отнять у меня бизнес. Практически невозможно. По крайней мере, не им тягаться со мной. Мой бизнес — часть меня, это мои силы, мое время, моя молодость.

— А я?

— А ты — моя душа, мое сердце, мое дыхание. Но они это поняли раньше, чем я. Мое дыхание обрывается. Сердце не бьется. Душа ушла в пятки.

Мне кажется, что я сплю, что стоит только открыть глаза и проснуться...

Но хочу ли я просыпаться?

Телефонный звонок избавляет меня от соблазна поверить. Он так вовремя и не вовремя одновременно. Яр о чем-то говорит, а я слышу его слова как фон, прокручивая в очередной раз и в очередной раз не веря — я душа, я дыхание, я его сердце...

— Кто звонил? — отвлекаюсь от невозможного.

— Мой отец.

— Что хотел?

— Предлагал устроить ужин в домашней обстановке, ты ведь слышала.

Нет, не слышала, хотя он, наверное, что-то и говорил в этом духе. Да, сейчас вспоминается... было...

— Почему ты ему отказал?

— Я не отказывал. Предложил ресторан. Ты не любишь готовить.

— Только поэтому?

— Нет. Не только. — Обнимает меня, прижимает как ребенка, которому снится кошмар, убаюкивает тихим шепотом. — Я пообещал, что те люди никогда не появятся в твоём доме.

— Твой отец...

— Да, думаю, и он тоже.

— Почему?

— Это я и хочу узнать.

— Это ты заставил приехать мать? Она не сама вспылала вдруг материнскими чувствами?

— Ты права, я ее подтолкнул, спровоцировал, но ты помнишь, да? — что нельзя говорить Егору. Пусть думает, что она пыталась, что на самом деле хотела, чтобы он жил с ней. Мне пора собираться.

— Нам пора.

— Ты останешься дома.

— Ага, разбежалась! — выкручиваюсь из объятий, рассматриваю содержимое шкафа. Яр стоит за спиной, слышу его дыхание, чувствую его недовольство, но мне все равно. Я хочу посмотреть в глаза человеку, который притворялся пуделем при слоне, а сам оказался монстром. — Ты меня не удержишь!

Яр со вздохом отходит в сторону, потом возвращается, снова занимая позицию сзади. Одна из его любимых — вдруг вспоминается.

— Ты хочешь позлить его? — спрашивает.

— Для начала.

— Ты хочешь ему отомстить?

— Да... Возможно... Не знаю...

Он отвлекает меня поцелуем в глаза, и я не сразу понимаю, что происходит, даже

увидев золотое кольцо с пузатым бриллиантом на своем безымянном пальце.

— Начни с малого, — шепчет Яр, сжимая мои руки — не больно, но чтобы напрасно не вырывалась. — Улыбайся. Улыбайся, Злата, врагов это раздражает.

— Надень черное платье. И красные ботильоны. Этот клатч подойдет, в нем сочетание трех цветов, — Яр достает из шкафа одежду, не дожидаясь моего согласия.

Наверное, я бы спорила, если бы не Егор: попросил довериться его брату, сказав, что у него безупречный вкус, а сам сбежал на прогулку с собакой, прежде чем я успела уточнить, почему он столь низкого мнения о моем.

Впрочем, я не слишком выряджалась после больницы, хотя и сделала небольшое турне по бутикам. Джинсы и свитера мне привычней, удобней, в них легче слиться с толпой, даже в новой дубленке.

А Яр считает, что на встречу с папой, если не хочу ему сделать приятное, лучше выглядеть на все сто. Внутренне я себя так и чувствую. Я имею в виду возрастное. А внешне по-прежнему выгляжу лет на двадцать, только мой хмурый взгляд добавляет солидности.

Я буду как гнилая конфетка в блестящем фантике, если надену то, что предлагает Яр. Короткое черное платье, облегающее бедра, но без пошлости. Ни разу не выгулянные красные ботильоны Prada высотой со среднюю школьную линейку. И черно-красный клатч с вышитыми серебром иероглифами — купила так, на удачу.

И я надену. Я не хочу сделать папе приятное. Я буду выглядеть безупречно, я буду ему улыбаться. Поначалу. А потом...

Перед глазами мелькает картинка, как я тянусь через длинный стол и всаживаю в сердце мужчины нож, которым минуту назад аристократически резала отбивную. И кровь сочится из его рубахи, и капает, но он все равно дышит и продолжает есть, есть, есть, не замечая, что умирает... А я смеюсь, и под столом ударяю каблуком со всей силы по его туфлям из мертвого крокодила, а все едят и ведут беседу, не зная, что я убийца...

— Злата...

Яр встревожен, и я тоже волнуюсь — что не смогу улыбаться. И убить не смогу.

Вот он ведь тоже мой враг, тащил меня голой по коридорам за волосы, а я недавно с ним целовалась.

— Все хорошо, — говорю ему, а он знает, что вру и продолжает всматриваться в меня, хочет понять... Нет, он все понимает... Он всегда тонко чувствует меня, и удивительно, как не почувствовал ложь тогда. Не мою ложь, а тех, кто пытался нас разлучить, тех, кто лгали.

— Злата, тебе нечего бояться. Я буду рядом с тобой.

— Именно это меня и пугает, — признаюсь, несмотря на отчаянно бьющее в ребра сердце, на кричащую от обиды душу и на секундную остановку дыхания.

— Ты не веришь...

— И не чувствую...

Поднимается, снова пересматривает отобранную на выход одежду.

— Идеально, — говорит он, бросив взгляд на часы. — Переодевайся, я выйду.

Он уходит на кухню, закрыв за собой дверь, с кем-то говорит по мобильному, вот уже с кем-то поговорил... а я все еще сижу на диване, смотрю прямо перед собой и злюсь — не время для меланхолии, но не могу заставить себя шевельнуться.

Движение — шаг вперед, а меня не отпускает прошлое. Или я боюсь его отпустить...

— Злата, у нас мало времени, — говорит Яр у меня за спиной. — А что касается твоих

слов... Я не стану давить на тебя, но и не отпущу. Одевайся, если не передумала.

Поворачиваю к нему голову — он не просто серьезен, он явно не в духе, а глаза, кажется, только поднеси спичку, вспыхнут темно-синим пламенем и заставят тлеть и меня.

— Выйди, — прошу его.

Не до огня мне... не до ожогов, итак вся в шрамах, хоть их и не видно...

Яр успевает сделать еще один звонок на кухне, я — переодеться и накрасить ресницы, когда кто-то звонит в дверь. Медленно плыву на высоких каблуках, чтобы увидеть на пороге Макара.

— Привет, — говорит он, алчно меня рассматривая.

— Привет, — говорю, — удивлен, что я выросла?

Усмешка трогает его губы. Губы, которые однажды я целовала...

— Впустишь?

Я быпустила, вот только...

— У меня в доме Яр.

— Знаю. Он попросил, чтобы я приехал.

Дверь распахиваю больше от неожиданности, чем из порыва гостеприимства. Макар ждет в прихожей, пока я вожусь с замком. А у меня руки не слушаются, и ему приходится приблизиться вплотную ко мне, чтобы помочь.

— Всегда спрашивай, кто там или смотри в глазок, — дышит мне в шею.

— Хорошо, — соглашаюсь покорно и жду, когда отодвинется, но он не спешит.

— Это кольцо тебе больше подходит, — говорит шепотом.

И до меня вдруг доходит, что это именно он. Он сказал Яру, что я выкупила из участка Ларису. Наверное, цепочку с кулоном тот мент уже перепродал, а кольцо, действительно, посчитал подделкой и отдал своей дочери. Вот идиот, и погоны не лечат.

— Но без кольца тебе было гораздо лучше, — вкрадчиво продолжает Макар, практически впечатывая меня в дверь своим телом.

И я во все глаза смотрю на него — высокого, красивого, темноволосого, с легкой щетиной, которая, я помню, приятно колет ладонь, не нахожу ничего общего со своим бывшим мужем, к которому ничего не чувствую больше и... И тоже не чувствую ничего, кроме легкой симпатии, благодарности, теплого чувства дружбы.

— У нас ничего не получится, — говорю ему, почему-то зная, что должна сказать это прямо сейчас, не дожидаясь вопроса.

— Из-за того, что здесь Яр?

— Нет. Да. Не только, — путаюсь в показаниях.

— Ты уверена?

— Да, — а этот ответ однозначен.

Макар так близко, что вижу только радужки его зрачков, и свое отражение в них. Слышу сладкую мяту дыхания, и как бьется размеренно его сердце.

— Я тоже не сомневался, — говорит он.

Если я правильно считываю по глазам, он ничуть не расстроен. Может быть, мне показалось, что были какие-то чувства с его стороны. Может, ему показалось, что я на него запала. Но когда Макар отстраняется, мне вовсе не кажется, что Яр взбешен.

Он стоит в двух шагах, у открытой двери кухни, и неспешно отпивает из чашки дымящийся кофе. Его взгляд прикован к моему лицу, но я даже не думаю перед ним оправдываться. Я ничего ему не должна, мы в разводе, и он сам пригласил Макара, так что...

Какая-то смутная мысль, мелькнув, ускользает. Ладно, потом, не к спеху.

— Зачем ты позвал Макара?

— Посмотреть, как вы с ним обнимаетесь.

Изобразив полнейшее недоумение, проплываю обратно в зал и ментально чувствую раздевающие меня взгляды. С двух сторон, одинаково не оставляющие шансов сохранить естественный цвет лица. Кажется, скоро я приучусь к пудре, только нужно выбирать на два тона светлей в следующий раз.

Оба мужчины заходят в зал следом за мной. Один приваливается у двери, второй располагается в кресле напротив, и дымит своим кофе практически в мои губы.

Я небрежно откидываюсь на спинку дивана, прикрываю глаза, ожидая, когда паузу нарушит тот, кому больше не терпится и вдруг смутная мысль возвращается, но на этот раз четкая, яркая и опасная.

— Это ты был тогда...

Яр делает неспешный глоток, словно не догадываясь, о чем это я.

— Ты был тогда в этой квартире...

Шепот, который не раз слышала в снах. Шепот, который казался придуманным.

«Спи... Я тебя не обижу... Больше нет... Спи, мое счастье...»

— Ты, — продолжаю настаивать.

— Не понимаю, что тебя удивляет. Я не далее как сегодня повторил тебе практически то же самое.

Оборачиваюсь к Макару. Серьезен. И как обычно выглядит великолепно. Никогда не замечала за ним небрежности, неряшливой лени, безвкусицы, а может, и они бы не сумели испортить его фигуры. Теплая куртка, под которой виднеется горло красного свитера, черные джинсы, перехваченные на поясе кожаным ремнем, а внизу — тяжелыми берцами, и очки-авиаторы, несмотря на погоду, на то, что зима.

Он надежный, вопреки тому, что произошло между нами, или не взирая на то, что произошло. Надежный, несмотря на то, о чем я только что догадалась.

— Ты сказал Яру о кольце.

— Не только, — кивает.

— Ты позволил ему войти в квартиру, когда я первый раз была здесь и уснула.

— Да.

— Ты хотел, чтобы я вернулась к нему?

— Нет.

Так странно, он практически повторяет мой ответ самому себе, но в обратном порядке. «Нет, да, не только» — ответила я. «Не только, да, нет» — отзеркалил он.

Это как знак, что мы очень похожи, и можем быть близко, но по разные стороны. Например, как зеркало и отражение. Мне все еще любопытно, зачем он здесь, что задумал Яр, но спрашивать повторно не буду. И разубедить Яра, что не рада встрече, тоже не собираюсь. Все равно не поверит. Да и сам виноват.

— Нам пора, — Яр делает последний глоток кофе и подает мне руку. Не раздумывая, использую его в качестве опоры. — Как ты?

— В порядке.

— Да, я вижу, почти. — Он склоняется к моему лицу, но так близко, что, кажется, прямо из губ выхватывает дыхание, пожирает, присваивает себе, поглощает давящей аурой, близостью и пристальным взглядом. И как легкое перышко прикасается к уголку моих губ —

так незаметно, нежно и так неожиданно, что я, не распробовав, чуть поворачиваю голову, подставляя второй уголок.

Он целует второй — еще более нежно, вынуждая закрыть глаза и податься к нему.

Может, он сделал шаг назад. Может, он оставался на месте, я сама захотела приблизиться. Я не знаю. Я совсем не чувствую пола. И не различаю, где мечты, где реальность, где недозволенное. Он целует... Нет, я целую его...

А потом что-то с треском рушится.

Открываю глаза, хочу осмотреться, но Яр удерживает мое лицо.

— Ты только что сделала выбор, Злата, — говорит, не скрывая злорадного превосходства. — Ты только что попросилась с Макаром.

Обернувшись, я не вижу в дверях никого, и немного грустно становится от ухода Макара. Это странная грусть, непонятная. Он мог стать моим бывшим любовником, если бы взял меня силой. Мог воспользоваться моим предложением, когда я была в отчаянии.

Но не сделал этого.

— Он мой друг, — упрямо задираю голову, готовясь к долгому спору.

— Хорошо, — соглашается Яр, прижимая к себе так бережно, что охота спорить проходит. Выжидает, пока успокоюсь, мягко напоминает, что нам пора и что я могу никуда не идти, если передумала. Может, хочу отдохнуть.

— Ну нет, — говорю, — зря я, что ли, ресницы накрасила?

Смеется.

Я давно не слышала, как он смеется. В последний раз это было, пожалуй, в его большом доме — да, точно, еще до его отъезда в нескончаемую командировку.

Засмотревшись и неловко качнувшись на каблуках, попадаю в раскрытые для меня объятия.

— Думала, упаду.

— Я же говорил, что со мной тебе нечего бояться. Больше нет. Пойдем, мое счастье.

Столько слов за последние дни... столько слов, которые я мечтала услышать... раньше. И которым не верю сейчас. Понимаю, что говорит, слышу прекрасно, но они как сквозь сито просеиваются, не усваиваясь, не задевая.

И так лучше, так проще и вообще... разбитую чашу не склеить, а разбитая чаша не образное выражение в данном случае, а я...

Яр найдет себе лучше. Нас много в больших городах, Золушек, ожидающих принца. Потом, наступив босиком на разбитые хрустальные туфельки, мы становимся стервами. Это я вот никак не перевоплощусь...

— Не вздыхай, мы ненадолго, — Яр помогает надеть дубленку, удерживает у зеркала в прихожей, любясь отражением, но торопит, когда хочу застегнуться.

— Все равно не пешком идем, запахнись и все, — советует и выходит.

Ждет, пока я закрою двери, у лифта.

— Тебе очень идет быть на каблуках, — говорит едва подхожу.

— Почему?

— Твои губы сейчас практически напротив моих.

Открывшись, лифт избавляет меня от ответа, но не от плотоядного взгляда.

— Я раньше ходила на каблуках, — говорю непонятно зачем.

— Жаль, я не видел.

— А если бы видел, то что?

— Тебе не пришлось бы уговаривать меня лишиться себя девственности.

Снова открывшись, лифт избавляет Яра от моего гневного взгляда, но вовсе не от праведного возмущения.

— Я вовсе не уговаривала тебя!

— Хорошо, ты просто меня попросила.

— Я? Ты не бредишь?

— Ты поднялась ко мне в комнату, ты меня поцеловала, ты обхватила своими ногами мои бедра, ты...

— Хватит!

— Да, — берет меня за руку, помогая спуститься по лестнице, — мы опаздываем.

Такая невозмутимость, такая уверенность в себе, а меня буквально колотит. Я думала, у меня будет время настроиться на беседу, прикинуть, как вести себя с папочкой, а Яр дикими предположениями выбивает не только мысли из головы, но и почву у меня из-под ног.

Я не могу сосредоточиться, не могу подготовиться к испытанию, не могу накрутить себя, в конце концов!

— А ты терпеть не любишь тех, кто не пунктуален, — пыхчу недовольно.

— Предпочитаю не давать противнику даже минутной форы. — И снова невозмутимо, с ленцой и хитринкой во взгляде.

Благо у меня есть причина повертеть головой — не вижу во дворе ни Звезды, ни Егора. Ну и где они? Не на Марсе же!

— Злата, садись в машину. Егор с собакой на школьной площадке, за домом, отсюда все равно не увидишь, только шею свернешь.

Ладно, Егор не маленький, у него ключи, и вообще он коренной житель города, да и Звезда вряд ли захочет потеряться от благодетеля, несмотря на то, что я была бы не против.

В машине тепло, а я думала, буду минут десять мерзнуть, пока прогреется.

Яр сам отвечает на загадку: оказывается, машину прогрел Егор по его просьбе, а когда мы спускались, мальчишка сбежал на площадку, опасаясь, что я загоню его и собаку домой.

И был недалеко от правды. Нечего так долго мерзнуть на улице, к тому же собака только первый день как начала одомашниваться... Ладно, не сляжет с кашлем после прогулки — прощу за побег.

Ехать нам минут пятнадцать, если без пробок, и я исключительно ради светской беседы интересуюсь, почему Яр записал отца в противники. Или я не так поняла?

— Если верить Эдипу... — начинает юлить.

— Яр!

— Хочешь, чтобы ответил серьезно? — Все внимание на дорогу, не знаю, заметил мой кивок или почувствовал, что мне не до словесных игр, но продолжает серьезно. — Первоначальная задача мужчины — добывать и оберегать добытое. Оберегать свое. Мой отец не имел права затрагивать тебя, но он это сделал. Теперь мы по разные стороны.

Я мгновенно вскидываюсь.

— Что значит «свое»?!

— Ты прекрасно знаешь, что это значит, — говорит Яр, не теряя интереса к дороге. — Ты — моя, Злата. В отличие от меня, ты поняла это сразу. Я — значительно позже. А когда понял... — Пронзительный взгляд синевы, сдобренный хищной улыбкой. — Я не упускаю свое. И отобрать другим не позволю. Это то, что изначально известно всем, а тебе предстоит усвоить. Но ты справишься, да, моя девочка?

Его явно заносит на поворотах, ну и я не желаю быть в аутсайдерах. Возомнил себе, понимаешь ли... думает, я буду молча кивать и слушать...

— Я не твоя вещь!

— Надеюсь.

— Я не позволю тебе управлять моей жизнью!

— Куда мне.

— Поцелуи между нами ничего не значат!

— Какая ты легкомысленная.

— Я не собираюсь к тебе возвращаться!

— Мы пересмотрим твои планы.

— И я не хочу, чтобы ты вернулся ко мне!

— Ты просто обманываешься. Добавь еще один слой пудры, дорогая, может быть, он сумеет скрыть, что ты лжешь.

— Мне спокойно, удобно, уютно, меня все устраивает, я ничего не хочу менять!

— Хорошо, раз ты настаиваешь, поцелуи оставим.

— Я не умею прощать! У меня сносит крышу, когда я вспоминаю о том, что случилось.

Я хочу ударить, избить тебя, сделать тебе больно — хоть что-нибудь.

— Я уже обещал, что мы обсудим твое новое увлечение БДСМ.

— Яр!!!

— Черт, — трет ухо, в которое я пытаюсь до него докричаться, — я же просил исключить ультразвук.

— Ты не слышишь меня!

— Клевета, а как же я тогда отвечаю? И даже вижу по твоему лицу, что ты прекрасно понимаешь мои ответы.

— Яр!!!

— А, черт, — снова трет ухо, — ты явно хочешь одна поговорить с моим папой, мне останется только есть и улыбаться.

— Не могу больше, — сдаюсь, — ты совсем не слышишь меня... ты не хочешь меня понять... зря я...

Машина, резко повернув, останавливается у светящегося огнями ресторана, и не успеваю я выдохнуть после виража, Яр склоняется ко мне, обхватывает мой затылок рукой и шепчет, глядя в глаза, не моргая и не позволяя моргнуть.

— А ты попытайся, — лукавая улыбка, и мгновенное освобождение и взгляда, и затылка, и моего дыхания. — Попытайся еще раз, Злата.

Он успевает обойти машину, открыть дверь и с улыбкой, подарившей свободу ранее, приглашает на выход, а я только пытаюсь прийти в себя от всплеска страстей.

— Чуть не забыл, — открывает заднюю дверцу и ловко меняет мою дубленку на длинную шубу из серого песка.

— Под цвет моего клатча? — догадываюсь.

— Под цвет твоих глаз, — топчет догадку.

Мы под руку идем к дверям новомодного ресторана. Верхнюю одежду вежливо отбирает гардеробщик, метрдотель ведет к заждавшимся родственникам, а я, чтобы не нервничать, начинаю болтать:

— И стоило так утруждаться с шубой? Все равно твой отец ее не увидит.

Или у меня с каблуками проблема, или Яр спотыкается.

— Я покупал шубу не для отца, — говорит он, и так строго, что другой бы болтать перестал, а мне все нейдет. Тем более, взгляды посетителей, мимо которых проходим, буквально ощущаю на своих бедрах, и ниже, и между... и так противно...

— А что я скажу твоему отцу?

— Все, что захочешь. Или ничего. Он сам все поймет, когда увидит тебя.

— В каком смысле?

Останавливаемся у массивной резной двери, улыбчивый метрдотель исчезает вместе с моей болтливостью.

— Мы пришли, — бросив взгляд на часы, Яр по-мальчишески радуется. — И мы вовремя.

Не могу говорить — голоса нет. Задираю по привычке подбородок (в трудности только с поднятой головой, даже если стою на коленях), выпрямляю натянутую струной спину и уверенно делаю шаг вслед за мужем.

Тьфу ты... бывшим мужем...

Главное — не стою, не мнусь, не боюсь.

И первое, что я вижу — обманчиво мягкотелого свекра, развалившегося на красном диване. Рядом с ним грациозно сидит дама в шляпе. Она тщательно что-то пережевывает, высоко подняв светлую бровь и поглядывая то на нас, то в тарелку. Классическая картина маслом — аристократка за ужином, только вместо вилки у нее в руках лысый песик размером с ладонь.

— Кто это? — спрашиваю шепотом Яра.

— Сейчас познакомимся, — говорит он.

Собственно, разговор мы начали, паузу сбили, а с ней и довольство с сытых аристократических лиц. Свекровь прижимает к груди собачку, словно мы на нее посягаем. Собачка, дрожа, пытается спрятаться под широкополую шляпу. Свекор, не изменяя себе, спокойно цедит коньяк.

— Ну, кто здесь у нас? — Яр приподнимает подбородок дрожащей собачки и та под его пристальным взглядом принимается заунывно скулить. — Как зовут эту мелочь? Доллар? Cent? Может, Пятак?

— Бетельгейзе! — гордо представляет свекровь.

— Вводишь новую моду, — говорит мне Яр, и отодвигает галантно широкое кресло.

— Мог и бы притвориться, что не заметил! — возмущается свекровь. — Злата же промолчала!

Да, но, честно говоря, едва удержалась: как-то не так я представляла себе сверхгигансткую звезду красного цвета...

— Ну, привет, — начинает светские реверансы Яр, а я пока осматриваюсь по сторонам. Не то, чтобы готовлю пути к отступлению, просто никогда не была в комнате VIP шикарного ресторана, а есть или пить все равно не собираюсь.

Обстановка располагает к тому, чтобы расслабиться и потратиться. Диван, на котором восседают и полулежат мои бывшие родственники, два кресла в тон для нас с Яром, яркая люстра как солнце — и формой, и размером, только что не обжигает, небольшой круглый стол с кружевной скатертью ручной работы, заставленный так, что не удивительно, почему у него искривленные ножки.

Двое напротив, не считая собаки.

Мы рядом.

Яр перекидывается пустыми фразами, я молча смотрю на свекра — он так спокоен и, кажется, всем доволен, в том числе и собой, и своими поступками. Тихоня, внутри которого гниль и буйство. Он чем-то похож на меня. Он — да. Больше, чем остальные. Я тоже молчу, держу все в себе, предпочитаю жить тихо, но если копнуть поглубже...

Перед глазами мелькает картинка, как я поднимаюсь, вышагиваю к дивану, на котором он разлегся хозяином жизни, и плебейски плюю ему в рожу. И дергаю с силой за переливающийся серебром галстук. И да — как же без этого — давлю каблуком на туфли из крокодила, расплющивая хрупкие пальцы, наслаждаясь хрустом и криком...

О, да...

И взгляд мужчины меняется, затуманившись — становится таким беззащитным, просящим. Он что-то мне говорит, а я продолжаю подтягивать к себе галстук. Я даже согласна съесть этот кусок ношеной ткани — только бы он не поднялся больше с дивана. Никогда. Только бы он ушел вместо меня к мертвым. Без права возврата. Без права прощения.

— Злата, — отвлекает от приятных видений Яр, — ты хочешь о чем-то спросить моего отца?

— А ты с ним наговорился?

— Я сказал, что больше не хочу его видеть, но он может общаться с Егором. Я сказал ему все, что хотел.

— А он что ответил? — игнорируя недовольство свекра и закипающую свекровь, я общаюсь только с их сыном.

— Он заиклился. Пытается доказать, что ты мне не пара.

— Он прав?

— Он ошибается, но мне все равно. Он больше не посмеет вмешаться.

— Почему?

— Потому что он ошибается. Потому что ты — моя пара. — Яр целует мою правую руку по пальчикам, языком облизывает желтый бриллиант в кольце, мне становится жарко, и я незаметно расстегиваю одну пуговичку на платье.

А тишина вдруг взрывается.

Свекровь ахает и бросает от неожиданности на пол свою звезду. Та пытается запрыгнуть ей на руку или хотя бы покорить неприступный диван, но пока у нее получается только делать затяжки на телесных колготках и тявкать. Свекор давится коньяком и роняет бокал на белоснежную скатерть чьей-то долгой работы.

— Ты... — приподнимается, тычет в меня по-деревенски пальцем и захлебывается слюной. — Ты...

Никогда не думала, что именно так ведут себя аристократы, и замечательно, что я не голубых кровей.

— Ты хоть понимаешь, что ты надела?! Ты соображаешь?!

Нет, я тоже думаю, что платье слишком обтягивает, но по сравнению с его галстуком, подкравшимся к кадыку на шее, оно безвольно болтается. Каблуки немного высоковаты, но это моя проблема, они, по крайней мере, не гоняют ветер, как шляпа у некоторых. А клатч — здесь уж не придерешься — клатч безупречен!

— Это же целое состояние! — задыхается свекор, пытаюсь по новой налить коньяка.

Такое ощущение, что он дурно спал. С тех пор, как мы с Яром переступили порог этой комнаты, я переодеваться не бегала, а верещит он так, будто только меня рассмотрел.

Интересно, что его так задело? Платье куплено за деньги Яра и оно вполне себе дорогое, но вряд ли состояние миллионеров можно оценить в одно черное платье и красные ботильоны. Или все дело в расстегнутой верхней пуговичке?

На его глазах расстегиваю вторую, и он давится новым возгласом:

— Это... невозможно!

Это он еще моей шубы не видел. Эх, зря сдали ее в гардероб, зря! Сейчас бы он точно увидел ее и, захлебнувшись, умер, а я...

Нет, все-таки мы не похожи с ним... Не похожи... Я не хочу довести его до могилы — меня бы больше устроило, чтобы он жил, но мучился, чтобы хоть отдаленно прошел через то, через что прошла я, чтобы он понял...

— Сними немедленно! Яр, пусть она снимет! Это непозволительно!

— Прямо здесь? — уточняю. — При вас?

— Да! — гремит мужчина стаканом о столик. — Да! Я требую!

— Ни за что, — мягко вступает Яр. — Мы уходим. Ты увидел все, что я хотел показать тебе. Ты меня понял.

— Но она... — свекровь хватается за шляпу, мнет ее, видимо забыв, что это не голова. — Но почему она, Яр?.. Одумайся, умоляю... Твой прадед мечтал, чтобы ты женился на девушке из династии...

— Вероятно, он мечтал обо мне, — вклиниваюсь между ахами матушки, — я из династии. Строителей и шахтеров. Не подхожу? Печалька. — Поднимаюсь из-за стола и резко, чтобы не передумать, снимаю с себя черное платье. — И даже после того, как разделась по вашей просьбе? У меня мягкий характер, со мной легко можно договориться, если по-хорошему, если с любовью, если на равных... Но по-хорошему вы не умеете, вы меня ненавидите и равной никогда не считали. Знаете что? Это вы не подходите мне, и моя мягкость не безгранична. За этот день я мысленно затоптала вас каблуками и удавила галстуком. Не попадайтесь мне на глаза, пожалуйста. Между вымышленным и реальностью слишком тонкая грань, боюсь, что поддамся соблазну.

Свекровь прикрывает глаза полями шляпы, но не себе, а любимому мужу, а сама шипит, что я ненормальная и ее сын попался, увы, попался, но Яр не выглядит жертвой. Он сидит как приклеенный к стулу, жадно пожирает взглядом мой шнурованный корсет и подвязки, черно-алая гамма заводит его до того, что синие глаза оборачиваются черными и жгут мою выдержку, улыбку и смелость.

Я пытаюсь подхватить свое платье, но он берет его со спинки кресла, становится передо мной, заслоняя от свекра, пытающегося хоть что-нибудь да увидеть, одевает как куколку, и говорит непреклонно, глухо:

— Мы уходим. Не беспокойте нас больше. Чревато.

Подталкивает нетерпеливо меня к выходу, обнимает, когда пытаюсь вернуться.

— Не надо, — просит, — поедem домой... пожалуйста...

— Я только сказать... еще пару слов...

Ну не зря же я в больнице насмотрелась сериалов, там всегда главных злодеев заваливают долгими признаниями, те слушают в шоке и, видимо, поэтому пропускают удар.

Яр с тяжелым вздохом отодвигается, но держит за руку крепко. Да я и не думала убегать — зачем? И куда? Не к свекру же целоваться!

— Это, действительно, были вы? Вы попросили Макара, чтобы он со мной переспал?

Он молчит, пьет коньяк и еще сильнее меня ненавидит, а я, воодушевившись,

продолжаю:

— Франсуа де Ларошфуко сказал, и я с ним согласна, что самое большое зло, какое может сделать нам враг, это приучить наше сердце к ненависти. У вас ничего не вышло. Слышите? Единственное, чего вы добились — это убили собственного внука.

Ни единый мускул не дрогнул на его лице. Для него это не новость. Он знал о моей беременности, конечно, знал, ведь по его приказу купленный врач солгал о сроках моей беременности.

— Но когда-нибудь вы с ним встретитесь, — говорю я с четкой уверенностью, что именно так все и будет. — Судя по цвету вашего лица и тяге к выпивке, это может случиться довольно скоро, и мне интересно, что вы увидите в глазах Святослава? Если, конечно, вообще сумеете посмотреть ему в глаза.

Уже выйдя за дверь, я слышу хрип и невнятное бормотание, и вроде бы окрик, скулеж... Но мы с Яром не останавливаемся. Он как ледокол рассекает пространство и уверенно ведет меня за собой. Помогает надеть шубу, усаживает в машину, а когда мы вливаемся в размеренный поток машин, говорит так же, размеренно, делая паузы:

— Ты знаешь, что его деда, моего прадеда, звали Святослав Ярославович? Нет, не знаешь, конечно, я тебе не рассказывал. Так вот, прадед терпеть не мог моего отца, ему, как князю Олегу, кто-то там нагадал, что тот станет его убийцей. Всю жизнь он держал мальчика на расстоянии, а тот переживал, пытался доказать, что он хороший, что никогда бы не сделал ему плохо. Мой прадед умер в преклонном возрасте, сказав перед смертью, что однажды вновь вернется в семью и тогда посмотрит, может, и примет его за родню, признает. Больше всего мой отец мечтал, чтобы дед признал его. Больше всего на свете. Злата, ты понимаешь, что сказала ему только что? Понимаешь, как он это воспринял?

Яр надолго замолкает, а я безуспешно пытаюсь согреться после его байки.

— Я запретил ему приближаться к тебе. Я поставил отца на место, — говорит Яр, направляя мне на ноги теплый ветер обогревателя. — А у тебя получилось его раздавить.

Сижу, тереблю клатч с непонятными иероглифами, наконец, чувствуя приятное тепло, разливающееся по телу. Жизнь вводит новые правила? Я — везунчик? Или все дело в клатче?

Так пусть уж сразу, чтобы не расслабляться...

Небрежно откидываю клатч на заднее сиденье, и затаенно жду, когда на плечи вновь опустится длань черноты, но словно лишь для того, чтобы развеять мои сомнения, за окном начинает кружить крупный снег, пушистый и до боли в глаза белоснежный...

Мы сидим в машине, смотрим то друг на друга, то на светящиеся окна квартиры, и говорим. Просто говорим. Как два человека, которым есть что сказать, которых ничего не гонит скорей разбежаться, которым уютно вот так, скреживаться и взглядами и дыханием, в тепле, в закрытом пространстве, когда за окном разгулялась зима.

По свету определяю, что Егор перемещается из своей комнаты в кухню, и так несколько раз. Наверное, тщетно разыскивает что-нибудь вкусненькое в холодильнике. Приготовлю завтра что-то нормальное. Да, завтра, а пока такая усталость, что выжимает все силы, и даже выйти из машины лень. Потому и сидим. И еще потому, что выйдем — и разойдемся. Я — домой. Яр — не знаю куда. Представление окончено, Егора никто не заберет, а значит, не за чем мучиться в холоде на балконе.

— Если я правильно поняла, — вожу рукой по стеклу, хотя знаю, что водители этого не переносят, — твоя мать не принимала участия в моем совращении, но была в курсе?

— Она узнала гораздо позже, после всего.

— Ты уверен?

— Никто из тех, кто замешан, не переступил бы порог твоего дома. Не с моего разрешения.

— Почему ты думаешь, что она не знала? Помнишь, что сказал ей Егор? А ты любишь папу... Мне кажется, в этом вся ее суть.

— Не думаю, что она бы вмешалась, узнай о планах отца, — соглашается Яр. — Более того, думаю, не посмела бы. Но она не была в курсе.

Он говорит, а я слушаю и в который раз понимаю, как далека от его мира. То, что я расценила, как пустую беседу за ужином, на деле оказалось проверкой базы противника, дислокацией и предупреждающим ударом. Я не уточняю, где что, потому что голова и без того раскалывается, а нагружать ее новыми терминами... Нет, не сегодня и даже не завтра.

Яр говорит, что восстановил всю цепочку событий, вычислил всех, кто замешан, еще раз просит меня не общаться с Ларисой и Стасом. Я киваю, слушаю и поверить не могу — не тому, что замешана Лариса. Пусть, хотя и не знаю зачем. А тому, что Яр за меня так волнуется. И еще очень странно — я думала ему все равно, я строила планы мести и сама разрушала их, предаваясь апатии, а он в это время действовал. Молча, без предупреждения, без лебезения с просьбами, чтобы его простили.

В век технологии и за деньги ему не составило труда вычислить человека, пытавшегося управлять Макаром. Человека, купившего служащих в его доме. Человека, который считал, что предусмотрел все. Этот человек, прекрасно знал, что у Макара есть причины, мягко говоря, недолюбливать Яра, знал, что случилось с бывшей невестой водителя и вуаля — ловушка расставлена.

— Он не учел, что Макар меня пожалеет, — замечаю я.

— Пожалеет?!

Но Яр тут же уводит голосом дальше, и я тихо иду след в след. Яр признается, что намеренно спровоцировал визит своей матери, сама бы она и не подумала приехать, а здесь так удачно «совпало»: и журнал с моей сказкой за подписью Егора, в котором ей намекнули на пошлость; и вопросы посла Нидерландов «А правда ли, что ее младший сын живет с

совершенно чужим человеком?»), и туманные ответы Яра на ее непродолжительные звонки, и сегодняшний выход нашей совместной статьи в газете.

— Кстати, видела? — Яр достает из бардачка свежий номер, и пока я пробегаюсь по строкам, мужской голос фоном звучит для моих музыкальных букв. Моих, хотя он и значится у меня соавтором. Музыкальных — потому что я вижу не просто буквы, но слышу ритм: здесь немного сфальшивила, здесь шипит, а здесь гладко и мелодично... общий вердикт — не шедеврально, читабельно.

Голос Яра убаюкивает, успокаивает, убеждает. Я ловлю себя на том, что даже не подвергаю сомнению его слова. И не дергаюсь, хотя он однажды случайно касается моих коленей горячей ладонью, однажды поправляет выбившуюся прядь мне за ухо, и как минимум дважды раздевает взглядом.

Хорошая статья вышла, несмотря на поправки Яра. Или хорошая благодаря именно им?

Я вожу пальцами по шершавой бумаге, и с улыбкой читаю хвастливое обещание на счет списка неженатых миллионеров. Тоже завтра, завтра вернусь в насущное. А пока я слушаю Яра и понять не могу как у таких черствых родителей выросли такие не похожие на них дети?

Яру пришлось разработать целую стратегию, чтобы вытянуть на пару дней даму в шляпе и позволить ей поиграть в настоящую мать. Посол намекнул, влиятельные друзья покивали, Яр навел по телефону тумана, и только тогда она берет под мышку шляпы, мужа и приезжает, изобразив глубокие переживания.

— Егору чуть проще, — говорит Яр, и мне слышится легкая грусть, — он ей не верит.

— Ты верил?

— Я был первым. Я верил.

Мое воображение тут же рисует мальчика примерно одного возраста с Егором, только светловолосого. Мальчика, на которого возлагались большие надежды, потому что первенец, потому что наследник, мальчика, который верит, что его любят, потому что перед ним нет другого примера, нет доказательства, что любовь невозможна.

Я кладу ладонь поверх его руки, и синева взгляда медленно скрывается за черными тучами. Не могу... Не готова... Я не хочу близости... Одернув руку, отворачиваюсь к окну. Я слежу за снежинками, я считаю их, путаю, нахожу вновь — только бы не поддаться соблазну, только бы не обернуться, не прижаться к нему, не отдаться его поцелуям. Он ведь захочет большего, а мне большего вовсе не нужно.

Не сбиваясь, делая вид, что пустое, Яр продолжает рассказывать. А я думаю: вот ведь странно — иногда двум людям нужно просто поговорить, иногда выговориться, иногда отмолчаться, иногда — не перебивая, послушать. Нелегко ему говорить, ну а мне нелегко принимать признание; словно обухом по голове, хотя я о чем-то и догадывалась.

Да, он выманил мать и приехал за мной и Егором. Да, могу смело считать, что подстроил свой переезд в наш дом — он и не думает оправдываться. Да, он знает, что хочу, чтобы съехал сегодня же, но нет — суматоха все равно была не зря. И приезд матери нужен, и встреча с отцом, и эта минута, которую делим вдвоем, не лишняя.

— А зачем? — спрашиваю.

Он замолкает. А потом усмехается, но мне даже в усмешке видится сожаление.

— Я так много сказал тебе, но ты не готова услышать.

— Разве? Я слушаю.

— Это разные вещи, Злата. Я хочу, чтобы ты услышала. Я хочу, чтобы ты поняла. Я хочу,

чтобы ты прочувствовала...

— Здесь сложнее, — признаюсь.

Он не сдается, не переводит разговор на другую тему, не отмахивается. Он вдруг оказывается так близко, что сложно дышать и говорит то, от чего дыхание прерывается.

— Помнишь, ты однажды спросила, почему мне трудно поверить в твою любовь?

Мне ужасно стыдно, потому что я помню. Я не только не сомневалась в своих чувствах, я была уверена, что смогу вызвать у Яра ответные. Слишком наивна. Слишком самонадеянна. Слишком уже не я. Да, не я, потому дышу вольно. Но пусть вспоминает — а мне-то что? Мне уже все равно.

— Ты тогда удивилась, и сказала, неужели никто и никогда не любил меня? Неужели не говорил, что у него голова идет кругом от одного моего взгляда? Что забывает дышать от моих прикосновений? И что сердце бьется раза в два быстрее, когда он просто сидит рядом со мной и почти останавливается, когда меня нет? Неужели никто не умирал от моих поцелуев? И не возрождался от них? И никто не жаловался на лихорадку, когда я скидываю рубашку в лучах заходящего солнца, а потом расстегиваю верхнюю пуговицу брюк и делаю шаг?..

Он практически слово в слово повторяет мое признание, и голова и впрямь немного кружится. У него хорошая память. Жаль, что и я на свою не жалеюсь.

— Ты сказал, что никто из тех, кому бы ты верил, — перебиваю его, потому что дальше совсем невозможное...

— Да, — легко соглашается, не цитируя больше. Поворачивает мое лицо и выдыхает в сомкнутые губы: — Но тебе я поверил.

И мне кажется, будто снег не на улице, а в салоне машины, будто кто-то горсть засунул за воротник дорожной шубы, а еще одну горсть, выдав за сахар, заставил попробовать.

Яр замолкает, а я кутаюсь в мех и лихорадочно перевожу с его языка на свой. Это что получается... это он только что мне признался... в любви?..

— Сказки пишешь, а в реальность не веришь, — журит ласково.

— Потому и пишу, — огрызаюсь.

— А ты попробуй поверить, Злата, — склоняется к моему лицу, медленно, давая возможность удрать, и в то же время не позволяя — магнетическим взглядом, не убиваемым притяжением, и такой ранимой надеждой в глазах, что у меня слезятся глаза. От жалости к тому мальчику, которого не научили любить. От сожаления, что он полюбил слишком поздно. От разочарования, что я пуста, мне нечего ему дать... разве что...

Я тянусь к его губам самовольно, вбираю в себя дыхание, давлю ненужные слезы, и пью его горечь, его надежды — до дна. И еще глубже. Когда выныриваем из водоворота, спешно распахиваю дверь. Бежать... бежать... бежать... можно не вырваться...

— Убегаешь? — раздается у меня за спиной.

И я закрываю дверь.

Передышка.

Однажды Егор, прочтя мою сказку, сказал, что Яр — это фея, а я — рыжий гном, вот только он не уверен, стоит ли фея такой большой жертвы.

Стоит ли?

Обернувшись, прислоняю ладонь к его прохладной щеке, все еще прохладной, несмотря на мое дыхание.

Ледяной фей, которого могу растопить, вот только... хочу ли?

Провожу губами вдоль линии подбородка. Обратно. Пальцем очерчиваю контур губ, как в первый день, когда познакомились, только он не пытается поймать меня. Он позволяет попасться. А я осторожна. Танцую по грани, ласкаю, впитываю его прерывистый вздох поцелуем. Не он целует, а я. Потому что могу. Потому что хочу. Потому что я — двойственный знак. Потому что свободна.

— Мне нужно подумать, — говорю, прислонившись к его груди и прислушиваясь, как гулко стучит растревоженное сердце.

Он молчит. Он, быть может, думает, что я мщу: он ведь тоже хотел подумать, сбежав от меня... Я не спорю. Захочет — поверит. А нет... Это мы уже проходили.

— Злата... — Так уютно в его ладонях, и глаза практически закрываются, но я держусь, не хочу пропустить ни минуты с ним. — Помнишь, что я тебе говорил? Я хочу быть не просто твоим первым мужчиной. Я хочу быть твоим мужчиной. Но я так и не знаю, примешь ли ты меня всего...

Да, я помню. Тогда я была готова, но с тех пор столько всего изменилось...

— Есть кое-что в моей жизни, о чем я не хочу, чтобы ты знала. Нет, не измены... Не криминал... Впрочем, сейчас криминал — это попросту бизнес. Это даже не настоящее, это прошлое, но все равно...

Надеюсь, он не заметил, как я медленно выдыхаю.

— Но знаешь, что беспокоит меня больше всего? — я храбро качаю головой, а он продолжает. — Даже если ты узнаешь, даже если не примешь меня, я не смогу тебя отпустить. Я не знал, что любовь — это так... неразрывно.

И нескончаемо больно, если любит один, а второй — позволяет. Я знаю. Я помню. Я несколько месяцев провела без него, любя, ожидая, надеясь, будучи в лапках недругов, когда он боялся меня полюбить, боялся поверить. Да, любовь причиняет боль, и поэтому я постараюсь не доставить ее никому. Даже мужчине, который предал меня. Мужчине, который мне не поверил.

Я, быть может, и ошибаюсь и не раз поплачусь за свою ошибку, но по-прежнему думаю, что сила не в мести, не в испытаниях, через которые ты проходишь. Сила в том, чтобы достойно пройти через испытания вместе. Сына я потеряла. А Яр? Удержу ли его? Хочу ли его удержать? Мы из разных миров. Да, пока его мир заткнулся, но вряд ли надолго. А моя родословная не изменится.

Мне выпала честь стать объектом мести потомков аристократов. Мне, единственной из трех жен. Первые две догадались сами уйти, а я... девочка заигралась, девочка потерялась в огромном дворце и ее быстро вышвырнули. Не без помощи Яра. И вот именно этого я простить не могу. Не холода под своими коленями, не колких плит, по которым ползла, не молчания челяди, которая видела все, но боялась вступить и потерять хлебное место.

Он должен был быть со мной рядом, но был против меня. И пока у меня нет доказательств, что что-нибудь изменилось. Кстати, о главном, о том, что вовсе не подлежит прощению...

— Что было в том пузырьке?

Он не отводит глаза, не тянет паузу, не пытается выкрутиться или сделать вид, что не понял.

— Приворотное зелье. Так мне солгали.

— То есть, ты хотел приворожить меня и затем выбросить? — Я начинаю истерически хохотать. — Ты действительно думал, что это сработает? И мечтал, небось, как я буду

кружить под твоими окнами, и просить меня полюбить? Если выживу. А у меня не было шансов!

Его руки отводят пряди моих волос от лица, пытаются успокоить, но я вырываюсь. И продолжаю смеяться — уже не так громко, не так надрывно, но мне все еще жутко смешно. То есть, смешно мне до жути.

— Я уже был накачан наркотиками, когда мне подсунили это зелье, когда сказали, что только так я верну твои чувства. По-другому не сможешь, не простишь, не забудешь...

— Не смогу. Не прощу. Не забуду, — соглашаюсь я, идиотски хихикая.

А он все равно не бросает меня, ждет чего-то, что-то высматривает, к чему-то прислушивается, а потом, не дождавшись, не высмотрев, говорит:

— Я хотел, чтобы ты любила меня, потому что понял, что приму тебя даже с чужим ребенком, даже после того, как увидел своими глазами, как ты кончала с другим.

А вот здесь моя психика не выдерживает. И я рвусь из объятий, бегу из машины, спотыкаясь на каблуках, путаясь в шубе, не оглядываясь, хотя хочу оглянуться.

Я не плачу. Нет, я не плачу. Это снег, белый, пушистый, влажный — прикоснулся к ресницам. И я не сажусь на ступени — я просто споткнулась. И лестница вовсе не грязная, и мне плевать, даже если не так. Я не плачу. Нет, я не плачу. Я сильная.

Отдышавшись, утерев лицо рукавом (клатч с салфетками остался в машине), поднимаюсь на свой этаж. Нет ключей — не беда. Дом не пустует, в нем ждут, в нем никто не предаст, в нем меня любят люблю.

— Эй, а еще позже нельзя было вернуться? — пыхтит Егор, стягивая с меня шубу.

Он, кажется, и не заметил, что минуту назад я была очень не в духе. Кажется, не заметил, что по ресницам моим таял снег. Бухтит, крутится возле меня, подталкивает к кухне, а потом, почесав макушку, подпихивает в зал.

— Переоденься сначала, руки помой, умойся, а потом милости просим на кухню. Давай, давай, а то остынет.

— Что остынет? — недоуменно посматриваю на парующую кастрюльку.

— Что-что, — передразнивает, — пельмени по-русски. Думаешь, я не понимаю, что ты ничего в ресторане не ела? Давай, не создавай мне массовку, иди переодевайся и смывай бактерии.

Не сдерживая порыва, целую свое золотце хозяйственное, еще бы потискать, но не дается и торопит. Закидывает пельмени, помешивает, на меня не отвлекается, и мне ничего не остается, как подчиниться этому потоку любви. Переодеваюсь шустро — почти в плюшевые брюки, как и мои тапочки с собачьими ушками, мятую фланелевую рубашку, и через ванную спешу на ужин.

— Кстати, — оглядываюсь по сторонам, пока мальчишка за мной ухаживает и щедро насыпает пельмени, сдабривая густой сметаной, — а где Звезда?

— Спит, — возмущенно вздыхает. — Набегалась, наелась и спать улеглась.

— А где спит-то? В коридоре я на нее точно не наступала.

— Ешь давай, болтаешь много, — снова ворчит. — За столом я глух и нем — не учили тебя, что ли?

Жует. Молчит. Я настороженно прислушиваюсь.

— Я посуду сам помою, — вызывается. — Добавки хочешь?

— Так, — говорю я, рассматривая мальчишку, — давай сразу признавайся, что вы тут натворили. Я уже поела, в благодушном настроении, так что кайся.

— Да ничего не натворили! — вскидывается. — У нас вещей в квартире мало, даже разбить еще нечего. Просто...

— Просто что?

— Ну... — мнется и посматривает исподлобья. — Собака ведь моя, да?

— Я на нее не претендую точно, — успокаиваю.

— И комната... там, где я сплю...

Понятно. Еле сдерживая улыбку и рвущуюся нежность, говорю спокойно:

— И комната твоя, здесь даже без вопросов.

Приободрившись, поднимает взгляд и уже уверенней подбирается к сути:

— Вот я и подумал, раз комната моя и собака моя, то зачем ей спать в коридоре?

— Как хочешь, — пожимаю плечами.

— Правда-правда? — уточняет, подливая в мою тарелку сметанки. Эх, видимо, придется еще одну порцию пельменей слопать, да и вставать неохота — душевно так, по-домашнему.

— Честно-честно, — говорю я и позволяю побаловать себя добавкой.

Потом чаевничаем — здесь уж я совсем разморенная, разомлевшая, смотрю то на Егорку, хитро мне улыбающегося, то в окно на снег, сегодня заменяющий звезды, и даже тихий храп Звезды не тревожит. Это ночью я или закрою к двум приятелям дверь или осуществлю коварные планы, выперев таки кого-нибудь на балкон, а пока сижу, живу, и получаю от этого удовольствие.

— Не спрашивать как все прошло? — деликатно проявляет любопытство кормилец.

Я быстренько прокручиваю, что бы такое приемлемое рассказать мальчику и нахожу адекватной только одну новость:

— У твоей мамы теперь есть собака.

Егор давится чаем, и я заботливо хлопаю его по спине, а еще чтобы не сутулился, а то что-то заметила — взял моду. Пусть высоким растет, как его брат. Девочкам это нравится, даже если девочки и обижены, и сердиты, и злопамятны.

— И как зовут бедолагу? — откашлявшись, спрашивает Егор.

— Бетельгейзе, — я с улыбкой отодвигаю от него чай, чтобы снова не захлебнулся, а когда хохот стихает, кружку возвращаю. — А почему бедолага?

— А потому что она наиграется и забудет о нем.

— А ты со Звездой наигрался?

— Я о ней не забуду, Злата.

— Ты — моя умница, — хвалю, а он расцветает темным цветочком прямо на глазах. Выпрямляется, задирает нос чуть ли не в люстру и кивает скромно, мол, да, умница. Но заслужил, заслужил, поэтому я сдерживаю смешок и тоже серьезно киваю.

— Что завтра? Во сколько твои репетиторы начнут атаковать нашу квартиру?

— Ты еще будешь спать, — отмахивается. — Я пораньше назначил первое занятие, надо чуть подтянуть некоторые вопросы по гражданскому праву. И Звезду еще успеть выгулять.

— Ты у меня очень ответственный и самостоятельный, — снова хвалю, но ничуть похвалы не жалко. Все-таки действовать, пока другие рассуждают — это их семейная черта, подмечаю с затаенным удовольствием. Надо бы взяться тоже за дело и найти мальчику хорошую школу. Понятно, что с такими репетиторами образование у него в сто раз лучше, чем могут дать в обычной школе, но уж если в мегаполисе не найти достойные варианты, то только из лени. И хотя бы будет со сверстниками общаться, вон как к Рыжему прикипел, за день несколько раз созванивались. Забудется, конечно, просто у него друзей еще не было.

— А Яр совсем от нас переехал? — спрашивает мальчишка.

Перехвалила я его деликатность...

— Да, — говорю уверенно.

— Понятно, — фыркает в кружку.

— Что понятно?

— Никуда ты от него не денешься — вот что.

И вот когда я в благодушном настроении и подальше от синего огня и колючих воспоминаний, вроде бы и не такая страшная это новость. И вроде бы и не новость совсем.

— Пошли спать, — предлагаю после быстрой совместной уборки.

— Спокойной ночи, — целует меня в щеку и мчится переодеваться, плескаться первым в ванную, пока я стелю диван и не заняла ванную на часик.

— Спокойной, — взъерошиваю ему волосы, все равно утром проснется ежиком, а мне жутко нравится видеть его таким.

Минут через пятнадцать в комнате за прикрытой дверью все стихает, даже храп Звезды, и я с чистой совестью напускаю целую ванну воды с клубничной пеной, с протяжным стоном опускаюсь в нее и отбросив все тревожные мысли, начинаю мечтать.

Люблю мечтать в ванной, и самое интересное — что сбывается.

Закрыв глаза и откинув голову на бортик, я представляю, как поставлю перегородку в зале и не буду переживать, что репетиторы Егора увидят меня в пикантной позе. Представляю, что у нас все прекрасно и хорошо, по-семейному тихо. Вот только почему-то в мечты мои первой врывается Звезда, и она почему-то как минимум в два раза больше, толще, мохнатей, чем сейчас, и мчится на меня с разбега, а я и не думаю прятаться. Егор заливается смехом. Я без страха жду, когда упаду под Звездой на травянистую землю. А потом вдруг оборачиваюсь и понимаю, что никуда я не упаду, и потому и не боюсь, что это знаю...

Я не одна, моя спина плотно прижимается к груди Яра, и встретившись взглядами, мы друг другу доверчиво улыбаемся...

Утром просыпаюсь от того, что кто-то старательно лижет мне пятки. На счет утра у меня, кстати, большие сомнения, потому что в комнате темновато — насколько могу судить одним проснувшимся глазом. Приподняв голову, делаю почти героические усилия, открываю второй глаз и оглядываюсь. На ковролине за диваном удобно примостилась Звезда и, причмокивая, пожевывает мои пальцы.

Ну, слава Богу, что она, а то наснилось тут, понимаешь ли, всякое...

— Егор! — голос со сна хриплый, но стараюсь за справедливость.

В комнате мальчика тишина, только слышно, что на другой бок перевернулся и дрыхнет дальше.

— Егор, твоя собака проголодалась! — напрасно пытаюсь докричаться до него.

Звезда обходит диван и виляет передо мной хвостом. Егор что-то сонно бормочет, кажется, просит закрыть к нему дверь. От такой наглости и обаяния, что напротив расползается в оскале, встаю и топаю на кухню. Следом за мной стучат по линолеуму в коридоре четыре лапы. Дверь к Егору мы прикрыли, и теперь свободно бахаем дверцей холодильника, топаем по полу, поскуливаем, ворчим — кто к чему привык — и утоляем первый голод. Мне хватает зеленого чая и ванильного сырка, Звезда обходится собачьим кормом, который почему-то пахнет кошачьими анчоусами. Наевшись, выжидательно смотрит на меня, а видя, что намеков не понимаю, тащит с полки в коридоре поводок.

Меняю свои уютные штанишки на теплые джинсы, ищу куртку пострашней, а с этим небольшая заминка, потому что Егор старое уничтожил, новое осталось в особняке Яра, а совсем новым я обзавелась еще в недостаточном количестве. Прав Егор, у нас мало вещей, и я не могу, к примеру, грациозно распахнуть забитый тряпками шкаф и пожаловаться, что надеть нечего. Это будет выглядеть как-то странно, потому что мне действительно сейчас нечего надеть.

Примерив, выбираю одну из теплых курток Егора. По-моему, он в ней вчера с собакой гулял, да и времени нет особо перебирать — Звезда мнетя у двери, скулит угрожающе, и я бегу с ней спасать линолеум от незапланированного потопа. Иными словами, она бежит по ступенькам, а я еду в лифте, где есть минутка доспать в тишине.

А на улице хорошо — морозно, снежно, и посветлело немного. Когда мы выходили, кукушка высунулась шесть раз, в такую рань и ей было лениво покидать свой часовой домик, и репетиторы миллионеров еще витают в снах, а я вот хрущу снегом, пытаюсь не отстать от собаки и не увязнуть в одном из огромных сугробов, разместившихся почему-то у нас на пути.

Закрадывается подозрение, что этой тропинкой давно на школьный двор никто не заживал, а когда мы со Звездой упираемся в тупик и высокие ворота, я понимаю, что подозрения оказываются реальностью. Строго выговариваю мохнатому проводнику и для солидности машу пальцем, и тогда она, вильнув хвостом, тащит меня обратно к цивилизации.

Можно было пройтись до мелькающего редкого лесочка, но школьный стадион гораздо ближе, да и дети там зимой не бегают. Убедившись, что вокруг никого из пугливых и вообще никого, отпускаю собаку и зажимаю уши, чтобы не оглохнуть от звонкого лая. Питомец

мечется, сам себя развлекает, а я переминаюсь с ноги на ногу и дую на перчатки.

— Замерзла? — раздается рядом со мной, и пока я борюсь с заиканием, Яр успевает взять мои ладони в свои, подуть горячо, как дракон, заглянуть в глаза участливо, и вот я уже не мерзну, а таю.

— Ты что здесь делаешь? — перехожу в наступление.

— Увидел вас в окно.

Оглядываюсь — где-то там квартира, в которой он провел ночь и наверняка спал как убитый, пока мне не спалось. Всю ночь ужом крутилась, пытаюсь прогнать то ли сны, то ли фантазии, то ли страхи. Ну так и есть: усталым он не выглядит, зевать его не тянет, и это меня злит.

— А вышел-то зачем?

Как утром можно выглядеть так восхитительно? Запишите меня на такие же курсы, подарите такого стилиста на час. Светлые волосы как мягкая карамель под снежинками, лицо гладко выбрито, рыжие ботинки под цвет меха на длинной черной дубленке, черные брюки со стрелками, но главное — дурманящий запах сандала, грейпфрута и свежеваренного горького кофе.

— Хотя бы ради этого, — кивает на тропинку, где с интересом нас осматривая, бредет любитель напитков покрепче, сигарет повонючей. То ли он Яра наконец рассмотрел, то ли несущуюся ураганом Звезду, но шустро меняет траекторию.

— Спасибо, — говорю я, проводив алкоголика взглядом.

Яр усмехается. Видимо, раскусил по привычке, что я это так, не из чувства благодарности, а чтобы развеять неловкость.

— Думала обо мне?

В шоке смотрю на его губы — может, послышалось? Может, он шутит так? Нет, серьезен.

— Думала? — повторяет вопрос.

И я совершенно неожиданно признаюсь:

— Да.

Он мгновенно оказывается еще ближе, и дыхание его еще горячее, еще притягательней...

— И что?

Завернуться бы, укутаться, спрятаться... но...

— Не могу, — говорю ему.

— Ясно, — говорит он и как-то подозрительно взбадривается.

Я-то думала он хотя бы для вида расстроится, все-таки вроде бы как добивался меня, а здесь жесткий отказ...

— Ты не можешь, — повторяет за мной Яр.

Киваю. Может, сейчас до него дойдет? Но нет, в лице не меняется, не просит одуматься, вместо этого притягивает меня за капюшон и сорвав быстрый поцелуй, удовлетворенно сообщает:

— Это не отказ, Злата. Не знаю, понимаешь ли ты сама. Это просто факт, что ты думаешь и пытаешься, что рассматриваешь такую возможность и даешь нам с тобой шанс. Но главное не в том, понимаешь ли ты. Главное в том, что я тебя понял. И не только ухвачусь за шанс, но и удержу. А что касается твоих сомнений... Уверю тебя, Злата, ты сможешь.

По последней фразе у меня мелькают некие подозрения на двусмысленность, но я от

них отбиваюсь. Мы оба прекрасно знаем, что в сексе я не смогу, но что толку доказывать с пеной у рта, если само определение «мы» под вопросом.

— Посмотри на собаку, у нее опять нос сосулькой, — отвлекает меня от раздумий Яр.

Звезда бьет его хвостом по дубленке, изображая вселенское счастье, громко гавкает и поскуливает, а он треплет ее по мохнатой спине. Смерив обоих подозрительным взглядом, предупреждаю собаку-предательницу перед дорогой домой:

— Егора мне только не разбуди.

И она затихает, крадется по нашим следам, покусывая пятки моих теплых кроссовок. Яр почему-то проходит мимо своего подъезда и беспардонно сворачивает к нашему.

— А Егор еще спит? — удивляется, сверяясь с часами.

Бросив взгляд на его запястье, определяю по черным бриллиантам, что гуляли мы полчаса, и если бы не некоторые нетерпеливые и оголодавшие, я могла спать еще часа два как минимум. Ну, ничего, сейчас вернусь, заставлю четверолапого вытереть лапы и спать, спать...

— А ты зря зеваешь, — озадачивает меня Яр.

— Почему это?

У подъезда торможу, скрещиваю руки, показывая, что не в духе и гостей сегодня не принимаю. Звезда садится рядом, в горку снега, поближе к самому интересному, и переводит заинтересованный взгляд с меня на моего собеседника.

— Нам пора, — говорит Яр, — мы и так задержались.

Я хлопаю глазами такому напору необъяснимой наглости, но Яр удивлен не меньше моего.

— Ты что, забыла?

— О чем?

— Ты же обещала написать статью о холостых миллионерах, — напоминает.

— Я обещала?! Ты ничего не путаешь? Я просто пожелала дамам удачной охоты, а ты написал о списке.

— Ты заварила эту кашу, дорогая, а я просто добавил масла и соли, — ничуть не смущается. — Именно от тебя редактор ждет статью. Но если ты хочешь подвести его, так и скажи. Ему. Сама. Порадуй человека. Он — главный редактор, а не хозяин газеты, так что ему будет весело. Но пусть хотя бы будет морально готов к сношению.

— Ладно, — вымученно вздыхаю, — давай список.

Протягиваю ладонь, а Яр берет ее, перебирает мои пальчики в перчатках, и говорит, что никакого списка нет, и он и не думал его составлять. А если я хочу все-таки выполнить обещанное, пожалуйста, он к моим услугам: представит меня героям статьи и я сама решу, что о них написать, кроме имен. Но если мы хотим все успеть, добавляет, сверившись с часами, лучше поторопиться.

— То есть? — переспрашиваю я.

— Мой рабочий день начался сорок минут назад, Злата, — терпеливо поясняет. — Те, о ком ты собираешься написать статью, тоже не спят в это время, иначе никогда не сколотили бы такого состояния. Да, — замечает мой язвительный взгляд, — я был богат еще до того, как начал свой бизнес, но не был богат настолько. Ты переоденешься или поедешь так?

— Это единственный выбор?

— Нет, — обнадеживает, — есть еще один вариант. Тебя могу переодеть я.

— Ладно, — лепечу вслух, — я все равно проснулась, а этих холостых миллионеров вряд

ли больше, чем пять, за пару часиков успею объехать. Подожди меня на улице.

— Я не пойду с тобой в квартиру, если ты против, — улыбается хищником Яр, — но ждать буду в машине, там гораздо теплее.

Я одобрительно машу рукой, пропускаю в подъезд Звезду и почти закрываю за нами дверь, когда Яр окликает меня.

— Злата!

Если он скажет, что их больше, чем десять — воинственно подготавливаюсь дать отпор, пусть редактор готовится к тому празднику, на который Яр намекал. Я денег пока и за первую статью не видела, а стресса уже выше крыши.

— Выбери обувь без каблука.

Недоуменно выгибаю бровь. Ревность, что ли?

— Исключительно для твоего удобства, — добавляет.

Понятно, надоело меня то ловить, то поддерживать, то тащить на буксире.

— На низком у меня только эти кроссовки, — угрожаю.

— С той шубой, что я тебе подарил, — говорит он, — можно обуть и твои домашние тапки с ушами и все равно выглядеть превосходно.

Я закрываю подъездную дверь и так задумываюсь, что вместо лифта иду пешком.

То есть, шубу он мне подарил?! Дороговатый подарок для бывшей жены или я опять не разбираюсь, как устроен этот высокий уровень.

Переодеваюсь тихо, чтобы не потревожить сон Егора. Звезда крадется за мной от шкафа к зеркалу и обратно. Мы единогласно выбираем строгое джинсовое платье, с широким белым поясом, невидимые глазу чулки и белые сапожки, которые я купила спонтанно, даже не думая пугать их улицей. В коридоре строго наказываю псине вести себя прилично, не впускать никого подозрительного, и, вооружившись блокнотом и ручкой, спускаюсь к Яру.

Машину он подогнал к подъезду, дверь приоткрыл изнутри, едва я появилась, но пока не забыла, расставляю точки над «і».

— Шубу ты мне не подарил. Ты ее обменял на мою дубленку.

— Лишь бы носила, — прячет усмешку, и мы выезжаем со двора на увеселительную прогулку. Правда, так я думала поначалу, наивно предполагая, что освобожусь часа через два максимум. Но день оказался улыбательным, обаятельным, событийным и нескончаемо долгим. Никогда не думала, что у Яра столько работы. Я себе представляла, что его дело — сливки снимать и икру на батон намазывать, а к нему мчались с вопросами, звонили за советами, неслись с жалобами, которые не могли подождать, и даже не позволяли пообедать.

Очередь в коридоре не уменьшается, а с каждым решенным вопросом, казалось, растет, и в три пополудни я решительно останавливаю это безобразие. Из ресторана как раз доставляют заказ и я говорю секретарю, что у нас обед, и по его решительному взгляду вижу, что он любой ценой удержит толпу страждущих от вторжения. Хорошо, кстати, что у Яра секретарь — парень. Девушки — они как-то... не для этой приемной, вот.

Сама я благодаря заботам Яра и его секретаря час назад пообедала в кафе при бизнес-центре, два раза попила вкусный чайчик в углу огромного кабинета, где меня разместили, но ведь и Яр не железный. Пока я расставляю на его столе яства, он внимательно за мной наблюдает. Вилки ему, что ли, для рыбы не хватает? Или посягает на тирамису, который я заказала исключительно для себя?

— Переживаешь обо мне, — говорит он, и так хвастливо, как мальчишка, которому

вдруг футбольный мяч подарили.

— Я о себе думаю, — отмахиваюсь. — Обрато ты меня повезешь, а вдруг устанешь, уснешь или до педали тормоза от бессилия не дотянешься.

— Мне нравится, что ты обо мне заботишься, — ловит мою руку, но после беглого поцелуя отпускает. Я даже возмутиться не успеваю. — Ты далеко моих посетителей разогнала?

— Если бы... — ворчу, наблюдая, как он ест. Никакой спешки, даже несмотря на голод. Интеллигентно, но без вывертов. Вкусно ест, с удовольствием. — Под дверью высиживают.

— Меня долго не было.

— Ничего, продержатся.

— Еще часик и поедем знакомиться с олигархами, — подмигивает весло Яр.

Чуть поел и уже заигрывает, несмотря на мои сдвинутые брови и взгляд "токообразно".

— Ладно, — соглашаюсь милостиво, и прихватив тирамису, отсаживаюсь за столик, который мне образовали в дальнем углу кабинета. Туда никто из посетителей и не смотрит, а я спокойно сижу на сайте копирайтеров, почитываю. Интересный сайт, кстати, мне Яр его посоветовал. Не знаю уж как он узнал о том, что я хочу, но все не решаюсь попробовать себя на этом поприще. Может, Егор рассказал, может, сам догадался. А офисная обстановку настраивает на работу и я уже под шумок даже тестовое задание выполнила. Вряд ли заказчику подойдет, но меня увлекло.

Взгляд Яра чувствую даже через разделяющие нас метры, даже через крышку ноутбука, за которой прячусь с остатками тирамису.

— Поел? — спрашиваю, не отвлекаясь от экрана.

— Перекусил.

— Ты не наелся? — выныриваю из укрытия. Вот это да, все подчистую! Надеюсь, что Егору по наследству дикий аппетит не передался, и тут же вдруг мелькает ужасающая мысль. — А когда ты ел в последний раз?

— Сегодня, — усмехается.

— А до этого? — Он молчит, но я сама догадываюсь. — Бабулины пирожки?

Чуть раньше он у бабули ночевал, она его голодным точно не оставила, даже если бы он ее слезно умолял; потом перехватил несколько пирожков и почти сутки ничего не ел. На его внешнем виде голод не отразился, но настроение у меня резко скатилось вниз.

— Когда в следующий раз захочешь поиздеваться над своим организмом, вспомни, что ты не один. У тебя Егор есть.

— И ты.

А эту тему развивать не будем.

— Эх, я могла и не приезжать с тобой в бизнес-центр, — меняю на другую, — просто подъехать к означенному времени и посмотреть на твоих друзей.

— Они вовсе не мои друзья и просто подъехать ты не могла. Я бы тебя не оставил сегодня.

— Из-за Ларисы?

— Из-за меня.

Он подходит к столу, делая вид, что из моего угла лучший вид из окна. Я тоже притворяюсь, что увлечена пейзажем.

— Ты почти ничего обо мне не знаешь, Злата. Я не позволял тебе знать. Но я хочу это исправить. Я хочу, чтобы ты узнала меня чуть лучше. Думаю, так тебе будет проще меня

полюбить... снова...

— Кто-то слишком самоуверенный явно напрашивается на пощечину, — предупреждаю, не оборачиваясь и пытаясь игнорировать мурашки от его дыхания. А он и не думает отстраняться или хотя бы покаяться, он в своей вечной уверенности, что всегда прав, сообщает мне, мурлыкая в ухо:

— Злата, ты так настойчива, что однажды все-таки соблазнишь меня попробовать БДСМ.

И страх холодит так сильно, что поджимаю пальчики ног. Попробовать? С ним? Не БДСМ — это попросту не мое. Попробовать быть с ним физически? Томные картинки сплетенных тел мелькают перед глазами, и я обмахиваюсь блокнотом, с ненавистью поглядывая на выключенный кондиционер. Соблазнительно, жарко, хоть и невозможно и нереально, и вообще...

Вот уж кто напролом идет к своей цели, и мне бы порадоваться за человека, поучиться у него. Но есть одна маленькая проблемка: своей целью он выбрал меня.

— И не думай, — расхолаживаю его и себя, быстро убираю следы перекуса и сигнализирую секретарю Яра, что его шеф наелся и просит.

Поначалу Яр бросает в мою сторону веселые взгляды, но потом отвлекается на бесконечных ходяков и вынужденно вспоминает обо мне, когда я, подпрыгнув на стуле с колесиками, радостно ойкаю.

Он споро выпроваживает посетителя, сообщает, что на сегодня кто не успел, тот не сильно хотел, но это не значит, что с него не спросит о результате, и склоняется надо мной, заглядывая в экран.

— Делись радостью, — говорит.

— Откуда ты знаешь?

— Услышал, — улыбается.

Я в двух словах объясняю, что пока он работал, я тоже не баклуши била, а успела выполнить два тестовых задания, и что теперь мне пришлют по электронке заказ, и вот если я и с ним справлюсь...

— Справишься, — комкает и выбрасывает мои сомнения. — Ну, что, поедем?

— Знакомиться? — уточняю, а то мало ли планы изменились.

— Знакомиться для статьи, — вносит существенные корректировки Яр. — А так, в жизни, тебе вовсе не обязательно с ними общаться. Они не очень приятные типы.

— Лучше бы ты просто составил и дал мне список, — вздыхаю, с удовольствием потягиваясь после долгого сиденья.

— Да, — сглатывает Яр, отводя взгляд от моей грудной клетки и бедер, — я уже тоже так думаю.

Я пытаюсь успеть перехватить свою шубу, но Яр уже возле вешали и уже держит мои меха. Секретарь получает инструкции для кого шеф есть, а для кого нет, и мы через опустевшую приемную и тихий коридор выходим к лифту.

— Что-то нет никого, — удивляюсь я. — Короткий день?

— Этот лифт для меня, — говорит Яр, нажимая на кнопку. Конечно же, мы не ждем, пока лифт приедет на двадцатый этаж. Это лифт нас ждет. Яр подталкивает меня внутрь и заходит следом. — Да, Злата, у меня есть некоторые замашки богатых. Ты ведь это мне хотела сказать?

— Какое мне дело? — пожимаю плечами, а потом не выдерживаю — Но ты прав, да, я

подумала именно об этом.

— У меня есть еще некоторые заморочки из этой же области.

— Какие?

— Например, я уволил трех секретарш за то, что они дважды вскипятили мне одну и ту же воду.

— То есть?

— Я не пью мертвую воду.

— А они знали о твоей... эм... — в голове крутится: «блажи, прихоти, дури», но я выбираю нейтральный вариант, — привычке?

— Лев обычно присматривается, прежде чем напасть.

— Но я не заметила, чтобы твой секретарь приносил тебе кофе.

— Он хороший сотрудник, у него много работы и ему нечем похвастаться передо мной, бегая с чашками кофе.

— Понятно, — бормочу я.

— А еще я рос один и не привык делиться. — Удерживая мой взгляд. — Меня это тоже выводит из себя, но я жуткий собственник.

— А если игрушка сломалась?

— Значит, я сам разобьюсь осколками, но ее починю.

Мы выходим из лифта под звук собственных шагов. Кто-то кивает, проскакывая мимо, кто-то пытается увернуться от цепкого взгляда Яра, кто-то успевает выхватить пару слов, пока нас встречает гул улицы. Перед глазами снег и туман. Наверное, будет таять.

— Не хочу Новый Год без снега, — говорю я, усаживаясь в машину.

— А какой хочешь?

— Снежный, — мечтательно прикрывая глаза, — с хлопушками, бенгальскими огнями и фейерверком.

— Как в детстве?

— В детстве снега было больше, — соглашаюсь, — но деньги были только на хлопушки и бенгальские огни.

Машина между тем плавно лавирует по асфальту, щедро усыпанному солью и размякшим снегом. Я с таким интересом слежу, как уничтожается эта каша впереди едущими, что не замечаю, как мы прибываем в пункт назначения.

— Кинотеатр? — удивляюсь.

— Премьера, — поясняет Яр. — Фильм, конечно, обещает быть нудным, но зато ты увидишь героев своей статьи.

Мы заходим под руку в холл, и я верчу головой по сторонам, но в упор не вижу миллионеров. Есть звезды телевидения, есть Катя Вездесущая, от которой мы проворно скрываемся в одной из ниш, есть киноактеры — известные и не очень, а олигархов нет!

Хитро усмехаясь, Яр заводит меня за угол, где разместилось тихое кафе и где сидят такие же тихие обычные люди, как чашки с кофе, из которых они пьют растворимый кофе. Подводит меня к пластиковому столику, за которым переговариваются трое мужчин, помогает снять шубу, пристроить ее на вешалку, и говорит:

— Злата, позволь представить тебе троих холостых олигархов, которые с радостью согласились на твою авантюру.

— Мою авантюру? — ошалело переспрашиваю я, а в голове полный сумбур. От элементарного удивления, что холостых богачей всего трое на город до шока, что они

выглядят так неброско и без высокомерной губы.

Улыбаются, ждут, пока я приду в себя, один из них, подзвав официанта, заказывает для нас кофе и чай.

— Олигархи? — туплю второй раз, под громкий хохот и кивки.

— А что, не похожи? — интересуется первый отсмеявшийся. Симпатичный, кстати, хоть и лысый. — Значит, есть шанс, что игра будет интересной.

— Какая игра? — настораживаюсь.

— Рыбалка — это игра не только для рыбака, но и золотой рыбки, — поясняет он, подмигнув. Но бросив взгляд на Яра, серьезнеет. — Ваш муж нам рассказал о вашей идее со списком... Газета эта — всего лишь рядовая желтая пресса, но думается, эффект от этого будет жестче.

— Рассказал, — повторяю за лысым. — Прекрасно. Он большой молодец и великолепный рассказчик, только, видимо, забыл уточнить, что он мне вовсе не муж и идея со списком его?

— Видимо, он забыл кое-что сообщить именно вам, — улыбается лысый, а те едва себя держат, чтобы снова не расхохотаться.

— Вот как? — а мне не до смеха. Я вообще посматриваю в сторону выхода и прикидываю, хватит мне на такси или придется испугать сапожки и шубу людным метро.

— Но это ваша игра, — под пристальным взглядом Яра лысый собирает улыбку, а двое его приятелей по капиталу благосклонно кивают. — У нас будет своя, которая, если повезет, закончится так же удачно.

Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, второй олигарх, чуть помятый, и доселе только умевший смеяться, внятно и доходчиво поясняет.

— Вы можете себе представить, сколько женщин пытались устроиться у нас под боком? Думаю, вряд ли, вы не из этого теста. Просто поверьте, что их было много. Некоторых мы пускали погреться, некоторых жалели. Это тоже была игра, но попроще, а сейчас мы хотим сыграть, подняв ставки.

— Вы напишете в статье, что мы не просто свободны. Вы напишете, что мы готовы жениться. А это разные вещи, — добавляет третий.

— У вас будет эксклюзив не только в этом интервью, — переглядывается с Яром лысый. — Вы будете в курсе, кто в игру подключился и кто из нее выбыл.

— Почему? — спрашиваю я. — За какие заслуги?

— Мы читали вашу статью, — поясняет. — Написано очень легко и без пошлости, романтично. И, конечно, за заслуги вашего мужа. С чего начнем? Хотите, чтобы мы просто представились или рассказать что-нибудь из того, о чем не знают яндекс и гугл?

Я хочу вновь поправить его по поводу «моего мужа», но перед глазами уже мелькают заголовки «Тайная кругь олигархов», «Ловись рыбка большая и лысая» и я, заразившись азартом, включаю диктофон и предлагаю нетерпеливо:

— Начинаем игру?

Олигархи производят на меня настолько сильное впечатление, что даже когда мы с ними прощаемся, я с минуту или две рассматриваю опустевшие диванчики.

— Ты знаешь, — после зеленого чая, заказанного Яром, наконец, прихожу в себя, — я их совсем не такими представляла.

— Для меня новость, что ты вообще о них фантазировала, — небрежно бросает Яр.

Мы сидим так близко друг к другу, что локти соприкасались бы, непременно соприкасались, не положи Яр руку поверх спинки дивана. Со стороны, наверное, кажется, что мы — влюбленная пара, у которой все впереди, а на деле мы глубоко в разводе и совместное будущее уже проходили.

— Ну ты понимаешь, о чем я.

— Поясни.

— Мне казалось, что олигархи должны быть высокомерными, снобами, такими, из которых и слова не вытащишь, если это не сулит крупные деньги, а они...

Усмешку Яра чувствую на своем плече, правда, он делает вид, что убирает невидимую соринку.

— Так вот, значит, какими мы кажемся.

Мне становится немного смешно: сижу, разглагольствую о том, какие из себя богачи нашего времени, а сама даже замужем за одним из них побывала. И Яр совершенно не вписывается в рамки моего представления о людях VIP. Да, он жесткий, хотя и может быть мягок с теми, кто ему дорог. Да, он холоден в отношениях, но безудержен в страсти. Да, он лидер, к которому льнут более слабые, ощущает свою власть и силу, осознает, управляет ими, но тон у него ровный с каждым.

— Прости, — говорю, — я забыла.

— Да, — перестает улыбаться, — я знаю.

Мой тихий вздох перекрывается шумом в фойе: слышен топот, возня, невнятные голоса, мелькают яркие вспышки. Наверное, идет гонка за приехавшей на охоту звездой, которая притворяется, что убегает от славы. Хорошо, что в кафе практически никого. Яр сказал, сегодня с улицы сюда не придут, а те, кто потратил время на эту премьеру, здесь явно не для того, чтобы отсиживаться без фотокамер. Разве что мы да ушедшие олигархи.

— А что касается этих троих, — продолжает Яр, — они вовсе не ангелы, хотя и пытались не раскрывать черных крыльев.

— Но они вели себя как... простые.

— Не хватало, чтобы они перед тобой примеряли бриллиантовые короны, — ворчит угрожающе.

Разворачиваюсь в кольце рук Яра (и когда он успел обнять?), внимательно всматриваюсь — так и есть. Половина ответа в словах, половина — во взгляде, а я снова перевожу для себя. Олигархи, возможно, и скорее всего — ведут себя и общаются совершенно иначе, но ради меня сделали исключение. Да уж, а я-то подумала, что мое представление о миллионерах — всего лишь психология бедности.

— Злата, — заметив смену моего настроения, Яр сокрушенно качает головой, — есть еще одна причина, почему они вели себя с тобой на равных.

— Например, какая?

— Подсознательно человек настраивается на беседу загодя и в итоге получает самое худшее из того, что придумал. Ты вела себя с ними так же, как если бы пила чашечку кофе в компании друзей твоих одноклассников. То есть, по сути, люди тебе не знакомы, но одного с тобой социального уровня. Если человек напичкан стереотипами, смысл разрушать их? Тем более что эти стереотипы устраивают обе стороны.

— Хорошо, — объяснения Яра кажутся мне логичными, и я поднимаю другой пласт платины, — а они всерьез рассчитывают, что на них объявят охоту после статьи?

— А ты всерьез думаешь, что на них не ведется охота? Твоя статья просто откроет новые горизонты и для тех, кто попроще, скажем так. Не все покупают дорогие журналы, но многие из уверяющих, что читают только Эйнштейна, отслеживают желтую прессу. А здесь одни из самых состоятельных холостяков открыто намекают, что готовы жениться и социальный уровень будущей избранницы их мало волнует... Потом, конечно, эту новость подхватит и глянец, но сезон новой охоты откроешь именно ты.

— Хм... а дать интервью они согласились бы любому журналисту или... — Красноречивый взгляд Яра переводить не надо. — Ясно.

— Считай, что твое задание написать статью и их личные интересы совпали.

— И они действительно готовы жениться?

— Пусть их для начала поймают.

— В каком смысле? Если девушка забеременеет?

— Злата, Злата, — еще один вздох. — Беременность — не повод жениться.

— Но тогда как их можно заставить надеть на палец кольцо?! — взрывается интерес.

— Откуда я знаю? — пожимает плечами Яр, берет мою правую руку, обводит пальцем пузатый бриллиант, и глядя в глаза, говорит с предупреждающей ноткой: — И тебе этого знать не нужно.

Ой, я как-то забыла о кольце! Пытаюсь выдернуть руку, чтобы снять и отдать его, но Яр удерживает.

— Не надо, — говорит. — Оставь хотя бы до Нового Года.

— Почему до Нового Года? — я так удивляюсь, что даже не возмущена.

— Под бой курантов я загадаю желание, поверю в него и оно сбудется. А, возможно, ты так привыкнешь ко мне и к кольцу, что передумаешь от нас отказываться.

— Яр...

— Хочешь в кино?

Я понимаю его маневр, но как по мне, лучше не затягивать с выяснением отношений, хотя это явно не наш случай. Последнее время мы только и делаем, что выясняем отношения, я ставлю жирную точку, а выходит опять троеточие или запятая.

А, может, и правда, повременить?

Ну сколько здесь осталось до Нового Года? Потешусь иллюзией возможного счастья; я, помнится, глядя на это кольцо, мечтала и верила, что у нас все получится. Даже в ночи пыталась увидеть, как игриво оно сверкает. На всякий случай предупреждаю:

— Ничего не изменится.

— Для начала неплохо, — соглашается Яр, и с такой хитрой улыбкой, что я снова считываю без слов. «Ничего не изменится» он услышал так, как угодно ему, а именно: пробуй, хуже не станет!

Вот ведь... У меня такое ощущение, что сделай я шаг в любую сторону, кроме

обратного, попаду в расставленную ловушку. Возможно, там ждет меня нечто вкуснее кусочка сыра, вот только я вовсе не чувствую голода и желания соблазниться. Так, иногда... но это обычно проходит.

Яр расплачивается с официантом, и я не рвусь доказывать, что в состоянии заплатить за два чая. Это смешно, после его миллионов на моем расчетном счету. Через опустевший холл выходим на шумную улицу: большой город и ночью не спит — так что в двенадцатом часу тишина ему даже не снится. Я старательно обхожу кашню из снега, оберегая сапожки, и уже в машине вспоминаю деталь, которая показалась наиболее странной за один безумный день с олигархом.

— А почему ты просил выбрать обувь без каблука?

— У меня, как обычно, было несколько причин. Перечислить?

Нетерпеливо киваю.

— Во-первых, ты не любишь каблуки, во-вторых, ты вообще неправильно выбираешь обувь, из-за чего тебе тяжело на каблуках передвигаться, в-третьих, ты же видела Кирилла — он с тебя ростом. И он настолько заморочен на эту тему, что сколько бы Катерина за ним не бегала с микрофоном, ей интервью не светит. Не хватало нам к вечеру утомительных «па» от его сомнения.

Кирилл — это тот, что пухленький. В принципе, симпатичный мужчина, хоть и не в моем вкусе. И да, таки с меня ростом.

— А у Никиты какая заморочка?

Никита — это тот, что поначалу отмалчивался и вообще не пытался перетянуть на себя одеяло. Мне кажется, он пришел просто чтобы позволить собой любоваться.

— Не для прессы? — усмехается Яр. — Он любит только все натуральное. Наращенные ногти уже не его вариант, а в гляцевом мире без этого сложно, так что он действительно в поиске.

— А снять все искусственное с девушки, которая понравится, он не пробовал? — изумляюсь я.

— И что от нее останется? — изумляется в свою очередь Яр.

— Ладно, а что у Назара?

Назар — это лысый, и как по мне, из них троих самый харизматичный.

— Что, нет ничего? Или ты не в курсе? — спрашиваю после продолжительного ожидания.

— Есть, — говорит неохотно Яр, — его заморочка в том, что у нас с ним очень схожие вкусы.

Нехороший холодок пробегает у меня по спине, заставив почти нырнуть в песцовую шубу. Напрасный страх или предчувствие? Яр умудряется нащупать мою руку в глубоком кармане и сжимает ее легонько, как бы заверяя, что нечего бояться, никому не отдаст, и хотя на самом деле он ни слова не говорит, а я не считаю, что принадлежу ему... все равно успокаиваюсь.

Машина останавливается у моего подъезда и я, поспешно отняв руку, прощаюсь.

— Пока, — говорю и иду себе. Не свидание ведь, нечего мяться в ожидании поцелуя. Тьфу ты... лезет же в голову всякое... это все сон этой ночью, и еще я не выспалась и устала...

Слышу, как хлопает еще одна дверца. Оборачиваюсь. Это Яр выходит следом за мной. Смотрит то на меня, то на небо, скрытое вязким туманом и ночной полутьмой (полутьмой

из-за желтых окон и фонарных столбов), взглядом находит третий этаж, шевелит бровями в глубоком раздумье. Что там особенного? Я тоже задираю голову вверх — из кухонных окон виден неяркий свет, скорее всего, Егор уже спит, просто оставил включенным бра для меня в коридоре. На душе так теплеет от его теплоты, что и шуба мешает.

— Вам не тесно в этой квартире? — спрашивает Яр, незаметно подкрадываясь поближе.

— Да нет, для двоих в самый раз, — говорю я, а потом вспоминаю о псине: — Тройм тоже нормально.

Яр кивает задумчиво или устало. Не мудрено, если последнее: у него не работа, а мозговой штурм целый день.

— Я хочу ее выкупить, — говорю ему, и кто бы мне объяснил зачем я все еще здесь, а не в спешке несусь домой. — Близко от метро, дворик тихий. Если хозяйка согласится продать, сделаем с Егором хороший ремонт и заживем заново.

— А если у вас появится еще один жилец? Будет тесновато или тоже нормально?

— Ну знаешь, — вспыхиваю, представив, как из моей полубившейся двушки пытаются сделать питомник, — я не настолько люблю животных!

— А если это не совсем животное? Если... к примеру... мужчина?

Ясно, проверяет меня на измены. И хотя ничего не должна ему после развода и вообще, меня раздражают его слова. Не могу представить себя с мужчиной. Не могу представить, что снова доверюсь, чтобы нырнуть в пустоту. Нет уж, не девственница — и хватит, остальное когда-нибудь... с кем-нибудь... как-то мы повторим.

— Знаешь что, — завожусь, — мне твоими стараниями не до этого!

Вижу, что задела его, но и хочу взять слова обратно и не хочу. И хочу накричать на него, дать пощечину, и не двигаюсь с места. И хочу, чтобы с глаз ушел и смотрю так пристально, словно век не виделась. Словно сызнава все...

— Я пойду, — отмираю, — может, еще над статьей поработаю.

Поворачиваюсь, иду, мысленно чертыхаясь, и вдруг слышу шаги за спиной.

— Яр?

— Ты ведь не думала, что я позволю тебе одной войти в темный подъезд? — удивляется он, и кивает на сумочку, мол, открывай давай дверь, чего мерзнем. А в подъезде и правда то ли лампочки выкрали, то ли разбили, не падаем на ступени только благодаря фонарику в телефоне у Яра. Мой-то гораздо проще. Как назло, лифт не работает, и крадемся по лестнице, задевая друг друга не только дыханием. Все, моя квартира, вставляю ключ, поворачиваю, отступаю в прихожую и...

— Я выполнил свое обещание?

Яр ступает за мной, захлопывая за спиной массивные двери. А я только и могу, что смотреть, ждать, притаившись, бояться и... предвкушать...

— Я вернул тебя в целостности и сохранности?

Подталкивает к ближайшей стене, наступает.

— Даже пальцем не тронул за целый день?

— Целовал! — выпаливаю дрогнувшим голосом.

— Не считается.

Прижимает бедрами к стене, ругается на треклятую шубу.

— Я с утра мечтал это сделать, — снимает заколку с моих волос, зарывается в них лицом и вдыхает. — И об этом я тоже мечтал.

Распахивает шубу, медленно сканируя взглядом снизу вверх. И обратно.

Останавливается на глазах.

— Ты опять в красно-черном корсете? Да, ты в нем, — догадывается и мгновенно расплывается в такой хитрой улыбке, что я немею — начиная от языка и заканчивая конечностями. Но вот что поражает больше... мое тело отзывается на слова и прикосновения Яра.

Я жива.

Я чувствую.

У меня есть желания.

И я с жадностью делаю вдох и слетаю с катушек, даже если все, что меня сейчас окружает — еще одна мишура.

Мир кружится как детская карусель. Исчезает коридор, мягкий свет, оставленный для меня, чтобы не страшно. Где-то я кружусь в высоте, с кем-то смутно знакомым, с которым ни капли не страшно. Так тепло, что послушно впускаю прохладу жадных рук под тесную блузу. Так смешно, когда они, подобравшись к заветному, замирают, а потом неумело и быстро расстегивают корсет, чтобы вдруг не исчезла, чтобы не убежала на карусели. И так странно, я ниже, намного ниже мужчины, который меня обнимает, но смотрю свысока, словно издали, словно и нет меня с ним.

Я летаю.

Я падаю.

Нет, он подхватывает. И торопится, так торопится, что с разбегу успевает запрыгнуть в мою карусель, и мы смотрим вдвоем, сквозь лениво опущенные ресницы, как вокруг разливается лава, поднимается к нам, награждая огнем. Если сделаем шаг, мы войдем в ее жерло, а дальше...

— О, опять, — чей-то голос льдинками остужает лицо, изгоняет страсть, вызывая запоздалую совесть.

— Егор... — шепот в ухо, да я и сама узнала.

Замираем. Разлепляемся. Дышим как два паровоза. Слава богу, одежда почти в порядке, а под блузой бардак не считается, да к тому же на мне все еще шуба...

— Не зажаришься? — усмехается мальчик, когда я в нее заворачиваюсь.

— Вроде прохладно?

— Нет, — не идет на уступки, — когда холодно, не кипят мексиканские страсти.

— Я смотрю, кто-то слишком много времени проводит дома, — хмурится Яр, — наверное, пора действительно сдать тебя в школу.

— Попробуй, — пожимает мальчишка плечами.

— Завтра утром я за тобой зайду.

— Что, прямо завтра? — вскидываюсь.

— Почему бы и нет?

Ну действительно. Мальчику, наверное, будет лучше с ровесниками, все считают, что ему будет лучше, и какая разница, что пока я обдумывала какое бы заведение для него выбрать, Яр уже сделал выбор. Кто я им?

— Если хочешь, — тщательно подбирает слова Яр, — завтра можешь поехать с нами.

— Зачем? — пожимаю плечами и распутываюсь из кокона. Шубу перехватывает Егор или Яр — все равно. Не включая свет в комнате, переодеваюсь в штаны, безразмерную майку, обуваюсь в ушастые тапки. И сижу на диване. Наверное, долго, потому что луна перекатывается за дом, потому что в комнате вдруг становится мрачно и ужасно давит тоска.

Моих щиколоток касается мягкая щетка, гладит, гладит... пока я не ловлю озарение, что кто-то об меня просто-напросто хвост вытирает.

— Эй, — зову тихо псину, но она решив, что достаточно меня успокоила, растворяется в коридоре. А оттуда слышны голоса, льется свет и так пахнет съедобно, что вынуждает подняться.

— Наконец-то, — возмущается мальчик, и он так искренен в своем возмущении, словно только меня и ждал, пока я строила новые башни. В двух тарелках дымится наваристый суп, рядом что-то мясное и ароматное в специях, а на третье, если не ошибаюсь, компот? — Что стоишь, словно не родственник? Присаживайся. Кушать подано.

И от этих слов я прощаю присутствие Яра на кухне. И улыбку, которой они обменялись. И свою затаенную радость, что мы втроем, как семья, которая тихо счастлива.

— Не смотри ты так, — уворачивается Егор, но я все равно успеваю его взъерошить, — я, конечно, не сам это приготовил.

— Полина? — выдвигаю предположение.

— Полина — горничная, — делает паузу. — Я пригласил одного хорошего повара... повариху...

Суп становится комом в горле. Не могу даже смотреть на него. И на мальчика, хоть он ничего и не сделал. Ничего предосудительного, просто пригласил к нам врага, а так — пустяки... Повариха из дома Яра. Женщина с ямочками на щеках, которая так похожа на маму. Она всегда готовила для меня отвар, от которого крепко спалось. Чтобы Макар мог меня попользовать. Чтобы все у свекра в расчетах срослось.

— Что с тобой? — замечает Яр.

Понимаю, что ложки в руках больше нет. Понимаю, что меня обнимают. Но не вижу. Ничего. Никого. Подступающая темнота. Крик ребенка. Кажется, моего сына?

— Злата!

Хлопает по щекам, так легко и так больно, что слез больше нет, а вот если бы были...

— Злата! — зовет словно издали чей-то смутно знакомый голос, а я и не думаю отзываться. Здесь безопасно, здесь я одна. Здесь и нет никого, разве что...

— Мамочка?

Я бросаюсь к нему, наверное, я бросаюсь, хотя и шага не делаю и по-прежнему ничего не вижу. Но узнаю.

— Святослав, — слова даются с трудом, но я не сдаюсь, я ищу его, я хочу, чтобы он понял...

— Мамочка, я люблю тебя. Ты мне веришь?

Да, мое солнышко. Да, мой цветочек, замерший нераскрытым бутоном. Да, мое счастье.

— Нет, нет, — хохочет ребенок, — я пока слишком маленький, а ты достойна гораздо большего счастья. Помнишь, ты сама продлеваешь себе жизнь?

— Не хочу...

— И не только себе, мамочка, поэтому... возвращайся...

Нежное прикосновение с силой смерча выбрасывает меня из замкнутого пространства. Открыв глаза, первым делом смотрю на часы с кукушкой — не прошло и минуты. Никуда я не исчезала, просто... там, где гостила, нет времени.

Лети, чье-то счастье, — вспоминаю слова, услышанные однажды, в таком же бреду, как и этот. Или в таком же мире. Есть ли он? Я хочу верить, что да, потому что там живет мой ребенок, и там ему весело.

Гляжу на бледные лица, которые всматриваются в меня, которые ожидают, надеются. Так и тянет их успокоить, но я пока не доверяю голосу — сейчас он еще больше их испугает. Провожу ладонью по темным взъерошенным волосам, а мальчик не просто терпит и позволяет, наклоняется, чтобы мне гладить было удобней. Второй ладонью глажу мохнатого пса, прекратившего поскуливание отчаяния. А на третьего питомца, с песочными волосами, просто смотрю. Если умный — поймет.

— Злата, — тараторит Егорка, — прости, я совсем не ту повариху к нам приглашал. Просто вы уехали, и я знал, что на целый день, а готовить почти не умею.

— Это ты меня извини, — говорю ему, — за то, что я недалёковидная сволочь.

Да, вчера я не знала, что уеду на целый день. И утром была уверена, что вернусь через пару часов. Я сегодня обедала пищей из ресторана, а мальчик оставался в доме голодный.

Мы обнимаемся, но недолго. Потому что Егор быстро устает притворяться ласковым котиком и потому что Яр, долго вглядываясь в меня, все же догадывается, я не знаю как, но догадывается и произносит вслух:

— Ты даешь нам шанс.

Не вопрос. Утверждение. Он не ждет, что отвечу, потому я молчу. Стрелки подползают к двенадцати, и я закрываю глаза и загадываю: если будет четное количество «куков» — у нас все получится. Если нечетное — нечего и пытаться. И еще сколько «кукнет», столько и проживем вместе. Да, я знаю, что я лукавлю, но так хочется на кого-то скинуть ответственность, притвориться, что это не я размазня, это мистика виновата.

Вот... итак... нервно сглатываю...

Мне, наверное, после всего, что случилось, кажется, что высунувшись из домика, кукушка оглядывается, смотрит укоризненно на меня, прежде чем начинает отсчет. Раз... два... двенадцать... двадцать четыре... На сто первом «ку-ку» я с трудом перестаю на нее пялиться.

— Ты тоже загадывала? — спрашивает Яр, делая глоток черного кофе.

— Да, — я смотрю на его улыбку, поражаясь, как он может быть так спокоен, когда в доме, где живет его брат, творится необъяснимое?!

— А я тоже загадывал! — огорошивает меня Егор.

И вот я понимаю прекрасно, что для моего же спокойствия лучше не спрашивать, но все равно не удерживаюсь:

— А загадывал что?

Может, это что-то связанное со школой, пытаюсь себя успокоить. Но он слово в слово повторяет то, что и я загадывала, а когда с ним соглашается Яр, у меня такое чувство, что меня уносит в нирвану или бездну, или... в общем, я в трансе и шоке.

— Часы просто сломались, — говорю я.

— Или это нечто большее, нечто свыше, судьба, — пожимает плечами Яр.

— Сейчас она замолчит, — говорю я, — сейчас вот последний раз прокукует...

А они, мне даже кажется, что и Звезда, расползаются в широченных улыбках под бесконечные песни о жизни нашей кукушки.

Давно у меня не было пробуждения с головной болью. Но хоть пятки собакой не облизаны — и то с бодрым утром. Иду через ванную на кухню, позевывая и про себя ругаясь на ненормальных, затеявших ночью ремонт, обо что-то спотыкаюсь, но не падаю — тоже радость, а когда в предрассветной полутьме догадываюсь включить свет на кухне и посмотреть, что жаждало моего падения — перестаю убеждать себя, что утро бывает добрым.

На полу, при входе в кухню, лежит поводок. Длинный. Собачий. А рядом с ним, счастливо оскалившись, сидит зубастый хозяин. Намек ясен, но минуту назад я разуверилась в аутотренинге и потому открыто признаю, что не в духе.

— Я не в духе, — озвучиваю псине, будто так она меня точно поймет.

Псина скулит, ложится на передние лапы и так смотрит жалостливо, что чувствую себя предателем. Подкуп свеженасыпанным кормом удается наполовину — корм с хрустом исчезает, а меня все так же испепеляют грустные глаза напротив.

— Мне кажется или ты наглеешь? — спрашиваю, потягивая чай.

Псина по-кошачьи фыркает и трясет мохнатой башкой. Понимает, что ли? После кукушки, устроившей вчера спонтанный сольный концерт, я уже и не удивлюсь. Здесь хотя бы нечто живое, дышит и тааак смотрит, что, пожалуй, поддамся... Вздохнув, бросаю по привычке взгляд на стену: не хватает не часов, а странной кукушки. Яр вчера забрал ее с собой, так и шел под громкие «ку-ку» по лестнице, а мы с Егором держали дверь открытой, так хихикать веселее, и даже не напомнили, что из часов можно вытащить батарейку. Конечно, Яр сам догадался, потому что переворачивал птичкин домик, а почему не вытянул — кто его знает.

— Мне кажется или ты на глазах растешь? — с подозрением смотрю на виляющий хвост. — И как-то ты... очень пушистый.

Псина поджимает хвост и крадется к поводку, поглядывая на меня — уносит его обратно в коридор и вот то ли слышится мне, то ли правда — вздыхает. Эх, смотрю, это такая привычка у Самарских — перенимать мои привычки. Вздыхаю и иду переодеваться. Псина не верит, даже не смотрит в мою сторону — лежит бревном в пустом коридоре, и только когда подхожу, беру поводок и открываю дверь, выскакивает в подъезд и мчится по ступеням. Надеюсь, в такую рань никто из соседей там не прохаживается, а то чревато переломами.

На улице сыро, слякотно, сонно. Я стою на школьном стадионе, и пока Звезда бежит, пытаюсь выискать одни окна воот в этом подъезде. Ага, нашла. Темно, спит еще, ну и ладно. Звезда уносится так далеко, что я и не вижу ее, но не бегу, не трясусь над ней как настоящие собачники, потому что знаю, что у нее есть еще одна привычка Самарских — обязательно возвращаться.

Стою, мерзну чуток, зеваю и вдруг тихий голос, — не тот, что вчера, не мужской, не Яра, — раздается у меня за спиной.

— Злата, — голос звучит неуверенно, я бы сказала просительно, и так неожиданно, что мне кажется, будто кто-то занес надо мной сжатый кулак, и пока я думаю, что же делать — медленно делает разрез скальпелем и начинает вытягивать жилы.

К врагам не поворачиваются спиной, но если враг уже зашел со спины, если уже ударил, чего мне бояться? И я старательно притворяюсь глухой и бесчувственной: да, мне трудно дышать, и в горле песок, и язык прилип к небу, зато голова прошла на ветру. Прогулки с собакой, оказывается, не только животным полезны.

— Злата, нам надо поговорить...

— Нам? — спрашиваю беспечно. Не знала, что я могу так.

— Злата, послушай, ты многого не понимаешь...

— Еще что-нибудь о тебе? — и так могу, кольнуть и зло пожалеть, что сейчас не в подаренной Яром шубе.

— Мне больше не к кому обратиться...

Просьба. Ко мне.

Человек, который стоит за спиной, хорошо меня знает. Вернее, знал — мы теперь не общаемся. Мы теперь не друзья. Мы чужие. И все-таки...

Я оборачиваюсь и не могу сдержать удивления. Да, это Лариса. Да, я бы узнала ее все равно, но... где гламур, где нотка высокомерия ко всему прочему, кроме «я», где уверенность, с которой она легко через всех перешагивала, в том числе через меня? Она сильно похудела, и этот тот случай, когда не к лицу, а, наоборот, говорят, что сошла с лица; в глазах лихорадочный блеск отчаяния. Втягиваю в себя воздух — вроде бы нет тошнотворного запаха наркоты, хотя ее столько разновидностей, что могу ошибиться, не знаток, не ценитель.

— Что случилось? — выпаливаю.

— Заметила, — усмехается, — все замечают, и Стас...

А вот это зря она: прозвучавшее имя напоминает не только о том, что Лариса выманила у меня кольцо и кулон, отыграв костюмированный спектакль, но и по словам Яра принимала участие в том, что с нами произошло. Она пытается что-то сказать, но я резко перебиваю:

— За что?

В свете нависающих над нами фонарей, наверное, не только она выглядит тусклой тенью. И не ей одной так паршиво, как кажется.

— Я пришла за твоей помощью... ты ведь сможешь? Злата...

А я повторяю:

— За что?

— Я никогда не желала тебе зла, — тараторит. — Я не знала... меня обманули... Мне нужна твоя помощь... Послушай, ты ведь ничего так и не знаешь, Злата! А я боялась тебе рассказать! Он меня запугал, а чтобы молчала, устроил в салон. Он сказал, у меня есть способности, сказал, что смогу, нужно только не бояться рискнуть, и я... Я взяла кредит под квартиру, я... Злата, он подставил меня! Я выкупила его салон, а он провальный! У меня хотят забрать квартиру, понимаешь? Из-за его салона, но ведь это он посоветовал. Он! Я не хочу жить на улице! Ты слышишь меня? Скажи ему, поговори с ним, ты ведь можешь, я знаю, вы помирились, он простил тебя...

Я невесело усмехаюсь, прокручиваю поток слов, щедро сброшенный на меня Ларисой — вот, значит, как он ей отомстил. По-своему и по-крупному: загнал в долговую яму.

Устав от жалоб, я притворно зевнув, повторяю:

— За что? Это единственное, что меня интересует. Ну, и так, если не налоговая тайна — за сколько?

Но чтобы не думала, что у меня масса времени на второй концерт псевдоплача,

предупреждаю, что у меня мало времени и вообще пора возвращаться домой.

— Домой, — кивает, — у тебя опять есть дом... а у меня...

А вот это я уже зря, поэтому исправляюсь:

— Лариса, если у тебя ничего нового, прощай.

Она бросает настороженный взгляд вниз — Звезда вернулась и пытается и ноги мне согреть в благодарность за прогулку, и защитить, если что. Пока она сидит очень смиренно, но глаз от моей бывшей подруги не сводит.

— Ты не сможешь, — понимает Лариса. — Нет ведь?

Я молчу, а молчание не всегда означает «да».

— Не сможешь, а я тебе помогу! Хочешь? Почему бы и нет? Мы — ведь подруги!

— Бывшие, — вношу маленькую поправку.

На Лице Ларисы застывает удивление. Да, я прощаю, да, иду на уступки, но только с теми людьми, которые небезразличны, которые для меня что-то значат, и Ларисы больше нет в этих списках. Вычеркнулась сама.

Но вскоре она берет себя в руки, принимает снисходительный вид и так резко выпрямляется в погоне за царской осанкой, что у меня бы точно звезды перед глазами плясали. Нависает надо мной как столбы — такой же смесью бетона, который не повернешь и не сдвинешь. Я могу обойти, и так лучше и проще, тем более что я уже об нее ударялась, но я не двигаюсь с места.

Яр опасался нашей встречи с Ларисой, а я ее даже хотела.

Взгляд в прошлое. Есть надежда, что он будет последним...

Она нервно оглядывается, словно пришла не одна, но в предутреннем сумраке я никого кроме нас не вижу. Она, видимо, тоже, потому что веселость ее проходит, и она чуть растерянно говорит мне:

— Ты все-таки непроходимая клуша! Ты спрашиваешь: за что и за сколько, а правильной спросить — сколько раз и кому?

Хорошая постановка вопроса. Пусть говорит, я не перебиваю. Иногда считаешь в романах — он столько раз ей пытался что-то сказать, а она его останавливала и в итоге целую книгу страдали, а потом упрекали друг друга, что промолчал. Нет уж, пусть скажет все, я послушаю, а выводы сделаю после.

— Ну, что, дорогая, сама догадаешься?

Снова жалею, что собак не выгуливают в песцовых шубах, и упрямо молчу.

— Все-таки подсказать? Ну ладно, даю наводку по дружбе: циферки, которые мне за тебя заплатили, были в у.е. и с большими нолями. Ну? Есть идеи?

Если бы она поинтересовалась, куда эти у.е. потратить, я бы и то не сказала — свои до сих пор не пристрою. А здесь пусть расскажет, а я подожду.

— О, Господи! — Лариса возмущенно вздыхает. — Много ты богачей вообще знаешь? Ну? Думай!

Я переминаюсь с ноги на ногу, демонстративно потираю ладони в перчатках.

— Ладно, еще одна маленькая подсказка, ты ведь спешишь. Папу твоего бывшего мы исключаем. Пока исключаем. Ты ведь хочешь узнать, кто заказал тебя первой? Так кто же у нас остается?

Перед глазами проносится синее платье, которое мне подобрали в салоне. Свадьба на следующий день. Встреча в баре. О чем-то догадывалась, что-то смутно мелькало...

Яр.

У нас остается Яр.

— Ага, догадалась, — радуется Лариса. — Ему нужна была ты. А я считаю, что это несправедливо: найти мечту и подарить, пусть и подруге, пусть и единственной. Несправедливо! Ведь это я мечтала жить в роскоши, носить меховые шубы, пить чай из фарфора семнадцатого столетья...

— Не помню, чтобы такой был у Яра.

Ее глаза недобро сверкают. Она обхватывает себя руками, словно замерзла, раскачивается на носочках белых сапог — точь-в-точь как мои, только копия с рынка, и подвывает так громко, что я переживаю, как бы полдома не разбудила. Противный звук, похоже на за упокой. Я быстро проверяю в кармане мобильный — вдруг надо будет вызвать скорую, и немного успокаиваюсь, что он есть.

— Да я бы купила, — выныривает из своего странного состояния. — Но он же выбрал тебя! Не потому, что ты такая красивая — любому видно, что я в сто раз лучше, а потому, что ты девственница. Ему нужна была эта чертова пленка! Прикинь?

В одну секунду у меня перед глазами мелькает наша первая встреча с Яром. Его слова, что девственниц с высшим образованием не бывает. Пари с Ларисой. Бесплатный и явно лишний коктейль от бармена...

— И я бы сделала операцию, все бы мне аккуратненько сшили, и я бы даже легко сыграла испуг в первый раз, да хоть слезы! Немного не повезло. Я тогда уже переспала со Стасом, и он-то знал... А у них все должно было быть по-честному. Только девственница, настоящая. Не позволил мне притвориться, — хохочет, — а сам пользовал. И тогда я предложила тебя!

Я немного путаюсь. То она вроде бы намекает на Яра, то открыто говорит, что замешан Стас. Но не спрашиваю, не уточняю, видно же, что рассказ еще даже не подошел к кульминации, только сюжет завязывается.

— Встреча в баре — да и сама подумай... Разве ходят миллионеры в такие трущобы? Совпадение? Чушь! Я тебя привела в этот бар. Я сказала Стасу, где и во сколько мы будем. Я подбила тебя на пари. И продала тебя я.

Прячу руки в карманы. Холодно. Сыро. Хорошо хоть светает.

— Ты была игрушкой богатого мальчика, — шипит гадюкой Лариса. — А когда заигралась, тебя просто убрали. Ну, подумай сама: ваше знакомство, поспешная роспись... Такие люди если и женятся на таких как ты, то после жесткого брачного контракта, и не в спешке. Яр хотел девственницу. Стас слил ему информацию. Я отобрала твои фотки получше и подстроила встречу. Это игра, Злата. Ты в ней обычная пешка. Пешка! И ты никогда не была замужем за королем. Ты вообще никогда не была замужем. О как! Так что обычный траходромчик за деньги, как у меня.

Она заливается безудержным смехом.

Я стою. Я не падаю. Может, потому что ноги стопы держит раскормленная Звезда. Может, потому что не верю. Хотя многое кажется правдой, только... даже если правда одна, у нее как минимум две стороны.

— Все сказала? — голос все-таки меня предает, но так сипло он вполне может звучать и от сырости. Загулялись мы нынче, пора. А Лариса смотрит на меня, как на привидение, снова нервно оглядывается и я наконец замечаю в утренней дымке машину стального цвета. Метрах в трехстах, марок я не различаю; но почему-то отчетливо представляются чьи-то глаза, которые внимательно наблюдают за нами.

— Ты не поверила, наверное, — бормочет Лариса. — Злата, но это правда! Это игра у них такая, пари! Ты не первая. Им интересно увидеть, как быстро наивная дурочка скажет, что влюблена, как быстро продается за деньги. У них целый клан!

— Нам пора, — я смотрю на собаку, но лбом чувствую прожигающий взгляд Ларисы.

— Ты... простишь его?! Ты... не можешь... ты не должна! Послушай...

Она повышает тон, и собака начинает рычать. Приподнявшись с моих ног, делает стойку.

— Злата, — недоверчиво машет головой Лариса, умудряясь переводить взгляд с меня на Звезду. Та рычит еще громче. — Но он ведь использовал тебя! — крик отчаяния.

— Как и ты, — пожимаю плечами, и раз нам всеми силами мешают уйти, иду напролом, слегка задевая ее плечом, а Звезда — всерьез потоптавшись лапами по белым сапожкам.

Лариса продолжает кричать, что я клуша, что так мне и надо, что меня использовали. Не помогает. Не оборачиваюсь. Дальше иду.

— Ты так и не знаешь, сколько мне заплатили!

— Я знаю, — кричу ей в ответ, — что сколько бы тебе не заплатили, ты не смогла купить счастье!

И под довольное гавканье псины, мы исчезаем из Ларискиного поля зрения, а заодно и того человека, что ждет ее в серебристой машине...

Я останавливаюсь у соседнего со своим подъезда, зачем-то по-шпионски осматриваюсь (наверное, стресс все-таки, это я так, держусь на адреналине), задираю голову вверх. Почти все окна темные, только в двух — на втором и четвертом, свет на кухне. Половина шестого. Самое время для поговорить по душам. Но лучше рано, поздно, когда угодно — чем без единого шанса выслушать. Мне ли не знать?

Он отзывается после второго гудка.

— Ты на каком этаже живешь? — спрашиваю сходу.

Не удивляется, что звоню. Не удивляется, что без приветствий. И этаж, и номер квартиры подсказывает, а когда приезжаем на лифте, ждет в приоткрытой двери. Приглушенный свет за его спиной не позволяет увидеть лицо, да и ладно.

— Зайдешь? — пропускает внутрь.

— Нет, я так, под дверью потоптаться приехала, — огрызаюсь, и получаю усмешку.

Впускает не только меня, но и псину, которая слегка насторожена короткой поездкой в лифте. Мне вольный вход сразу, а ее вынуждает терпеть, пока старательно вытрет ей лапы.

— Иди присмотришь, — спускает с поводка после процедуры.

Псина раздумывает всего минуту, а потом, видимо, решает, что когда еще выпадет шанс что-нибудь разбить у богатых, и сматывает с коридора, на повороте придерживая себя хвостом.

Проследив за ней взглядом, Яр разворачивается и тоже уходит, не успеваю и слова сказать.

— Шкаф у тебя за спиной, — говорит изнутри квартиры.

Оборачиваюсь. Действительно, шкаф. У меня за спиной. Но не обнаглел ли кое-кто?! Что-то очень похоже.

Иду в куртке на голос, и оказываюсь на черно-белой кухне размерами с комнату. Цветовая гамма как шахматы — вот бы Лариске было где развернуться со своими речами: все игра, все подстроено! Ну и так далее...

Обернувшись, Яр замечает, что я не разделась и что явно не в духе, но спокойно доваривает кофе, наливает себе в чашку, а на другую половину стола поддвигает чашку, дразнящую мои ноздри жасмином.

— Тебе в одежде удобней?

— Да!

— Хорошо, — подходит ко мне, чуть разворачивает, снимает куртку Егора, относит ее в коридор, возвращается. — Хочешь чай?

— Нет, я хочу поговорить.

— Есть ванильный сырок.

Я отказываюсь, но он все равно распахивает холодильник и достает горсть ванильных сырков. Садится за стол, пьет кофе. Я решаю, что в ногах правды нет и тоже сажусь. Нервничая, уничтожаю первый сырок, опустошаю первую чашку чая, которая тут же для меня обновляется.

Яр внимательно за мной наблюдает. Я — за ним. И все молча. Напряжение, кажется, так зашкаливает, что одному из нас грозит удар током.

— Я только что говорила с Ларисой.

Он ничуть не меняется в лице, ни один мускул не дрогнул. Смотрит прямо в глаза, будто совести нет или имеет право.

— Она рассказала о вашем пари.

Опять нулевая реакция. Поднимается, моет чашку, мне подливает чай, распаковывает сырок, с которым безуспешно борюсь непослушными пальцами.

— Что именно она рассказала?

— Все.

Усмехается.

Он... усмехается!

— Она не могла знать всего, — говорит все так же веско, спокойно.

— Ты уверен?

— Да. Хочешь, я расскажу, как было на самом деле?

— Почему бы и нет, — пожимаю нервно плечами. — Начни, пожалуйста, с суммы, которую за меня заплатил, а потом перейди к сумме, которую заплатил за липовую свадьбу, левых стилиста и подставного служащего загса...

— Нет, — откидывается на спинку стула, скрещивает руки, — деньги тебя всегда мало интересовали. Я расскажу все сначала. Только, Злата, выслушай меня, хорошо? Ты ведь за этим пришла. Послать меня ты могла и по телефону.

— Можно подумать, ты бы послушно отправился к черту!

Усмехнувшись, раскрывает еще один сырок для меня и начинает рассказывать.

Оказывается, Лариса не соврала. Наше знакомство с Яром было четко спланировано: хмельное настроение от коктейлей, подстрекательство, мол, три месяца без квартплаты, моя сумасшедшинка, которая иногда проявляется. Да, я бываю азартна. На это тоже делалась ставка — типа пари в пари, разве не весело? Такая игра у богатых: влюбить в себя простодушную дурочку, и посмотреть, как быстро она начнет мнить себя леди, как быстро начнет меняться, раздавая команды, как быстро начнет топтаться по таким же простым, как сама. Кардинальная смена привычек и личности обычно занимала от нескольких месяцев до полугода; потом игра утомляла, становилась слишком похожей на жизнь. Игрок забывал об игрушке, а большой куш срывал тот, кто сделал удачную ставку.

Играли и ставки поменьше — не когда подсадной деревенский кролик возомнит себя дорогой норкой, к примеру. А соблазнится или нет? Признается или промолчит? В общем, реалити-шоу для состоятельных, только кролик не знал, что он никогда так и не станет норкой на самом деле, потому что подопытный, потому что все решено, вопрос только во времени.

Игра надоела, закончилась или уровень давно не меняется?

Бывает. Смена декораций, перетасовка, и тот, кто вчера делал ставку, сегодня — игрок. Если хочет, конечно. Но обычно никто в этой группе и не отказывался. Зачем? Жить на золоте скучно, обыденно, а здесь ты сам выбираешь с кем поиграться.

Кто-то ставил условием знание пяти языков, кто-то искал флейтистку, кто-то ждал, пока ему подадут балерину без крыльев. Искали все, кто в игре, но только игрок делал окончательный выбор. Разные вкусы. Странные требования. Балерину все еще ищут...

— А ты захотел девственницу с высшим образованием, — усмехаюсь.

— А я захотел тебя.

— Да ладно, — мне как-то легко говорить с ним и слышать его легко, словно не обо мне речь и словно я не была игрушкой, — тебе подошла бы любая. Ну, я имею в виду любая девственница с высшим образованием и старше восемнадцати лет. Я же помню твои слова.

— Слова... Конечно, как я забыл, что женщина любит ушами? — задумывается и так надолго, что чай остывает в кружке, мерзнут ладони, которыми ее обнимаю. — Злата, так женщине не говорят, тем более, своей женщине, а этот вопрос даже не обсуждается... Но ты, прости, была не единственной, которую мне предлагали... В нашей стране не так уж мало девственниц с высшим образованием, некоторые для того и диплом получают, чтобы продать себя подороже. — Не успеваю я возмутиться, как он продолжает. — Но когда я увидел твои фотографии, когда я увидел тебя в реальности, — нет, не в баре, гораздо раньше, Лариса передала все твои координаты, — я сделал свой выбор.

— Премного вам благодарна, — кланяюсь в кружку.

— Это не была любовь с первого взгляда, — не реагирует на мое ерничество, — я думал, что не умею любить.

— Так и есть, — важно киваю, — не можешь.

Усмехается, так будто знает великую тайну и еле держится, чтобы не проболтаться, а потом как ни в чем не бывало продолжает рассказывать об игре.

Чтобы все было честно и увлекательно — ставки очень большие, в доме у игрока ставились камеры. Получалась игра в режиме он-лайн, за которой внимательно наблюдали, были даже арбитры — ну а вдруг кто-то спит и пропустит самое важное? Не узнает, что ставка сыграла?

А действительно, что ужасного, что чужие мужики рассматривали меня со всех сторон. И пускай! Пусть подавятся! Интересно, как им ночь моей дефлорации? На ура? Под рыбку и пиво или покуче — шотландский виски прокатит?

— В спальнях не было камер, — говорит Яр, в который раз четко улавливая ход моих мыслей. А меня это не успокаивает. Нет. Я и так как удав спокойна.

— Может, их там и не должно было быть, — говорю ему я, — но одна была точно.

Проглотил? Как тебе? Вкусно?

Но он снова не отводит глаза, лишь на секунду прикрывает ресницы, и продолжает рассказ. Так уютно, напротив кого-то сильного, и увлекательно — если бы все это не со мной...

Ладно, проехали, саможаление — трата времени.

Одним словом, разжиревшие на вседозволенности мальчики сбились в стайку стервятников и, облизываясь, поджидали, как скоро я превращусь в не «я» и как скоро Яр меня бросит. Первыми потерпели фиаско те, кто ставил на два месяца, потом те, кто на три. Общий фонд увеличился. Те, кто сделал ставку на четыре месяца (она срабатывала чаще всего), тоже просто пополнили общую кассу. А вот другие проигрывать не захотели, да и вообще, если бы все проиграли, деньги должны были отправиться на благотворительность — дурацкий пункт, внесенный развлечения ради, он никогда еще не срабатывал. А кому это надо, помогать, если об этом даже никто не узнает, кроме твоего расчетного счета?

Вот тогда меня и решили убрать.

А отец Яра... как он там говорит? Совпали желания...

У меня такое чувство, что Лариса действительно вытянула пару жил, пока мы говорили на улице, а Яр вытягивает нечто большее, нечто глубинное. Мир, в котором не ждали, не терпит чужих. Люди, если так можно назвать тех, кто играет с живыми людьми, так отчаялись заполучить деньги, что пошли на убийство — мое и ребенка. И меня как-то не трогает, что я не была замужем — не была и не надо, и пари это странное по боку. Просто остались вопросы, так, любопытства ради...

— Ты и дальше в игре?

— Нет.

— А твой Стас?

— Я его вывел.

— Из игры?

— Из страны.

— Где он?

— Не моя забота его искать, а кредиторов.

— Окунул в долговую яму, как и Ларису?

— У Ларисы больше шансов оттуда выбраться.

Поднимаю глаза. Я, оказывается, все это время смотрела в кружку; только слушала, избегая взгляда.

— Ты знаешь, откуда у нее была эта квартира? — спрашивает Яр.

— От любовника, который откупился от свадьбы.

— От любовника, который был женат и купил эту квартиру своему новорожденному сыну. Лариса угрожала, что расскажет об их связи его жене, а та не позволит ему видеться с ребенком. Он откупился квартирой, после чего жена его бросила и забрала ребенка. Не я, именно он выступил кредитором Ларисы, занял ей денег под жилплощадь и доп. услуги. Я просто продал ей салон, который она угробила.

Ясно, вроде бы и справедливо, что сейчас Лариса осталась без этой квартиры, а вроде бы...

— Много раз ты... ты сам... был игроком?

— Три.

Хорошо, когда правда и сразу, даже подготовиться не успеваешь, даже накрутить себя некогда. Просто валится все под грузом ненадуманых башен, а так все нормально, за окном показалось солнце. Рассвет наступает на пятки мраку и тени.

— Ну, — поднимаюсь, — спасибо, что рассказал.

Яр наблюдает, как я встаю, как иду в коридор. Не удерживает. Не просит прощения.

Щелкает поводком, когда прибегает жутко довольная псина. Выпускает ее за дверь, когда она начинает проситься на улицу, и резко захлопывает, когда к выходу делаю шаг я.

— Ты хотела поговорить, но не спросила самого главного.

Я оборачиваюсь, деловито скрещиваю руки и жду, но с ним эта тактика не срабатывает. К тому же псина скулит в подъезде, жалко ее и соседей. Хорошо, так и быть, спрошу, хотя ответ очевиден.

— Мы с тобой никогда не разводились, ведь так? Потому что и женаты не были, правильно? И две предыдущие твои жены тоже попались на лохотрон.

— Не правильно и не так. Когда ты думала, что мы разводимся, на самом деле, ты выходила за меня замуж. А что касается твоего последнего вопроса... ты — моя первая жена, Злата, и что бы ты себе сейчас не думала, я даже представлять не хочу что ты обо мне сейчас думаешь... женой и останешься.

Называется — а зачем я спросила?!

И еще удивляет моя реакция — попросту нулевая. Ну, я замужем. Очень мило. Правда, расписали меня без моего согласия, и те деньги, что я думала беру при разводе, теперь что... свадебный подарок, что ли?!

— Замечательно, — говорю ему, — а если бы я собралась замуж!.. — я едва не ляпаю «за Макара», но Яр все равно как-то догадывается, кого я имела в виду.

— Ничего бы не вышло. У меня как всегда несколько объяснений — хочешь услышать?

— Нет! — дергаю куртку из шкафа — какой черт повесил ее так высоко?!

Яр снимает куртку, помогает ее надеть, игнорируя, что я хохлюсь как воробей.

— Меня мало волнует, что мы женаты, — говорю ему, — я согласия не давала.

— Есть свидетели, — говорит он, — что ты даже просила меня дать тебе свою фамилию, Злата. Брак законен. Этот законен.

Теперь мне понятна его странная реакция при нашем якобы разводе, когда я захотела оставить фамилию Самарская. У меня не было его фамилии до того дня — по закону, в паспорте-то значилась. А он нашел способ фамилию узаконить!

— Прекрасно! — наконец-то взрываюсь. — Значит, я сегодня же подаю на развод!

— Извини, — пожимает плечами, — я предупредил, что не смогу отпустить.

И взгляд такой, словно не плут передо мной, а я, бессердечная, тащу за хост по асфальту несчастного котика! И я бы, может, и призадумалась, но вдруг вспомнились слова Макара, что «это кольцо» смотрится лучше. Значит, было другое, явно похуже? Значит, их было два?!

— А мое кольцо...

Понимает меня с полуслова — идеальный муж! Никому не нужен? Неприлично богат и скоро будет совершенно свободен!

— Подделку ты подарила менту, и я достал из сейфа фамильное. Но мы договаривались, — добавляет поспешно, — что ты оставишь его до Нового Года!

— На чудо не рассчитывай! — предупреждаю, и слегка его отпихнув (явно он мне поддался) все-таки выхожу из квартиры. — Я и так сделала для тебя невозможное: я тебя выслушала.

— Рассчитывать не буду, — говорит идеальный муж мне во след. — Я сам его сделаю.

Я в таком удивлении от сегодняшнего утра, что вслед за Звездой не только послушно спускаюсь пешком по лестнице из подъезда Яра, но и в своем подъезде о лифте не вспоминаю. А псина и рада: то забежит на пролет, махая мне оттуда хвостом и скалясь, то вернется ко мне, мол, ну, догоняй!

И только поднявшись, я понимаю, что тоже рада, потому что после больницы для меня такой подъем был равносильен подвигу, а сейчас никаких плохих ощущений. Наоборот, заряд бодрости. Поглаживаю благодарно псину, ищу ключ от двери — Егор-то, наверняка, еще спит, и вдруг замечаю кое-что. Свет. В подъезде на каждом этаже горит свет.

Я бы приняла это за первое чудо Яра, но явно он здесь ни при чем, вот если бы соседи перестали стучать как дятлы... тогда да, это чудо, а так... я, видать, в легком неадеквате, если вообще думаю о чудесах и о Яре. Впрочем, посмотрела бы я на кого-нибудь на своем месте. Хотя нет... никому не желаю...

В квартире тихо, и мы со Звездой стараемся не шуметь, но Егор с топотом выходит из комнаты, уже в одежде, бодрячком, с ходу нам выговаривает, что долго гуляем по холоду, себя не бережем, и вообще, завтрак стынет.

— Какой завтрак? — переглядываемся с псиной.

— Кому собачий, а кому и омлет сойдет, — с улыбкой скрывается на кухне, где шумит крышками, ложками и торопит скорее переодеваться.

Звезда приподнимает лапу и гавкает, напоминая о себе. Ах, да, лапы, и еще лапы и хвост — вытираю, но справедливости нет. Она бежит есть, тогда как мне еще переодеваться.

— Я думаю, — говорю Егору, уплетая омлет с помидорами, перцем и колбасой, — сегодня моя очередь готовить.

— Это ты правильно думаешь, — соглашается он. — К тому же, мне в школу, потом у меня репетиторы, потом я просмотрел, что здесь неподалеку хорошая школа брейк-дансеров, схожу запишусь. Вернусь жууутко голодный!

— Как будто это редко бывает, — усмехаюсь я. — А ты что вдруг танцами решил заняться?

— Бабуля посоветовала попробовать. Она сама бы хотела, но у нее возраст не тот, и раньше таких танцев не было, — я на этих словах едва не подавилась, и мне Егорушка подает водички, невозмутимо продолжая. — Вовремя мы Звезду нашли, а то сидела бы ты дома одна.

— Кстати, — кошусь на жующую рядышком псину, — а ты не в курсе что это за порода?

— А какая разница? — вскидывается мальчишка. — Собака-то хорошая!

Звонок прерывает наш разговор, но я не спешу открывать. Милостиво позволяю мальчишке улизнуть от мытья посуды, а сама убираю со стола, вся такая при делах, даже некогда оглянуться на тех, кто уже стоит в дверях кухни.

— Не поедешь? — спрашивает Яр.

— Зачем? — отвечаю раковине. — Не сомневаюсь, что ты нашел прекрасную школу для брата и на этот раз учел не только свои интересы.

— Чем будешь заниматься? — спрашивает после паузы.

— Я тебе говорила: иду подавать на развод.

— А, ну здесь все просто и быстро, — говорит он. — А потом? Сидишь дома?

— Не знаю что там просто и быстро, — говорю ему, — я еще ни разу, как оказывается, не разводилась. Но если этот вопрос решу быстро, хочу, наконец, сесть за статью, но... даже не знаю... не уверена, что получится.

— Что так?

Посуда вымыта — как жаль, что было всего две тарелки и кружки, и вытерла, и расставила их, приходится обернуться. Такой во взгляде скрытый смысл, что поневоле начинаю нервничать, и так и тянет оглянуться: скрытая камера здесь? Или здесь? А, может, мне улыбнуться?

— Соседи с ночи что-то сверлят и пилят, этот звук вытерпеть невозможно, а чтобы писать статью, мне нужна тишина, — с трудом возвращаюсь к вопросу.

Яр прислушивается, кивает и уходит. Егор забегают махнуть мне рукой и тоже скрывается. Из окна наблюдаю, как они садятся в машину, уезжают, и что-то так грустно становится и тоскливо — хоть плачь. Сейчас-то можно, никого нет, никто не увидит, сию одну, на пустой кухне в чужой квартире, да еще эти дятлы за стенкой...

Устала я. Не выдержала пружинка в игрушке. Бывает.

И вот и настроение самое то, и повод есть разреветься, а не получается. Прислушиваюсь к себе — да не хочу я рыдать! Вот еще! Одна я не на всю жизнь, а на пару часов и вообще у меня есть люди, которых и люблю и которые меня любят, квартиру я собираюсь выкупить у хозяйки, а дятлы...

Кстати о птичках... А дятлы молчат! Молотки и дрели у них, что ли, сломались? Тем более не повод мокроту разводить! Дел полно!

Начинаю с того, что попроще — звоню квартирной хозяйке, но после пятнадцати минут юления, что сейчас не очень удачное время, правительство придумало какой-то процент на продажу в новострое, нет, она не может согласиться, что процент заплачу я, и вообще, эту квартиру она бережет для внуков, — я понимаю, что начала отнюдь не с самого легкого. Мы договариваемся с хозяйкой, что она всерьез обдумает мое предложение, но я даю срок в месяц, потому что отчетливо понимаю, что хочу свое жилье, а не такое, в которое однажды могут войти чьи-то повзрослевшие внуки.

Ну, раз с этим пока отсрочка, собираюсь и иду в загс, но и там осечка. Помимо заявления, которое я быстро царапаю, и копий документов, нужно свидетельство о браке, которого у меня, конечно, нет. Тетка в загсе сильно удивляется, по ее мнению, это самый главный документ для каждой женщины, даже паспорт на квартиру можно забыть при пожаре, но не свидетельство, что мужик окольцован.

— А, может, я и не замужем? — размышляю вслух. — Может, он меня обманул?

Тетка просто возмущена моей радостью и, думаю, только из-за этого всячески пытается выставить меня за двери. Мы морочим друг другу голову с полчаса, потом я пишу заявление с просьбой выдать мне справку, что я не замужем (ну а вдруг?) и я уже почти выталкиваюсь за дверь, когда понимаю причину тетקיного недовольства. Вот я звезда, никак не привыкну.

Достаю денежку, ненавязчиво кладу ее среди кипы бумаг и невинно смотрю в глаза строгой тете. Вот теперь и она разделяет мою неумную радость, щелкает по компьютеру, кому-то звонит, снова щелкает, и через пять минут огорчается, что я таки замужем. Первый вопрос решен, а вот как ускорить развод, если муж чуть-чуть против...

— В принципе, — тянет она, задумчиво рассматривая мою сумочку, — если муж не будет настаивать на дележе имущества...

— Это я не буду настаивать, — успокаиваю тетку и еще раз подкрепляю свои намерения стать свободной денежными знаками.

Мы прекрасно обходимся и без свидетельства о браке, заявление принято — мы с теткой счастливы и довольны, прощаемся на сегодня. Она мило провожает меня, придерживая дверь.

По пути домой я затариваюсь в магазине и под бабулины комментарии по скайпу, — Егор все-таки великолепный учитель, — готовлю суп с фрикадельками для своего мальчишки и запекаю форель. Узвар, которым он никак не мог напиться вдоволь, сам варится, а мы пока с бабулей делимся новостями. В принципе, у них все по-старому: любят, скучают, ждут. Моя крестная жутко расстроилась, что не застала нас — не думала она, что так быстро уедем, только пришла с высоченным тортом и сливовой настойкой — как-никак, не одна крестница пожаловала, а с ребенком и зятем. А тут такая засада! Потенциальных зятей было два и оба уехали!

— Торт-то мы съели, — хихикает девчонкой бабуля, — не огорчать же ее, а вот на тебя крестная приобиделась, что не позвонила сама. Это ж ей соседка ваша сказала, что видела тебя с двумя мужиками в обнимку.

— Да ладно, — отмахиваюсь, — ты скажи ей, что один зять не потенциальный, а самый настоящий и она так увлечется новостями, что забудет про обиду.

— А, так он не выдержал и признался? — прищуривается бабуля. — Поспешил чуток.

— Бабуля! — возмущаюсь я. — Ты что, все знала и не рассказала мне?! Где твоя... — я едва не ляпаю «совесть», но жалко бабушку, — ... солидарность?!

— Я тебе добра желаю, потому сейчас солидарна с Яром. Он мне еще тогда ночью все открыл, я и посоветовала пока молчать, дать тебе время привыкнуть к нему снова, а уж потом, после третьего ребенка...

— Бабуля!

— Да не кричи ты так, — прочищает ухо, — я еще не так стара. — И тут же противоречит себе. — Я уже очень стара, Злата, и я хочу увидеть правнуков! Ну хотя бы двух!

— Все, — говорю ей, — у меня узвар доварился, спасибо.

Поспешно прощаюсь и отключаю скайп. Называется, семья тебя всегда поддержит, семья тебя всегда поймет! Хорошо, что я о разводе ничего не сказала, а то бы не миновать мне гостей.

Устраиваюсь с чашкой чая на кухне — такая тишина — благодать, оказываются, удивительные чудеса и так в мире случаются, без некоторых там... — и начинаю писать статью. Время слизывается моментально, только села, открыла файл, а потом бац — три пополудни, и ключ в дверях поворачивается.

— Привет! — забегают счастливый Егорка, недоверчиво косится на кастрюли и опять расцветает. — Ухтышка! Я сейчас!

— Давай, давай, — улыбаюсь довольно, встаю насыпать ему супец, пока еще теплый, горячий он не очень любит, и чуть не наступаю на псину. Она так тихо лежала у меня в ногах, под столом, что я и забыла о ней. Надо ее подкормить и на прогулку вывести, наверное — проявлю инициативу за то, что не мешала писать.

Захлопываю ноутбук, суечусь, Егорка что-то кричит мне из комнаты, но из-за хрустящего корма ничего не слышно. Наконец, мальчик заходит на кухню и повторяет, весело орудуя ложкой:

— А я сегодня... ммм, вкусно, Злата! Карточку проверил... мм... так там нам

перечислили сумму... — смешок. — За два рассказа... ой... за две сказки... смех один, — говорит он и смеется с супом во рту.

— Чудо ты, — говорю, — от слова «чудесный».

— Хочешь сказать... ммм... мне добавки...

Я наливаю ему еще супчика. Подумав, даю черпак супа псине, и вот если я до этого была уверена, что она чавкает, то сейчас она совсем без комплексов. Дятлы с дрелью и то потише были.

— Хочешь сказать. — повторяет Егор, насытившись первым и лениво ковыряя форель, — что ты знала, что на этот гонорар даже торт не купишь?

— Разве что вафельный, — киваю.

— Вот засада! — прищелкивает языком и совсем теряет интерес к рыбе. — Я-то думал, на этом можно реально подзаработать, а это только трата времени.

— Если писать на продажу, то да, гиблое дело, — соглашаюсь, — а если исключительно для себя, то часик в неделю или пару часов в месяц — как пойдет волна — это нормально.

— Но ты-то не пару часов писала, я видел! А потом еще раз пять корректировала! А потом опять что-то дописывала и подправляла. Нет, неблагодарное это дело, сказки, — вздыхает, и так серьезно задумывается, что не замечает, как выпивает узвар. — Слушай!

Его голос звучит так громко, что я чуть не подпрыгиваю на стуле.

— А если тебе писать сказки из реальности?

— То есть?

— Рассказы для журналов, — поясняет свою мысль мальчишка. — Для женщин. Я уверен, что там платят лучше и что ты сможешь.

И я задумываюсь. Реально задумываюсь. Есть что-то судьбоносное в том, как именно он сказал — «сказки из реальности». У меня даже холодок пробежался по позвоночнику, как бывает иногда в сильные моменты предчувствия.

— Только псевдоним возьми, — советует Егорка, видя, что его идея прилась ко двору. — Самарская ты для серьезных статей, так сказать, в мире журналистики. Сказки не в счет — там тираж маленький, как и гонорар, никто и не вспомнит, детям вообще все равно, кто автор. И лучше, чтобы твой образ в журналистике не накладывался на образ автора для женских журналов.

— Дельный совет, — соглашаюсь и тут же придумываю псевдоним. Вернее, он как-то сам мелькает в мыслях. Такое ощущение, что он меня просто ждал. Несколько раз произношу про себя — неплохо, просто, язык не вывернешь, и с водной тематикой, как я люблю. Он него тут же веет прохладой и отдыхом, и я больше не выбираю. Спрашиваю у Егора — как ему.

— Тебе очень подходит, — одобряет.

— Ладно, — оставляю пока эту тему, все равно сразу после статьи не брошусь писать рассказ — немного устала, — Расскажи как школа?

И Егор с готовностью хвалится, что теперь он член академии, но вообще, несмотря на ее высокие показатели, там разные дети учатся, не только богатые. Он уже и в классе был, посмотрел, что девчонок много симпатичных, и согласился там учиться. Яр уточнял другие вопросы, связанные с программой и прочей скукой, а Егор с одной девочкой успел познакомиться, они за одной партой будут сидеть.

Даже не сомневаюсь, что девочка попадет под его обаяние, а меня ждет волнительный период первой подростковой влюбленности. Но от своих ошибок не спрячешься, переживем.

Танцевальная студия Егору тоже понравилась, взял первый урок, ничего не получилось. Но все равно рассказывает и заливается соловьем — вот что значит выпустить человека из четырех стен, в которых он заперся. И везде-то был и столько-то успел, и еще и с собачкой погулять предлагает.

— Сам пойдешь или и мне выйти? — спрашиваю.

— Пойдем с нами! — воодушевляется. — Снимем наш гонорар с карточки и потратим!

— А ты не снял?

— Без тебя?! — поражается.

— Ладно, ладно, не бухти, — усмехаюсь, — давай собираться.

Первым делом прогуливаемся к банкомату у магазина, снимаем всю сумму, смеясь и тыкая друг друга локтем, прося успокоиться, потому что у банкомата же камеры, и люди сзади набежали в очередь, а мы все хохочем на весь квартал. Тасуем две купюры и прям ни одной мысли, куда их потратить.

— На кокосы хватает, — вяло тянет Егор, — но мне убирать неохота.

— Мне тоже.

— Ананас? — выдвигает такое же безрадостное предложение.

— Ты его хочешь?

Оба кривимся и снова думаем, пока псина резвится у елочек. Можно купить прилично шоколадок, но не хочется. Можно набрать орехов и изюма, но нет на них аппетита. Мороженое есть не по сезону.

Мы уже идем обратно домой, когда видим у магазина бабульку, сгорбившуюся, в стареньком пальто, которая всех проходящих просит купить у нее спички. Люди спешат, люди пожимают плечами, люди проходят мимо, а кто-то бросил ей мелкую купюру на мокрый от талого снега асфальт, и она сгибается еще больше, чтобы поднять и незаметно для остальных, молодых, сильных, перед которыми стыдно быть старой и бедной, спрятать в кармашек.

— Купите спички, прошу вас, умоляю, родимые, — и нас просит бабулька.

— А у вас много? — изображает интерес Егор.

Бабуля показывает две упаковки спичек, которые нам совершенно ни к чему.

— Ой! Хорошо-то как! — восклицает мальчишка. — Нам как раз нужно, да, Злата?

Я киваю, и он отдает наш гонорар, который просто кому-то нужнее. Мы берем спички и поспешно уходим, чтобы не видеть, как бабуля пытается не расплакаться. Я знаю, что завтра она опять выйдет со спичками и опять будет просить купить их, но пусть сегодня ей будет немного легче на душе, пусть немного меньше придется стоять на холоде.

Дома мы с удовольствием уничтожаем рыбу, вскрываем одну шоколадку на десерт и кто так просто, кто с бокалом вина — болтаем о пустяках на кухне. Под тихий гомон телевизора в зале. Под сонный взгляд псины. Под застучавший по подоконнику дождь. Под строки, которые я перечитываю в третий раз и все не верю, что они от Яра, а потому говорю, говорю, говорю...

«Ты думаешь, я не умею любить, а я думаю, что ты просто мало меня знаешь. Я не умел любить. Так будет точнее. Пока не встретил тебя...»

И все. И трюеточие. А мне сиди и думай, и дрожи, и кутайся в пушистый плед, и ни единой возможности перестать думать о мужчине, который минуту назад написал эти

строки. Где он сейчас? Скорее всего, на работе. Нашел для меня окно в своем жестком графике.

Немного придя в себя, я отпечатываю, что подала на развод и получаю мгновенный ответ:

«Я уже знаю. Нас не разведут, не волнуйся.))»

И издевательский зеленый смайлик в конце!

Вы это видели?!

Егор, подглядывая, с кем я увлечена перепиской, уходит готовиться к приходу репетитора, а я стучу по клавишам дальше, выражая в буквах все свое возмущение.

«Когда я увидел тебя, ты была в длинном сиреневом платье, так странно — сиреневое небо в тучах, вот-вот ливень начнется, а ты в легком сиреневом платье и без зонта. Дождь хлынул, но ты не ускорила шаг, не побежала, не спряталась, ты так и шла, вздернув носик, и не замечала ни дождя, ни пробегающих мимо, ни меня, хотя я вышел из машины, чтобы предложить тебя подвезти...»

Я стираю уже набранный текст, хочу ответить и довольно резко, что он не помнит ничего из нашей встречи, потому что не было дождя в тот день, и платья не было. А потом я понимаю, что он рассказывает мне о нашей настоящей первой встрече, а не постановочной, и на душе становится тревожно, а пальцы не хотят печатать, спорить не хотят, и злить. Да, пальцы, а не я.

И мне приходится сидеть и следить взглядом за тем, как начиналась наша история на самом деле. И я не могу заставить себя оторваться.

«... Ты посмотрела вскользь, не зацепили даже мои дорогие часы, хотя их было прекрасно видно на запястье, потому что я держал зонт. Вот зонт тебя заинтересовал больше, да и то, мазнув по нему взглядом, ты тут же потеряла интерес. Я знал, что ты идешь домой, тебе осталось полквартила мокнуть под дождем, чтобы согреться горячим чаем с жасмином.

Я знал, что больше не хочу искать, выбирать. Хочу узнать тебя лучше. Зацепила легкость походки, наверное, в первую очередь легкость походки и это сиреневое платье, которое облепило твою хрупкую фигурку. И еще, конечно, такое явное безразличие ко мне.

Взыграл азарт, подогревая интерес, и у тебя не осталось выбора. Нет, ты еще не знала об этом, и не должна была знать, ведь женщины уверены, что выбирают они...»

А так и есть, пусть даже Яр уверен в обратном. Да, наша встреча была подставной, но подошла к нему я. И в комнату к нему поднялась я. И призналась в любви тоже я, заставив его хотя бы подумать о том, что любовь есть, и его тоже можно любить.

Нет, этого я писать не буду. И не успею — Яр снова пишет, так быстро пишет, будто начинал работу с азов машинистки, а я читаю.

«... Я обещал тебе доказать свои чувства на деле, но кое-что из того, чем хотел бы похвастаться перед тобой, лучше оставить за кадром. Не утомлять же тебя рассказами, как

быстро разорить человека? Или что значит отказаться от отца, которому ты безразличен? И не пугать же тебя заверением, что у Стаса никогда не будет детей? Добровольная стерилизация — кто бы подумал, что в мире найдется такой м... чудак?

Не удержался. Разбавлю пафосность смалами)))))).

Да, я не ангел, скорее наоборот, но так уж вышло, что тебя люблю именно я.

Я знаю, ты меня тоже любишь. Не отпирайся, я ведь сейчас по другую сторону, ты одна. Любишь. Все еще. Несмотря на... Другой вопрос — сумеешь ли ты принять меня, с моим прошлым, настоящим, недостатками, деньгами, на которых тебе плевать?..»

Не отвечаю.

Агент не обновляется, но оба мы у мониторов, в режиме он-лайн. Так и сидим, напротив, но по разные стороны. Так и общаемся почти каждый день в двух режимах, в реальности (вынужденно, он ежедневного заходит за Егором, и не исчезает без обмена хоть парой фраз), и виртуально (непринужденно, и чем дольше, тем в более в двухстороннем порядке).

Так пролетают дни, неспешно поглощаются вечера. Так приближается Новый Год.

Мы все еще не разведены. Могла бы подключить юристов — естественно, не тех, которые втихаря выдали меня замуж, могла бы заплатить тетке в загсе больше, но все тяну, ищу нелепые отговорки, и знаю, что они — отговорки.

Оправдываюсь, что некогда — редактор из газеты предложил мне свою колонку, и у меня жесткие сроки, даже некогда побояться, что не смогу. Оправдываюсь, что мне поступил заказ из крупного рекламного агентства, и я мегабайтами поглощаю всю информацию о копирайтинге, что удастся найти. Оправдываюсь, что у меня курсы вождения и йога для душевного равновесия, а еще псина, которая как минимум три раза в день меня выгуливает.

С собакой, кстати, жизнь иногда подбрасывает смешные моменты. Однажды мы гуляем — я по тропинке иду, псина резвится в леске между деревьями, и вдруг подкатывает какой-то весь из себя мужик, думающий, что я прогуливаюсь исключительно чтобы с ним познакомиться. А когда я вежливо намекаю, что лучше бы он шел дальше, с него слетает налет городского приличного и он презрительно и главное громко, на всю тропинку, интересуется: да что я из себя представляю, да кто я вообще такая?! А я как гаркну вовсю: «Звездда!». Сначала он опешил от моего крика, я думаю, а уж когда увидел, кто на него несется...

Кольцо я не ношу, но и не возвращаю пока, пообещала подержать у себя до Нового Года — пусть полежит на полочке. Единственно переживаю: не обокрал бы кто случайно, а то еще придется за фамильную реликвию расплачиваться. Мы даже второй замок в двери поставили, хоть нам, наверное, скоро съезжать: хозяйка так и не дает однозначного ответа, а жаль, мне здесь нравится. Егору тоже не тесно, а главное, его комната — это нечто невероятное. И постеры на стенах, и в честь нашего флага шторы, и ложе для псины королевских размеров — отрывается мальчишка за свое мрачное прошлое в доме брата.

В общем, живем потихоньку. Еще бы снега на Новый Год, а то шлепаем по лужам, в пору поздравлять себя мартовскими тюльпанами. И настроение такое же — хандрическое. А еще Егор вычитал в Интернете, что на праздники климат ничуть не изменится...

Тоска.

Даже дятлы за стенкой не так давят на психику, как погода. Вся надежда на чудо, но

чудес не бывает, так что я лично когда Егор спросил, что подарить, заказала фирменный зонтик. Судя по цене, которую мельком заметила — он вечный.

Я для Егора выбрала несколько прикольных прикидов для брейк-дансеров, но подозреваю, что лучшим подарком стало мое согласие на приезд в гости Рыжего. Хочет показать мальчишке город — пусть, хочет дружить — я не против.

А вдруг я не права и у них все выйдет всерьез и по-настоящему?

Рыжий приезжает в самый канун праздника. Мы с Егором, встретив его на перроне, везем мальчика через метро и трамвай, а когда удивление и восторги проходят, выходим и берем такси. Так быстрее, а мальчишки, по своему знаю, всегда голодные.

Рыжий ест за двоих и пока думает, что я не вижу, подкармливает Звезду моими котлетами. Я, может быть, и притворилась бы подслеповой, если бы кто-то не так громко чавкал у нас под столом. Ладно, главное, что котлеты получились и идут на ура, а к вечеру приготовлю праздничное.

Помаявшись с полчаса в доме, мальчишки просят на прогулку, и так как псину не берут, не по двору собираются прохаживаться явно. Не удержишь все равно — поэтому делаю вид, что серьезно раздумываю, напутствую вести себя прилично и отпускаю. Сама пока по кухне кручусь. Когда возвращаются — голодные и довольные и наперебой рассказывают, какой это замечательный город (надо же, как Егор оживился, будто сам на два дня приехал и ничего раньше не видел), я их кормлю, выслушиваю, отпаиваю горячим чаем с тортом и отправляю с собакой на улицу.

Возвращаются такие чумазые, причем все трое, что с трудом можно различить где кто, если бы у одного не было хвоста, у второго веснушек, а у моего — таких выразительных глаз. Поочередно проходят через процедуры в ванной и сматывают в комнату, откуда не только меня, но, надеюсь, и несносных дятлов, работающих даже в такой день, накрывает громкой волной рока.

У меня все готово и я решаю сделать чайку и себе. Завариваю, беру в руки кружку, делаю глоток, мельком бросаю взгляд в окно и... поверить не могу! На улице кружится снег! Вопреки прогнозам по всем интернетовским сайтам, вопреки клятвам и сожалениям Гидрометцентра — снег! Белый, крупный, как теплые варежки — пушистый. Красотища такая, что настроение восхитительное, какое-то даже умильное, хочется обнять весь мир, поделиться с ним радостью и какими-то детскими воспоминаниями.

Я сообщаю, что идет снег мальчишкам, и они бегут на кухню, суют носы в окна, словно в комнате у Егора ставни закрыты. Переминаются с ноги на ногу, смеются. А я стою за их спинами и тоже непонятно чему улыбаюсь.

— Ладно, — говорю, — идите в зал елку наряжать.

— Елку! — радуются и сбегают, а когда обнаруживают, что у нас только пара шаров да две мишуры, а то все мандарины и конфеты для украшения — только и слышно обертки.

— У меня там все подсчитано! — пугаю их.

Слышу, как шепчутся, еще пару раз шуршат фантиками, и то ли наелись уже, то ли вняли предупреждению, но начинают что-то и на елку подвешивать. А я пока поздравляю своих по скайпу — бабуля у родителей в гостях, так что я вижу всех сразу. Мне на плечи облакачивается Егорка и тараторит и тараторит. Оставляю их поговорить, а пока помогаю Рыжему прикрепить сосульку на вершину елочки.

— А знаете, — говорит он, — сюда бы хорошо подвесить снежинки.

— С улицы тебе принести? — смеюсь.

— Да нет, — мнется, — мы там... вы не могли бы сами посмотреть и если не понравится...

— Где посмотреть?

— Ну, там, — прячет коричневые глаза, — в комнате у Егора, на столе...

Заинтригованная, иду в комнату, и на столе обнаруживаю вырезанные из цветной фольги снежинки. Мои в детстве были из бумаги, максимум из картона, а эти просто восхитительны! Беру их, спешу похвалить мальчишек, почти выхожу из комнаты и вдруг...

Еще ничего не понимая, возвращаюсь, подхожу к столу, выглядываю в окно — все та же слякоть, грязь, уныние, и ни намека на белый снежок.

Иду на кухню, так и прижимая к сердцу снежинки. Егор только что закончил тарыхтеть с моими, что-то мне рассказывает, а я смотрю в окно, на белый снег, на бесконечный снег, крупный, пушистый. Иду обратно в комнату, выглядываю — слякоть. Повторяю проходку на кухню — снег, снег, снег...

— Обалдеть! — выдыхает у меня за спиной Егор.

— Чудеса, — таращится во все глаза Рыжий.

Они за мной, как два хвостика, прохаживались туда и обратно, туда и обратно, и теперь мы делим шок на троих. А потом, наспех накинув куртки, бежим наперегонки на балкон, и вот там-то и понимаем, что чудес не бывает. Не бывает, если ты сам или кто-то для тебя их не сделает.

На козырьке у подъезда стоит на ножках черное чудовище и энергично плюется снегом возле наших окон, а рядом с ним стоит высокий человек в длинной черной дубленке. Курит неспешно и смотрит на те же окна, а потом замечает нас.

Мальчишки хихикают, а у меня ком в горле.

Выхожу с балкона, плотно закрываю дверь, но такое чувство, что я все еще там, на улице, рядом с мужчиной в дубленке...

Вечереет, сгущается ночь, а снег все идет. Несколько раз порываюсь сказать, чтобы не мерз, шел домой, но... не звоню.

Снег нескончаемый, в отличие от моего терпения.

Ближе к двенадцати я надоедаю и себе и мальчишкам хождением по дому, и таки беру телефон. Яр не отвечает, может, не слышит звонок за отзвуками питард и радостных криков?

Выглядываю с балкона — а его нет. Генератор снега стоит бесхозный, работает. Ну да, что это я, думала, что он мерзнет, даже вот пожалела, а он...

И вдруг замечаю какое-то движение на земле, с другой стороны тротуара. Яр? Кажется, да. Склонившись, что-то завязывает, что ли? Или, наоборот, открывает? Не пойму. Щелкает зажигалкой. Свет фонарей неровный, я бы сказала — нервный... или... это я почему-то дрожу?

— Яр... — тихо зову его.

Он, конечно, не слышит.

— Яр! — повышаю голос, но меня перекрикивают визги с других балконов.

Что-то гонит меня, заставляет наспех одеться, что-то несет на улицу. В голове мечется одна непонятная мысль: успеть бы! Я не знаю, что нужно успеть, но спешу, в тапочках, по холодным плитам подъезда, кажется, опять в куртке Егора... Не важно... Все не важно... Я почти выбегаю на улицу, почти успеваю, когда слышу ужасный грохот, будто что-то взрывается, рвется, рвет...

А на улице вспышки. Кривой фейерверк танцует узорами в черном небе.

Рвется, рвется...

А я бегу, хотя знаю, что не успела!

Склоняюсь над Яром, пытаюсь его приподнять, пытаюсь увидеть лицо и боюсь, пытаюсь нащупать пульс на запястье и... не слышу... не нахожу... Возле его головы разливается кровь, я падаю на колени рядом, с трудом приподнимаю голову и не вижу ничего, кроме крови... Мне кажется, он больше не дышит.

— Дыши... — прошу его, и опять ищу пульс. — Дыши, слышишь?

Мне кажется, он не слышит. Мне кажется, он пытается ускользнуть, уйти, мне кажется, я его потеряла. А я не могу!

Не сейчас, когда поняла, что люблю несмотря ни на что, любого, со всем его прошлым и его настоящим. Люблю, когда улыбается. Люблю, когда спорит. Люблю, когда обнимает. Люблю, когда просто смотрит. Люблю, когда спит у меня под боком.

Люблю.

— Дыши! — кричу на всю улицу.

Выскакивают мальчишки. Егор с телефоном в руке, говорит, вызвал скорую, но они приедут нескоро, много объевшихся, много падких на водку, много инфарктов. У меня что-то щелкает в голове, я прошу принести мою сумочку. Он несется, приносит. Я вытряхиваю ее содержимое на асфальт, копаюсь, ищу... а, вот, это он... Пальцы не могут попасть на кнопки и Егор считывает из записной книжки номер, который я думала, никогда мне не пригодится.

Лучше бы не пригодились!

Медсестра, которую хотел поймать боров-врач из больницы... Я знаю, она поможет! Больше никому! Ну, пожалуйста, возьми телефон! Пожалуйста!

Светлана отвечает после второго гудка и, — о чудо, — оказывается рядом, почти в двух кварталах, сейчас словит попутку, возьмет аптечку и приедет. Я говорю спасибо и жду.

Я жду, она успеет, ведь чудеса случаются, верно?

А потом вдруг я понимаю, что не успеет. Она не успеет. Какие попутки в Новогоднюю Ночь? И добежать не успеет. И скорая приедет лишь утром. А он не дышит сейчас!

Не дышит!

Не отпущу! Нет, не отдам! Не позволю забрать!

Смерть хохочет, дождем стучит по плечам, ветром воеет, что все, все кончено. Для него. Раз меня взять не вышло, сойдет и он.

Да пошла ты к черту, костлявая!

Ни черта у тебя снова не выйдет!

— Дыши! — кричу и трясу отчаянно Яра. — Дыши! Пожалуйста! Ну, пожалуйста!!! Ради меня!!!

Я зажмуриваюсь, потому что мне больно и страшно, потому что мне вдруг показалось, что у него приоткрылись глаза, а так бывает, когда...

Не могу... Я не вынесу...

— Э-ла-т-та, — хриплый шепот Яра мне тоже мерещится и усмешка слышится, и что он пытается встать. — Эй, привет, — говорит уже почти бодро, и я понимаю, что плачу, у него на глазах плачу и не могу перестать.

Ну и пусть.

Пусть увидит и все поймет, потому что нет сил больше ждать и сопротивляться, и метаться нет сил. Иногда на сомненья нет времени. Иногда может быть слишком поздно.

Смерть перестает хохотать, удаляется.

Мы успели. Мы все еще вместе, не по разные стороны мира — вот главное.

— Эй, — зовет меня Яр, все же приподнимаясь с помощью побелевших мальчишек.

Обнимает, а я трясусь, как листок на ветру, как испуганный заяц. — Эй, успокойся, ну... я не мог умереть. Не сейчас.

— Ты все врешь, — спорю с ним, — ты почти умирал.

— Я не мог, — повторяет с пиратской улыбкой, — я ведь пообещал тебе чудо.

Когда на одном из светских раутов, где было необходимо присутствие Яра, одна из журналисток каверзно поинтересовалась, как сумела простая провинциалка заполучить одного из самых состоятельных и красивых мужчин, я ответила, что пусть читает мою колонку в прессе, там даже есть список свободных пока еще миллионеров и вдруг и ей повезет. Правда, нужно чуток поторопиться, потому что одного уже охотунали. И тоже провинциалка.

Это мне Яр рассказал, буквально вчера. Назар влюблен по уши и собирается жениться. Простая девушка, знакомы больше двух лет, но так — виделись пару раз, пересекались и только, он не думал, что что-то возможно, хотя она ему нравилась с самого начала. Девушка — лучшая подруга его кузины и даже не в курсе, кто он такой. Думает, что простой работник атомной электростанции — так ей сказала его кузина. А теперь до свадьбы признаваться нельзя, а то Назар опасается, что невеста растеряется и сбежит.

Мы с Яром на свадьбу приглашены, посмеемся, а если что — поможем ловить. Нечего убегать от своего счастья. Жизнь бывает непредсказуемой и короткой.

На двоих оставшихся миллионеров идет такая охота, что некогда отвернуться. У меня информация из первых рук, а уже потом подтягивается глянец.

Кстати, о глянце. Я, как и советовал Егор, начала писать рассказы. Поначалу их никто не брал, так, отсылала на электронные адреса — все, что найду в Интернете — и молчок. Месяц, два, полгода. А потом я попала на форум критиков, самый жесткий и правдивый в сети, выложила туда один из рассказов и получила такой шквал негативных отзывов, что голова пошла кругом.

Все было не так: стиль, подбор слов, ритм, смысл, идея. Я читала отзывы и мчалась быстренько исправлять, потом размещала текст по новой и получала очередной шквал негатива, причем замечания иногда противоречили предыдущим.

Чуть осмотревшись и поостыв, почитав отзывы другим, походив по форуму, почитав статьи и познакомившись с некоторыми жителями форума, я перестала бросаться исправлять рассказ после каждого замечания. Я постепенно, но начала различать, где имхастое имхо, а где объективная критика. Я поняла для себя, чье мнение — жесткое, нелицеприятное, мне помогает расти, а чьи комментарии — пустой выхлоп обиженного жизнью человека.

Через год, отчасти и благодаря пинкам этого форума, один их журналов принял мой первый рассказ. Принял молча, я бы и не узнала, что он вышел в печать, если бы до этого заместитель редактора не написала, что рассказ просто замечательный и, скорее всего, его возьмут после выхода главреда из отпуска. Отпуск по всем подсчетам прошел, но ни слуху ни духу из этой редакции не было. Я отправила рассказ в другой журнал, глянцевого, дорогой, и вот там-то его захотели взять, правда, после нескольких правок.

Мы два дня переписывались с главным редактором глянца, что и как, а потом что-то меня насторожило, и я на всякий случай, чисто интуитивно, написала письмо в предыдущий журнал, что снимаю свой рассказ с заявки, что печатать его не нужно и все такое. Вот тогда-то я и узнала, что он уже месяца два назад как издан.

Они поинтересовались, куда мне отправить деньги, я дала свои данные и номер

карточки, но чувство горечи долго не проходило. Я не стала с ними работать дальше, но и с глянцем не получалось. Главный редактор читала мои новые рассказы, говорила, что они хорошо идут под утренний кофе, спасибо, но... неформат.

Я возобновила рассылку на все адреса, и таки нашла издательство, которое приняло все мои ранние рассказы и попросило еще. Несколько раз знакомые мне говорили, что видели мои рассказы в других журналах — в общем-то, воровство и на этом поприще процветает, но я работаю только с одним издательством. У меня нет времени писать для других журналов, да я и не хочу. Говорят, что на каждого автора свой редактор, так вот я своего нашла.

А еще я начала писать романы. Потянуло на большую форму, стало интересно себя попробовать. Разные романы — и фэнтези, и современные, и любовно-фантастические, но издательства их не берут. Некоторые редакторы говорят, что все неплохо — и стиль, и язык, и сюжет, но сомневаются, что их купят. Некоторые говорят, что читателю нужно попроще, еще попроще, вообще легкотню, потому что читатели пошли нынче ленивые, им думать не хочется. Некоторые просто молчат. Некоторые говорят, что вот если бы эта книга пришла два года назад, ее бы точно издали, а сейчас русский читатель считает, что русский автор должен писать только о русских.

Здесь мы не сходимся, потому что я считаю, что автор, как и любой другой человек, никому ничего не должен. Поэтому пишу то, что хочу, то, что мне самой интересно прочесть, а не то, что могут издать или нет.

К примеру, я написала роман о нас с Яром, правда, многое изменила, чтобы не догадались, кое-где имена, кое-где специально спутала даты. Роман вышел очень большим, на два тома, и когда я закончила первый том, мне уже сказали, что в печать не возьмут. Но я все равно дописала.

Потому что.

Если бы у меня не брали рассказы, я бы, может, и подумала, что графоман и бездарность, как хаят на некоторых форумах. Негатив вылить проще, и, наверное, поэтому его больше, и поэтому некоторые читатели пишут мне на почту, что долго и жутко стеснялись сказать «спасибо».

Люди разные, но правило бумеранга не ошибается.

Поначалу, под влиянием форума критиков, я писала много отзывов, разбирала по косточкам чьи-то романы, рассказы. Но теперь могу это сделать только своим — жестко, не выбирая слов, зная, что никто не упрекнет в зависти, не сломается, а когда понадобится — даст мощный пинок и мне в творчестве. После форума я многое не могу читать из того, что любила раньше, многое меня раздражает, поэтому я редко пишу комментарии. Некоторые из тех, кто комментирует у меня, обижаются, я знаю, что обижаются, потому что ждут, что приду в ответ. Лучше не надо, честное слово.

Комментарии — своеобразная вещь, иногда их накручивают, иногда пишут сами себе, иногда авторы троллят друг друга, иногда мстят за обидки. Но у меня нет лишнего времени, чтобы ходить по нескольким форумам и сначала кричать, а не знает ли кто такого автора, а то вспомнить имя не может? А потом писать, что фуу — плагиат и все такое. У меня нет времени, чтобы реагировать на глупость. Один из главредов посоветовал вообще не размещать тексты в сети, потому что большое искушение нашего народа — плюнуть в кого-нибудь, попытаться сделать свое «я», раз в другом не вышло.

Я говорю ему, что если плюют в спину, значит, я впереди и еще говорю, что когда-нибудь уйду в длительный отпуск и перестану писать романы. Когда-нибудь, наверное, и от

людей, с которыми общаюсь в инете, отвыкну, как они от меня.

Иногда они пропадают, и я думаю не о комментариях, а волнуюсь не случилось ли что? Иногда я даже хочу написать и спросить, но как-то... отчасти я понимаю тех, кто стесняется писать комментарии.

Я стараюсь не привыкать, но пока не очень получается. Правда, романы я уже пишу не так активно, так что...

Гонорары от рассказов гораздо выше, чем платили за сказки. И времени они занимают меньше — от двух дней до недели на обдумывание и часов шесть-двенадцать без перерыва чтобы написать полностью. Большую часть мы с Егором отдаем тем, кому нужнее, оставляем на шпильки и сладости — так, для стимула писать дальше. Он — мой самый первый и привередливый читатель. Он и предложил написать мне о нас.

Роман собрал удивительные отзывы, самые странные иногда я зачитывала вслух. Было весело. Егора кто-то посчитал слишком умным для своего возраста, Яра — слишком ради меня изменившимся, а меня — ни рыбой — ни мясом.

— Интересно, — удивился Егор, — а какие подростки им попадались?! А, впрочем, да, я умный не по годам! Кто бы спорил? Гордитесь!

А мы и гордимся.

— Ты знаешь, — сказал Яр задумчиво, — напиши этим никам, что когда мужчина встречает свою женщину, он сделает ради нее все, даже изменится, если нужно. А что касается рыба ты или мясо... пусть завидуют молча, потому что им никогда, — подчеркни это и поставь восклицательный знак, — никогда не попробовать мое любимое лакомство!

А один из вопросов меня и саму волновал: почему, если вкусы у него и Назара очень схожи, а Яру я больше чем нравилась, он нас все-таки познакомил тогда в кафе?

— Потому что ступил, — честно признался Яр. — Потом пришлось... впрочем... неважно...

Я, конечно, ничего такого в инете не написала, не буду же я говорить, что у героев романа есть прототипы. Некоторым история нравится, некоторые от нее зевают — это нормально. Я сказала в ней все, что хотела. Я поставила точку.

Кстати, те, кто считал Яра слишком размякшим под моим скромным влиянием — ага, как бы не так! Хитрый, продуманный, коварный, словом... типичный миллионер!

В ту Новогоднюю Ночь, которую я никогда не забуду, он попросил меня зайти вместе с ним в его квартиру, мол, переоденется и все такое, возьмет подарки. Я, конечно, и не думала его отпускать одного, даже после беглого осмотра Светланы и заверения, что все с ним в порядке, удивительно, но обошлось.

А он привел меня к моему же подъезду. Поднялся на четвертый этаж. Открыл соседнюю дверь и сказал, заходи, мол, посмотришь, как я живу в новой квартире. Оказывается, это для него стучали молотками дятлы!

— Вот, — сказал, заходя и меня внутрь подталкивая. Мальчишек просить не пришлось — сами влетели. Светлана поначалу топталась в дверях. — Перебрался к вам с Егором поближе.

Заметив, что я пораженно молчу, провел по огромной квартире, уютной квартире, светлой квартире, четырехкомнатной. А перед одной дверью остановился, заглянул в глаза и прежде чем позволить войти, сказал:

— Я очень давно этим не занимался... Последний раз — так, миф, баловство, несерьезно. Сейчас... Я надеюсь, ты все поймешь.

А когда мы зашли, первое, что я увидела когда Яр зажег свет — картины. И на всех нарисована я. Карандашом, маслом. С грустью в глазах. С улыбкой. Я.

— И еще, — сказал Яр после вздохов мальчишек и Светланы, — посмотри на эту стену.

Я посмотрела — стена как стена.

— Если ее убрать, — просветил меня Яр, а глаза так и сверкали азартом, — можно очень удачно совместить две квартиры. Ты сама говорила, что у вас для еще одного жильца тесновато, вот я и подумал присоединиться со всем своим, так сказать.

Присоединился.

Звезда в шоке моталась по комнатам — такой простор, столько раздолья! А когда псина неожиданно выросла в кавказскую овчарку, я уже не бухтела, потому что поняла: Егорка был прав, главное, что собака хорошая.

Кое-что в нашей истории до сих пор остается за кадром и для меня. Я, к примеру, понятия не имею, где Лариса, что с ней и кто тогда ждал ее в машине. О Стасе так ничего и не слышно, хотя Яр утверждает, что тот не приблизится и на сто метров. Макар как в воду канул. Как-то мне показалось, что увидела его у спортклуба, но вряд ли, было темно, зимно, а человек сидел на лавочке, по колено в снегу.

Свекор пытался наладить контакт, но Яр отказался. Я тоже не жажду общаться, а наша дочь Мирослава слишком мала, чтобы переживать о бабушке с прабабушкой по отцовской линии. Хватит ей и моих, и одной прабабушки хватит.

Свекровь грозила съехать, повидать младшего сына и внучку, если позволят, но все никак не может оторваться от мужа и Нидерландов.

Скоро Яр возьмет отпуск и покажет нам какие-то острова. В прошлом году мы ездили отдохнуть в Одессу и, странная штука жизнь, Яр случайно столкнулся на пляже с Натальей, той самой, с рисунков. Она была с Матвеем, и они казались счастливыми: хорошая пара, почти незнакомые люди, но радуешься, как за своих.

Вот так и живем, на пересекающихся параллелях.

А что касается личного... и чего никогда не будет в романе... Секс с человеком, который тебе нравится, секс с человеком, которого любишь и занятие любовью с любимым — совершенно разные вещи, и я рада, что мне удалось узнать эту разницу.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net